

Журнал отечественной словесности
«Вологодская литература»

адресован мыслящей аудитории, имеющей вкус
и осведомленной о высоком предназначении печатного слова,
призванного быть словом правды, добра и любви

«ВЛ» НУЖДАЕТСЯ В МЕЦЕНАТАХ

Выпуск журнала «Вологодская литература» возможен при меценатской поддержке в размере типографского счета. Это около 50 тысяч рублей на печать одного номера

**№5 журнала издан на средства частного лица,
пожелавшего остаться неизвестным**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отложенная презентация «ВЛ»	3 стр.
------------------------------------	--------

Проза

Александр Ломковский БАРАКИ , повесть	8 стр.
Александр Халов НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ ТАКОЕ НИКОГДА , повесть	57 стр.
СПОРЩИКИ , рассказ	75 стр.
СУДЬЯ , рассказ	91 стр.
Николай Толстиков ДЕНЬ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА , рассказ	98 стр.
Игорь Ваганов ТРЕЗВАК , роман Главы 1-16	104 стр.

Сатира

Александр Рулев-Хачатрян ИМПЕРАТРИЦА МЯКСИКАНЕЦ	141 стр. 144 стр.
--	----------------------

Стихотворения

Алексей Николаев ПЕСНЬ О САМОЗВАНЦЕ , историческая поэма	148 стр.
Валерий Архипов ВЫДУМКИ МАГА , лирика	163 стр.
Андрей Наугольный ПЛЕННИК РЕКИ , лирика	166 стр.
Сергей Козлов , лирика	179 стр.
Алик Горели , лирика	187 стр.
Дмитрий Транквилицкий , лирика	189 стр.

Вопросы истории

Алексей Николаев ИСТОРИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ Введение в теорию	193 стр.
---	----------

ОТЛОЖЕННАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ «ВЛ»

Вышел в свет №5 «ВЛ». Пора замолвить слово об авторах. Это в основном пока вологодские авторы, соответственно названию журнала: «Вологодская литература». По мере того, как «ВЛ» будет приобретать известность за пределами Вологодчины, на наших страницах следует ожидать появления произведений авторов из других регионов страны, но приоритет в публикации останется за талантами Вологодчины, довольно щедрой на таланты.

Авторы - это самое дорогое, что есть у журнала, ибо они наполняют его содержанием, а каково содержание - таково и издание. Литературный журнал есть живая связь между писателем и читателем. Истинный писатель пишет для читателя, создавая духовную пищу, жизненно необходимую человеку, независимо от того, хорошо ли сознает себя читатель духовным существом и разборчив ли он в пище с высоким и обязывающим названием литература. Нынче недолго и отравиться в книжной лавке, в чем повинны все не писатели и не читатели, поскольку писателями достойны называться только производители качественной литературы, ну, а читатели находятся в положении облопоженных жертв, когда их пичкают черт знает чем под видом литературы, да знай приговаривают, дескать, каков спрос, таково и предложение, а не хочешь, мол, не ешь. Сертификатов качества для духовной пищи, в отличие от продовольственной продукции, пока не придумано, слишком тонкая это материя, к цехам, производящим ее, нельзя за версту подпускать цензоров с худруками двойного типа: тех, что от политики, и тех, что от бизнеса, обтяпавшего весьма навязчивую индустрию по имени массовая культура, которой нелегко противостоять, как и всякому насилию над духом человеческим, откровенному (типа политической диктатуры) и замаскированному (типа господства дрянного вкуса, самодовлеющей бездарности, доходного ширпотреба, хаоса самовыражения, ярмарки тщеславия, черного квадрата, наконец, этого символа низшей точки декаданса и знамения тотального упадка в искусстве). Говоря довольно скромно и без пафоса, «ВЛ» есть платформа противостояния маскульту в отдельно взятой русской провинции, соответственная масштабом масштабу таланта своих авторов.

Читатель, внимательно (а не по диагонали) ознакомившийся с №№1-4 «ВЛ», весьма проницателен, если содержание журнала напомнило ему ту жажду, с какой угоревший человек делает глоток чистого воздуха. В этой связи символична семейная сага Николая Толстикова «Угар», опубликованная в №3. Здесь не место для обстоятельной литературной критики, отложим ее до другого раза, заметим лишь вскользь, что критик сильно ошибется, если упрекнет зеркало жизни, каковым служит проза Толстикова, как и всякая настоящая проза, в кривизне за мрачноватые тона, характерные для «Угара», да и для «Лазаревой субботы» того же автора (№2). Писательская, она же чистая человеческая, тоска по светлым сторонам жизни вперемешку с горечью от созерцания прискорбных сторон жизни и гиблых перипетий судьбы насельников маленького русского городка изливается меж строк прозы Толстикова в душу внимательного читателя, создавая гнетущее и сострадательное впечатление в строку знаменитой пушкинской реплики на гоголевскую поэму. Боже, как печальны подобные бесчетные уголки нашего отечества и как живуча традиция сострадательной русской литературы, громко заявляющая о себе поныне с пера талантливых прозаиков, зеркально отражающих печали людские и мытарства душ человеческих, дабы душа читателя откликнулась не чем иным, как состраданием. Между прочим, Николай Толстиков - священник, служит в Вологде. В местных писательских кругах это автор небезызвестный, но публикациями он не избалован, и для журнала было большой честью открыть хорошего писателя почтенной публике.

Другое открытие «ВЛ» - Александр Халов. Как! Вы еще не читали «Хлеб»? Скорей найдите №3 «ВЛ» и бросьте дела, сыскав часок, дабы вкусить халовский «Хлеб». Удивительная вещица. Просто бесподобная. Вот только, ради бога, не обращайтесь лишнего внимания на халовскую пунктуацию и некоторые другие формальные прибабахи, ну, вот любит Халов злоупотреблять многоточиями, восклицательными знаками и своевольным

превращением имен нарицательных в имена собственные, простим эту чепуху и возблагодарим писателя за «Хлеб» насущный, коего так не хватало, и вот он свежееиспечен, настоящее произведение искусства, работа мастера, не поскупимся на высокую оценку - шедевр в своем роде, ей-богу, вот прочтите. Халов, кроме того, - мастер по дереву, в чем он и признался во всеуслышание в своем «Мастере» (№3). Проживает под Грязовцем в селении, которое отстраивает собственноручно, неутомимый созидатель, в промежутках между сотворением домов творящий повести и рассказы. В литературном ремесле он уже весьма преуспел, недурственных вещей наберется с увесистый томик, и пора уже читателю близко знать этого писателя, в чем и поможет «ВЛ». А «Милый ненавидимый любимый» вы читали? Если нет, найдете там же, в №3. Прелестный психологический этюд. Вообще сочинениям Халова присущ недюжинный психологизм, бишь, умение залезть глубоко в душу своим героям и даже героиням. Чтобы убедиться, прочтите «Милый ненавидимый любимый». Написано от женского лица и в точку написано, по мнению ряда читательниц. То же касается халовского «Греха», от коего некоторые читательницы застывают в недоумении, дескать, как он мог, не будучи женщиной, сотворить «Грех». Не подумайте лишнего, Халов ничего предосудительного не натворил, так называется рассказ, опубликованный в №4 «ВЛ». Писатель на реакцию читательниц посмеивается, в прошлой жизни-де он, наверное, был женщиной, но никого он тут не проведет, проникновение в женскую душу - это не новость для талантливых сочинителей мужского пола, один Толстой чего стоит. Своим Толстым журнал еще не обзавелся, но Толстиков и Халов - это неплохо для начала и вполне в классическом духе: «ВЛ» - журнал классической направленности, стоит на традициях русской классики и стремится сам быть классическим. О Халове здесь добавим, что иногда, принося жертву психологически важным деталям, он балансирует на грани дозволенного, чему яркий пример - повесть «Не повторяется такое никогда» (№5). Весьма рискованная и одновременно тонкая вещичка. Знаете, в наш порнографический век ключевая сцена этой повести довольно невинна, и язык не поворачивается назвать ее эротической по сути дела, хотя по формальным признакам это то, что зовется эротикой. Судите, впрочем, сами, но дай бог, чтобы все нынешние беллетристы, берущиеся за тему любви мужчины к женщине и женщины к мужчине, соблюдали так, как Халов, меру в описании щекотливых деталей и преследовали при этом творческую цель, не имеющую ничего общего с пошлятиной.

Замолвим пару слов об авторах «ВЛ», уже известных широкой читательской аудитории благодаря книжным публикациям и публикациям в других толстых журналах. Это Александр Ломковский из Вологды и Александр Рулев-Хачатрян из Череповца. Последний - признанный мастер в почтенных летах, вошедший в плеяду лучших прозаиков Вологодчины еще в советское время. Не все нынешние читатели, однако, знают об этом виртуозе художественного слова. Для полноты картины и антологии, создаваемой «ВЛ» касательно современного состояния литературы в наших благословенных краях, произведения Рулева-Хачатряна будут очень кстати на страницах «ВЛ», в согласии с любезным желанием самого писателя. В №4 читатель найдет живейшие картинки из народной жизни, объединенные в целое как записки районного корреспондента, а в №5 - превосходную сатиру в лучших традициях русской школы, тончайшую и остроумнейшую, местами потешную до уморы, искрящуюся, как алмаз, метафорами, сработанными по высшим канонам жанра, просто блеск. Этот автор в особых представлениях не нуждается, да и вообще говоря, текст - вот визитная карточка каждого автора. В предыдущих номерах мы намеренно манкировали заведенным в журналах обыкновением давать сведения о публикуемых авторах. Читатель имел возможность судить об авторах «ВЛ» по первоисточникам - чисто по текстам. Но соблюдем формальности - представим наших бесценных авторов достопочтенной публике в №5, бишь, прямо сейчас, так сказать, в порядке отложенной презентации «ВЛ».

Александр Ломковский наиболее известен сегодня своей повестью «Я - Абакшин!» Вещь действительно хороша и добротна, непременно прочтите, если не читали (№4). Для ценителей появление таких произведений сопровождается радостным чувством - литература жива, вот она, настоящая, добрая, любвеобильная, народная и при этом не массовая, соответственно антагонизму народной и массовой культуры: высокой и низкой: прекрасной и безобразной. Маленький герой этой повести как будто сошел с холста, запечатлевшего душу ребенка, и поселяется в душе читателя на правах ее собственного детства, несмотря на разницу судеб; читатель узнает самого себя маленького, в какой-то идентификации состоит одна из главных прелестей высокой литературы как зеркала человеческой жизни и портрета человеческой души. Вообще герои Ломковского недурно спи-

саны с натуры: сфотографированы в слове. Причем писатель проделывает это совершенно бесхитростно и незамысловато. Повесть «Бараки» (№5) - это целая сага о вологодской пацанве, выросшей на излете советской эпохи. Если вы вологжанин лет 40-50-ти, эта машина времени - для вас, прочтите, перед глазами замелькают, как в кино, типичные, точные и живые картинки и лица вашего города той поры.

Продолжая слово об авторах заодно с беглым обзором журнала, напомним о публикациях особой значимости, остросоциальной. В этом контексте социальное - значит народное. Итак, «Кавказский крест» (№№1-2) и «Дети грозы» (№1). Александр Черняткин, автор «Кавказского креста», - профессиональный репортер. Проживает в пригороде (в Молочном), работает в вологодской прессе. Он несколько лет собирал материалы об истинных героях нашего времени, сложивших голову в горячих точках, в основном в чеченских кампаниях. Созданная Черняткиным Книга памяти состоит из очерков о погибших парнях Вологодчины. Основа - письма с войны, официальные документы, рассказы родных, друзей, сослуживцев. Больше ста имен. Очерки написаны очень просто. Факты, цитаты, реплики с диктофона, никаких авторских соплей, никакого пафоса и официоза. С первых же страниц книга начинает продираться до костей, не каждый прочтет ее до конца. Читая эти очерки один за другим, уже на третьем-четвертом чувствуешь, как сердце начинает щемить, чем дальше, тем больше. Проницательный читатель догадывается, почему «ВЛ» самоопределяется как литературно-публицистический журнал и что подразумевается в «ВЛ» под публицистикой вперед всего прочего в общем определении публицистики.

«Дети грозы» - военная повесть, написанная женщиной и потому вызывающая скепсис у некоторых придирчивых читателей, посвященных в военную тему. Напрасно, господа, напрасно. Нина Ефремова - женщина особенная и многосторонне одаренная, в том числе в части способности к сочинительству, причем сочинительству на документальной основе, почему повесть и опубликована под рубрикой «художественная документалистика». Нина Ефремова - подполковник милиции в отставке, специализация - угро. О чеченской кампании, как и о псковской десантуре, знает не понаслышке, а из гущи событий. Главный герой не вымышлен, прототип жив-здоров. Высшей оценкой повести для Ефремовой стал благодарный кипиш десантуры на квартире автора в честь выхода «Детей грозы» в свет. «Дети грозы» открывают весь ряд публикаций «ВЛ», открывая №1 журнала, и в этом есть, если угодно, программный символизм, отражающий философию «ВЛ» как журнала не только интеллектуального, но и народного, адресованного не только ценителям, но и широкой способной думать и читать аудитории (обществу: народу), противостоящего не только массовой, но и всяческой дешевке, эстетской, элитарной, богемной, поповой, респектабельной, тусовочной, официозной, графоманской, софистической, псевдоученой, etc. «Дети грозы» сочетают в себе художественный, философический и публицистический элементы. Это - литературное дополнение к «Кавказскому кресту», сеющее мир (добро) через понимание войны (зла). «Дети грозы» - литературный документ о военной трагедии народов, о самой острой социальной проблеме в современной истории России. Какие бы то ни было огрехи этой военной повести, написанной женщиной, с лихвой окупаются социальной значимостью - народностью произведения, совершенно незлобиво и, между прочим, мудро. Ни русский, ни чеченец не скажет, что эта вещь вбивает мало-мальский клинышек меж народами, вот такой и должна быть военная повесть.

А как вам роман-эссе «На роду написано» (№№2-3)? Вещь специфическая. Вызвала кое-какие отрицательные реакции, о коих здесь неуместно распространяться. В числе одобрительных оценок есть и восторженные отзывы. Люди вовсе не глупые говорят: это очень интересно. Еще бы! Затронуты фундаментальные пласты русской культуры в диапазоне от начал отечественного ренессанса до наших дней. Музыка и литература - как тесно, оказывается, они сплелись на древе нашей цивилизации. И смотрите-ка - в этой культурной глыбе, в этом колоссе национальных основ нашлось достойное место представителям нашей малой родины, Вологодчины. Не будем, однако, тешить провинциальное самолюбие, а просто будем сознавать себя культурной частью своей страны, как сама она часть мировой цивилизации. Автор, Александр Алексичев, живет в Вологде, он уже в преклонном возрасте, в прошлом газетчик. Историко-публицистическая вещь Алексичева - крепкий и замысловатый орешек, обреченный на разнотой мнений и реакций. Что ж, там, где заводят дуэт история и публицистика, жди диссонансов.

Перечислим остальных авторов «ВЛ», сначала что касается прозы. Все авторы очень дороги журналу. Да не обидится из них никто за то, что в этой презентации одним уделе-

но больше внимания, чем другим. Разбор каждого произведения, опубликованного в «ВЛ», - это целая история и дело литературной критики, заставляющей себя ждать и должностующей быть философией литературы и литературной публицистикой, говорящей не столько о конкретных произведениях и авторах, сколько о проблемах жизни, затронутых авторами в своих произведениях. Антон Янковский - автор автобиографического романа «Австралийский связной» (№1). Трогательная вещь, вполне отвечающая духу журнала. Автор молод, проживает в Вологде, работает в местной прессе. Нина Веселова, живет в деревне, - автор очерковой трилогии под общим названием «Повенчаны навеки» (№2). Прекрасные очерки деревенской жизни, проникновенные, меткие в деталях, написанные с неподдельной любовью к героям, достойным любви и даже преклонения. Анастасия Астафьева, вологжанка, - автор смелой документальной драмы «Письма к отцу» (№3) и милой повести в рассказах «Июньский снег» (№4). Радует, что в «ВЛ» весьма значительно и правдиво представлена тема детской души, истока взрослой души: «Австралийский связной», «Хлеб», «Я - Абакшин!», «Июньский снег». Лидия Кузьмина, вологжанка, - автор рассказа «Заслонушка» и сказок (№4). Автор отлично владеет жанром сказки и народным языком. «Заслонушка» - прелесть, согласитесь, а как вам понравился Тузик? Рядом с «Заслонушкой» помещен рассказ «Спасибо», автор - совсем молодая и потому многообещающая череповчанка Елена Бжания. В №4 блоком стоят три, с позволения сказать, «демографических рассказы»: «Грех», «Заслонушка» и «Спасибо». Тема - животрепещущая и славно разработанная тремя разными авторами. В числе очень молодых и, стало быть, многообещающих авторов - Наталья Усанова из Харовска, проживает в Вологде, в «ВЛ» опубликованы рассказ «Каменный бог» (№2) и сказка «Местная святая» (№4), не по годам грамотные вещи. Александр Шестаков, череповчанин, - автор сатирических вещей «Олух», «Ведмедь» и «Нитуп» (№1). Добротная сатира. Остроумная, искрометная, живая, смешающая. «Ведмедь» - уморительный и простонародный. «Олух» и того лучше, кое-кто должен посмеяться в строку «Ревизора»: «Над кем смеетесь?» Игорь Ваганов, из Череповца, - автор романа «Трезвак» (начало в №5). Фотографическая вещь, реалистический документ эпохи, документальная проза, весьма ценное произведение, хотя лишенное особых художеств, да оно и не нуждается в них, будучи повествованием, близким к жанру дневника: записки очевидца. Людмила Прокопенко, из Вологды, - автор рассказов «Бабка Агафья» и «Аргошка» (№1). У некоторых впечатлительных читателей первый рассказ, такой маленький, на две странички, прошиб слезу. Алик Горели, живет в Тотме, - автор рассказов «Смотритель» и «Церкви умирают стоя» (№4). Очень даже неплохо. Слог отменный. Мысль ищет глубины. Владимир Самохин, вологжанин, - автор киноповести «Солнцестояние» (№1). Текст - нечто в своем роде. Слог слишком хорош для сценария. Замысел крупномасштабен. Павел Шабанов, работает в вологодской прессе, - автор исторического расследования «Полет овода» (№1). Любопытный текст, хотя на грани непозволительного эпатажа. Любовь Филатова, из Липина Бора, - автор неслабого для пробы пера рассказа «Чаша Сандулии». Перейдем к стихотворчеству.

Ох уж эти поэты и ах! Спасу нет от них. Бродят толпами и поодиночке и везде рассовывают свои вирши, в основном никудышные, хоть бы в антологию мировой поэзии заглянули, сравнили свои перлы с тамошними. О, поэты! Как хорошо, однако, что вы есть, потому что без вас проза задушит. Почему человеческая душа жаждет говорить стихами и обращаться к другой душе посредством виршей нараспев? Что за связь между душой и душой заключена в рифмованной и певучей речи? Не есть ли стихотворная речь способ мышления и познания? И весьма ценный способ, как заглянешь в мировые шедевры. Нет, изгнать поэтов со страниц журнала - это все равно что опустить паруса. Дело за фильтром. Ведь журнал - это фильтр, отделяющий зерна от плевел и должностующий аккумулировать на своей ниве зерна талантов, дабы получить на выходе роскошный урожай в виде разборчивой, образованной, культурной, мыслящей аудитории. Обратный результат - свидетель господства плевел, соответственно дрянных фильтров, издательских и рекламных, выступающих в роли монстроидальной цензуры, а не сеятеля. О, поэты, не все потеряно, если не потеряны вы, но сами себя не потеряйте, перестаньте страдать попсовой болезнью (звездной) и злиться на мир, как будто ему больше нечего делать, как только купать вас в овациях. Помилуйте, с чего бы такая честь, братцы? Где ваши Илиады, Энеиды, Махабхараты, Рамаяны, Хамсе, Шах-наме, Нибелунги, Гамлеты, Сиды, Дон-Жуаны, Фаусты, Онегины? Это начало очень длинного ряда, перечислять дальше, чтоб маленько усостить слишком гениальных? Не смешите небо и людей, взыскуя аполлоновых венков за пару сносных стишков порядком ниже уровня

третьесортных стихотворцев эпохи расцвета персидской поэзии, с коими равнял себя автор Фауста. Старик маленько лукавил, но это хрестоматийный пример творческой скромности. О, поэты, нескромность - ваш злейший порок, но он простится вам, если после вас останутся парочка шедевров, сколь угодно малых. Маленький шедевр перевесит пустопорожние тома, поэтому в «ВЛ» всегда найдется место для виршей, пусть не шедевральных, но не бездарных.

Что там у нас уже опубликовано? Начнем-ка с Сергея Козлова, вологжанина: драматическая поэма «Казнь иллюзий» (№4) и лирика (№5). Лирика весьма своеобразная и не очень-то похожая на лирику, тяжеловесная, местами забористая, хлесткая и железная, это хорошо, если умело. Стиху иногда не помешает быть тяжелым и железным, брошенным в лицо, но не забудем иметь в виду образец, лермонтовский, например. «Казнь иллюзий» внушает оптимизм. Поэм нынешние поэты вообще не умеют писать, кишка тонка, а эта вещичка около дела. Язык самобытен и наполнен мыслью. Андрей Наугольный, вологжанин, - «Пленник реки», «Пленник огня», лирика (№5). Японские изыски превосходны, сделаны мастерски. Лучшая лирика Наугольного - крик души и даже плач души по себе, местами покаянный, местами окаянный, при этом умелый и умный. Берет за душу излитая в виршах неподдельная драма отдельной человеческой жизни (авторской), чреватая срывом в трагедию, причем типичным для творческих натур. Талант Наугольного подогрет начитанностью и образованностью, не слишком присущей сегодняшней пишущей братии, зачастую плохо себе представляющей, что написано в мире до них. Светлана Станевич, из Вологды, - автор любовной лирики под общим названием «Я праздную свободу» (№4). Это действительно любовная лирика. Искренняя, страдальческая, без позерства. Вообще лирика - это излияние души в слове, иначе это не лирика. Лирикой обычно близко не пахнет в так называемом самовыражении, каким занято подавляющее большинство современных творческих субъектов, исчисляемых, наверное, уже миллионами под луной и зачем-то помпезно называющих себя поэтами, как будто запрещено рифмовать, не будучи прирожденным стихотворцем, так, для себя или для узкого круга. Ох уж эти поэты, дай им волю, всем рот заткнут и узурпируют всеобщее право выражаться в стихах. Заметим кстати, что для публикации стихов в «ВЛ» называться поэтами совершенно необязательно, достаточно назваться по имени, лишь бы тексты были приличного уровня. Уровень лирики соответствует, с одной стороны, уровню мастерства (владения искусством стихосложения, чем нынче мало кто владеет мастерски), с другой стороны, силе излитых чувств, глубине переданных переживаний, высоте отраженных состояний души. При требовании единства формы и содержания, главное не форма, а содержание, поэтому и у самых выдающихся мастеров не так много удачной лирики, как можно было бы ожидать, и зачастую их блестящая по форме лирика - пустышка и ни капли не трогает, потому что малосодержательна. И наоборот: далеко не любимец муз, едва-едва сводящий рифмы и знать не знающий о размерах и стопах, может написать отличный лирический стих, песню, если душа очень запросится на бумагу и запоет, и возможно, эта песня станет народной. Ввиду такого порядка вещей в природе стихотворства, «ВЛ» ждет ценных творений от любого, кто кропает вирши. Для всех произведений, принимаемых и не принимаемых к публикации, действителен принцип: к делу имеет отношение текст и только текст: смотрим чисто по тексту, а не по званиям, регалиям, протекциям, известности, неизвестности и прочей чепуховине, не имеющей отношения к чистому творчеству. Причем «ВЛ» приветствует всякое истинное творчество в неограниченном жанровом и тематическом диапазоне от предметов изящной словесности и публицистики до предметов науки и философии. Презентация, однако, исчерпана, закругляемся. Женская лирика, особенно любовная, имеет свою особливую прелесть. В архиве «ВЛ», кроме стихов Светланы Станевич, имеется еще кое-что ценное в этом роде: лирика Татьяны Алешиной, вологжанки (№1 и №3), Ирины Карелиной, череповчанки (№1), Людмилы Прокопенко (№1), Любви Филатовой (№2), Нины Веселовой (№4). В числе авторов «ВЛ» также Борис Гуляев (№№2-3), Константин Павлов (№3), Борис Грабовский (№2). В №5 читатель найдет кое-что замечательное и местами шикарное за авторством Валерия Архипова, давно заметного на местном Парнасе.

Все авторы представляют Вологодчину, за одним исключением - Дмитрий Транквилицкий из Москвы (№5).

Александр ЛОМКОВСКИЙ

БАРАКИ

Повесть

Как можно навредить соседу при помощи гвоздя и куска колбасы

Очередь волновалась и гудела. Весь задний двор магазина был забит до отказа, и сотни четыре человек упорно стояли под нудным мелким дождиком. Невдалеке, над подъездом домоуправления, уныло хлопал на ветру оторвавшийся от своего крепления угол кумачового транспаранта: «30-летию Великой Победы - достойную встречу!» Толпа напряжённо ждала. Казалось, что достаточно всего одной искорки, чтобы взорвать изнутри эту пороховую бочку спрессованного народа. И эта искра не заставила себя долго ждать.

- Халява! Куда прёшь вне всякой очерёдности? - здоровенный мужик с испитым лицом, на котором там и сям виднелись ямки от оспы, проворно ухватил за шиворот небольшого мужичонку, юрким ужом ввинчивающегося в толпу.

- К зене. Зена у меня тама стоит, - шепелявя, заоправдывался мужичонка. - Пусти, говорю! Вис, здоровый какой...

Нахальный коротыш, похоже, не понравился здоровяку. Он уже начал поднимать свой пудовый кулачище, но его вовремя остановила какая-то женщина:

- А вроде это Паисий Сусликов с первого кирпичного... Ты бы, Иван, поосторожнее. Тут половина ихних - бараковских. Смотри, бока наломают!..

Иван крепко призадумался, но мужичонку всё же отпустил. Тот обогнул нескольких человек и уже с безопасного расстояния крикнул своему обидчику:

- Козёл такой!

Иван рванулся к нему, но его удержали.

- Не связывайся - себе дороже!

И верно: через толпу, уверенно прокладывая себе путь плечами, приближались к месту стычки трое здоровых мужиков.

- Что за шум, а драки нет? - весело поинтересовался один из них, кося на Ивана небольшим цыганистым глазом.

- Погодь, Рафаля. Щас будет... - гулко, словно из бочки, прогудел второй.

Почувствовавший поддержку Сусликов заскакал вокруг мужиков, словно тот самый козёл, которым он сгоряча обозвал обидчика.

- К зене, к зене не пускают! По какому-такому праву? Она там у меня в осереде стоит. Ты зе, Вася, видел.

Страсти потихоньку разгорались, и неизвестно, чем бы могло это закончиться, если бы во двор магазина не въехал в это время жёлто-канареечный милицейский «УАЗик».

- Ого! - удивились в толпе. - Глянь-ка, уже и «друзья» прикатили. Неужто вызвал кто?

- Да нет, - авторитетно заявил некто в шляпе. - Просто проверка. По плану, так сказать...

- А, Чайников! - радостно загоготали за спинами. - Тебе всё бы только по плану! Небось, и с женой по плану спишь?

- Нет, оне партийные, - зубоскалил кто-то невдалеке, - а им, партийным-то, нельзя с жёнами спать. Для них партия на первом месте!

Все радостно засмеялись. Напряжение, охватившее к этому моменту толпу, спало.

Сконфуженный Чайников начал зло чиркать спичками, пытаясь прикурить папиросу. Мужики, пришедшие на выручку Сусликову, тоже закурили и отправились на прежнее место. Иван зло посмотрел им вслед.

- Ничего... Ничего, робяты. Ещё повидаемся. Посмотрим уж тогда...

В стороне, за сарайками магазина, спрятавшись от взрослых, на деревянных ящиках сидели два черноволосых тринадцатилетних пацана и курили подобранный где-то чинарик. Один из них был высокий и худощавый, а второй маленький и крепкий.

- Твой во сколько встали? - спросил тот, что повыше.

Крепыш сплюнул сквозь дырку от выпавшего зуба, почесал толстую румяную щеку и нехотя ответил:

- Часа в четыре, может. А вы давно тут очередь заняли?

Высокий затынулся чинариком, обжёт себе пальцы и, ругнувшись, бросил окурочек на землю.

- Да мать на три будильник с вечера ставила. Потом её батя сменил, а потом и нас с братаном подняли. Уже целый час здесь мокнем.

- Вам-то кто сказал?

- Да... - неопределённо махнул рукой высокий. - Игоряхина мать пришла. Она и толковала, что на «Горе» масло на майские выкинут. По полкило на рыло.

- А позекай - почти всё Ковырино сюда припёрлось.

- А ты вспомни ещё Восьмое марта... За колбасой стояли.

- Ага. Тогда очередь ещё больше была. Прямо за угол хвост поворачивал.

Некоторое время оба помолчали.

- Слышь, Алик, - наконец нарушил молчание крепыш, - вчера Чайник мне пинков на- давал...

- Ну? - удивился высокий Алик. - За что?

- Да я кошелек с дерьмом на тротуар подсунул - кто и поднимет? - а тут Чайник с работой шёл. И повёлся на кошелек. Я едва из огорода слинял. А он, гад, запомнил меня и вечером пропал.

- Сволочь, - процедил сквозь зубы Алик. - Но ты, Карлсон, не расстраивайся. Отомстим.

- Как? - сразу заинтересовался крепыш. Он и действительно здорово напоминал Спартака Мишулина в роли Карлсона.

- Да мало ли способов есть... - неопределённо протянул высокий. - Кстати, Чайников тоже здесь. У него очередь где-то во второй сотне.

В это время за сарайки завернули ещё два паренька примерно того же возраста.

- О, свинтусы бараковские, - удивились они. - Наше место заняли...

Драка была короткой и жестокой. Через минуту посрамлённые обидчики, размазывая по щекам злые слёзы, куда-то убежали, видимо, за подкреплением.

- наших-то много в очереди? - тяжело дыша, поинтересовался Карлсон. Потом снял с кулака свинчатку на ремешке и спрятал её в карман коричневой болоньевой курточки.

- Да почти все тут, - буркнул Алик, осторожно массируя щеку. - Во, наверняка синяк будет! - как будто даже радостно сообщил он. - А наших пришло доплатно: Мотор, Стрижи оба, Казаки - Колька и Лёха, да почти все. И большие здесь - у подъезда стоят. Шиш там местные сунутся, - тут он опять потрогал щеку и уже как-то изумлённо произнёс: - Во гад - зацепил нормально. Ну, я его запомнил! Ой, и тошно же ему потом будет!

- Им тоже досталось, Арижич, - сказал Карлсон. - Пойдём кодлу собирать? До открытия как раз подрасться успеем.

- Нет! - Алик о чём-то призадумался. - Раз все бараки здесь, то дома никого и не осталось...

- Ну? - не понимал Карлсон.

- Сейчас узнаешь. Пойдём Шмагина искать...

... - Вот, классная и оставила меня после уроков. А кастет трудовику отдала - на переплавку, говорит. Он же из свинца.

Тут же раздался нарочито громкий хохот.

- Куда? На переплавку?! Ну, Шмага, ты и заливала! А дальше?

В проходе между двумя пятиэтажными домами, в одном из которых находился магазин под номером сорок пять, в просторечии именуемый «Гора», а в другом крепко обосновалось домоуправление и общежитие кирпичного завода, стояли несколько ребят пятнадцати-шестнадцати лет. Все они с увлечением слушали долговязого сутулого парня со светлыми волосами. Тот, явно гордясь всеобщим вниманием, продолжал рассказывать,

то и дело зыряка по сторонам хитрющими голубенькими глазками.

- Я, говорит, буду тетрадки проверять, а ты бери тряпку с ведром и мой пол в классе.

- Ну-ка? - удивились парни. - И как - мыл?

- Чо я, пониже пояса, что ли, раненый? Я ведро с тряпкой притащил, да и упал в обморок как бы. Класснуха мне по щекам нахлестала, полила, как герань из графина, - и отпустила домой.

Все опять засмеялись. Но Шмагину - вралю известному - не очень-то и поверили. Всё время наплетёт такого, что просто не знаешь - верить ему или же нет. Как раз в это время из-за угла высунулись Алик и Карлсон.

- Эй, Серёга, - издали начали они. - Тебя там батя в очередь зовёт.

- Зачем? - сразу же насторожился Шмагин.

- Не знаем... Найдите, говорит, Серёгу.

- Сейчас приду, - отозвался тот.

- А у нас отец стоит? - обратился один из парней к Алику.

- Ага. Они с мамой почти в начале.

- Ну, ладно. Далеко не уходи. Чего щека-то оцарапана?

Но за Алика ответил Карлсон.

- А мы тут сейчас с местными перемахнулись. Накостыляли им - только вьёт!

- Во, Лёнька, братан у тебя! - засмеялись пацаны. - Молодец! Скоро они с Андриюхой-Карлсоном всё Ковырино зажмут!

- А точно, что с местными? - не успокаивался Лёнька. Откинул движением головы назад длинную русую чёлку, закрывавшую светлые глаза, и строго посмотрел на младшего. - Как бы разбор не вышло.

Алик засунул руки в карманы старенькой вельветовой курточки и с каким-то даже пафосом произнёс:

- Чтобы Арижин не мог отличить... - но договорить не успел - парней так и гнуло от смеха.

- Смотри ты - такой маленький, а уже Арижин!.. До Арижина-то ещё дорости надо!.. И отличалка у него уже работает!

Алик обиделся, сплюнул себе под ноги и, гордо насвистывая, удалился за угол. Сюда же подошли и Карлсон со Шмагиным. Последний хотел, было, протиснуться в очередь, но Алик удержал его за рукав пиджака.

- Серый, тормозни малость...

Карлсон с явным уважением посмотрел на друга: как легко он обращается со старшими! С «большими», как они их называли. Да и ещё бы! Иметь старшего брата, который «в авторитете» не только в бараках, но и за их пределами - мечта любого школьника. А Алик из всех своих сил стремился походить на своего старшего: научился независимо сплёвывать под ноги, так же в школе грубил учителям, так же носил руки в карманах, читал те же книги, и даже в ущерб своему любимому «Локомотиву» (очень уж младшему Арижину нравилось это мощное и вместе с этим независимое слово - «Локомотив»), начал болеть за «Спартак». Но старший не очень-то и обращал внимание на потуги младшего. Легко мог отправить его в сарайку за дровами не в свою очередь или же на колонку за водой. Естественно, что маленький Алик злился, начинал «качать права», за что и получал свою законную порцию «лещей». После очередной взбучки он кричал, что «видел он лёнькин «Спартак», да и его самого в придачу в одном месте» и убежал к друзьям. Но к вечеру обида проходила, и они, как ни в чём не бывало, долго болтали перед сном в своей маленькой комнатке. В школе же старший Арижин за брата заступался, благодаря чему Алик «садил понты» налево и направо, а вместе с ним, соответственно, и все его друзья. И вообще: ковыринских в школе микрорайона ГПЗ боялись - микрорайон был новостройкой, знали все друг друга ещё неважно, и прочных, устойчивых связей между ребятами не было...

- Чего тебе? - спросил Шмага. Его голубые глаза внимательно рассматривали младшего Арижина.

- Наврали мы про батю. Нам ты нужен.

- Зачем?

Алик вместо ответа взял двумя пальцами рукав пиджака Шмаги и слегка помял материал.

- На фигу ты, Серёга, в костюме шлёндаешь? Все вон в курточках ходят...

- Болван! - заругался Шмага и слегка хлопнул ладонью по руке Алика. - В костюме ходить - это чётко. Это красиво. За этим, что ли, и звали?

- Не, это так. Надо Коммунисту подяну кинуть, - ответил Алик. - Он вчера спецом Карлсона пас, а потом пенделей навешал.

- Гм, - призадумался Шмага. - Где он?

- Да здесь они все. Хоть он и депутат, а масла-то хочется.

- Гм, - опять повторил Шмага. В его хитрой голове сразу же начали роиться десятки разнообразных планов. Замастырить подянку всегда приятно, а уж тем более Гене Чайникову, которого в бараках никто не уважал, потому что он был чуть ли не единственным партийным и, гордясь своей принадлежностью к партии, совал свой длинный нос, куда его вовсе и не просили. К тому же он был народным заседателем в суде и совсем недавно пролез в депутаты.

«Нет, - лихорадочно размышлял Шмага, - такой случай упускать никак нельзя. Пока Коммунист со всей семьёй стоит в очереди... Решено!»

- Вперёд! - скомандовал он Арижину и Карлсону. - Магазин ещё через сорок минут откроется. Так что успеем.

Минут через десять они уже подходили к баракам. Это были приземистые одноэтажные строения, в каждом из которых находилось примерно по двадцать пять комнатёнок и одному общему туалету. Всего их было около пятнадцати, и занимали они целый квартал. Построены бараки были по плану на десять лет, но простояли уже около двадцати, и сносить их ещё никто не собирался.

По дороге Шмагин объяснил свой план: им было необходимо снять с цепи злоющего Полкана, который сидел в своей конуре возле сараек.

- А потом заведём его в комнату к Чайнику - и в магазин, - посмеиваясь, говорил он. - На всё про всё - пять минут!

Но в пять минут уложиться не получилось. Сначала Полкан никак не хотел подпускать их к себе, так что Карлсону пришлось бежать домой за куском колбасы. Шмага с удовольствием попробовал колбасу, признал, что она не отравлена, и с великим сожалением бросил остатки злему церберу. За те несколько секунд, пока пёс расправлялся с неожиданным подарком, Арижин, под непосредственным руководством Шмаги, который благоразумно держался вдалеке, успел отцепить карабин с цепи ошейника. Почувствовав долгожданную свободу, пёс сразу же рванул к находившейся невдалеке помойке, чьи ароматы, при соответствующем ветре, не раз будоражили его небогатое собачье воображение. Он с ходу, по самые уши, забрался туда и начал с удовольствием чем-то чавкать. Карлсону пришлось бежать за следующим куском колбасы и героически заманивать вечно голодное животное в барак. Шмага, тем временем, попытался найти ключ от комнаты Чайникова: посмотрел под керосинкой, приподнял половик, пошарил на притолоке над дверью. Ключа не было. Тогда он, недолго думая, вытащил откуда-то из кармана пиджака обычный гвоздь и, чуть поковырявшись в замке, толкнул двери. Они, к великому изумлению Алика, открылись. Шмага, зайдя к Чайникову, начал открывать все столы и шкафчики, в которых могли храниться продукты. Потом сюда же зашёл и Карлсон, с высоко поднятой рукой, в которой находился кусок колбасы. Полкан высоко подпрыгивал и щёлкал зубами, пытаясь вместе с колбасой заодно отхватить и пальцы Карлсона. Тот даже вспотел и, наконец-то зайдя в комнату, быстро кинул колбасу в обширное чрево низкого кухонного стола. Пёс серой молнией метнулся следом. В столе зазвенели какие-то банки, что-то начало вываливаться на пол, но пацаны не стали дожидаться окончания зрелища, а быстро выскочили в коридор и захлопнули дверь.

- Чинно! - выдохнул Шмага, ковыряясь в замке гвоздиком. - Вы мотайте к магазину, а у меня тут ещё одно дельце есть.

Довольные Карлсон с Аликом убежали, а Шмага быстро прошёл в следующий барак. Подойдя к одной из комнат, он в точности повторил те же действия, что и у комнаты Чайникова: приподнял половик, проверил притолоку, заглянул под керосинку, перевернул несколько сапог, стоящих в коридоре. Ключа не было, а гвоздь из кармана против английского замка был бесполезен. Шмага вышел на улицу и в задумчивости остановился. И вдруг, совершенно случайно взгляд его упёрся в открытую форточку заветной квартиры...

Рафаля шутит над партией, а Алик «открывает» для себя Есенина

К вечеру дождь кончился, но небо всё ещё было затянуто серой липкой плёнкой туч. В воздухе густо висел тот непередаваемо весенний аромат клейких тополиных листьев, которые только-только начали пробиваться из почек. Тополями была засажена вся Буль-

варная улица, протянувшаяся вдоль бараков. Хотя, в общем-то, улица уже больше десяти лет носила название Гагарина, но бараковские старожилы называли её по-прежнему. И согласитесь: есть что-то загадочно-притягательное в этом названии - Бульварная. Если встать в самом начале улицы, там, где справа торфяное болотце и автобусная остановка, а сзади железнодорожная линия и переезд, и посмотреть вперёд, то взору открывается совершенно удивительный пейзаж: прямая, как стрела, перспектива, с обеих сторон которой высятся тополя. И так до самого стадиона. А там Бульварная заворачивает чуть влево, огибая старый барский дом, в котором раньше находились службы крупнейшего негоцианта Ковырина, а сейчас уютно расположилась вечерняя школа. Сам барин жил чуть подалее - в огромном особняке на Лечебной улице. От школы до рабочей столовой, которой заканчивались бараки, улица шла снова прямой и, опять же, обсаженной тополями. Снова змейка поворота налево и опять тополя - теперь уже до самого кирпичного завода, где и работал почти весь бараковский люд.

На парадном крыльце одного из бараков сидели на корточках оба Арижиных и Шмага с гитарой. На тротуаре прыгали через скакалку две подружки - Маринка и Светка. Тут же на скамейке неторопливо попыхивали папиросками несколько мужиков.

- Чайникову-то, слышь-ка ты, сорок ведь укулов прописали, - ухмыльнулся Володя Шмагин. - От столбняка, говорит.

- Мало, - убеждённо отозвался Рафаля Копытов, почёсывая рыжеватуую полукруглую бородку.

- Да нет. Это курс лечения такой - по сорок укулов. Вот, помню, у нас в армии...

- Мало, говорю, покусал его Полкан, - перебил его Рафаля. - Надо было ему... - тут он что-то сказал вполголоса, чего напрягавшие слух пацаны не расслышали. Мужики так и зашлись от хохота. Шмага подтолкнул младшего Арижина в бок локтем и слегка подмигнул ему. Тот довольно заулыбался. Тут на крыльцо, слегка прихрамывая, вышел и сам Чайников. Правая рука у него была перебинтована.

- Володя, дай прикурить, - подошёл он к отцу Арижиных.

- Ага, инвалид! - опять засмеялись мужики. - Ну, как?

- Чего? - не понял тот.

- Расскажи, как пса выгонял, а?

- Да обыкновенно, - пригладив густую чёрную бровь пальцем перебинтованной руки, начал рассказывать не заметивший подвоха Чайников. - Я ему пинанул, скотине, а он в ногу и вцепился. Я его за ошейник было, а он, гад, - за руку... Перевернул всё в комнате, борщ пожрал, котлеты...

- Не так гнать надо было, - серьёзно сказал Рафаля.

- А как? - не понял Чайников. - Кочергой, что ли?

- Во темнота! - восхищённо выдохнул тот. - Кочерго-ой... Ещё чего! Надо было ему «Капитал» Карла Маркса почитать - он бы и проникся. На задние лапки встал бы и ушёл в конуру...

Мужики довольно заржали, а Рафаля продолжал:

- Сдал бы он тебе кандидатский минимум и стал бы среди собак первым партийным. Вот как надо, а ты говоришь - кочергой. Кочергой, брат, только черти в аду шуруют, да Шмагин с Арижиным на заводе. Потому как - обжигальщики. Специально, между прочим, в Ярославль на учёбу ездили...

Мужики от смеха уже схватились за животы.

- А стал бы он партийным Полканом, он бы тебе и котлеты вернул съеденные. С помычки бы натаскал...

- Не шути над партией! - неожиданно тихо и зло проговорил Чайников. Смех сразу же оборвался. - За это и угодить можно.

- Да ладно тебе, - стусевался Копытов. - Мы же не со зла. Так, посмеяться. У меня же, знаешь, как язык потащит - то никакого удержу на него нет. Не обижайся.

- То-то же, - обрубил Чайников и яростно затоптал окурок. - А найду, кто пса запустил - все ноги переломаяю!

Шмага опять подтолкнул Алика Арижина в бок и одними глазами показал ему на ноги. Тот, на всякий случай, запрягал их поглубже под себя. Чайников ушёл. Притихшие было, мужики опять загудели.

- Как он есть партийный, то надо было ему двойной курс укулов пазгануть... за себя и за партию!

Настроение было крепко подпорчено, и чтобы хоть как-то его приподнять, решили скинуться на бутылку. Посчитав несколько мятых рублёвок и мелочь, причём Володя

Шмагин достал рубль из-под стельки тапки, мужики отправили за водкой Колю Макарычева - как самого молодого и к тому же ещё не женатого. Алик Арижин удивился извлечённому из тапки рублю и вопросительно посмотрел на Шмагу: видел ли? Тот еле заметно кивнул головой - от его цепких глазок ничего не укрывалось. Быстро сбежав в соседний барак, где бабка Поля продавала в вечерние и ночные часы водку по пять рублей за бутылку, - а это намного лучше, чем брать по семь рублей у таксистов, - Коля вернулся с вытаращенными глазами.

- Чего это с тобой? - поинтересовался Володя Шмагин. - Глаза-то вставь на место, а то потеряешь!

Коля сел и, достав из внутреннего кармана пиджака бутылку, ловко сорвал с неё пробку зубами. Потом поставил её под скамейку и ушёл в барак.

- Странный какой-то... - недоумевали мужики.

Через минуту Коля вернулся со стаканом, двумя очищенными луковицами и куском круто посолённого хлеба.

- Чего ты, Колюня? Или тоже собака какая укусила? - вкрадчиво поинтересовался Рафаля.

Макарычев упорно молчал.

- М-да, - протянул Володя Арижин и, налив четверть стакана, подал его Коле. - Пей!

Тот выпил, крякнул, обтёр рот рукавом и впился ровными белыми зубами в луковицу.

- Поля... - сквозь хруст луковицы невнятно произнёс он.

Мужики переглянулись.

- Чего - Поля? Объясняй толком!

- А-а, - заулыбался Копытов, - видно, старая шмудовка пыталась соблазнить мальчика! Я, говорит, тебе бутылку, а ты ночью - того...

- Сам ты - того! - не выдержал, наконец, Коля и яростно взъерошил рукой свои кудрявые каштановые волосы. - И хорош ржать, - остановил он смеющихся приятелей. - У Поли кто-то две бутылки свистнул.

- Ого! - уважительно произнёс Володя Арижин. - Две бутылки - это тебе не хрен поросчий! А ты-то здесь при чём?

- А при том! - сорвался на крик Макарычев. - Ты, говорит, единственный почти за маслом на «Горе» не стоял - а на кой чёрт мне оно? - ты, говорит, и стащил. Ушла, значит, это, за маслом - бутылки в комод лежали. Пришла - нету...

Алик Арижин сразу догадался - какое «дело» было у Шмаги после водворения Полкана к Чайникову, и теперь уже сам подтолкнул Шмагу локтем. Тот украдкой показал ему кулак, и Алик, довольный оттого, что «попал в десятку», торжествуя, отвернулся.

- А я, может, знаете, где был? - тут Коля нагнулся к самому уху Копытова и что-то прошептал.

- Не фигу себе! - откинулся тот на спинку скамейки, отчего та сразу же жалобно заскулила. - Вот так Колюня!

- Где-где? - всерьёз заволновались мужики.

Рафаля обнял Шмагина и Арижина за головы и шепнул им несколько слов. Те одновременно присвистнули и с неподдельным интересом уставились на Колю. А тот стоял и, как ни в чём не бывало, уже невозмутимо дымил папироской.

- Врёшь! - не выдержал Шмагин.

- Нет! - покачал головой Макарычев. И столько в этом коротеньком «нет» было достоинства и искренности, что мужики почему-то сразу же ему поверили.

- И давно это у вас?

- С месяц почти...

- Ой, Колька, - смотри! - расстроился Рафаля. - Если он узнает, то и посадить может.

- За что? - удивился Шмагин. - Нет такой статьи - хоть у Чайника спроси, а он в этих делах собаку съел.

- Ага, только наоборот чуть-чуть - мало его собака нынче не слопала! А Коммунисту только намекни - враз смиктит и донесёт куда надо.

- Нет, за аморальное поведение... - вставил Арижин, но его перебил всё тот же Шмагин.

- За аморалку - административное наказание, а посадить не имеют права. Вот если б он действительно к полиным бутылкам ноги приделал...

Мужики ещё чего-то там говорили, обсуждали, а Коля Макарычев задумчиво покурил и смотрел неизвестно куда. Тёпленький липкий вечер буквально обрушивал на плечи всю имеющуюся у него в наличии благодать: пронзительно пахли тополиные почки,

отчего голова кружилась, а дышалось особенно легко и вольготно; неназойливо позванивали робкие пока ещё комары; где-то на чердаке барака ласково бухтели голуби...

«Весна, - думал Коля. - А весной хорошо - и в деревне, и здесь тоже. Жена начальника цеха - тоже хорошо! И как это у нас с ней скрутилось? Непонятно... Ровесница мне почти, а как обнимает горячо - ёлы-палы! Не балует, видать, муженёк её этим делом-то. И где она всем таким штучкам обучилась? Не то что наши кулёмы деревенские - разлягутся, как коровы, а ты убажай их...»

Выпитая водка приятным теплом разливалась по телу, запахи весны убаюкивали, и Коля незаметно для себя начал засыпать. Из состояния эйфории его вывел тычок в бок и возглас Копытова:

- Эй ты, Дон-Кихот баракровский!

- Дон-Жуан, - автоматически поправил более начитанный Володя Арижин. - Дон-Кихот - это на лошади который.

- Ну, да, - смугился Рафаля. - А впрочем, не всё ли равно? Они там все эти доны - как муфлоны!

С крыльца, где сидели пацаны, послышалось хихиканье.

- Эй, а вы чего тут уши развесили? - напустился на ребятню Арижин. - Марш домой - времени уже десятый час!

- Пап, мы ещё немного, - закончил Лёнька. - Тут Серёга на гитаре играет.

- Не слышу что-то, - пробурчал отец, но домой больше загонять не стал.

- А точно, Серёга, - сыграй-ка чего-нибудь, - вдруг попросил у Шмаги Рафаля.

Шмага, польщённый вниманием мужиков, солидно прокашлялся.

- Японский вальс! - важно объявил он и сыграл коротенькую классическую миниатюру.

- Ну, фигня какая-то, - сплюнул Рафаля. - Дай-ка инструмент - вон Колюня и то лучше сбачает.

Шмага обиделся, но гитару всё же отдал.

- Коля, устрой праздник для души - сделай вещь, - попросил Копытов, передавая гитару Макарычеву.

Тот взял гитару и, не подстраивая, сразу запел. Голоса у него не было, и поэтому он просто произносил слова хрипловатым речитативом, чуть растягивая их в такт мелодии. Пел он что-то из Есенина. О том, что устал жить в родном краю, о тоске по гречневым просторам, о белых кудрях дня... Мужики, которые все были родом из деревни, призадумались. Каждому вспомнилась его родная сторонка, река, лес... да мало ли, что припомнит душа, растревоженная хорошей проникновенной песней? Тем более, когда от вышитого приятно шумит в голове, а вечер настолько хорош и мил, что хочется просто обнять всех и вся. И даже надумай сейчас выйти на крыльцо Чайников, то мужики обняли бы его и усадили с собой на скамейку - вот ей-богу! - такова была сила слов, негромко произносимых Колей Макарычевым под аккомпанемент гитары.

Младший Арижин сидел, буквально открыв рот, - он впервые в жизни, вот так неприкрыто, лоб в лоб, столкнулся с высокой поэзией. Правда, в школе его заставляли учить какие-то классические стихотворения из учебника - да хотя бы и того же Есенина с его «Белой берёзой», - но так как это была принудительная, то он не вникал в суть, а предпочитал либо быстренько отбарабанить заданное, либо и вовсе не учить, полагаясь на извечное «авось». Здесь же всё было по-другому: и неожиданные слёзы, вдруг выступившие на глазах отца, и притихшие Лёнька со Шмагой, и девчонки, бросившие свою скакалку... А главное, конечно, слова. Даже, может быть, не столько слова, сколько тот смысл, заряд, который они несли. Маленькому Алику Арижину так и представлялся наточенный нож за голенищем сапога лучшего друга, зелёный вечер - вот такой же, как и сейчас, и плывущий неспешно месяц над повесившимся на рукаве пиджака мужиком. Пока он не знал, что уже навек полюбил поэзию... Между тем, Коля уже совсем тихо проговорил про Русь, что будет плясать и плакать под забором, и замолчал. Потом, не сговариваясь, мужики полезли по карманам - за куревом и деньгами. Они поняли друг друга без слов.

- Домой, - негромко, но внятно произнёс Володя Арижин, посмотрев на притихших сыновей.

Ребята знали, что тут уже спорить бесполезно, и нехотя поплелись с улицы в барак. Прощаясь в большом коридоре со Шмагой, Алик неожиданно для себя выпалил:

- Серёга, научишь на гитаре играть?

- Научу, - пообещал Шмага и пошёл домой.

Алик вступает за брата

Майские праздники запомнились серьёзной крепкой дракой. Сначала всё шло, как обычно. В одном из барачков, где между несколькими комнатками были снесены перегородки, находился клуб кирпичного завода. Туда же завезли и несколько ящиков бутылочного пива. Продавала их Тоня - буфетчица из кинотеатра «Октябрь». Пока директор завода произносил перед работниками торжественную речь, поздравляя их с Днём Победы и читал доклад, Тоня откровенно скучала. Зато после окончания торжеств к ней моментально образовалась очередь человек из сорока. Передние начали хватать сразу по несколько бутылок, и задние поняли, что пива им не достанется. Поэтому они применили старый испытанный приём, отработанный во время стояния в бесконечных очередях, - потихоньку-потихоньку принялись надавливать на впереди стоящих. От этого чёткая очередь начала терять свои очертания, расплываться по сторонам. Несколько передних мужиков уже оказались выдавленными со своих мест. К удивлению многих в их числе оказался и здоровенный Рафаля Копытов. Задним бы подождать, пока он отоварится, а уж тогда и давить, но вовремя они этого не сообразили. Рафаля недоумённо посмотрел на своё место в очереди - там уже спрессовались монолитом пять-шесть человек, которые и близко-то не стояли.

- Надавили, - огорчённо сказал он уже отошедшему от прилавка Паисию Сусликову. Тот понимающе кивнул, покрепче прижал к груди четыре бутылки и отхлебнул пиво из горлышка пятой. Рафаля сглотнул. - Наехали... - уже более угрожающе пробасил он.

Стоявшие поблизости мужики, знающие крутой рафалин нрав, плюнули на пиво и решили благоразумно ретироваться. Но те, кто находился подальше, ничего не слышали и продолжали яростно атаковать буфетчицу. Рафаля горестно развёл руки в стороны, как бы говоря: «Ну, что ж...» У двоих мужиков сразу же затрещали по швам праздничные пиджаки, когда Копытов сгрёб их за воротники и, словно котят, метнул в угол буфета. Туда же последовали и ещё двое. Рафаля работал молча и деловито, как, впрочем, он привык делать любую работу - отпахать ли смену на заводе, помочь ли соседу построить гараж... Через полминуты перед ошеломлённой Тоней уже никого не было. Около десяти человек, к которым приложил свою длань Рафаля Копытов, барахтались на грязном дощатом полу буфета, всё ещё не понимая, как они там очутились. А Рафаля, меж тем, спокойно взял ящик пива и не спеша ушёл к своему барачку, где его давно поджидали Арижин, Шмагин и Макарычев. Но этим дело не кончилось.

Каждый общенародный праздник в бараках являлся событием. Его ждали, готовились к нему заранее. Причём народу было безразлично: Новый ли год на носу, Пасха ли - праздник, он и есть праздник. В такие дни даже милиция не рисковала соваться в бараки - ну их, пусть себе гуляют! Ошалевшие от вина мужики, шатаясь, шлялись из барака в барак, причём почти в каждом их ждала водка и закуска. Даже и многие женщины не отставали от своих мужей. Трезвыми были только те, кто работал в ночную смену. Как они злились и нервничали, глядя украдкой из-за занавесок на беззаботных и орущих под гармошки песни соседей! К счастью, таких было немного. Даже пацаны, и те, где-нибудь за сарайками, с удовольствием накачивались пивом и дешёвым яблочным вином. В общем, всем было весело. К вечеру, нет-нет, да и валился кто-нибудь из мужиков прямо в канаву или же под забор. Хорошо, если ещё на виду. Тогда его подхватывали за руки, за ноги и тащили домой отсыпаться. А упади такой товарищ где-нибудь в кустах и не найди его вовремя - так и спит себе до самого утра, бедолага! В общем, в праздники жестоко напивались все бараки. Так повелось с самого их основания, и никому и в голову не приходило как-то это изменить - положено, и всё тут!..

Вечер девятого мая выдался тёплым и ленивым. Лёгкий ветерок неторопливо мля своими прозрачными пальцами распускающуюся уже листву на деревьях и деликатно залетал в открытые окна, слегка шевеля занавески. На этот раз наши знакомые собрались в огороде у Рафали Копытова. Там же находились и ещё несколько их соседей. Четверо сидели за небольшим врытым в землю столиком, играя в «козла». Остальные пристроились на нешироком плитусе, тянущемся вдоль стены барака, а Макарычев, Сусликов и Лёша Илюхин сидели прямо на земле. Перед ними на областной газете «Красный Север» была разложена немудрёная закуска, стояли стаканы, а у стены застенчиво поблескивали тусклыми боками несколько бутылок водки. Все были изрядно подшофе и гадали, стараясь переговорить один другого.

- А хорошо сейчас в деревне! - как заведённый, повторял Коля Макарычев. - Шестого мая начинает куковать кукушка и выгоняют скотину на пастбище. Егорьев день...

- А я ему и говорю, - долдонил в ухо Коле Сусликов, - не ставь меня в нос. Сего я носью-то наработаю - усну, да и всё!

- А хорошо сейчас в деревне!.. У нас в армии серб служил. Так он говорил, что Егорьев день по-ихнему называется - Джурджев данье. Красиво...

- И сто ты думаеш? Не поставил! Отдохни, говорит, Паиська!

- Козлы! - вдруг донеслось из-за столика. - Давай, следующие!

Витька Коржиков и Саша Окунев, смущённые проигрышем, вылезали со своих мест, а Шмагин с Арижиным, дурачась, всю изобразили козлов: бляели, мекали и наставляли воображаемые рога.

- Коля, наша очередь! - приподнял Макарычева с земли Копытов. - Сейчас мы им вдуюем! Даже и по самые бакинфарты!

- Вдуете, так вдуете, - миролюбиво сказал Арижин, ловко тасуя засаленную, лоснящуюся колоду карт. - Брать только оптом!

В это время из-за угла показались несколько обиженных утром Рафалей мужиков из соседних барачков. Некоторые уже еле держались на ногах.

- Эй, Рафаля, иди сюда... Дело есть!

- Чего вам? - пробурчал Копытов, уже совершенно забывший утреннюю «разминку» в клубе.

- Иди, скажем чего!

Рафаля нехотя вылез из-за столика и направился за угол. Мужики продолжали неторопливо выпивать. Рафали всё не было.

- Заснул он там, что ли? - недоумённо спрашивал Макарычев у Арижина.

Тот лишь пожал плечами и посмотрел на угол барака.

- Мать вашу! - вдруг воскликнул он и вскочил на ноги. То, что он увидел, настолько, видимо, его поразило, что никакие другие слова на ум не пришли: по высокой дуге, суча в воздухе ногами и прижимая к груди здоровенный кол, из-за угла вылетел невысокий Толик Шишкин и с каким-то тупым чавкающим звуком шлёпнулся в лужу. Дёрнувшись пару раз, он попытался было подняться на ноги, но так и не сумел и поэтому, чуть повозившись, остался в луже, мирно пристроив голову на половинке кирпича. Арижин, наконец, опомнился.

- Ребята, Рафалю метелят! - воскликнул он и, вырвав из забора штaketину, кинулся к месту побоища. Забор был расхвачан в одно мгновение, и мужики дружной толпой устремились вслед за Арижиным. Паисий Сусликов, не сумевший отодрать от забора ни одной штaketины, метнулся домой за топором. Но его жена, заранее знающая, чем кончатся праздники, предусмотрительно спрятала топор и все ножи в подпол, и поэтому Паисию пришлось удовольствоваться кочергой. Он схватил её и кинулся вон из комнаты. «Погнёт ведь, зараза, кочергу-то! - заволновалась хозяйка. - В следующий раз и её спрячу!»

Между тем, драка разгоралась в полную силу. Заслышав треск вырываемых из заборов кольев, крики и хриплую матерщину, со всех сторон, словно мухи на мёд, на драку сбегались нарядные мужики. Да и какой же праздник обходится без хорошей весёлой драки?! Она давно уже витала в воздухе, накапливалась в одурманенных алкоголем душах и наконец вырвалась наружу. Тут уж никому не было дела - из-за чего начались разборки, кто прав, кто виноват. Драка!! Никак нельзя упустить такой момент! Будет хоть о чём вспомнить, поговорить с приятелями за кружкой пива. Врываясь в кричащую окровавленную толпу, мужики молотили кольями направо и налево, сначала осторожно и весело, с каким-то бесшабашным ухарством, а когда доставалось самим, то уже зло и остервенело.

Рафаля, давно расправившийся с первоначальными обидчиками, теперь не на шутку схлестнулся с таким же огромным, как и он сам, Васей Бесковым, с которым ещё вчера утром приходил на помощь Паисию Сусликову в очереди за маслом. Тот тоже вертелся рядом, ожидая удобного случая, чтобы перепоясать Васю кочергой. Гиганты наносили друг другу мощные тупые удары, но видимого урона они им не причиняли. Наконец Вася умудрился обхватить Рафалю за плечи и начал сжимать его в своих медвежьих объятиях. У Копытова затрещали кости, и он задёргался, пытаясь вырваться. Но не тут-то было! Вася жал всё сильнее. Сусликов понял, что лучшего момента ему не представится и, недолго думая, протянул Бескова кочергой поперёк хребта. Но с таким же успехом он мог сражаться с телеграфным столбом, например. Вася только поморщился и продолжал давить Рафалю. Кочерга, как и опасалась жена Сусликова, погнулась ровной дугой, вполне соответствующей окружности Васиной спины.

- Молодец Сусликов! - прокомментировал сидящий на заборе Шмага.
- Не фига! - загорячился Лёнька Арижин. - Не по правилам. Двое дерутся, третий - не мешай!

- Ага! - не сдавался Шмага. - Где это ты, Арик, видел, чтобы по правилам дрались? На ВРЗ, что ли?

Лёнька смутился: действительно, на танцплощадке ВРЗ, да и в окружающем её парке, считалось обычным делом, когда человек восемь пинали одного-двух. Но Лёньку неожиданно поддержал младший Арижин.

- Конечно, не по правилам!

- Ты-то ещё тут! - шикнул на него Шмага. - Помолчи, дай драку посмотреть.

Бараковские пацаны облепили заборы и крыши сараек и во все глаза наблюдали за ходом драки. Тут и там раздавались восхищённые возгласы:

- Здорово он ему!

- Ты туда, туда смотри - видишь, этот усатый Богданова рожей в землю тыкает!

- Во как Колюне досталось!

А Сусликов, тем временем, недоумённо смотрел на погнутую кочергу. Повертел её перед глазами, огорчённо вздохнул и, со всей силы замахнувшись, точно приладил её к затылку Бескова. Тот, ни слова не говоря, рухнул на землю. Освобождённый от «дружеских объятий» Рафаля, не в силах стоять на подгибающихся ногах, начал пятиться к стене барака. Наткнувшись на неё, он благополучно сполз на плитус, да так и остался там сидеть, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Арижин со Шмагиным «взяли на кулаки» своих сменщиков: Колю Клюквина и Женю Ботезату, тоже обжигальщиков. Они дрались лихо и весело. Когда Ботезату - вертлявый черноватый мужичок - изловчился и выбил передний зуб Шмагину, драка между ними неожиданно закончилась. Кое-как, вчетвером, подтащив к колонке Васю Бескова, они привели его в чувство, сунув васину голову под струю холодной воды. После чего, захватив по пути всё ещё приходящего в себя Рафаля и Сусликова, который сосредоточенно выгибал в заборе кочергу, все отправились в огород допивать водку, несмотря на то что драка ещё продолжалась. Впрочем, к месту побоища уже начали собираться всполошенные женщины и растаскивать по домам своих мужей.

- А ловко ты меня! - похвалил слоноподобный Вася Сусликова. Потрогал взбухшую на затылке шишку и восхищённо выдохнул: - Ишь ты, с одного удара, зараза!

- Да ты же из Рафали сють дусу не выдавил! Бугай такой... Вон я даже косергу погнул, - всерьёз огорчился Сусликов. - Теперь от бабы достанется...

Вася, ни слова не говоря, забрал у него кочергу. Сусликов непроизвольно сдвинулся к краю скамейки - а ну, как начнёт махать? На раз пришибёт! Но Вася одним движением мощных рук выгнул кочергу и подал её обратно.

- Пользуйся, Паиська!

Между тем, Рафаля, выпив водки, наконец-то пришёл в себя.

- А ну-ка, Васька, давай «на руках»!

Тот с готовностью согласился. Мужики освободили от стаканов и закуски стол и, закуриив, приготовились смотреть новый поединок вечных соперников. Потихоньку сюда же в огород начали стекаться и остальные «драчуны». Макарычев и Окунев притащили под руки окровавленного Лёшу Илюхина. Лоб его пересекал наискось кровавый рубец - след удара колом. К тому же вроде бы оказалась вывихнута нога. Лёша тихонько постанывал, но водку пить не отказался. Витька Коржиков держался за бок и говорил всем желающим, что у него сломаны «два рёбрышка, как минимум!»

Между тем, пыхтящий Рафаля взял-таки верх над Бесковым, приложив его руку к столу. На радостях они тут же принялись выпивать водку и обсуждать драку. В общем, всё было, как и всегда. И только пацанва, недовольная тем, что драка так быстро завершилась, разбрелась кто куда по баракам, в поисках новых развлечений.

Шмага с Аликом сбегает с уроков и отнимают деньги

На перемене к Арижину подошли Карлсон с Мишкой Фоминым. Они учились в параллельном классе.

- Алька, пойдём после уроков на поляну в футбол пазгаться? - спросил Мишка, небольшой, но крепенький кудрявый паренёк. - Мне отец новый мяч купил.

Арижин посмотрел в окно. На улице вовсю жарило солнце, мягкая зелёная травка уже обволокла своей паутиной землю, пронзительно синело небо. Что в такую погоду делать

школяру? Конечно же, только и играть в футбол! Посмотрев ещё некоторое время на улицу, Арижин повернулся к друзьям и вздохнул.

- Не могу. Меня сегодня утром Шмага к цыганам звал. Договорились уже с уроков сбежать.

- Зачем?

- Да так, - неопределённо ответил Арижин. - Надо.

На уроке математики он сидел задумчивый и почти не слушал учительницу. Соседка по парте Светка Тюничева даже заинтересовалась. Ткнув его кулаком в бок, она шепнула:

- Чего кислый какой? Заболел?

Арижин молча пожал плечами, но потом быстро опомнился и утвердительно закивал головой. После урока, когда весь класс дружно повалил к спортзалу на физкультуру, он незаметно выскользнул из школы и дёрнул за угол. Там уже стоял Шмага и курил сигарету.

- Пришёл? Ну, покатили.

- Серый, покурить оставь, - попросил Арижин, оглянувшись по сторонам. Быстро докурив протянутый окурок, он повесил на плечо холщовую сумку с расплывчатым граффити-рисунком и надписью «The Beatles», в которой он носил тетради и, дай бог, пару учебников, и поспешил за Шмагиным. Забыв домой, они переоделись и отправились к магазину на «Гору». Ждать пришлось недолго.

- Этот! - указал Шмага на парнишку лет четырнадцати, шедшего по тротуару и беззаботно помахивающего пустой сеткой.

Алик наклонился к заборчику и начал делать вид, будто бы что-то ищет на земле. Шмага с безучастным видом отколупывал пальцем штукатурку на стене магазина. Арижин уже встал на колени и почти уткнулся носом в землю, шаря по ней руками, но искоса наблюдал за подхлупившим паренёком. Тот заинтересовался, остановился и молча смотрел на действия Алика. На кустах сирени, опоясывающих магазин, весело чирикали воробьи, перепархивая с ветки на ветку. Арижин уже залез под куст и яростно дёргал траву, демонстрируя всем своим видом горечь невозможной потери. Паренёк, наконец, не выдержал.

- Эй, потерял чего?

- Ага. Кольцо золотое. У матери взял поносить, а оно с пальца и соскочило. Помогите найти, а?

- Растяпа! - презрительно бросил паренёк и подошёл к кусту. Повесил на него сетку и присел на корточки, обшаривая глазами землю. Алик тут же схватил его за грудки и негромко, но твёрдо сказал: - Выворачивай карманы, приятель!

Тот было задёргался, но Арижин держал крепко.

- Быстро и без шума, - приказал подошедший Шмага.

Парень понял, что влип, и решил «пробить на жалость».

- Сестрёнка дома больная, - захныкал он. - За молоком ей иду...

Алик рывком поднял его на ноги.

- Доставай деньги!

- Да я... - опять заныл парень.

- По харе хочешь? Сейчас надаём!

Парень вздохнул. Полез в карман и с явным сожалением достал смятый бумажный рубль.

- Всё? - поинтересовался Шмага.

- Да-да, - закивал тот головой.

- Алик, обшмонай!

Арижин быстро проверил карманы у несчастной жертвы и обнаружил ещё сорок копеек - две монеты по двадцать.

- Если кому-нибудь скажешь про нас - избытьё всего, - пообещал он на прощанье паренёку. - А теперь мотай отсюда...

Парень сорвал с куста авоську и, всё ещё не веря, что так сравнительно легко отделался от хулиганов, галопом рванул прочь от магазина. Шмага взял деньги, подошёл к столешнице рядом с магазином киоску «Союзпечати» и важно спросил две пачки «Беломора».

- Не молод курить-то? - с сомнением взглянула на него толстая киоскерша.

- Меня отец послал, - как можно увереннее ответил Шмага.

Продавщица покачала головой, но папиросы всё же дала. Довольный Шмага подошёл

к Арижину и протянул ему одну из пачек.

- Пойдём быстрее, пока этот сайгак отца не позвал.

Проходя мимо сараек, Арижин на всякий случай заглянул в закуток, где они недавно курили вместе с Карлсоном. И очень обрадовался - там оказался один из тех парней, с которыми они недавно подрались. Он сидел на пустом ящике и увлечённо выстукивал перочинным ножом какую-то палку. И даже что-то насвистывал. Подойдя к Шмаге, Алик коротко обрисовал ситуацию. Того долго упрашивать не пришлось. Завернув в закуток, Арижин с ходу ногой вышиб палку из рук опешившего недруга. Тот было вскочил, сжимая в руке нож, но Шмага, коротко размахнувшись, ткнул его в солнечное сплетение. Парень загнулся, а Шмага, тем временем, не спеша поднял нож, сложил его и сунул в карман.

- Как зовут? - поинтересовался он.

Парень молчал.

- А второй где? - спросил Арижин.

Тот, зажавшись в угол, хранил гордое молчание.

- Да чего с ним говорить-то? - удивился Шмага. - Дай ему пару раз, да и пойдём.

Арижин уже знал толк в таких делах: одно дело - избить человека, и совершенно другое - дать ему почувствовать свою ничтожность.

- Так говоришь - свинтусы бараковские? - спросил он и лениво и как бы нехотя ударил парня самыми кончиками пальцев по носу. Тот дёрнулся, как от хорошего удара, но смолчал.

- Так, - пробормотал Арижин, - гордые мы... - и, не замахиываясь, легонько ударил пальцами уже другой руки в то же место.

Парень смолчал и на этот раз, но его глаза начали наполняться слезами.

- Бедненький ты... И пожалеть-то тебя некому, - и совершенно неожиданно для паренька, вдруг погладил его по голове.

Этого пацан уже не выдержал. Из глаз его брызнули злые слёзы, и он позорно разревелся.

- Ну вот, это - другое дело! - обрадовался Алик. - Помни Арижина, приятель! - и, дав на прощанье парню крепкого подзатыльника, пошёл вслед за уже уходившим Шмагой. «Приятель» сел прямо на землю и заревел ещё громче.

- Серёга, отдай нож, а? - попросил Алик у Шмаги, когда они пробирались кривыми ковыринскими переулками, старательно обходя лужи. - Чинный нож-то - «Белка» вроде.

- Перебьёшься...

- Ну, отдай, Серый. У тебя ведь есть уже. На фига тебе два-то?

- Сказал - перебьёшься, - отрезал Шмага.

Арижин обиженно насутился и замолчал. Минут через десять они уже подходили к огромному низкому дому, где жила одна из многочисленных цыганских семей. При их приближении в огороде затыкала была собака, но Шмага авторитетно прикрикнул на неё:

- Хорэ, Шарик! Гэём!

Собака изумлённо замолчала и убралась в конуру. Алик, уже немного понимавший по-цыгански, понял, что Шмага отправил Шарика домой.

- А по-немецки можешь? - спросил он, останавливаясь и закуривая.

Шмага тоже остановился, закурил и наморщил лоб. Потом осторожно начал:

- Дас... нет, ди хунд, вроде бы... нах хаус... шпацирен, что ли? - и снова перешёл на цыганский: - А со ту, моро - дылыно? (Ты что, парень, - дурак?)

- Сам ты дурак! - обиделся Арижин, за что и получил от Шмаги пинка.

Посмеиваясь, они подошли к одному из окон. Шмага легонько постучал. Створки окна тотчас распахнулись, как будто их специально дожидались. Выглянул сильно смуглый дед с небольшой седой бородкой.

- О, Серёга, Алик! - обрадовался он. - Заджам до кхер! (Заходи в дом.)

- Да нет, мы здесь постоим, - ответил Шмага. - Ромка дома?

Дед тоже перешёл на русский.

- Нет, он к Лёшке ушёл.

- Ну, ладно. Мы тоже к Лёшке тогда.

Они подошли к соседнему дому. Там оказалось гораздо многолюднее. Пять или шесть маленьких цыганят гоняли по всему двору свиней и овец и заливались звонким смехом. Молодая женщина в цветастых юбках развешивала на верёвке мокрое бельё и о чём-то переговаривалась с пожилым цыганом, сидевшим на скамейке под окнами и чинившим

кнут. Из длинного сарая вышел парень лет двадцати в плисовых полосатых штанах, заправленных в умопомрачительные высокие сапоги с многочисленными застёжками, и в красной, вздувавшейся пузырями на ветру рубахе. Он вёл в поводу двух лошадей: белую и рыжую.

- О, Любу и Звёздочку гулять повели, - толкнул Шмагу локтем в бок Арижин.

- Да вижу я, - отозвался тот и, зайдя во двор, громко со всеми поздоровался.

- О, Серёга, Алик! - заулыбалась женщина. - К Лёше? - и, не давая опомниться, быстро затараторила: - Они там за сарайкой сидят. Идите туда, но смотрите: не сожгите поленницу, когда курить будете. А то отец, - тут она кивнула на пожилого цыгана, - быстро вас вожжами отходит.

Прятели проскользнули за сарайку. Там сидели двоюродные братья - цыгане Ромка и Лёшка и два паренька с Цыганского посёлка, но русские. Перед ними на фанерном ящике лежали мелкие деньги и были разбросаны карты. Шмага с Арижиным, подойдя к ящику, поздоровались со всеми за руку.

- Ту мэндэ исы бравинта? - поинтересовался Ромка, неторопливо тасуя колоду.

- Не каждый раз водку таскать, - ухмыльнулся Шмага. Все понимающе кивнули, но Ромка продолжал допытываться:

- А деньги принесли тогда?

- Есть деньги, - кивнул Шмага. - Сейчас одного сайгака у лавки обули.

Ромка тоже кивнул.

- Садитесь. На кону по две копейки.

Рафаля показывает фокус с бритвой

По воскресеньям в семье Арижиных варили какао. Почему именно так было - никто уже и не знал. Но так уж повелось: как только наступало воскресенье - тут тебе обязательно и какао. Варили его в комнате на электрической плитке. Но даже из-за закрытых дверей запах какао разносился по всему коридору барака. Собаки, иногда забредаящие в барак неизвестно уж по каким своим собачьим делам, только недоумённо принохивались и с явным интересом присаживались под дверь Арижиных, пока их оттуда кто-нибудь не прогонял. На этот раз прогнал их Рафаля Копытов. Уверенно постучавшись в дверь и дождаввшись приглашения войти, он зачем-то вытер о половичок тапки и прошёл в комнату. Арижины завтракали, сидя за большим круглым столом. Середина стола занимала блюдо с оладьями. Перед братьями стояла невысокая вазочка с вареньем, а перед хозяйками - тарелка со сметаной. Оладьи из блюда исчезали с фантастической быстротой.

- Папа, а чего он варенье к себе подставил? - занял младший Арижин. - Мне и не достать совсем.

Отец строго посмотрел на Лёньку, и тот нехотя подвинул вазочку поближе к брату, не забыв, однако, пнуть ему по ноге под столом.

- А чего он... - занял снова Алик, но закончить не успел - как раз в это время и зашёл Копытов. Все с интересом уставились на него: у Рафали в руках была обыкновенная электрическая бритва «Харьков».

- Приятного аппетита! - ухмыльнулся Рафаля и уселся на стул у перегородки, разделяющей комнату и кухню.

- Спасибо, - ответила за всех Галя Арижина. - Садись с нами, сосед...

- Да я и пешком постою, - заулыбался Копытов. - Только что из-за стола вылез. Вы ешьте, я подожду.

Он сидел и с интересом рассматривал комнатку Арижиных. Солнечные лучи из низких, но широких окон косо падали на застеленную прогнувшуюся кровать с горой взбитых подушек, кокетливо прикрытых тюлью. В другом углу на узеньком комоде стоял телевизор с разноцветной плёнкой, установленной на кинескоп. Когда телевизор включали, то верхняя половина экрана становилась синеватой, низ зелёным, а середина имела неопределённый жёлто-красный цвет. «Цветной! - хвастал соседям Володя Арижин. Правда, затем стыдливо добавлял: - Как бы...» Там же на комодe стояла гордость всего барака - магнитола «Рекорд». Такой ни у кого не было. Арижин чуть ли не два года копил деньги на её покупку. Зато теперь по вечерам добрая половина барака собиралась у Арижиных послушать хриплые песни Высоцкого на двух единственных катушках. Следом за комодом стоял старый скрипучий шифоньер с зеркалом на дверце. Посреди комнаты, занимая почти всё свободное пространство, вальяжно разлапился большой круглый стол.

Это была комната родителей - «зала», как её называли. Сыновья ютились в комнатёнке, узенькой, как пенал, дверь из которой вела в «залу». Там стояли печка, две узкие кровати и письменный стол у окна. Как в этой комнатёнке раньше уживалась семья Поповых из пяти человек, оставалось полнейшей загадкой. Но им выделили квартиру в настоящем каменном доме, а комнатёнку отдали Арижиным. И вот уже два года у мальчишек был свой угол, где они могли без помех поболтать перед сном и даже обклеить стены какими-то фотографиями, что в большой комнате категорически запрещалось. За дощатой перегородкой «залы» расположилась миниатюрная кухонька с печкой, холодильником, умывальником и маленьким кухонным столом. К тому же она с успехом заменяла и прихожую - на гвоздях, вколоченных в перегородку, висел практически весь гардероб семьи Арижиных, начиная от необходимых по сезону вещей и кончая огромным белым овчинным полушубком главы семейства. За этот полушубок цыгане предлагали Володе Арижину до ста рублей, но он неизменно отказывался от таких предложений, хотя и купил его в сельповской лавке всего за четвертной. Чуть ли не до пят, с высоким застёгивающимся в морозы воротником - да это же просто мечта!..

Через несколько минут олады были уничтожены, и хозяйка принялась разливать какао.

- А вот какао бы выпил, - принохиваясь, заявил Рафаля.

Налили и ему. Братаны со вздохом переглянулись: нанёс же леший этого Рафалю - теперь сиди без добавки! Но бритва, лежащая на стуле, в некоторой степени компенсировала потерю - зачем Рафаля её притащил? Но раз притащил, значит, нужно. Опять будет что-то интересное - просто так Копытов никогда не заходил.

- Может, сломалась? - не выдержал, наконец, Алик.

- А чо, у нас мастерская, что ли? Молчи пока, - шепнул ему Лёнька.

Рафаля сидел и невозмутимо прихлёбывал из чашки. Пацаны ёрзали на стульях всё сильнее, да и отец, нет-нет, да и бросал недоумённый взгляд на бритву, но пока молчал. Наконец, какао было допито.

- Спасибо! - хором прокричали братья и, как по команде, выскочили из-за стола. Подойдя к стулу, Алик не удержался и с интересом потрогал пальцем завитый спиралью провод.

- Не трогай! - прикрикнул на него отец и, уже обращаясь к Копытову, спросил: - Бритва?

Тот важно кивнул головой.

- Ну, да... - глубокомысленно протянул Арижин, так ничего и не понявший.

- Спасибо! - похлопал себя по животу Рафаля. - У вашей двери опять две шавки сидели. Наверное, на какао пришли. Прогнал я их, - пробасил он в спину вмиг позабывшему о бритве и кинувшемуся было к дверям - посмотреть «шавок» - Алику. Тот нехотя вернулся. Наконец, Рафаля откинулся на спинку стула, взял бритву, повертел её в могучих руках и спросил, хитро подмигивая братьям:

- Думаете, это простая машинка?.. Как бы не так! - тут он выдержал небольшую паузу.

- А какая? - невинно поинтересовался Алик.

- Говорящая! - бухнул Рафаля и уверенно захохотал. Лёнька сразу же потерял к бритве всякий интерес и начал надевать полукеды, собираясь улизнуть на улицу. Володя Арижин разочарованно хлопал себя по карманам в поисках папирос. Один Алик, принявший всё за чистую монету, стоял с открытым ртом и во все глаза таращился на Рафалю. Быть владельцем «говорящей бритвы», это, согласитесь, не слабо! Бывают же говорящие часы: пусть даже там сидит кукушка и кукует каждый час. Может, и здесь что-то в этом роде? Но как в эту машинку можно запихать кукушку, Алик решительно не понимал. «Наверное, всё-таки маленькая», - наконец догадался он и успокоился. В то же время он увидел красноречивый взгляд старшего брата. Вдобавок тот покрутил пальцем у виска.

- Ага! Не верите?! - ехидно спросил Рафаля. - А ну-ка, орёл, подай мне пустое ведро!

Видя, что дело начало принимать более конкретный оборот, Лёнька, как был в одной кеде, схватил полупустое ведро с водой, перелил из него воду в ручкомойник и притащил Рафале. Тот аккуратно уложил бритву на стол, чуть отогнул своими железными пальцами дужки у ведра и, перевернув его, накрыл им машинку. Все с интересом наблюдали за его действиями. Даже хозяйка, оставив на время мытьё посуды, вышла из кухни - нечасто случаются в бараке развлечения, а Копытов шутник известный, так что посмотреть на его фокусы, конечно же, стоило.

- Ахтунг, фрау, - шутовски раскланялся Копытов. - Как говорится: энъ, цвень, дрень! -

и воткнул штепсель бритвы в радио-розетку. Ничего не произошло.

- Всё? - спросил Володя. Он сидел за столом, подперев рукой щеку, и, как и все остальные, где-то в глубине души надеялся-таки на чудо.

- Стоп! - поднял Рафаля жёлтый от никотина указательный палец. - Ты, - тут он ткнул этим же пальцем в сторону Алика, - будешь переводчиком. Ходи сюда!

Алик осторожно подошёл поближе.

- Ложи ухо! - Рафаля указал на доньшко ведра.

Алик беспомощно оглянулся, недоверчиво пожал плечами и приложил ухо к холодной жести. В ту же секунду он позабыл обо всём на свете: слабый, но вполне различимый голос радиодиктора, усиленный вселенской пустотой ведра, глухо, словно из самых далёких уголков космоса, передавал прогноз погоды на двадцать шестое мая.

- Ну, как? - затеребил его Рафаля.

Алик распрямился и, надувшись от гордости, небрежно произнёс:

- В Москве без существенных осадков. Температура воздуха - плюс пятнадцать... - и, не удержавшись, снова прильнул к ведру.

Но от ведра его быстро прогнали - всем хотелось послушать, что ещё сообщит удивительная бритва. А бритва, положительно, свихнулась! Вместо того, чтобы заниматься тем, чем и положено заниматься её более порядочным коллегам - то есть облагораживать мужскую часть населения в глазах населения женского, она начала выкидывать такие немыслимые коленца с подвыподвертами, что только держись! После прогноза погоды она, совершенно вдруг неожиданно, голосом Гелены Великановой запела песню «Ландыши». Восторгам Арижиных не было границ. А Рафаля сидел за столом и с довольным видом посмеивался себе в небольшую рыжеватую бородку. И кто знает, сколько бы ещё времени продолжалась шумная радость мальчишек («Чинно!.. Классная бритва!»), изумлённые охи и ахи хозяйки и сосредоточенная напряжённость в глазах Володи, пытающегося докопаться до корней этого фокуса, если бы после Великановой не запел вдруг Муслим Магомаев. Володя Арижин Магомаева не любил. Исключительно за то, что тот, выходя на сцену, начинал размахивать в разные стороны руками, словно ветряная мельница. Остальным домашним было в высшей степени всё равно - пусть его хоть на голове ходит! - но из чувства семейной солидарности они хозяина поддерживали. А вот Алик с Карлсоном, изредка валяясь где-нибудь на травке или же сидя на толстых ветвях старой кривой черёмухи возле барака, нет-нет, да и пытались подражать тонкими мальчишескими голосами тому же Магомаеву: «Сатана там правит бал, там правит бал!..» При этом Карлсон так смешно размахивал руками, что Алик только хватался за живот. А Володя же, когда, например, по телевизору показывали концерт и на сцену выходил Муслим, сразу хватал папиросы, спички и бежал в уборную, с охотой объясняя всем желающим, если таковые, конечно, находились, что пока в телевизоре машут руками, он вполне успеет покурить. Ещё он утверждал, что от «этого физкультурника» запросто можно получить насморк. Это в лучшем случае. В худшем же - просто сдует от телевизора.

Вот и сейчас: едва в ведре раздался уверенный баритон народного артиста, Володя не преминул пошутить:

- Лёнька, держи ведро - улетит иначе!..

Все засмеялись, а Рафаля, поняв, что концерт окончен, выдернул бритву из розетки и начал заматывать шнур.

- Вставил туда чего-нибудь? - как можно более безразличным тоном поинтересовался Володя. Одевавшиеся братья тоже вмиг наострили уши.

- Зачем? - пожал плечами Рафаля. - Для этого сгодится любая бритва. Пойдём курить - там объясню.

Лёнька с Аликом с удовольствием переглянулись - раз для этого фокуса пойдёт любая машинка, то технические объяснения можно и не слушать - надо просто бежать и показывать эту штуку приятелям. И кто знает, может, копеек пятьдесят можно будет выспорить!

- Мы гулять! - на ходу прокричал Лёнька.

- К двенадцати чтоб дома были, - предупредил отец. - Пойдём в гости к деду.

- Бу! - пообещал Лёнька и, щёлкнув брата по лбу, выскочил за дверь. Потрясая кулаками, Алик кинулся следом.

Галина улыбнулась вслед сыновьям: вот и всегда они так! Лёня часто шпыняет Алика, но живут дружно. Не то, что Стрижовы из соседнего барака: их там человек шесть сестёр и братьев, и все дерутся между собой. Старшие постоянно лупят тех, что помладше, совершенно не стесняясь взрослых. Слава богу, что у нас по-другому...

... - Если воткнуть машинку в радиорозетку, то трансляция индуцируется на обмотки двигателя, и они начинают работать вместо динамика, но так как напряжения мало, то движок просто не крутится, - объяснял Рафаля Арижину. Они сидели на парадном крыльце и курили. Рафаля, служивший в армии радистом, а на заводе работающий электриком, не без удовольствия щеголял техническими терминами, пытаясь нагнать побольше туману. - Если, к примеру, подключить её к усилителю и вывести на акустическую систему, то она запросто может работать вместо радио, - развивал он свою мысль.

- Зачем на... систему? - решительно не понимал Володя.

- Чудак-человек! Говорит-то бритва очень тихо, поэтому вместо акустики мы и использовали пустое ведро. Чтоб слышнее, значит, было. А вот ежели через усилоч, да систему - тогда пожалуйста. Будьте нате! Даже и по самые бакинфарты!

Тут уж и Володя кое-что скумекал.

- Да, поди, бритва-то двадцатник стоит, а радио всего два с полтиной. Да ещё усилоч этот, да система твоя каустическая долбанная. Теперь и посчитай - сколько же это выходит?! Если бы так, то и все бы моду завели бритвы вместо радио ставить. Ан нет, не ставят! Накладно-с!

Как всегда, прагматик Арижин знал, чем раззадорить романтика Копытова. Да и это старорежимное «-с» поддло масла в огонь. Рафаля начал горячиться и размахивать руками, уподобляясь Магомаеву, а Арижин сидел и посмеивался - ловко он всё-таки побрил Копытова. Причём его же собственной бритвой!

- Да как же ты не понимаешь? - бушевал Рафаля. - Это же для опыта, для эксперимента, чёрт возьми! Наука не стоит на месте!

- Ага, - похотывал Володя, - проведи-ка такой эксперимент: поставь-ка бритву вместо радио. Да до кучи загромозди комнату системами. Жена быстро тебя из дома спровадит! А бриться чем будешь? Радивом?! - тут он не удержался и захохотал в полный голос.

Рафаля обиделся, махнул в последний раз рукой и, не разбирая дороги, кинулся в барак.

- Экспериментатор! - смеялся ему вслед Арижин. - Науку он вперёд двигает. Ага, на кирпичном заводе!

Тут он заметил оставленную Рафалей впопыхах бритву и решил отнести её хозяйину, а заодно и помириться. Он встал, с удовольствием потянулся и, что-то мурлыкая под нос, отправился следом. Рафалю он нашёл в огороде на другой стороне барака. Тот сидел, подперев голову руками, и так яростно затягивался папиросой, что с неё сыпались искры.

- Сам придумал или надоумил кто? - без обиняков поинтересовался Володя, протягивая бритву Копытову. Тот подозрительно посмотрел в глаза другу - не издевается ли? Но увидел в них искреннюю заинтересованность и неподдельное любопытство.

- Да нет. Я, понимаешь ли, в журнале вычитал... Можно, мол, так сделать. Я и попробовал.

- Ну-ну?... - Володя тоже закурил и уселся на скамейку.

Арижины идут «на Куралиты»

В посёлок Куролит Арижины ходили в гости с незапамятных времён. Там у Володи жил отец и младший брат с семейством. Давно ещё, приехав из деревни, они купили домик на две семьи и завели небольшой огород. Собираясь в гости, Арижины всегда говорили: «Идём на Куралиты!» - употребляя предлог «на» вместо «в». Да впрочем, и вся Вологда говорит в отношении Куролит так же. Если взять, к примеру, коренного питерца, то для него это самое «на» звучит вполне естественно и даже чуточку гордо: «На Выборгскую сторону», «на Васильевский остров» и так далее. Но откуда это «на» появилось в Вологде - неизвестно. Не скажешь ведь, например: «Пошёл на Ковырино» или «на Кулацкий посёлок». А в отношении Куролит это выражение проходит - как так и надо!

«На Куралиты» Арижины предпочитали ходить пешком, через Вторую Вологду. Хотя расстояние было и великовато - километров пять, не меньше, но зато можно было поговорить без помех, поучить по дороге сыновей жизни, рассказать им о происхождении посёлка Куролит. И что странное название это произошло от названия одноимённого взрывчатого вещества, завод по производству которого и собирались там выстроить. Но завод почему-то не построили, а название осталось. А братанов эти пешие прогулки радовали, пожалуй, даже больше, чем возможность встретиться с родственниками. Отец

становился в это время проще и доступнее, с ним можно было даже пошутить и поиграть - не то, что дома, где он, чувствуя ответственность за воспитание сыновей, мог их выругать по любому пустяку. А то и схватиться за ремень. В воспитании Володя Арижин придерживался того взгляда, что ремень всему научит. Братья же твёрдо верили в обратное, совершенно не воспринимая точку зрения отца. Поэтому, едва тот хватался за ремень, они проворными ужами выныривали за дверь в том, в чём были, надеясь, что через несколько минут гнев отца уляжется и можно будет обойтись всего парой подзатыльников. В основном их расчёты оправдывались. Но если путь к дверям был перекрыт, то они дружно сигали под большую кровать. Вытащить их оттуда, забившихся в самый угол, для Володи с его застарелым радикулитом не представлялось возможным. Не помогала даже и кочерга, которой он пытался их оттуда выковыривать, пробуя зацепить за одежду. Поэтому он брал самый длинный ремень и лупил им под кровать наугад: кому уж и достанется. В основном удары не достигали цели, но пацаны громко орали, чтобы поскорей разжалобить сурового отца. В конце концов, он отступался. Минут через десять вылезали и братья. Гнев отца к тому времени уже улетучивался, и поэтому можно было спокойно заниматься своими делами. Да и мама к тому времени уже успевала вступить за сыновей. Но, несмотря на все эти суровости, братаны отца любили и уважали.

Сейчас Лёнька с Аликом убежали немного вперёд и шли весьма довольные друг другом, а также рафалиным фокусом с бритвой. Благодаря ему им удалось выиграть на спор целых восемьдесят копеек. Они купили себе по мороженому, по пачке папирос «Волна» и коробок спичек. Оставшиеся четыре копейки сдачи Лёнька забрал себе, ссылаясь на то, что ему завтра нужно будет позвонить «по очень важному делу». Алик, против обыкновения, возражать не стал, потому что Лёнька дал ему откусить мороженого от своей порции - «в аккурат на две копейки!», как он выразился. В общем, все оказались довольны: Арижины - честно заработанными деньгами, а проспорившие пацаны - новому фокусу, с помощью которого они надеялись быстро поправить своё финансовое положение. Алик-то был ещё профаном в таких делах, а вот большие парни умудрялись зарабатывать на карманные расходы чем угодно. Могли запросто обобрать пьяного соседа, без задних ног валяющегося в канаве, отобрать у более слабого, выпорить. Могли помочь разгрузить машину в магазине. Классический способ, о котором до сих пор с удовольствием вспоминала бараковская молодёжь, продемонстрировал молодой парень из дальнего барака по кличке Киса. Зайдя в кусты справить малую нужду, он чем-то крепко разозлил осу, до того времени мирно там летавшую и радующуюся тёплому деньку. Что у них там вышло - неизвестно, но в итоге Киса был ужален этой самой осой в особо интересное место. Выскочив из кустов, он дико орал, матюгался и от боли чуть не плакал. Сгоряча хотел даже идти к врачу, но на своё счастье встретил Шмагу, который дал ему ценную мысль и был взят в долю на правах компаньона. Показывая ротозеям распухший и переливающийся всеми цветами радуги орган, они быстро сумели заработать по три рубля, которые тут же и пропили. На другой день опухоль спала, и предмет показа здорово пожелтел и потощал. А на «компаньонов» все ещё целую неделю смотрели с уважением - надо же, на такой пустяк, а сумели напиться!

Сейчас братья были заняты важным делом: идя вдоль железнодорожной насыпи, Лёнька учил Алика, что нужно делать при первом попадании «на тюрьму», как себя вести, что отвечать. Алик внимательно слушал и крепко всё запоминал - мало ли пригодится! А в том, что всё это может понадобиться, он практически не сомневался: почти вся бараковская молодёжь рано или поздно, но в тюрьму попадала. Да и не мудрено: слишком уж рано они начинали познавать свой ничем не ограниченный авторитет. Только при одном упоминании Ковырина ребята близлежащих районов, даже несмотря на разницу в возрасте, начинали лихорадочно обшаривать глазами ближайшие кусты, отыскивая пути к бегству. А если при этом упоминались Цыганский посёлок, бараки или ЦРМ, то дело принимало и вовсе скверный оборот - из пацанов можно было вить верёвки. Все они были слышаны о дерзких рейдах бараковской шпаны, когда провинившихся вытаскивали прямо из квартиры и метелили на глазах у родителей. В общем, с ними предпочитали не связываться и очень дорожили знакомством с кем-либо из них. Не видя достойных соперников, ковыринские зимой потихоньку разбирались между собой на катке стадиона, а летом дружно объединялись в борьбе против старого неприятеля - лукьяновской шпаны. На танцплощадке вагоноремонтного завода, или, проще говоря, ВРЗ, почти каждый раз вечера заканчивались страшными драками с кольями и поножовщиной. Борьба шла с переменным успехом: иногда ковыринские гнали лукьяновских аж до самого переезда на Клубова, иногда наоборот - лукьяновские преследовали врагов до переезда же

на Гагарина. В общем, всё зависело от количества пришедших на танцы с той и другой стороны.

Посёлок Куролит - это уже почти Лукьяново. Но Арижины ходили туда без всякой опаски, благодаря своему двоюродному брату - Пашке Арижину. Он давно уже перезнакомил братанов со всеми своими корешами. При подходе к посёлку они увидели у пруда весёлую ватагу гомонящих ребятишек, по очереди катающихся на плоту. Арижиным уже издали начали махать руками, приглашая присоединиться к забаве. Но сначала они зашли проведать деда Василия, где братьев тут же заслали на колонку за водой. Только после этого они благополучно отпросились гулять.

- А нам сегодня сосед Рафаля бритву говорящую показывал! - похвастал Алик, когда они уже сидели в самой гуще кустов ивняка и курили.

Двоюродный Пашка переглянулся со своим дружкой Колькой и засмеялся.

- Паришь ты всё!

- Говорящих машинок не бывает. Ври давай больше! - важно подтвердил смуглый длинноносый Колька.

- А вот и бывает! - не сдавался Алик. - Лёха, докажи!

Лёнька рассказал все подробности, и ему, как более старшему, поверили. Некоторое время помолчали. Пашка, решив взять небольшой реванш за говорящую бритву, отогнул лацкан старенького пиджачка.

- А у меня вон чего есть, - важно сообщил он.

На обратной стороне лацкана поблескивала медаль «За Победу над Японией».

- Подумаешь, - небрежно отмахнулся Лёнька, - я и не такие видел.

Алик же, наоборот, живо медалью заинтересовался.

- Ух, ты, здорово! Отдай, Пашка, а?

- Не отдам. Самому нужна, - гордо улыбался тот и отрывал от медали вцепившегося в неё двоюродного брата.

- Ну, отдай, Пашка... - всё ныл не теряющий надежду Алик.

- Ой, да сходи к дедушке - у него их целая куча. Я там самую красивую выбрал...

- Прямо так и отдаёт? - не поверил Алик. В его представлении настоящая медаль была чем-то далёким и нереальным.

- Ну, а чего ему? Жалко, что ли? У него их целая коробка, - сообщил Пашка. - Штук пять ещё осталось - сам видел.

Алик задумался. Щегольнуть настоящей медалью перед дружками - это, конечно, круто. Поэтому он твёрдо решил идти и договариваться с дедом. Но на всякий случай решил сделать ещё одну попытку.

- Ну, отдай, Пашка. Я тебя на гитаре научу играть, - и после небольшой паузы добавил: - Потом...

- А ты чо - на гитаре могёшь? - удивился Лёнька.

- Немного, - скромно потупился Алик. - Учусь ещё.

Зачем он это сказал - он и сам не понял. Шмага даже и гитару ему подержать ни разу не давал.

- Ну, вот научишься - тогда и приходи! - хохотнул Пашка.

Алик пробует ловить ужей

Похвастаться выпрошенной у деда медалью «За оборону Ленинграда» Алик так никому и не успел. Едва он заикнулся о ней Шмаге, как тот сразу же предложил продать медаль за трёшник, сказав, что через десять минут найдёт и покупателя. Алик моментально согласился. Через час Шмага принёс рубль двадцать и сказал, что «товар пристроен», но с остальной оплатой нужно подождать пару дней. Арижин почесал в затылке и нехотя согласился, тем более что рубль двадцать - это всё же деньги, а не «побрякушка» в кармане. А Шмага в тот же вечер загнал медаль цыганам за пятнадцать рублей и червонец с теми же цыганами и пропил. В общем, все остались в выигрыше: цыгане оттого, что недорого взяли медаль и продали Шмаге две бутылки водки, которые с ним же и высадили; Шмага потому, что заработал неплохую по тем временам сумму денег; а Алик, спрятав в надёжное место полтинник, на остальное купил папиросы «Север», лимонад с ирисками и всю угощал приятелей.

А между тем родители Арижиных решали вопрос о летнем отдыхе сыновей. Лёньку решили отправить на всё лето в деревню к бабушке, Алика же в пионерский лагерь на первую смену, а потом тоже в деревню. Алик нехотя, но всё же согласился, а Лёнька

неожиданно заартачился. Дело в том, что они со своим одноклассником Витькой Сиповым твёрдо решили этим летом купить мопеды. Мечта любого подростка - мопед «Рига-7» стоил аж сто двенадцать рублей. А так как таких денег у них не было, то они и решили немного подзаработать собиранием пустых бутылок. Бутылки из-под пива и водки принимали у стадиона по двенадцать копеек, а молочная посуда ценилась гораздо выше - её брали в любом магазине по пятнадцать. Друзья быстро прикинули в уме, что надо собирать не так уж и много - всего-то по девятьсот с мелочью бутылок на брата. За три месяца каникул, а то и раньше, вполне можно было с этим делом управиться. Правда, бутылки так просто на улицах не валялись, и их ещё нужно было отыскать. Но кореша знали места, где обычно выпивали мужики и оставляли пустую посуду. Да и мама ещё пообещала Лёнке дать ему рублей сорок.

Начало лета принесло с собой сильную жару. Дождей не было, по ночам стояла липкая духота, и ребятня в лагере спала только под простынями, а то и вовсе без них. Алик, бегавший по лагерю в одних шортах, быстро загорел, вернее - сгорел, и у него полезла лохмотьями кожа. Нос и щёки облупились, но он не обращал на это ровно никакого внимания.

В лагере он неожиданно подружился с тем самым пареньком, у которого они со Шмагой отобрали нож. Звали его Валерка Логинов. Алик обрадовался хоть какому-то знакомому лицу и, подойдя к Валерке, без обиняков предложил тому свою дружбу. Валерка с готовностью пожал протянутую руку и благоразумно предпочёл забыть майскую драку. Валерка-то и подал Алику идею отлавливать ужей, которых в ближайших кустах водилось великое множество, и сдирать с них кожу. Потом эту кожу, как объяснил Валерка, можно будет кому-нибудь продать, хотя бы на ремешок для часов. Алик нехотя, но всё же согласился - негоже выглядеть в глазах нового приятеля слюнтяем и трусом. Хотя он и знал, что ужи безобидны и не кусаются, но всё же определённую долю неприязни к ним испытывал. Первого ужа поймали под вечер. Он извивался в руке у Арижина и всё старался обернуться вокруг неё прохладной спиралью. Что нужно было делать дальше, Алик решительно не знал. Он стоял, далеко вытянув вперёд руку, и поджидал Валерку. Наконец, тот выскочил из-за кустов, увидел добычу и призадумался.

- Надо бы его того... убить его как-то...

Алика даже передёрнуло.

- Идея твоя, - сказал он, - вот ты и убивай.

Валерка осторожно взял ужа, зажал за шею и положил его голову на самый край какого-то пенька. Потом попытался придавить голову босоножкой. Уж бешено завывался кольцами. Валерка снова задумался.

- Жалко, что кирпичика нет, - горестно вздохнул он.

- А ты его с размаха об пенёк попробуй, - посоветовал Алик.

После двух хороших ударов уж притих.

- Всё, спёкся! Теперь шкуру станем снимать.

- Ну... снимай, - от побежавших по спине мурашек Арижина даже передёрнуло.

Логинов достал зелёный нож с множеством лезвий. Алик тут же остро позавидовал приятелю - такая вещь в магазине стоила не меньше десятки, а то и больше. Валерка, между тем, раскрыл нож и приступил к ужу. Но, как только он попытался резануть тому брюхо, уж подскочил с пенька, упал в траву и быстро пополз к ближайшей кочке.

- А и фиг с ним! - облегчённо перевёл дух Алик. Валерка с сожалением посмотрел вслед уползающему «ремешку» и принялся втыкать нож в пенёк.

А ещё Валерка рассказал Алику о своей любимой книге. Была она написана Фенимором Купером и называлась «Следопыт». В ней герой исходил все леса Северной Америки, живя только тем, что мог добыть с помощью своего верного ружья. Понятно, что друзья тут же принялись играть в охотников и даже всерьёз загорелись идеей сплавать на видневшийся невдалеке на озере остров. Но пока строили плот, смена в лагере кончилась. Да это и к лучшему, потому что плот, больше похожий на сплетённый из веток матрац, вряд ли выдержал бы и одного из них. И тогда приятели поклялись самой страшной клятвой, что следующим летом вернутся в лагерь и тогда уж обязательно закончат строительство и поплывут «открывать» остров.

Чайников «стучит» на соседей

... - То, что Рафаля показывал с бритвой - порожняк! - авторитетно заявил Лёнка. - Меня ещё лучшему фокусу научили...

Братьев загнали спать, родители смотрели телевизор, за стеной бубнил о чём-то Чайников.

- Хочешь послушать, чего там депутат тадычит? - спросил Лёнька у Алика. - Тогда тащи две железные кружки.

- А чего сразу - я? - заспорил, как обычно, младший Арижин.

- Ну, тогда и спи, - отозвался старший и отвернулся к стене.

Алику стало интересно: какой же всё-таки фокус хотел показать брат? Он нехотя встал и потащился на кухню.

- Куда? - окликнул его глава семейства, сидевший за столом и дымивший «беломоринной».

- А нам с Лёнькой воды захотелось...

- Кипячёная - в банке, - сказала мать. - Из ведра не бери.

- Ладно, ма...

Вода была благополучно доставлена в спальню братьев. Лёнька тут же выхлебал воду из обеих кружек и подал одну из них Алику.

- А теперь - слушай... - и прижав свою кружку доньшком к уху, другой стороной упёр её в стену. Алик поступил точно так же. Из-за стены доносился приглушённый, но отчётливый голос Чайникова, который доверительно поучал какого-то позднего гостя.

- Арбуз нужно есть обязательно ложкой. Разрезаешь его... м-м... налопопам и выковыриваешь серёдку. Всё аккуратно получается: и руки чистые, и морда не клейкая... Ну, куда ты харю в арбуз суёшь?! Деревня!

- А я так больше люблю, - отвечал гость голосом главного инженера завода. - Штоб вша морда кр-расная. Тогда... удо-вольштвия больше. А ты, мля, хоть и депутат, но ещё раз деревней назовёшь - все рёбра посчитаю. Не задумаясь...

Чайников что-то сбивчиво, косноязычно заговорил, видимо, оправдываясь. Затем раздался звон стаканов. После непродолжительной паузы опять послышался голос главного:

- Слушай, ты зачем в очередях за колбасой трёшься? Тебе что, спецраспределителя мало?

- Так ведь что - распределитель? Как депутата местного созыва всего два раза в год и подпускают к кормушке. Лимит... И опять же - поближе к народу, в очередях-то... Узнать, так-сказать, мнение трудящихся. Кто чем дышит...

Арижины так и прилипли к стенке, стараясь ничего не упустить из такого интересного разговора.

- Так что там насчёт квартиры? Посодействуй, Сергеич... Скоро ведь зеки дом-то на Кооперативной выстроят. Что мне - всю жизнь в бараке торчать? Другим-то, вишь, квартиры распределяю, но не у себя на заводе. Фронтовикам, мать их дери... Молодым специалистам... А себе? Что же, так и жить по-свински? И жена пилит постоянно - что за депутат, коль квартиру получить не можешь?

- Вот пройдёшь второй раз депутатом - тогда хатёнку и сделаем. Ноу проблем, как говорят проклятые империалисты на своём трижды долбанном... м-м... загнивающим Западе.

- Умный ты, Сергеич, - откровенно позавидовал Чайников. - Слова всякие... ровно с трибуны, говоришь. А кстати, насчёт Запада. Тут в соседнем бараке Лавриковы такие живут. Так они сыну проигрыватель недавно купили...

- Ну и чего? - удивился Сергеич. - У меня дома тоже стоит проигрыватель. В нём и радио ещё есть. Надоел Лещенко - цыганские романсы слушай, а не то радио включи: «Маяк» там или ещё чего.

- Вот в том-то и дело. Ты «Маяк» слушаешь, Лещенко там... а младший Лавриков всё не наши песни заводит. Ни одного слова по-русски. Может, там пропаганда голимая. Может, там наш родной Союз хают, а?

- А вот это не ко мне, - вдруг чего-то испугался гость. - На это есть соотвес... соост... в общем - органы есть. Вот туда и обращайся. На Менжинского.

- А чего это перебздел-то, Сергеич? Это же наше, общенародное, дело, так-сказать... Не отреагируй вовремя - так и мы загнить станем, а? А то ещё Рафаля Копытов всякие слова о партии говорил. С подначками. Да Арижиных сын мопед купил себе.

- Ну, это не криминал, - облегчённо вздохнул главный инженер, благоразумно обойдя вопрос о Копытове. - Не украл ведь. Пусть себе хоть и мотоцикл покупает. Растёт ведь благосостояние, м? Споём? Как там у Лещенко? «Я сегодня до зари встану...»

- Да подожди ты, Сергеич, с Лещенками. Ты знаешь, где он деньги на мопед взял? На-

собирал бутылок пустых и сдал их. Нет бы, в тихую всё, а он и хвастает всем. Да и отец его в открытую перед народом хвалится - вот, дескать, сыночек башковитый... На пустом месте мопед купил.

- И чего? - всё ещё не понимал крепко подвыпивший Сергеич, которому, судя по всему, просто хотелось ещё выпить и поорать песен.

- А того. Во-первых - бизнес, как в Америке. А во-вторых - Копытов ржёт каждый вечер: что, дескать, работу брошу и тоже пойду стеклотару собирать. Выгодней гораздо.

- А, брось! - отмахнулся инженер. - Чепуха всё это. Никуда не пришьёшь. Сейчас конвенции всякие развелись женеvские, туда-сюда... Забудь! Давай-ка, выпьем лучше, бараковский Зоркий глаз! Тем более что паренёк этот не спекулировал. Сам нашёл - сам сдал. Всё!

Через минуту из-за стенки послышался хриловатый голос инженера:

- Я сегодня до зари встану...

- По широкому пройду поло... - вплёлся блеющий тенорок Чайникова.

- Что-то с памятью моей стало...

Ленька оторвался от стенки, в сердцах кинул кружку на кровать и, передразнивая Чайникова, проблеял:

- Все, что было, не со мной - знаю... Стукач, гад!

Алик, подражая старшему, тоже швырнул кружку.

- Да слышал, этот-то сказал - фигня всё.

Ленька немного успокоился.

- Ладно, давай спать. Кинем ему завтра дымовуху в форточку. Покашляет, сволочь. И за себя, и за Лавруху с Рафалей. Ишь ты, всех вломил...

- Лёнчик, а в города давай поиграем? - спросил Алик уже со своей кровати.

- Не до того. Спи давай.

- А мы в лагере уже ловили, - сообщил, уже засыпая, Алик. - Там их полно, ужей-то. Ремешки из них можно делать...

Зачем жарят траву

Солнце катилось по синему августовскому небу большим круглым мячиком. Одурающе пахло скошенной травой, по стерне скакали кузнечики, шныряли туда-сюда большие стрекозы. Иногда из соседней деревни, которая называлась Савкино, доносило ветерком упругий и резкий, необъяснимо горьковатый запах: там на ферме готовили на зиму корма и для этого, как объясняла бабушка, «жарили траву». Алик тут же представил себе огромную, не меньше дома, сковородку, на которой жарился целый стог сена, а возле неё весело суетящихся полутолых мужиков с вилами. Но бабушка рассеяла иллюзии внука, сказав, что в Савкине на ферме просто есть сушилка. Разочарованный Алик не стал спорить, но иногда, когда запах становился особенно густым и тягучим, бросал всё и жадно принохивался, представляя себе всё ту же запредельно большую сковороду с сеном. Он целыми днями пропадал с удочкой на речке или же бегал по лесу, становясь Нати Бампо, про которого так здорово рассказывал Валерка Логинов. Изредка к младшему брату присоединялся Ленька, но в основном он гонял на мопеде с савкинскими приятелями. А Алик исползал на карачках уже все близлежащие поляны, отыскивая на них хоть какой-нибудь звериный след. Но почему-то следов не попадалось, и тогда он до одури метал стрелы из самодельного черёмухового лука в огромную, сильно похожую на раскоряченного старика, кривую сосну на опушке.

На выходные в деревню приезжали родители. Иногда к ним присоединялся младший брат матери со своим семейством - женой и двумя маленькими девочками-близняшками. Хотя они ещё и ходили в садик, но Алику было с сёстрами интересно. Набегавшись с ними днём, он на ночь плёл им всякие небылицы про чёрные пустые комнаты и про оживающих мертвецов. Этих страшилок он предостаточно наслушался на смене в лагере. «Одинаковые» - как называл сестрёнок Алик, делали большие круглые глаза и тихо скулили от страха, залезая с головой под одно одеяло. Алик довольно посмеивался и убегал из горницы, уверенный в том, что сёстры до утра из-под одеяла уже и носа не высунут. А в избе в это время отец с дядькой Жорой пили водку, вытащенную бабушкой из пузатого старинного шкафа, и закусывали жареными грибами. Все разговоры у них неизменно сводились к работе. Дядька Жора трудился на заводе, где ремонтировали трактора. Послушав недолго о способах обжига кирпича и о тонкостях тракторных передач, Алик сбегал на улицу, где на скамейке перед домом уже собиралась весёлая компания леньки-

ных друзей.

Но всё хорошее почему-то быстро кончается. Вот уже наступила середина августа, и братьев увезли в город. Верней увезли одного Алика, а Лёнька гордо ехал позади автобуса на своём мопеде. Алик с завистью смотрел на брата в заднее окно и изредка махал ему рукой. А где-то впереди уже смутно маячило первое сентября, школа и восьмой класс.

Ася Беркот

В школе Алик испытал настоящее потрясение: что-то такое произошло почти со всеми девчонками в классе. Сначала он никак не мог понять - что же? Вроде бы и выросли не сильно, и руки-ноги на месте. Но сделались они как-то женственнее, жеманнее как-то. На мальчишек одноклассников начали поглядывать чуть свысока, уже по-взрослому. У некоторых явно изменились формы, что особенно ярко было заметно на уроках физкультуры. Алик всё чаще начал бросать косые исподтишка взгляды на свою соседку по парте Светку Тюничеву. Особенно когда она склонялась над партой, что-то записывая в тетради. Тогда ляжки фартука на груди топорщились, приоткрывая мягкую такую округлость под форменным платьем. Арижин отчаянно краснел и с безучастным видом отворачивал лицо к окну, совершенно в такие моменты не понимая, о чём говорят учителя. А тут ещё через неделю занятий в классе появилась новенькая девочка.

Очень красивая - черноволосая и синеглазая, в сильно укороченном платье, открывавшем совершенно потрясающие ноги, и с такими признаками женственности в районе груди, что все мальчишки класса только ахнули. Ася Беркот. Из обычной деревенской школы. Её родители переехали в город, купив здесь кооперативную квартиру. Сама Ася на год всех их старше, потому что пошла в школу с восьми лет. Всю эту информацию мальчишки получили на большой перемене от Наташки Артёмовой, вместе с которой Асю и посадили за парту. Класс стало не узнать. Все дружно тянули на уроках руки: мальчишки - чтобы выглядеть умными в глазах Аси, а девчонки - чтоб утереть нос «этой деревенщине» и показать ей, как сильно она отстала от них в своём развитии. Ася же сидела за своей партой и только улыбалась под прицельными мальчишескими взглядами. Впрочем, отвечала она не хуже остальных и все пройденные темы, как оказалось, знала. А мальчишки буквально сходили с ума - на переменах чуть ли не вставали с ног на голову, стараясь вызвать хотя бы тень улыбки новенькой. Один Арижин не участвовал в общей эйфории. У него были дела поважнее. Они с Карлсоном и Стрижом наводили свои разборки за углом школы, ставя некоторых зарвавшихся за лето пацанов на место. И к тому же за первую неделю занятий он уже почти успел влюбиться в Светку Тюничеву. Они сидели за одной партой вот уже три года, и Арижин вообще ни о чём таком даже не задумывался - девчонка, как девчонка. Стройная, смешливая, светловолосая. И только сейчас начал замечать и тёплые светло-коричневые глаза, и чуть вздёрнутый носик, и какое-то особое к себе отношение с её стороны. «Да она же просто красавица!» - удивился он своему открытию и начал всё чаще болтать с ней на уроках и перенках. Правда, до того, чтобы провожать её из школы домой, он ещё не дошёл. А вот Асю Беркот уже провожали: Славка Мусаев и Серёга Княжинин. Они и в школе не отходили от неё ни на шаг, и вечером постоянно околачивались в её дворе, и на кистях рук выводили шариковыми ручками огромные буквы «А». Дошло даже до того, что и по утрам они начали появляться в школе втроём. Ася благосклонно принимала ухаживания обоих кавалеров, давала нести им свой изящный портфельчик и пакет со сменной обувью и свысока так поглядывала на девчонок. Арижина всё это забавляло, но совершенно не трогало - чего в жизни не бывает? А между тем новый учебный год прочно вставал на рельсы и начинал свой разбег в будущее.

Рафаля проводит экскурс по истории музыки, а Паисий Сусликов залезает в пруд

Володя Арижин и Рафаля Копытов сидели на парадном крыльце барака и дымили папиросами. Временами накрапывал мелкий октябрьский дождик. Сырой тротуар вдоль стены барака был завален жёлтыми листьями тополей и черёмух. Несильный ветер, изредка залетающий из-за угла, добавлял новые и новые листья. По тротуару иногда проходили прохожие, здоровались с приятелями и спешили дальше, стремясь побыстрее забраться в тёплое нутро своего барака.

- Слышь-ко, сосед, чего у тебя с дровами-то на зиму? - поинтересовался Копытов.
- Да ты чо? - удивился Арижин. - Я ж на заводе этих фиговин выписал, которые под

кирпичи ложатся - полков. Целую сарайку с пацанами за выходные забили. Шаркнул два раза пилой - и складируй. Они ж тонкие. Ты не видел, что ли?

- Да я, это... - засмутился Рафаля, - я и на улицу-то не вылезал.

- Чего так?

Копытов неуверенно поскрёб затылок, искоса посмотрел на Володю и начал прикуривать новую папиросу.

- Опять новую хреновину мастеришь! - догадался Арижин. - Чего на этот раз?

- Да я, это... в журнале, значит, вычитал. Только пока до конца не довёл.

- Дак чего не довёл-то? - начал терять терпение Володя. - Сапоги с подогревом или радио, которым бриться можно?

- Да пошёл ты... - огорчился Рафаля. - Я ему как другу...

Арижин засмеялся и приобнял Рафаля за плечи.

- Чего сразу в обиженку-то кидаешься? Уж и пошутить нельзя! Ну, давай, рассказывай.

Рафаля тяжело вздохнул, снова поскрёб затылок и, обречённо махнув рукой, выпалил:

- Цветомузыка!

Володя так и подпрыгнул на низенькой скамеечке. Лицо у него вытянулось, брови взлетели вверх, лоб сморщился складками. Он вытаращенными глазами смотрел на Копытова. Затем, вспомнив, однако, обидчивость друга, чуть успокоился.

- Что за... леший? - осторожно, словно боясь чего-то спугнуть, поинтересовался он.

Рафаля, вновь искоса глянув на друга - не издевается ли? - начал неторопливо излагать прочитанное:

- Люди, понимаешь ли, давно пытались связать как-то воедино музыку и цвет. Ладно, мы, недотыкомки... а вот композиторы видят музыку в цвете.

- Не понял, - честно признался Арижин. - С каких это бубликов музыка в цвете покажется? Это ж не меньше пузыря в одну харю засадить придётся.

- Ну, мы музыку только слышим, а к примеру, какой-нибудь там Лист или Григ - они, написано, видели целые цветковые картины. Берёт он, например, ноту фа - и видит красное. А фа с дизезом - уже розовое. А с бемолем - ближе к фиолетовому. Си, например, зелёное. Ну, и так далее.

- Ну-ну, - пробормотал, начавший кое-что понимать Володя.

- Вот они уже тогда пытались как-то соединять цвет с музыкой. Один, к примеру, на рояли шпарит, а второй в это время в специальном окошечке на сцене цвета на бумажках меняет. Публика в восторге - пищат там, хлопают, дамы кипятком писают... Красиво, в общем.

- Ага, как плёнка цветная у меня на телевизоре.

- Нет, тут другое.

- Так ты чего, все выходные бумажки, что ли, цветные малевал? - невинно поинтересовался Володя.

- Тьфу ты, - в сердцах сплюнул Копытов. - Вот и говори с дураком. Сейчас же в мире электроника всякая. Лампы там, диоды разные, конденсаторы. Вот в журнале-то после всех этих предысторий и дана схемка цветомузыкального устройства. Включаешь музыку, а на экране под матовым стеклом всякие огонёчки цветные шуруют. Лампочки перемигиваются. Баддэж, одним словом.

- Однако... - присвистнул Володя. - Ишь ты, мудрила какой. Так. Это ладно всё. Будет у тебя это устройство грёбаное. Цвето, знаешь ли, музыка или как его там... Устройство-то будет, а музыку где возьмёшь?

Копытов чуть стушевался. Похлопал себя широкой ладонью по карману в поисках папирос, потом по другому в поисках спичек. Закурил, тяжело вздохнул, словно приговорённый к казни, и виновато посмотрел на друга.

- Так у тебя ведь музыка-то. «Рекорд».

Арижин снова подскочил на скамеечке и непроизвольно открыл рот. Все знали его ревнивое отношение к магнитоле. Он даже Лёньке не давал к ней прикасаться.

- Че-его?

- Да не психуй ты, чудаков-человек, - сбивчиво зачастил Рафаля. - Там же выход специальный есть. С него либо на другую магнитолеу чего записать можно, либо ещё чего подключить. Вот и цветомузыку, например.

Теперь уже Арижин дрожащими руками охлопывал карманы, пытаясь найти папиросы. Но от расстройства так ничего и не нашёл.

- Рафаля, да ты что - издеваешься? Ведь сожжёшь магнитолау-то к чёрту! И не думай даже.

- Да ни хрена твоему «Рекорду» не будет, - набычился Рафаля. - Там есть гнездо входа и выхода. Всё предусмотрено. Когда ты с телевизора на магнитолау пишешь, то втыкаешь, даже и по самые бакинфарты, на «вход». А когда с магнитолау, то на «выход». В комплекте к магнитоле и шнур специальный есть.

Как ни странно, но упоминание о шнуре немного Володю успокоило.

- А ведь и верно - есть, - немного подумав, ответил он. - А точно, что не сожжёшь?

- На сто пятьдесят процентов! - радостно заорал Рафаля и принялся широченной ладонью усердно выколачивать пыль с володиного пиджака. - Мы им всем покажем! - и продолжал хлопать друга по плечу. - И попляшут же они у нас!

- Ага, попляшут, попляшут. Под цветомузыку, - не упустил случая съехидничать Арижин.

Володя Арижин немножко «навеселе» сидел перед телевизором. Под рукой привычно расположились пачка «Беломора», коробок спичек и пепельница. Галя сидела рядом и неторопливо щёлкала семечки. Сыновья ещё где-то гуляли. Теледиктор, хорошо поставленным голосом, сообщал в программе «Время» о каких-то важных решениях, принятых на Политбюро ЦК КПСС.

- Смотри, Володя, костюм-то у него какой хороший, - позавидовала Галина. - С «искрой». А галстук не очень. Ты из Цхалтубо лучше привез, когда в санаторий ездил. Там такие попугайчики вышиты...

Володя довольно хохотнул:

- Ещё бы! Я его у грузина из-под полы купил. Двенадцать рубликов остегнул! Этот, - кивнул он на телевизор, - поди, в два раза меньше меня получает. Языком молоть - не кирпичи обжигать! Если б им хорошо платили, то и все, глядишь, в дикторы полезли. Очередь бы, как за колбасой, была. Я бы первый пошёл!

- Тебя только там и не хватало! - засмеялась Галина. - С твоей-то лысиной!

- А я бы парик купил, - тоже похохатывал Володя. - Рыжий...

Он легонько приобнял жену за плечи.

- Хорошая ты всё же у меня!

Галина с готовностью примостила голову на плече мужа.

- Не то, что Валька Сусликова: чуть мужик выпьет - и пилит его, пилит, как пила ржавая.

- Так ведь что с вас взять-то? - удивилась Галина. - На заводе, как черти, выматываются. Еле ноги домой волокёте. Немного-то выпить можно.

- Вот и объяснила бы ты это Валюхе-то.

- Ещё чего! Чай, сама не маленькая - должна понимать. Просто над мужиком кобенится, власть показывает.

- Во! - обрадовался Володя. - В точку попала!..

Некоторое время помолчали. По телевизору начался прогноз погоды: побежали цифры температуры в разных столицах республик.

- Алик уроки-то сделал? - зевнув, спросил Володя.

Ответить Галя не успела, так как в это время хлопнула дверь и в кухню из коридора ввалились сыновья - чем-то довольные и весёлые.

- Ма, поесть бы чего! - с порога закричал старший.

Галина встала из-за стола и прошла в кухню. Достала из холодильника бутылку кефира и разлила её в две кружки. Потом отрезала два ломтя чёрного хлеба, чуть присыпала их солью и подала уже успевшим раздеться сыновьям. Они схватили еду и убежали за стол.

- Пап, сейчас кино классное будет! - возбуждённо выпалил Алик, быстро откусывая хлеб и запивая его кефиром. - Мне Карлсон сказал.

- Про что кино? - спросила из кухни Галина.

- Про разведчиков!..

Иван Бедырев вот уже почти четыре часа сидел за столиком в пивном заведении «Сильва» возле кинотеатра «Октябрь». За его столом успели смениться две компании знакомых мужиков. Теперь рядом с ним сидела испитая мадам. Откуда она взялась и как её звать, Иван не знал совершенно. Он мрачно потягивал пиво и изредка отрывал тоненькие ломтики от большого рыбьего хвоста. Бедырев вчера получил расчёт на своей фаб-

рике и теперь усердно его пропивал. Запрокинув далеко назад голову, он влил в рот остатки пива и, не глядя, подал кружку новой соседке.

- Добеги до Шуры, пусть повторит. Скажешь, что уже шестая. Она потом посчитает.

- А я тогда и себе кружечку?

Иван молча кивнул. Соседка, радостно прихрюкнув, тут же исчезла. «Вот ведь баба - оторви да брось!» - устало подумал он. Но дальше этого размышления о бабёнке не пошли. Другой вопрос волновал сейчас Ивана - куда устраиваться на работу? С баянной фабрики его турнули, и теперь перед ним неясно вырисовывались две перспективы: либо лыжная фабрика, либо кирпичный завод. На лыжной, говорят, почти нечего делать, но и зарплата аховая. На кирпичном же заработок больше, но надо и пахать, как чёрту.

К столику быстро подошла бабёнка с двумя кружками пива. Подала одну Ивану и тут же жадно присосалась к своей, даже не сдвув пену. Отпив примерно четверть, отняла кружку от губ и счастливо вздохнула. Над верхней губой запузырились белые пенные усики.

Дело уже подходило к закрытию. Посетителей было немного, все чинно сидели за столиками и вели свои нескончаемые разговоры. Неожиданно от стойки, за которой Шура наливала пиво, раздался чей-то смутно знакомый голос:

- Мне, Сура, бидонсик налей...

Бедырев, всё ещё не веря своему счастью, медленно повернул голову. Точно! Тот нахальный коротыш из очереди за маслом. Хорошо, если б с ним оказался кто-нибудь и из его тогдашних «заступников». Но нет, мужичонка был один.

«Хомяков, что ли? - попытался вспомнить Иван. - Нет, не Хомяков... Сусликов! Паисий! Так его тогда Зинка обозвала. Ну, всё - попрыгаешь ты у меня сейчас!» Он в два мощных глотка допил пиво и быстро вышел на улицу. Пристроился за углом и начал ждать появления Сусликова. «Или с ходу вырубить, или поиздеваться для начала, а уж потом и рога обломать? - лихорадочно размышлял он. - И так, и так ладно. Увидим». Сунул руку в карман за папиросами и неожиданно нащупал там перочинный нож. Тут же хищная усмешка растянула его губы.

Минуты через две из пивной вышел Сусликов с бидончиком пива. Бодро пройдя под фонарями у кинотеатра, он ступил на деревянные мостки, тянущиеся через поле до самых барачков. Невидимой тенью за ним неотступно, прячась в кустах, следовал Бедырев. В поле стояла темень. Луна была почти полностью затянута тучами, и лишь самый её краешек неясно отражался от сырых досок мостков. Такого освещения Сусликову вполне хватало. Пройдя метров сто, он остановился, отхлебнул из бидончика пива и закурил. Потом расстегнул ширинку и начал прямо с мостков поливать землю под ногами. И даже мурлыкал себе что-то под нос. Неожиданно сзади его обхватила поперёк груди чья-то огромная ручища, горла коснулось острое, и откуда-то сверху, как показалось - с неба, прохрипел рыкающий голос:

- Закатилось твоё солнышко!!

Сусликов задушенно пискнул и почувствовал, как брюки сзади стали горячими, и это горячее устремилось по ляжкам вниз и стало набираться в сапоги. В груди возникла ледяная пустота, и в этой пустоте, словно воробей, часто-часто затрепыхалось сердце. Рот произвольно открылся, и папироса выпала прямо на руку, сдавившую его, словно удав.

- Ик! - сказал он и начал вяло оседать вниз.

Но рука держала крепко, не давая рухнуть на мостки. Кончик ножа, будто ища наиболее уязвимое место, медленно передвигался по горлу, надавливая то тут, то там. В голове у Паисия помутилось, и он хотел было заорать благим матом, но вместо этого снова сказал:

- Ик!..

Запахло горелым - это задымился от упавшей папиросы рукав курточки напавшего сзади.

- Ах, чтоб тебя! - заругался голос.

Нож от горла исчез, рука, давившая грудную клетку, - тоже, и Сусликов мягким безвольным кулём повалился на землю. Тут же мощно запахло фекалиями.

- Так он ещё и обделался! - радостно взвыл голос. - Ой, мама, не могу! - и неизвестный, напавший в темноте на Сусликова, пошёл в сторону пивной, хохоча во всё горло.

Паисий медленно поднялся, всё ещё не веря в случившееся, и долго прислушивался к удаляющемуся смеху. Затем зло сплюнул и деловито ощупал штаны сзади. В таком виде являться перед женой было совершенно немислимо. Через пять минут над ним будут ухотываться все бараки. Это будет пострашней атомной бомбы, которой американцы угостили Японию.

Не забыв прихватить бидончик с пивом, Паисий тут же метнулся к ближайшему пруду, которых возле «Октября» было три. Быстро скинув с себя одежку, он бодро полез в ледяную воду пруда и начал застирывать там брюки. Потом дошла очередь до трусов, носков и сапог. Совершенно не помня себя от холода и кроя неизвестного шутника отборнейшим матом, он, наконец-то, покинул пруд и, громко лязгая зубами, принялся лихорадочно одеваться.

Переполошившейся жене объяснил, что в темноте забрёл не туда и ухнул в пруд. Жена с сомнением посмотрела на совершенно сухую куртку и на почти целый бидончик с пивом, но ничего не сказала. А Паисий, быстро переодевшись, побежал бегом на завод, чтобы всласть постоять под горячим душем. После душа он долго отпивался крутым чаем за рабочим столом у Арижина, вышедшего во вторую смену.

- Вот ведь казус высел, - горевал он, прихлёбывая из стакана обжигающий крепко заваренный чай. - Какие-то козлы с кольями от самой пивнуски гнали. Хорошо, сто в пруд успел занырнуть. Не то убили бы.

- Не огорчайся, Паиська, - утешал его Арижин. - Поспрашиваем у «Сильвы» завтра. Отыщем тех козлов.

- Нет! - испугался Сусликов. - Не надо спрашивать. Я, в обсем-то, сам виноват - обозвал их козлами, а они и обиделись. Не исси. Ну их к сёрту!

- Ну-ну, - неопределённо сказал Арижин и направился вдоль огромных печей, заглядывая в маленькие круглые окошечки, проверяя, как идёт обжиг.

Драка из-за бутерброда

На осенних каникулах выпал снег, да так уже и не растаял. Бараковские пацаны выгнали из сараек клюшки - начался хоккейный сезон. В огромном, заасфальтированном дворе столовой, припорошённом снежком, возникала на всю зиму стихийная хоккейная площадка. Ворота с успехом заменяли два кирпича, а о коньках даже и не помышляли - лучше всего бегалось в валенках. Даже если и попадёт клюшкой, то совсем не больно. В хоккей играли почти все: и восьмилетняя мелюзга, и здоровенные, уже призывного возраста усатые парни. Мощные спортивные баталии разворачивались прямо с утра. Ах, сколько было споров из-за каждого гола, жарких дебатов о положении «вне игры» и даже откровенных драк, когда не удавалось убедить противника словом! По вечерам в бараки приходила молодёжь из соседних кирпичных домов, с которой бараковская шпана дружила. Прогнав с площадки мелкоту, они начинали играть. Причём играли всегда «под интерес». То на вино, то на пиво, а то и на «слона». «Слон» - это когда проигравшей команде приходилось везти на себе «паровозиком» победившую. Обычно договаривались на пять кругов вокруг площадки, но больше двух-трёх никто ни разу не проехал - неизменно, где-нибудь на повороте, подгибались у одного ноги, и это вызывало цепную реакцию: начинал валиться весь «паровозик». И зрители, и сами участники «слона» хохотали до слёз, валяясь прямо на снегу и задирая ноги в небо.

Как-то раз Алик, решив поиграть в хоккей, взял, как обычно, клюшку и направился к Карлсону - собирать команду. С ним увязался и Шмага, околачивающийся в это время без дела в большом квадратном коридоре барака. Пока Карлсон одевался, Арижин и Шмага топтались перед его дверью. Шмага рассказывал какой-то анекдот, и Алик старательно его запоминал - чтоб было, о чём рассказать потом приятелям. Наконец, из своей комнатки вышел Карлсон. В одной руке у него была клюшка, а в другой он держал огромный бутерброд с колбасой. Поставил у дверей клюшку, достал из кармана ключ и начал одной рукой запирает замок в двери. Бутерброд он держал почему-то на отлёте, подняв его чуть ли не над головой. Шмага, естественно, никак не мог упустить такого момента и тут же легонько ударил снизу по руке Карлсона. Бутерброд взлетел в воздух и, по своему же собственному закону, шлёпнулся колбасой вниз на грязный дощатый пол барака. Карлсон развернулся и, недолго думая, заехал Арижину в ухо. Пока Алик приходил в себя от такой наглости, Карлсон с сожалением посмотрел на испорченный бутерброд и двинул Алику ещё раз.

- Блин!.. - взвыл Арижин и ударил головой в лицо другу.

Кроличья шапка-ушанка чуть смягчила удар, и поэтому Карлсон ощутимого урона не понёс. Он схватил Арижина за грудки и повалил на пол. И тут же они принялись кататься по полу, лягаться и волтузить друг друга по чему придётся. Шмага стоял, прислонившись к косяку двери, и смеялся, глядя на сопящих и пыхтящих друзей. Наконец, ему это надоело, и он, прихватив клюшку Карлсона, ушёл на улицу. Проходившая в это время по ко-

ридору барака бабка Поля - суховатая бойкая старушка - торогато растащила драчунов по сторонам и принялась их стыдить:

- Чего это не поделили-то? Вроде дружите, а тут же и дерётесь. Вот всё отцам-то и расскажу. Достанется ремня обоим.

Напоминание об отцах немного охладило воинственный пыл приятелей.

- Да он у меня колбасу из рук выбил! - задыхаясь, пропищал Карлсон.

- Да, а ты видел, что я выбил?! - заорал Алик. - Это Шмага тебе по руке саданул, - и снова подступил с кулаками к другу.

- Тихо, тихо, - отодвинула бабка Поля Арижина. - Хватит кулаками-то махать...

- А то чего будет? - шмыгнул носом Карлсон.

- А вот милицию-то сейчас и вызову.

Слова про милицию неожиданно рассмешили Арижина. Он представил, как в барак врываются дюжие дядьки в форме и тащат их с Карлсоном в тюрьму. Он неуверенно захихикал. Карлсону, видимо, представилось нечто в этом же роде, и он тоже начал смеяться. Довольная бабка Поля ушла в свою комнату, а друзья уже вовсю хохотали, держась за животы. Алик увидел на полу смятую и расплющенную лепёшку бутерброда, показал на неё пальцем и захохотал ещё громче. Наконец, смех пошёл на убыль, и Карлсон в знак примирения позвал Арижина к себе домой. Тут же сделали себе новые бутерброды.

- Чего это ты на меня-то сразу наехал? - обиженно спрашивал Алик, улетаая за обе щёки неожиданное угощение - колбасы он не ел уже недели три, а у Рохлиных колбаса водилась постоянно. Мать Карлсона работала на кассе в городской кулинарии.

- Да я как-то на Шмагу и не подумал, - оправдывался Карлсон.

- Думай в следующий раз, - посоветовал Алик и с сожалением посмотрел на последний маленький кусочек бутерброда. Потом тяжело вздохнул и отправил его в рот.

Через пять минут Карлсон закрыл дверь, повесил шнурок с ключом на шею и начал недоумённо оглядываться.

- Потерял чего? - спросил Арижин.

- Да ключка у меня здесь стояла. У дверей.

- Ну, всё. Это бабка Поля свистнула. Надо милицию вызывать!

- А, наверное, Шмага забрал, - догадался Карлсон. - Пошли к столовке.

Каким должен быть монтажник

Иван Бедырев после тяжких раздумий надумал всё-таки идти устраиваться на кирпичный завод. Долго болтаться без работы не следовало - иначе сразу же заинтересуются участковый. Доехал на автобусе первого маршрута до конечной остановки, которая как раз и находилась возле конторы кирпичного. Решил сначала сходить на завод - посмотреть, что к чему. Поспрашивать у мужиков, узнать, в каком цехе больше платят. И надо же такому случиться, что первым, кого он встретил, зайдя в основной корпус, оказался Паисий Сусликов. Он, пыхтя и отдуваясь, усердно пёр какую-то огромную железку, влоча конец по бетонному покрытию цеха. Иван невольно остановился возле фонтанчика с водой. Нагнулся к конусообразной раковинке, откуда кверху вырывалась невысокая струйка, и, косясь на Сусликова, начал прихлёбывать воду. Когда тот пройдёт мимо, то можно будет идти дальше, в поисках более подходящего собеседника. А Сусликов, увидев пьющего воду незнакомого мужика, тоже решил сделать остановку и напиться. Бросив железяку на пол, он вытер грязной рукавицей пот со лба и выжидающе застыл за спиной Ивана, нетерпеливо перетаптываясь с ноги на ногу.

«А отчего бы мне с этим засранцем не пообщаться? - неожиданно двинул под ребро Бедыреву какой-то весёлый бес. - Не рассмотрел же он меня тогда вечером!»

Он разогнулся, оторвавшись от фонтанчика, и, улыбаясь, посмотрел на Паисия.

- На работу вот хочу устроиться, - поведал он Сусликову.

Заинтересовавшийся таким оборотом дела Сусликов забыл даже о том, что хотел попить воды. Он с явным интересом рассматривал Ивана.

- Ты софёр? - почему-то спросил он - видимо, мощное телосложение Бедырева навязало на него какие-то ассоциации.

- Что? - не понял сначала Иван.

- Ну, на масыне ездис?

- А, нет, не на машине. Я, видишь ли, приятель, больше по монтажу...

- О, монтажник... - с явным уважением протянул Сусликов. Затем огорчённо вздохнул.

- Нет, монтазники нам не нужны. Мы тут кирпичи производим. А монтаз... нет. Не у нас.

Он нагнулся над фонтанчиком и принялся жадно прихлёбывать воду, явно сожалея, что не может помочь такому хорошему человеку. И к тому же монтазнику.

- Ты меня не так понял, дружище, - засмеялся Бедырев. - Это присказка такая. Я, мол, по монтажу: где посижу, где полежу...

От неожиданности Сусликов даже поперхнулся. Дёрнулся и, приоткрыв рот, посмотрел недоумённо на Ивана. С его губ стекали капельки воды. Наконец, понял. Неуверенно улыбнулся и вдруг начал громко хохотать - очень уж его, видимо, рассмешила такая присказка.

- По монтазу! - навалившись грудью на раковинку, заливался он смехом. - Посизу... полезу!

Затем разогнулся и, всё ещё похохатывая, похлопал Ивана по руке.

- Ты прямо клоун! Засем к нам идёс? Сол бы в цирк прямо. Там таких монтазников любят!

- Таких монтазников везде любят! - не без гордости ответил Иван и тоже хлопнул Сусликова по плечу. - Так что ты посоветуешь?

- Ну, хоросо платят на «песьках», на обзыге - но там усится нузно. Музыки в Ярославль на три месяца на усёбу ездили... На экскаваторе нормально полусяют. Крановсик тозе - Сяйников. А в остальных цехах одинаково. Сколько смен - столько и полуси. И распи-сьсь.

- Понятно, - бормотнул Бедырев. - А ты-то где пашешь?

- Я? В ремонтно-механическом. Слесарю помаленьку.

- Ага. И хороший слесарь?

Сусликов недоумённо посмотрел на Ивана.

- Хоросый... - осторожно заключил он. - Никто ессё не залуется.

- Ну вот. Я так и думал, - широко заулыбался Иван. - Не может, думаю, такой хороший мужик быть плохим слесарем. Рад, рад за тебя, дружище! - и тряс удивлённому Паисию руку своими огромными лапищами. - Побольше бы в нашей стране таких геройских слесарей водилось. Тогда пятилетки за три года, как семечки щёлкали бы. Да что тут говорить? Эх!.. - он даже сделал вид, что утирает невольную слезу. Затем нагнулся к самому уху Сусликова и горячо зашептал: - Трудись во имя развитого социализма, блудный сын Родины! И да воздастся тебе за твои заслуги сторицей. А там, где надо, всё видят и запоминают. Трудись! - ещё раз посоветовал Иван и хлопнул ошарашенного, совершенно выбитого из колеи, Сусликова по плечу. Затем нырнул в ближайший проём, из чрева которого доносился лязгающий грохот вагонеток.

Паисий стоял с открытым ртом и вытаращенными глазами. Затем, всё ещё находясь под впечатлением непонятной, но зажигательной тирады незнакомца, нагнулся над фонтанчиком, прибавил напор воды и подставил под выросшую тут же струю вспотевшее лицо. Холодная свежая вода привела его в чувство. «Удивительный человек, - размышлял он позже. - Ишь ты - монтажник...»

Вытащив железку на улицу, он бодро поволок её к ближайшей куче металлолома. И вдруг неожиданное воспоминание заставило его остановиться и застыть прямо посреди дороги. У незнакомца был прожжён левый рукав куртки! Маленькая такая аккуратная дырочка. словно бы прожгли папиросой. Паисий сразу вспомнил вечер купания в пруду в прошлом месяце и неизвестного чёрного человека, напавшего на него сзади. И запах гари от начавшей дымиться куртки. Его тут же кинуло в жар - а ну, как это он и есть? Тогда - всё! Беда...

Оставив свою железку там, где её кинул, он неверными шагами побрёл в цех. Отпросился у мастера, сказавшись больным, и отправился домой. Но по дороге к дому, немного придя в себя, он всё же решил, что не может такой хороший человек бегать ночью с ножиком по улице, и вот так, за здорово живёшь, пугать незнакомых прохожих. Нет, не похоже это на него. Совершенно успокоившись, он на всех парах промчался мимо своего барака. Ноги уже сами тащили его к «Сильве».

Алик справляет Новый год

Новогодняя ночь выдалась странной. Часов в десять вечера в небе грохотнул гром, и начал моросить настоящий дождь. В мутно-сером, с клочковатыми облаками небе подывал ветер. Алик Арижин, не одеваясь, сбегал в соседний барак к Карлсону. Посидел немного у него, смолотил два глазированных пирожных и небольшой кусок торта с чаем.

Тётка Тамара, мать Карлсона, пыталась, правда, навалить ему ещё и тарелку салата, но Алик, уже совершенно объевшийся, салат есть не стал. Вместо этого он договорился с Карлсоном о дальнейших планах на эту ночь. Самого Алика отпустили гулять до полтретьего, а Карлсон похвастал, что ему разрешили шляться хоть до утра. Арижин позавидовал другу и убежал домой. Дома он застал Рафалю Копытова, стоящего у перегородки и уже одетого. Отец тоже одевался: они с Рафалей работали в ночную смену.

- Долго не гуляй, - предупредил отец перед уходом. - Чтоб в половине третьего был дома.

- А Андрюху Рохлина до утра мать отпустила, - заныл Алик.

- Нечего тут у меня! - прикрикнул отец.

Взяв объёмистую сумку, он вышел за дверь. Копытов хитро подмигнул Алику, ткнул его пальцем под рёбра и поспешил следом. Алик тяжело вздохнул, достал из ящика коммоды изоленту и принёс из своей комнаты подаренную ему сегодня клюшку «Эфси». Уселся перед телевизором и начал наматывать изоленту на проклеенное стеклотканью перо. Совершенно не вникая в то, что творилось на экране, он думал о том, что, наверное, уже повзрослел. Раньше Новый год они с друзьями ждали, словно чудо, и начинали готовиться к нему уже с ноября. Тут тебе и ёлка, и подарки всякие. А вот теперь уже не то. Не то, да и всё тут! Хочется пошляться, побузить, может быть, и выпить даже. Кончилось ожидание чудес от новогодних праздников... В это время домой забежал Лёнька - он справлял Новый год у Витьки Сипова. Выпросил у матери пирогов и снова исчез, не забыв, однако, легонько щёлкнуть младшего по лбу. Алик расстроился ещё больше и чуть не плакал - все будут веселиться до утра, а ты изволь в половине третьего дома быть! Как несправедливы взрослые... Неожиданно он вспомнил фразу из книги, которую читал отец, - Алик залез в неё из простого любопытства, - что больше достаётся тем, кого любят. «Может, и меня любят? - подумал он. - Ну, мама-то любит, конечно. А вот батя, чуть чего, сразу за ремень схватится. И это любовь?..»

Бросив клюшку, он бесцельно побродил по комнате. Съел предложенный матерью кусок рыбника и только собрался выпить чаю, как из коридора послышалась глухая возня, грохот и хриплые матюги. «Дерутся!» - понял Алик и выскочил за дверь.

Драка, начавшаяся в их половине, уже успела переместиться в большой коридор. Витя Коржиков и Лёша Илюхин чего-то не поделили с Колей Макарычевым. Теперь они вдвоём пытались научить более молодого Макарычева жизни. И возможно, сумели бы, не примись из своего коридора на подмогу Коле Володя Шмагин. Силы уравнились, и кто кого сейчас учил - было совершенно неясно. Тут же вертелся и Сусликов. Но на чьей стороне были его симпатии, никто так и узнал: смело бросившись в круговорот потасовки, он тут же получил в ухо от Коржикова. Когда же попытался заскочить туда и во второй раз, то сразу сумел поймать под глаз кулак Шмагина. После этого Паисий только прыгал вокруг дерущихся и воинственно потрясал кулаками.

В это время из своей комнаты вывалился пьяный, едва стоящий на ногах, Чайников. Увидел драку, заулыбался и, засучив рукава белой рубашки, словно бык попёр на мужиков. Боднул головой в спину Макарычеву. Коля развернулся и хлётко, без замаха, саданул в лоб «избраннику народа». Тот отлетел в аккурат к своей двери, да так там и остался, лёжа в неудобной позе на животе. Алику стало смешно - Чайников неожиданно напомнил молодого барана Мишку, виденного им в Савкине. Тот тоже как-то раз попытался встрять в драку между трактористами и так же точно получил по лбу. Только сапогом.

- Коммуниста убили! - завизжал Паисий Сусликов.

Драка тотчас прекратилась. Мужики подбежали к Чайникову и перевернули его на спину. Володя Шмагин встал на колени и приложил ухо к груди депутата.

- Дрыхнет, зараза! - спокойно констатировал он.

Мужики облегчённо вздохнули и разом загомонили.

- Вот гад! - трясся в ознобе Макарычев и недоумённо вертел перед глазами всё ещё судорожно сжатый кулак. - Чутка под статью не подвёл!

- Жмуром прикинулся! - восхищённо дубасил по спине Сусликова Илюхин.

- Хамелеон... твою в душу мать, - ругался Коржиков. - Перевертыш!

Взяв Чайникова под мышки, мужики втащили его к нему в комнату. За столом сидели какие-то гости, а в углу громко орал телевизор.

- Никакой совсем, - объяснил Шмагин жене Чайникова. - Куда бы его, Роза, приспособить-то?

- Да оставьте его здесь, - засуетилась Роза, полная завитая брюнетка. - Мы его сами уложим.

- Ну, ладно, коли эдак-то, - согласился Шмагин и скользнул быстрым взглядом по ломящемуся от спиртного и закусок столу.

- Во гад живёт-то! - уже в коридоре, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал он. - Тоже, что ли, в депутаты пролезть?..

Алик, с удовольствием посмотревший драку, убежал к себе: до двенадцати оставалось минут двадцать. А там уже можно было идти гулять.

... На заводе в это время за столом Арижина спокойно выпивали: он сам, мастер ночной смены казах Ержанов, Рафаля Копытов и Вася Бесков.

- Когда цветомузыка-то будет готова? - спросил Арижин у Рафаля.

- Чо за фиговина? - удивился Ержанов.

- Потом, Талеутбай Сетбекович, объясним. Так чего, Рафаля?

- На днях, - пообещал Копытов и захрустел солёным огурчиком.

Пацаны всей толпой решили идти к школе - немного «погонять микраха». Собралось человек десять. Тропинка через поле трактороремонтного завода, на котором ржавели огромные полуразобранные трактора, после прошедшего недавно дождика оказалась совсем скользкой. Подвыпившая молодёжь то и дело соскальзывала с неё и валилась в снег. Каждое падение сопровождалось громовыми взрывами смеха и шутками. Минут через пятнадцать добрались до окраины микрорайона. Там пошли уже по более широкому, но таким же скользким тротуарам. Арижин со Стрижовым - широкоплечим крепким парнем - завернули за угол ближайшего дома - сказывалось пиво, которым угощал Карлсон. Когда выбрались из-за угла, дружков уже не было, и только вдали слышался затихающий хохот и пьяные выкрики.

- Давай догоним! - Алик быстрыми шагами понёсся вслед за толпой.

Уже дойдя до угла детского сада, понял, что Стрижа рядом нет. Недоумённо оглянулся. Стриж у подъезда нового панельного дома отчаянно лупил какого-то паренька. Алик кинулся к ним.

- Чего тут у тебя?

- Деньги, гад, не хотел отдавать, - хриплым голосом пожаловался Стриж. - А я всё равно забрал!.. У-у, салабон! Я тебя ещё после каникул в школе встречу... Чтоб рубль принёс, понял?

Парень согласно закивал. Он сидел возле круглой колонны, поддерживающей бетонный козырёк подъезда, и обеими руками закрывал голову.

- Ты его знаешь? - спросил Алик у Стрижа.

- А вроде как у нас в школе учится. Хрен его знает, - ответил Стриж. - Ты у нас в школе учишься? - поинтересовался он у парня.

Тот снова быстро и согласно закивал головой.

- Меня знаешь?

- Да, знаю, - наконец-то заговорил пацан.

- Всё. Чтоб после каникул рубль, нет... лучше два рубля принёс. Мне и Альке. Иначе башку оторву.

Они отошли от подъезда.

- Я его на трёшник обул, - похвастал Стрижов Арижину. - Пусть только попробует деньги потом не принести. Я ему... - тут он обернулся и погрозил кулаком в сторону пустого уже крыльца. - А здорово это всё!

- Чего - здорово? - не понял Алик.

- Ну, это... Когда тебя все знают и боятся. Я ему говорю - деньги давай, а он толкует, что дома забыл. Я говорю - обшмонаю, хуже будет. Карманы ему вывернул, трёшник и надыбал. Ну, и давай его метелить. А он ещё здоровей меня, сволочь. А только закрывается. Ссыкун гад...

Дружков они нашли возле школы. Те уже успели избить какую-то ночную компанию и думали теперь, что делать дальше. Наконец, услышали какие-то неясные крики от гаражей и поспешили туда. Там, под фонарём, пятеро парней восьмиклассников с увлечением стреляли из коротких, выструтанных из дерева, ружей по пустой железной бочке алюминиевыми пулями.

- Во, ёшкин кот, дают! - изумился Карлсон. - Чо, им в Новый год заняться нечем, что ли?

У парней тут же отобрали ружья и выстроили их возле ворот гаража. Заставили нагнуться и приспустить брюки. Двое было заартачились, но их тут же избил и всё равно поставили рядом. Потом начали стрелять из отображенных ружей по голым задницам. Каж-

дое удачное попадание приветствовалось громкими восторженными криками. Через пять минут пульки закончились, а отыскивать их в снегу никто не захотел. Дав на прощанье каждому парню пинка и забрав с собой ружья - будет потом чем в «войнушку» поиграть, довольная шпана отвалила домой в бараки. В половине третьего Алик был уже дома. Выпросил у матери кусок пирога с маком и утащил его к себе в постель. Съел и тут же уснул.

«Голубой огонёк» уже кончился, и Галя Арижина собралась ложиться спать. В это время раздался громкий стук в дверь. Галя недоумённо пожала плечами.

- Открыто, заходите!

В кухню вошли Тоня Кондрашина, буфетчица из «Октября», и Вера Копытова, жена Рафали.

- Как ты тут одна-то, подруга? Давай-ка выпьем с нами, да посидим рядком, поговорим ладком... У нас и вина бутылка припасена ещё.

Галя быстро выставила на стол пироги, достала из холодильника селёдку, колбасу и тарелку солёных рыжиков.

- Ого! - обрадовалась Тоня, полная весёлая молодуха с химической завивкой и жёлтыми крашеными волосами. - Смотри-ка, Веруня, тут нас пирогами кормить наладились!

- А и хорошо, - отозвалась Вера Копытова и застенчиво улыбнулась. - Давно пиригов-то не едала. Сама я не очень, а вот мама у меня мастерица прямо по пиригам. А ты, Галина, в электрической ведь духовке печёшь?

- Так ведь не на завод хожу. Хоть там у Володи и печка шикарная есть, - легко засмеялась Галя.

- Видела я ту печку! - захотела Тоня. - В ней только кирпичи и можно испечь, а от пиригов одни головёхи останутся!

Галя подозрительно покосилась на Тонию: когда это она видела обжигальную печь? И вообще, Тоня шла по жизни легко и непринуждённо: меняла кавалеров, словно перчатки иная модница, и больше полугода у неё ни один из них не задерживался. Причём далеко не все из них были холостяками. Заметив взгляд Галины, Тоня засмеялась ещё пуще.

- Да не твой Вовка мне экскурсию устраивал, не боись!

- А кто тогда?

- А какая разница? - Тоня закинула за голову полные руки и мечтательно улыбнулась. Тут уж занервничала Вера Копытова.

- Уж не электрики ли часом?

- Да что вы, девки? - ошарашенно взглянула на подруг Тоня. - Не стану я ваших мужиков уводить. И не мечтайте. Меня кто помоложе интересуют.

- Так кто тебе печку показывал? - чуть не хором спросили Галина и Вера.

- А Женья Ботезату. Что, съели? И вообще: давайте выпивать - Новый год всё-таки!..

Когда бутылка красного вина была допита и подруги, вдоволь напевшись песен и съев всё, что было на столе, ушли к себе, Галина быстро помыла посуду, выключила свет и присела у окна. Прямо напротив парадного крыльца барака горел фонарь. В его свете, косо падающем на тротуар, была видна паутинка мелкого дождичка. Капли, словно блёстки, вспыхивали на мгновение и снова исчезали, уступая место своим сёстрам, спешащим сверху. Странной выдалась новогодняя ночь. С дождём и громом. За всю свою жизнь Галина такого ещё не видела, хотя по молодости где только ей не приходилось встречать этот праздник: и в Архангельской области, куда их, молодых послевоенных деревенских девчонок отправили на торфоразработки, и в Мурманске, где она жила четыре года, работала на телеграфе и там же выучилась на портниху. Галина любила иногда так вот просто посидеть у окна и посмотреть на улицу. Хорошо думалось в такие моменты. Или наоборот - не думалось ни о чём. Лёнка уже почти взрослый. Закончит в этом начавшемся году десятый класс, а там уж и армия на носу. Куда и отправят служить? Хорошо бы не за границу. Хоть Германия и Польша братские страны, но дома-то лучше. Спокойнее как-то. А то ещё могут и на Кубу сунуть. А там уже почти Америка. Враги и поджигатели войны, о чём не устают талдычить по телевизору. Галя вздохнула. Из комнаты мальчишек донёсся скрип кроватных пружин: Алик во сне мечется. Беспокойно он спит в последнее время. Бывает, что и одеяло на пол сбросит - так уж бьётся да колготит ногами. Галя встала и прошла в комнату сыновей. Так и есть! Одеяло уже почти сползло на пол, а сам Алик спокойно развалился на спине. Галя поправила одеяло и, не удержавшись, погладила сына по голове. Алик недовольно дёрнул головой и быстро повернулся на бок. Галя подумала о том, что у него слишком уж длинные волосы и что пора уже отправлять его в парикмахерскую. Хотя с каждым разом сын всё более недовольно воспринимал

эти походы. Последний раз - перед школой, что ли? - отец чуть ли не с ремнём заставил его идти стричься. А в общем-то, куда ни посмотри - вся молодёжь сейчас ходит по улицам волосатая. Говорят, что мода такая. Шьют себе клёши, чуть ли не по сорок сантиметров, завешивают глаза чёлками: и не поймёшь сразу, кто перед тобой - парень или девчонка. Только по губам и можно их отличить - у девок губы крашенные. Мать снова погладила Алика по голове и вышла из комнаты. Уже половина шестого. Скоро и Володя с работы придёт. Позёвывая, она прошла в кухню, включила свет и принялась готовить салат - мужа кормить надо, ведь Вера с Тоней подмели всю еду из холодильника.

За что принесли повестку

Приблизительно через неделю к Арижиным настойчиво постучали. Открывший дверь Володя в недоумении застыл на пороге, увидев трёх мужиков с красными повязками на рукавах пальто.

- Арижины здесь живут? - поинтересовался один из них.

- Да, здесь, - растерялся Володя. - Проходите...

Дружинники неуверенно переглянулись. Из-за спины Володи была видна комната и стол, за которым сидело человек восемь бараковских мужиков. Из динамиков магнитолы громко орал Высоцкий, а комната озарялась яркими разноцветными вспышками света.

- Нет, мы на минутку. Участковый велел повестку передать, - сказал, видимо, старший из этой троицы и протянул Володе небольшой лист бумаги. - Пойдёмте, товарищи... - и ещё раз с недоумением заглянул в комнату, после чего пожал плечами и быстро вышел из коридора.

Володя захлопнул дверь и прошёл в комнату. Мужики с интересом пялились на плоскую коробочку размерами примерно с телевизор и с матовым стеклом вместо экрана. За стеклом переливались цветные огни - это Рафаля Копытов демонстрировал приятелям давно обещанную цветомузыку. Всё было в диковинку, и зрители от восторга только хлопали себя по ляжкам и вовсю хвалили Рафалю:

- Вот Рафаля-то у нас молодец!

- Точно. Здорово придумал!

Копытов улыбался и оправдывался:

- Да это не я придумал-то. Я в журнале вычитал. Да и собрал. Труднее всего было достать тиристоры. Я их на Техмаше у мужика знакомого купил... А так-то нет их нигде в городе.

- Так уж и нет... - не поверил Володя Шмагин.

- Точно говорю! - горячился Копытов. - Только в светофорах и есть - а не попрось же я светофор разбирать. Иначе ещё месяц назад сделал бы. Дефицит, блин...

- Какая-то фигня - и то в дефиците, - обратился Вася Бесков к Лёше Илюхину. - Ладно, там сапоги югославские для баб или колбаса. Это я ещё понимаю. Но какие-то... тристоры? Бардак, мля...

В это время в комнату зашёл Арижин с повесткой в руках.

- Кто там приходил? - спросил Рафаля.

- Дружинники, - ответил Володя. - Повестку принесли.

- Во, Рафаля, - засмеялся Шмагин, - это Чайников уже в милицию про твою цветомузыку стукнул. Типа проводник буржуазных идей. А советскому человеку все эти цветомузыки несвойственны!

- Да пошёл ты, - обиделся Рафаля. - Я это как раз в советском журнале «Радио» и вычитал, между прочим. Так что - не шлёпай языком-то... Что за повестка? - обратился он уже к Арижину.

- Сейчас, очки найду, прочитаем. Блин, где очки-то?..

Когда Алик прибежал домой к программе «Время», отец встретил его спокойно. Мужики уже разошлись, и Володя сидел за столом, читая какую-то книгу. Галина работала во вторую смену, и поэтому он мог поговорить с сыном без особых помех.

- Иди сюда, - позвал он сына.

Тот сразу же насторожился, уловив в голосе отца предупреждающие нотки.

- Чего, папа?

- Ну, рассказывай, чего натворил?

- Ничего... - опешил Алик. - В хоккей вон играли. С Карлсоном, да ещё пацаны были.

- Ну, ладно. За хоккеей, конечно, повестку не принесут - мало ли кто там у кого выиграл. Тогда за что?

- Какую повестку? - даже затрясло Алика.

- Какую? - грозно переспросил отец. - В комиссию по делам несовершеннолетних вызывают. Вот какую!

- В комиссию?.. Да я, папа, ничего и не делал, - и начал потихоньку-потихоньку пятиться к двери. А в голове сразу забила суматошная мысль: «За что?» Отец, тотчас разгадавший нехитрый маневр сына, успел схватить его за ухо и подтащить к столу.

- Нет уж, ты присаживайся. Сейчас вспоминать будем.

«Вот это влип! - решил Алик. - Но за что всё-таки на комиссию-то тащат? Да ещё повестку принесли...»

- Уроки прогуливаешь? - продолжал допытываться отец.

- Да нет, в общем... Как все.

- Куришь? Дерёшься много? Маленьких обижаешь? - и уже подводил сына к главному, ради чего и был затеян весь разговор. - Украл чего?..

Алик облегчённо перевёл дух. Немного даже расслабился.

- Не, па. Скорей уж за драку какую-нибудь. А я даже по карманам в раздевалке в школе не шарю. Хотя многие и лазают. На фиг мне оно.

- На фиг, говоришь? А зачем тогда вызывают?

- А может, перепутали с кем? - лихорадочно начал соображать Алик.

- Не воровал, значит? Ну, ладно. Послезавтра схожу на эту комиссию грёбаную. Послушаю, что там толковать станут. Но запомни: всё прощу, а если узнаю, что воровать начал, - лично все руки повыдёргиваю...

Удивлённый и обрадованный, что так легко отделался, Алик тут же убежал в свою комнату и забился в постель. «За что, ёлы-палы, вызывают-то? - уже засыпая, пытался вспомнить он. - Вроде никого не убил, ничего не украл. А повестку принесли. Вот гад, загадка природы! В чём тут фишка?..»

А «фишка» оказалась вот в чём: тот парень, которого избил в новогоднюю ночь Стриж, тут же пожаловался отцу. А так как барановскую шпану в школе знали, как облупленную, сразу выдал и имена. Отец побежал к участковому и написал заявление. Члены комиссии по делам несовершеннолетних после недолгого разбирательства постановили: Стрижа отправить в колонию для малолеток, а Арижина поставить на полгода на учёт. На всякий случай. Чтоб неповадно было вместе с «бандитами» по ночам шастать. Здесь надо заметить, что до Стрижа добирались уже давно. Он несколько раз сбежал из дома, прогуливал занятия в школе иногда неделями, несколько раз задерживался милицией и дружинниками за драки и пьянки. К тому же к моменту разбирательства дела он успел снова напортачить: умудрился высадить стекло в детском саду и зачем-то залез туда. Правда, украсть ничего не успел, так как был вовремя схвачен сторожем.

Удивлённый и ошарашенный Володя Арижин взял вечером бутылку и отправился в гости к Копытову.

- Стрижонку-то два года «малолетки» сунули. А и правильно - не хрен деньги отбирать и пацанов за так просто мутузить. А мой дурак просто посмотреть подошёл. Рот разинул. И его тут же пристегнули.

- Им тоже показатели нужны - не зря, мол, штаны протирают, - глубокомысленно заметил Рафаля.

- Уж скорей - юбки! - хмыкнул Володя. - Там больше половины - не поверишь - бабы!

Рафаля заоблизывался.

- Вот бы нам с Макарычевым туда пристроиться. Мы бы маху-то не дали! Даже и по самые бакинфарты не дали маху-то!

- А-ха-ха! - засмеялся Арижин. - Там все они карги старые и крашеные! Хотя, - тут его взгляд стал задумчивым, - есть там одна... и ничего вроде. Молоденькая... Хотя и самая стерва. Она Алику постановку на учёт и сосватала.

- Ну, а дальше что? - поинтересовался Копытов. Он сидел, вальяжно развалившись на стуле, и ковырял в зубах спичкой.

- А теперь проверками менты заманают, - даже поёжился Володя. - Чтоб в семь вечера уже дома был. Да в секцию сказали записать надо. Потому как досуга у ребятни нет. Вот и шпанят ходят.

- В секцию - это правильно, - загудел Рафаля. - Это давно пора. И для здоровья полезно. Ты, давай, запиши его в бокс.

- А что? Можно, - согласился Володя. - Наливай...

Алик задумывается о жизни, а Гойко Митич прыгает в воду

В первый же день после каникул класс облетела потрясающая новость: в новогодние праздники Асю Беркот, совершенно пьяную, видели с двумя десятиклассниками - Мамонтом и Гуляем. Они выходили под утро из подвала недавно выстроенного дома. И чем они там занимались - было ясно всем. К Асе тут же прилипли две девчонки, Оля Шишкова и Наташка Клеер, и уже не отходили от неё все перемены. О чём-то загадочно шушукались и стреляли глазками на проходящих мимо старшеклассников.

«Во дают! Кобылы...» - изумился Арижин и отыскал взглядом Светку Тюничеву. Она стояла у окна и смотрела на улицу. Лучи неяркого зимнего солнца косо падали на неё сквозь стёкла, и от этого её стройненькая фигурка так, казалось, и вспыхивала своим собственным светом. Арижину непреодолимо захотелось вдруг постоять рядом, сказать что-нибудь хорошее.

- Как каникулы? - спросил он, подходя к окну и запрыгивая на подоконник.

Светка несколько удивлённо посмотрела на него и неопределённо хмыкнула:

- Как обычно. А чего это спрашиваешь-то?

- А у меня фигово, - неожиданно признался он. - На учёт в милицию поставили. Отца вон в комиссию таскали.

- За что?

- А, так... - неопределённо протянул он.

- И чего теперь? - продолжала допытываться она.

- Не знаю, - откровенно ответил Алик. - Может, в секцию какую запишусь.

- Зачем тебе в секцию? Тебя и так многие боятся...

Арижин с интересом посмотрел на Светку.

- А в секцию ходят для того, что ли, чтоб тебя боялись?

- Ну, в основном...

- А я, может, в Дом пионеров на шахматы хочу ходить.

Светка фыркнула, представив, видимо, Арижина за шахматной доской, и как-то очень уж по-взрослому сказала:

- Замеля!..

Алик заулыбался и немного поёрзал на подоконнике.

- Слушай, Света, а у тебя дома Есенин есть? А то в библиотеке одни только детские стихи. «Берёза» там, ещё ерунда всякая...

Светка крайне удивилась.

- Арижин, зачем тебе?! Ты что, за каникулы с ума сошёл?

- Да сейчас проверяют меня по вечерам. То, блин, дружинники припрутся, а то участковый. Вот и сидишь постоянно дома. Хоть чего-то помаленьку читать начал.

- Ну, Арижин, ты даёшь! Хорошо, я спрошу у папы. А за что на учёт-то всё-таки поставили?

- На всякий случай, - гордо ответил Алик и, соскочив с подоконника, вразвалочку направился к группе одноклассников, которые всё ещё обсуждали новогодние похождения Аси Беркот.

Хоть Алик и хорохорился перед Светкой Тюничевой, но на душе у него скребли кошки. За Стрижом два дня назад приехали милиционеры и увезли его.

«А если б и я тому козлу по морде дал? То и меня бы упаковали? - горестно размышлял он, шагая по тропинке к баракам. Хоть и был он готов, как, впрочем, и все бараковские ребята, к такому обороту дела, но всё же попадать в колонию «ни за что» ему не хотелось. - А может всё-таки Стриж не прав? Набил морду, забрал деньги, заставил ещё принести... А я бы чего сделал? А если б этот придурок не Стрижу попался, а мне? Если бы я его отметелил? Тогда - всё? Прощай бараки, школа, папа с мамой, Светка... Как тогда Стриж-то сказал, что приятно, когда тебя все боятся. Приятно, конечно. Но... дома-то всё-таки лучше. Блин, как-то это всё не так получается. Участковый сейчас только и ждёт от меня залёта. А там - уже на Шексну собирайся. Или в Грязовец - «малолеток» полно по области. Нет уж, на фиг! Полгода-то протяну без залётов, пока с учёта не снимут. А там - посмотрим...»

Придя домой, он привычным движением вытащил из-под керосинки ключ и открыл дверь. Не проходя в комнату, тут же в кухне, отрезал горбушку от буханки чёрного хлеба, полил её подсолнечным маслом и посолил. Затем подсел к столу и быстро решил в

черновике домашнее задание по алгебре. «Ну и хватит! - решил он и начал переодеваться, на ходу доедая горбушку. - Остальное вечером доделаю».

Посидели немного у Карлсона, а потом побежали в кинотеатр на дневной сеанс. В «Октябре» уже третий день крутили дефовский фильм «Оцеола» с Гойко Митичем в главной роли.

- А он как ему даст! - восторженно орал Карлсон после фильма и даже наглядно демонстрировал, как «тот» дал «тому». - А этот и с копыт долой!

- А видел, как он клёво в воду прыгнул? Боком! Я летом попробовал, дак чуть шею не сломал, - восхищался Алик.

- Они все, индейцы, боком в воду прыгают, - авторитетно заключил Карлсон. - Я ещё в «Золоте Макены» видел. А как этот-то кричит: «Карачун тебе, типа, бледнолицая собака!»

- Ага. А тот молодец. Не сдрейфил, хоть и бледнолицый, гад.

- Чинный фильм!

- Ну!..

Какую пользу можно извлечь из чтения вслух

На другой день Светка Тюничева принесла обещанную книжку Сергея Есенина. Книжка была завёрнута в газету и на ощупь оказалась не больно и толстой.

- На три дня только, - шёпотом предупредила Светка на уроке немецкого, передавая под партой книжку Арижину. - И страницы не порви. Отец под честное слово дал.

- Ладно, - так же шёпотом ответил Алик. - Не бойсь. Сама-то читала?

- Чуть-чуть. Некогда всё было.

- Гулять, что ли, ходила?

Светка подозрительно посмотрела на Алика.

- А что, не могу?

- Нет, почему... - стушевался Алик. - Гуляй, сколько влезет. Я ведь спросил только.

- Ага. Значит, разрешаешь гулять?

- Да чего ты прицепилась-то? - опешил Арижин. - Я же тебе не нянька. Я чо, за тобой следить, что ли, стану?

- А и мог бы, - едва слышно прошептала Светка и отвернулась.

Алик почесал голову.

«Она что, издевается, или как? - подумал он. - Или они все сбрендили после Нового года? Подумаешь, Беркот по подвалам шастает. Так теперь и всем надо?»

Он уже начал замечать у девчонок в классе и чуть подкрашенные губы, и подведённые ресницы, и утончившиеся брови... Маленькие, невинные ухищрения. Но девчонки стали красивей. На перемене к Арижину подошёл Шмага и спросил, в его ли классе учится некая Ася.

- Зачем тебе-то? - удивился Алик.

- Зачем и всем, - загадочно ответил Шмага.

- Ну, вон она стоит. В середине, - указал Арижин на трёх девчонок.

- Ага, - кивнул Шмага. - Ясно...

Дома Алик первым делом освободил от газеты светкину книгу. Тут же бегло её пролистал, теща себя слабой надеждой - а ну, как Светка туда хоть маленькую записочку вложила? Или где-нибудь на полях пару слов черкнула. Нет, записки не было, а поля были чистыми. Он тяжело вздохнул - не любит она меня, зря и надеялся! - и открыл первую страницу. И тут же застыл, прикипел взглядом к названию. «Радуница». Что это такое, откуда?! Слово напомнило деревню и умытый дождём лес, над которым выткался горбатый гобелен радуги. Взгляд скользнул ниже и пошёл, пошёл захватывать всё новые и новые строчки. И представлялся ему странник Микола, умывающийся белой озёрной пеной, и божья мать, кормящая голубей рожью. Откуда-то он всё это уже знал и помнил, и примерно то же самое испытывал, шатаясь в одиночестве по лесу. Когда валялся на мягком, прогретом солнцем, упругом мхе болотца и неотрывно глядел на верхушки чахлых ёлок, протыкающих бездонную голубизну такого близкого и недостижимого неба.

Алик буквально пожирал стихи. Скользил по ним взглядом, не вникал ни во что, боясь спугнуть то большое и необъяснимое, что так неожиданно вдруг поселилось в душе. Книга захватывала его всё больше и больше какой-то удивительной глубинной силой слов и образов. Добрался и до того стихотворения, которое пел в мае Макарычев. Прочитал раз, другой, третий... И заиклился на строчках - «...и та, чьё имя берегу, меня прогонит

от порога». Отодвинул книгу и, положив голову на руки, начал смотреть в покрытое морозными разводами окно. И так хорошо и сладко ему мечталось о том, как они со Светкой Тюничевой, взявшись за руки, бродят по залитым солнцем полям, скользят в старой лодке по спокойной глади озера... что не услышал, как пришёл из школы Лёнька.

- Чего это замечтался-то? - удивился старший. - Давай, дуй за дровами в сарайку - сегодня твоя очередь. И на колонку за водой тоже.

Алик вздохнул, спрятал книгу под горку учебников и пошёл переодеваться. Принеся из сарайки охапку дров и свалив их у печки, он взял вёдра и побежал на колонку за водой. Возле колонки стоял Баран - десятилетний курчавый пацанёнок из барака, в котором жил Карлсон. Ещё у Барана была сестра Антонина, одних лет с Арижиным - прыщавая неприятная особа. С ними почти никто не дружил, и они росли себе потихоньку, словно репы на отшибе. Баран одной рукой нажимал на ручку колонки, а второй доставал из кармана семечки и быстро, словно белка, щёлкал их, выплёвывая шелуху далеко в сторону. Заметив Арижина, Баран тут же перестал доставать семечки и сделал вид, что всецело поглощён набиранием воды. Когда Алик подошёл поближе, то небольшое ведёрко Барана уже было наполнено до краёв водой.

- Мишка, дай семечек пожевать! - закричал Арижин, чувствуя, что Баран вот-вот улизнёт.

Баран нехотя остановился, со вздохом отпустил ведёрко на снег и вытащил из кармана совсем маленькую горсточку семечек.

- На...

- Как в школе-то? - поинтересовался Арижин, с удовольствием разгрызая податливую скорлупу семян. - Никто не обижает?

Баран молча повертел головой и, схватив ведёрко, быстро убежал в барак.

- Так ты скажи, если что! - бросил ему вдогонку Алик и начал набирать вёдра.

Через минуту из-за угла своего барака вынырнул Карлсон, и тоже с вёдрами.

- О, семечки жуёшь? Дай?..

- Да мне Баран чутка сыпанул... Последние вот остались.

Карлсон удивлённо посмотрел на Алика.

- Тебе Баран семечек дал? Не поверишь: минут двадцать назад к ним захожу - Антонина у меня учебник тут брала - они с Бараном сидят и семечки из стакана по одной делают. Это, типа, тебе, это - мне...

- Ты чо? - не поверил Алик. - Серьёзно, что ли?

- Ну...

- Не фигу себе! Во, куркули!.. В хоккеей пойдём рубиться?

... Лёнька сидел за столом и небрежно листал Есенина.

- Э, книгу положи! - закричал Алик. - Мне её ненадолго почитать дали.

- Такую-то фигню? - Лёнька небрежно кинул книгу и процитировал только что прочитанное: «Дай с нашей овсяною волей засовы чугунные сбить...» И ты это читаешь? А это что за канитель? Типа, по равнинам льется берёзовое молоко. У берёзы сок, а вовсе не молоко.

- А при чём тут сок? - опешил Алик.

- Так ведь написано, - ответил Лёнька и зевнул.

- А ты чего, когда читаешь, то не видишь? - осторожно поинтересовался Алик.

- Чего? - не понял старший.

- Ну... - замялся Алик. Непривычно как-то объяснять старшему брату, который всю жизнь его учил и знает гораздо больше, какие-то очевидные вещи. - Ну, берёзовое молоко - это не сок, конечно. Когда много берёз, а ты смотришь откуда-то с высоты, то берёзы похожи на разлитое молоко в траве.

- А ты-то откуда знаешь? - слегка даже обалдел Лёнька.

- Так ведь когда читаешь, то и видно... Тут просто понимать надо.

- Не вижу, - честно признался Лёнька и, с большим уже уважением, посмотрел на книгу. Потом на младшего брата. - Блин, чо-то понимает... Подумай... - и завалился на свою кровать. - Во, а ты почитай-ка мне чего-нибудь.

Алик наугад раскрыл книгу на середине. «Всё живое особой метой отмечается с ранних пор, - неуверенно начал он. - Если не был бы я поэтом, то, наверно, был мошенник и вор...» Голос его по мере прочтения креп и начинал как-то даже подзванивать. И видел он худошавого и с разбитым носом Есенина, портрет которого был на обложке книги, идущего навстречу испуганной матери и успокаивающего её, что он просто споткнулся

о камень. «...Как тогда, я отважный и гордый, только новью мой брызжет шаг... Если раньше мне били в морду, то теперь вся в крови душа...» При этих словах Лёнька приподнялся на кровати и стукнул кулаком правой руки по ладони левой:

- Эх, мать честная! Молодец!..

Через полчаса он поднялся с кровати. Похлопал зачем-то Алика по плечу.

- Картошку будешь лопать? Я пожарю...

У Алика от удивления даже приоткрылся рот. Чтобы Лёнька сам предложил накормить его? Да когда же такое бывало? А Лёнька уже яростно сдирает шкуру с варёной картофелины и бормотал себе под нос:

- Пускай ты выпита другим, но мне осталось, мне осталось, твоих волос стеклянный дым и глаз осенняя усталость...

Несколько слов о фонде Мира и есть ли у пятёрки бабушка

Как-то на удивление быстро сошёлся Иван Бедырев с бараковскими мужиками. Разъезжал по территории завода на электропогрузчике, заводил там и сям разговоры, сыпал анекдотами. Работа ему нравилась, и трудился он в охотку. Особенно близко подружился с Володей Арижиным, тем более что они оказались уроженцами одного и того же района - Грязовецкого. Часто приходил на «печки» и вёл с Володей долгие разговоры о жизни. Как-то раз после смены, прихватив с собой Рафалю, они прикупили водки и пошли к Арижину домой.

- А жена как?.. - спросил Иван, указывая взглядом на бутылки.

- Она во вторую у меня сегодня, - пояснил Володя. - Портничой в ателье работает. Если брюки пошить надо - обращайся.

- Понятно, - кивнул Иван.

После первой стопки Иван тут же рассказал анекдот: «У Брежнева спрашивают - собираете ли вы анекдоты о себе? Ага, отвечает, уже пять лагерей насобирали...»

Посмеялись, налили снова.

- Весёлый ты мужик, Иван, - хмыкнул Рафалю. - А не боишься тоже в лагеря загреметь за такие шуточки?

- А мне по фигу уже, - лениво отозвался Бедырев. - Я ведь сидел. И в аккурат, ёлы-палы, за анекдоты. В армию меня забирали, вот я на отвальной и задвинул про Никиту. А кто-то застучал, - тут Иван сжал свой огромный кулак и легонько пристукнул им по столу. - Пять лет лесок корчевал на БАМе.

- Ты что? - удивился Копытов. - БАМ ведь только сейчас начался.

- А в тридцатых годах - не хочешь? - зло сплюнул Иван. - И всё зеки. А комсомол сейчас - это так, мишура. Показуха.

- Да уж...

Мужики сидели, опустив головы. Володя обводил вилкой квадратик на клеёнке, Рафалю упёрся локтями в колени и не отводил взгляд от крашенной доски пола. Иван ритмично пристукивал по столешнице большим кулаком.

- Степь да степь кругом, - негромко вдруг запел он.

Володя с Рафалей, словно только того и ждали, так же негромко подхватили песню. И думалось им в те минуты, что неправильно что-то в стране, не то что-то происходит. Вроде и свобода - иди куда хочешь, и пятое-десятое, но есть и некая черта, которую никому не дозволено преступить. Хоть и нет давно уже «отца народов», но вышколенный им «аппарат» остался. И действовал так же безотказно. Что в годы «оттепели», что и сейчас. Вроде и смотришь уверенно в будущее, живя в государстве «развитого социализма», и держишься на ногах крепко, но как только нарушил неписанный закон, так и всё - собирайся. И никакие друзья не помогут. От тюрьмы, да от сумы в России нельзя зарекаться...

В это время скрипнула дверь, и в комнату без стука вошёл Паисий Сусликов. Увидел на столе водку, заулыбался.

- А я иду мимо из уборной, слысу - поют...

- Заходи, Паисыка, - пригласил его Володя. - Присаживайся. Хорош сопли размазывать, мужики. Давайте выпивать!

- Русскому человеку всегда так: погоревать, побазарить, спеть, да и залить горе стаканом, - зло кинул слова Бедырев.

- А если... душа просит? - Володя обвёл всех недоумённым взглядом. - Не алкоголики же мы, в конце-то концов? Вот ты, Паисыка, - зачем пьёшь? Ответь мне.

- Я? - Сусликов отодвинул от себя зачем-то стопку. Но потом передумал и высадил её одним махом. - А я люблю в компании посидеть. С друзьями поболтать. Да и от зены опять же подальше. А она у меня строгая зенсина, - и, чуть подумав, испуганно добавил: - И сильная...

- А и действительно, - прогудел Рафаля, - где, как не за бутылкой и отведёшь душу? Вот, помню, в барак только переехали, все друг другу только «привет» при встрече - и всё. Грешным делом, признаюсь - Арижин мне не понравился. Ходит такой гордый весь, в полушубке до пят - хрен подступишься. Я уж хотел было его в этом полушубке по попойке покатать, чтоб выёживался меньше. А как-то раз выпили вместе, поговорили, гляжу: мужик-то - золото!

- А без бутылки было в человеке не разобраться? - спросил Иван.

- А как?..

Через полчаса водка кончилась, и мужики решили заслать Паисия к Поле. Порывшись в карманах, с трудом наскребли на бутылку.

- Из-за одной дак хрен ли и пачкаться, - пробурчал Рафаля.

- Сходи у Шмагина займи, - посоветовал Володя.

- Точно! - обрадовался Копытов и выскочил за дверь.

Через две минуты он ворвался в комнату довольный и радостный.

- Шмагина дома нет. Жена говорит, что по магазинам ушёл.

- А почему довольный такой? - спросил Володя.

- Помнишь, он в мае из тапки рубль доставал?

- Да как-то это... И чего?

- А того! Тапки-то у него в коридоре стоят. Я и проверил на всякий случай... Вот! - и Рафаля разжал кулак. В нём лежала скомканная пятирублёвая бумажка. - Под стелькой нашёл.

- Да как-то это... - опять повторил Володя, - неудобно, как-то, получается.

- Да не бойсь. У меня жена через час с работы придёт, я возьму у неё. Отдадим Вовке.

Паисий взял деньги и убежал к Поле, а Володю посетила озорная идея.

- Во! А если мы ему вместо пятёрки туда записку вложим? Что, мол, так и так: не серчай, хозяин, я - в смысле пятёрка - запарилась у тебя под стелькой лежать и ушла в фонд Мира. А?!

- Классно! - захохотали Иван с Рафалей. - Ну, Арижин - голова!

- А ещё, - продолжал развивать мысль Володя, - у Алика где-то царские деньги валяются. Можно сотку вместе с запиской сунуть и дописать, что, мол, оставляю тебе свою бабушку, которая уже не котирруется...

- Ах, леший задери тебя за ногу, Арижин! - ухохатывались мужики. - Ну, Вова, - голова!

Записка была тут же написана, царская сотня найдена, и Рафаля Копытов, подхихивая, словно школьник, выскользнул за дверь. А тут как раз подоспел Паисий с двумя бутылками. Не успели выпить по второй, как в дверь постучали.

- Да-да, - пригласил Володя. - Открыто.

В комнату, пошатываясь, зашёл Володя Шмагин. Волосы взъерошены, в глазах недоумение.

- Заходи, заходи, - засуетился Арижин. - Да и выпей с нами-то...

Рафаля и Иван едва сдерживали улыбки и низко опускали головы. Арижина, пока он наливал водку и протягивал стопку Шмагину, то и дело пробивали нервные смешки. Лишь один Паисий Сусликов, ничего о записке не знавший, сидел и честными глазами смотрел на Шмагина. Тот выпил, крикнул и, подцепив на вилку солёный груздочек, отправил его в рот.

- Чего развеселились-то? - подозрительно спросил он.

- Да Иван тут анекдот рассказал, - едва сдерживая рвущийся из себя наружу смех, ответил Володя. - А чего?

- А не фига, - зло ответил Шмагин и принялся нервно вытаскивать папиросу из лежащей на столе пачки. - У меня тут тоже анекдот сплошной получился. Пока в магазин за хлебом ходил, кто-то из моей тапки в коридоре пятёру слямзил. Серёга, наверно... Ну, придёт - так я ему порку задам!..

- А посему анекдот? - невинно поинтересовался Сусликов.

- Почему, почему, - пробурчал Шмагин, - записка под стелькой обнаружилась. От пятёрки как бы. Что ушла, дескать, в фонд Мира. Искать другого хозяина...

Мужики, больше не сдерживаясь, грохнули так, что заходили ходуном тонкие стенки

комнаты. Шмагин, некоторое время посмотрев на захлёбывающихся смехом приятелей и тоже по достоинству оценив комичность ситуации, захохотал и сам.

- А взамен ничего не оста... не оставила? - утирая слёзы, спросил Копытов.

- Вы откуда... - враз прекратив смеяться, удивился Шмагин. И вдруг всё поняв, снова захохотал. - Ну, гады! - сквозь смех приговаривал он. - Ну, придурки! А я-то на Серёгу, на сына, значит, грешу... Ой, не могу - бабушку, блин, оставили! Едва до инфаркта... Идиоты!..

Встреча с индейцем

Февраль притащил за собой холод и длинные хвосты метелей. Снегу намело столько, что для того, чтобы пробраться в сарайку за дровами, приходилось по полчаса расчищать тропу лопатами. А уж о том, чтобы ходить «на Куралиты» пешком, не приходилось даже и думать. В одно из воскресений, после традиционного какао, Арижины собрались в гости. Пока добирались до Станкозавода на двух автобусах, разыгралась настоящая метель: словно сошедший с ума, ветер бросал пригоршнями в лицо мокрый снег, больно сёк глаза и щёки и свистел, будто разбойник с большой дороги. Лёнька с Аликом быстро, ещё на остановке, завязали уши у шапок и нагнули низко на глаза козырьки, а отец к тому же ещё поднял и застегнул огромный воротник тулупа. Мать тоже перевязала серый пуховой платок так, что полностью закрыла лицо, оставив только маленькую щёлку для глаз. Потом взяла мужа обеими руками за рукав полушубка. Братаны, радостно толкаясь, заняли место за широкой спиной отца.

- Поехали! - скомандовал Володя и двинулся от остановки напрямик через рельсы.

А метель разыгралась не на шутку - ничего не было видно уже в трёх шагах. Правда, когда ветер чуть стихал, Лёнька, показывая свою самостоятельность, тут же вырывался вперёд и гордо вышагивал впереди отца. Кое-как, потратив почти сорок минут, вместо обычных пятнадцати, все заметённые снегом, они, наконец, добрались до дома деда. Долго отряхивали друг друга от снега на крыльце. Дед Вася, увидев вошедших гостей, только крикнул и тут же засуетился возле самовара. Потом несколько раз стукнул кулаком в стенку кухни. Алик не удержался и тоже постучал кулаком. Через некоторое время со своей половины дома пришли дядька Миша с тётей Кирой и Пашка. Посидев за столом и выпив чаю, братаны забились в кухню.

- Чего после десятого класса будешь делать? - поинтересовался Пашка у Лёньки.

- Пойду работать куда-нибудь до армии. А ты?

Пашка улыбнулся.

- Мне рано думать. Пока ещё перейду в десятый. Может, в институт поступлю, а может, на шофёра выучусь.

- А я дак после восьмого в училище пойду, - вмешался Алик.

- А тебя дак никто и не спрашивает, - сказал Лёнька и щёлкнул Алика по лбу.

- Большой сильно, да? - завёлся Алик. - Вот погоди, запишусь на бокс - попляшешь у меня тогда! По самые эти... как его? Ну... Во, вспомнил! По самые бакинфарты вломлю тогда!

Лёнька с Пашкой захохотали.

- Ой, испугал ежа голой задницей! Боксёр тоже... Я тебя без всякого бокса в узел завяжу! По бакинфарты он вломит...

- Чо за... бакинфарты? - удивился Пашка.

- Да это у нас сосед Рафаля так выражается, - пояснил Лёнька.

- Так чо за бакинфарты-то? - не унимался Пашка.

- А мы, думаешь, знаем? Матюг какой-нибудь, наверно.

- Запомню, - пробормотал Пашка. - А ты натурально на бокс пойдёшь? - спросил он у Алика.

- Отец вон хочет записать. Только всё не соберётся... А я бы походил. Бокс - это круто.

- А у нас на Стройке мужик один в интернате боевое самбо вести начал, - сообщил Пашка. - Парень из класса ходит туда. И меня звал. Только я не пошёл.

- Почему не пошёл?

- А мне оно надо? Я вон лучше с Веркой на танцы похожу.

- О, девушка уже есть? - живо заинтересовался Лёнька.

Пашкины губы расплылись в довольной улыбке.

- Ага, - подтвердил он.

- Да как в интернат-то записаться? - не унимался Алик.

- Да отстань ты... - зашипел Лёнька. - Дай с человеком поговорить.
- Доедешь до интерната, пройдёшь в спортзал, там и запишешься, - объяснил Пашка. - А теперь иди к деду, он тебе рассказать чего-то хочет.

Вытуренный старшими с кухни, Алик подсел к столу, где сидели и разговаривали взрослые. Но там на него тоже никто не обратил внимания. Тогда он снял с большущей куклы, сидевшей на комодке, вязаную безрукавку и принялся одевать её на кота Серко, до того времени мирно дремавшего на кровати. Кот никак не хотел влезать в «обновку» и всё пытался удрать от настырного человека под кровать. Но, в конце концов, Алику удалось сломить сопротивление бедного животного и завязать-таки нужные тесёмочки на животе кота. После чего он поставил кота на задние лапы и, крепко взяв за передние, принялся водить его по полу. Серко крутил в разные стороны головой и хрипло мяукал. Первым «принаряженного» кота заметил Пашка, высунувшийся с кухни.

- Деда, смотри чего Алька с котом натворил! - радостно заорал он. - В шубу его одел!
Взрослые, словно по команде, повернули головы и некоторое время с удивлением разглядывали «утеплившееся по сезону» животное.

- А почему босиком водишь? - удивился дед, - Ты уж, милочка, и тапочки на него надень.
- Точно! - хлопнул себя по лбу Алик и, зажав кота под мышку, быстро сорвал с куклы вязаные же носочки.

Уложив Серко на кровать, он начал натягивать носки ему на задние лапы. Этого уже кот не выдержал. Взвыв дурным голосом, он цапнул Алика по руке, высоко подпрыгнул и задал стрекача. Проскочив под столом, Серко запрыгнул на подоконник и тут же принялся вылизываться, изредка бросая укоризненные взгляды на своего мучителя.

- Будешь чай пить? - спросил дед.
Алик согласно кивнул и снова подсел к столу.

На другой день, придя домой из школы, Алик выпросил у отца двадцать копеек на проезд. Отец, уже бывший в курсе того, что сын намерен записаться в секцию самбо, деньги дал.

- Сам съездишь или мне с тобой тоже? - спросил он.
- Да чо, я маленький, что ли? - возмутился Алик. - Мы вон с Андрюхой-Карлсоном собрались. Вдвоём-то веселее.

- Ну-ну, - ответил Володя и, взяв с комода очки и книгу, сел за стол.

В школе-интернате приятелям сразу же указали, где находится спортзал. Пройдя мимо раздевалок, они приоткрыли большие двухстворчатые двери и заглянули в образовавшуюся щель. В зале по кругу бегали около десяти босых ребятшек в трико, подвёрнутых до колен, и в красных курточках. Посреди зала мужик в белом кимоно пытался сесть на шпагат.

- У него записываться-то? - прошептал Карлсон.

- Не у пацанов же! - ответил Арижин и первым проскользнул в зал.

Мужик, заметив вошедших, поднялся и быстро подошёл к ним. Чёрные, почти до плеч, вьющиеся волосы были перехвачены шнурком со свисающими концами, отчего он поразительно походил на индейца - только перьев за ухом не хватало.

- Вам чего? - спросил он, оглядывая Арижина и Рохлина серыми внимательными глазами. Ребята, бегавшие по кругу, начали оглядываться. - Бежим, бежим! - прикрикнул «индеец», поведя в их сторону хищным хрящеватым носом.

- Мы в секцию хотим записаться, - почти хором ответили приятели.

- Как узнали про нас? - поинтересовался тренер.

- Мне брат рассказал. Он тут недалеко живёт - на Куролите, - объяснил Арижин.

- Добро, - кивнул тренер. - Послезавтра несёте дневники и справки от врача. Формы не нужно: занимаемся босиком и в трико. Курточки выдам потом, когда увижу - подходите или нет. Младшая группа занимается с трёх, старшая с шести. Сколько лет?

- Четырнадцать.

- В младшую группу, - пояснил «индеец». - Зовут меня Владимир Иванович. Фамилия - Бутылкин. Всё ясно?

- А сколько дней в неделю? - поинтересовался Алик.

- Пока три: понедельник, среда, пятница.

- Почему - пока? - не утерпев, спросил Карлсон.

- Я тут каждый вечер нахожусь. Желающие могут заниматься в любой день. Сегодня хотите потренироваться? - неожиданно предложил он.

Карлсон вопросительно посмотрел на Алика. Тот чуть заметно кивнул.

- Попробуем...
- Тогда раздевайтесь и в круг, на разогрев.
- Уже после тренировки Карлсон в раздевалке спросил у переодевающихся ребят:
- Это каждый раз он такие нагрузки даёт?
- Нет, - пояснили ему. - Сегодня нагрузок-то и не было. Вот по средам, а особенно по пятницам - там нагружает. А в понедельник разминка просто...
- Не фигу себе, - горевал Карлсон, когда они ехали в автобусе, - я уже натурально в загнанного слонёнка превратился на этой разминке.
- Да уж, - подтвердил Арижин, - это, блин, не на физкультуре в школе. Но зато уже какие-то приёмчики знаем.
- Да фиг ли приёмчики? Я в жизни столько не отжимался.
- А зато у тебя растяжка лучше, - подбодрил друга Алик. - Ещё поедем?
- Посмотрим, - вздохнул Карлсон.

Утром Алик едва встал с кровати - так сильно болели ноги и руки. Кое-как умывшись и одевшись, он, взяв сумку с учебниками, поковылял к Карлсону. Тот уже ждал его в большом коридоре своего барака.

- Слушай, Арижич, у меня мышцы на всех лапах отклеиваются. Еле в туалет сходил - чуть в дыру не упал.

Алик представил выбирающегося из очка Карлсона и захохотал. Хлопнул его по плечу.

- Поосторожней, ёлки-палки! - скривился тот. - Говорю же - болит всё.
- Батя говорит, что так и должно быть сперва. А зато потом - уже по фигу.
- Не пойду, наверно, больше...

Они уже шли по полю. Их то и дело обгоняла бараковская малышня с ранцами за плечами. Арижин почти всю дорогу до школы уговаривал друга не бросать занятия. В конце концов тот нехотя согласился. И как оказалось, не зря. После следующей тренировки хуже не стало, хоть нагрузки, как и обещали парни в раздевалке, возросли чуть ли не вдвое.

После третьей тренировки Владимир Иванович приостановил Алика на выходе из зала.

- Арижин, ты раньше где-нибудь занимался?
- Нет, - пожал Алик плечами. - А чего?
- Пластика хорошая. Кошачья. И техничность присутствует. Я и подумал...
- Я, Владимир Иванович, дерусь часто, - неожиданно для себя вдруг признался Алик. - Может, поэтому?

Тренер сразу стал серьёзным.

- Про драки теперь забудь. Я вам даю такие приёмы, что используй ты их в потасовке - и оставишь кого-нибудь инвалидом на всю жизнь. Должен пообещать. Ну?

Алик представил, как в пылу драки проводит бросок, а противник падает позвоночником на какой-нибудь обломок кирпича. И начинает корчиться от боли. Его даже переёрнуло.

- Обещаю, - тут же твёрдо произнёс он.

Как Гена Чайников нашёл два компромиссных решения

Весна пришла как-то вдруг, неожиданно. Вроде ещё вчера пухли вдоль стен бараков раздобревшие за зиму пушистые сугробы, поселившиеся, казалось, тут навечно; и солнце вроде никак не собиралось бороться с этим снежным засильем; и снегири с синицами, прилетавшие к кормушке под форточкой Арижиных, никуда не собирались улетать... Но однажды вечером сырой мартовский ветер нанёс откуда-то с запада огромные тучи и занавесил ими всё небо. А утром важные, горделивые сугробы съёжились и посерели, а на крышах за одну ночь выросли огромные морковки сосулек. Днём ветер утащил тучи дальше, и солнце тут же принялось жадно вылизывать снег гладким тёплым языком. Через четыре дня о прошедшей зиме напоминали только неширокие полоски снега у заборов и за сарайками.

Детвора весело суетилась вдоль канав и вовсю запускала кораблики - пустые спичечные коробки с воткнутой в крышку спичкой и наколотой на неё в виде паруса бумажкой. Ребята постарше все вечера пропадали на давно облюбованной ими для игр в войну, строящейся прямо посреди бараков телефонной станции. Строилась она уже не первый год, и конца строительству не предвиделось. В пустых закутках «телефонки» так же хорошо

было покурить в компании, попить пива, обсудить насущные дела. А с крыши пятого этажа было видно чуть ли не всё Ковырино: все пруды возле «Октября», стадион, областную больницу и сотни маленьких деревянных домишек, возле каждого из которых тянулись вверх тонюсенькие ветви яблонь и черёмух. Из-за них в мае Ковырино становилось совершенно белым. Многоэтажных домов было не так уж много - можно было пересчитать по пальцам, но уже тут и там виднелись ажурные конструкции подъёмных кранов: в посёлке начиналось интенсивное строительство...

К Чайниковым этой весной приехала погостить из деревни родственница: восемнадцатилетняя девушка Катя. Вся бараковская шпана знала её давно: она уже не в первый раз бывала здесь в гостях. Она была, что называют в народе, немного «повёрнутая». Ходила по улице с вечной, будто приклеенной, улыбочкой, здоровалась со всеми за руку, с удовольствием за кусок хлеба подметала остановку возле столовой, где по вечерам собирались большие парни с гитарами и вином. Иногда парни наливали вина и ей. Тогда она лезла ко всем обниматься, а потом скидывала вечные ботики и лихо отплясывала в одних чулках замысловатые танцы на железном заплеванном полу остановки. Карлсон однажды в виде эксперимента показал ей палец. Неизвестно, о чём Катя подумала, но хохотала она долго и визгливо. Буйной радости мальчишек не было границ - оказывается, не врёт пословица-то!

В этот очередной катин приезд Чайников сразу повёл её по магазинам и одел с ног до головы. Девушку стало не узнать: ходит по баракам этакая стройная высокая мадам в модном плаще, в сапогах на умопомрачительной платформе и в розовой шляпке. К тому же ей купили и губную помаду, которой она не только густо мазала губы, но и слегка растирала щёки, отчего становилась красной, словно только что вышла из бани. Хотя внутренне она нисколько не изменилась: так же продолжала мести остановку и танцевать на потеху парням. Но на этот раз, то ли благодаря новой одежде, то ли оттого, что за два года она повзрослела и в нужных местах округлилась, на неё «положил глаз» Серёга Подосекин - молодой бараковский парень с деревянным протезом вместо ноги. Он был инвалидом с детства - так с одной ногой и родился. Но зато теперь у него была машина. Так называемая «инвалидка». Она ужасно тарахтела, выдувая из-под себя огромные клубки дыма и гари - неизвестно, что уж там Серёга использовал в качестве топлива для неё - но ездила исправно. Вот на этой-то «инвалидке» Серёга и увёз как-то раз подвыпившую Катю «на экскурсию». «Экскурсия» закончилась почти через два дня, в течение которых Чайников не находил себе места. Конечно же, он разузнал у парней, куда делась племянница, и поэтому обращаться в милицию не стал. Ходил он и к матери Подосекина, но Серёги дома не оказалось. А равно с ним и Кати. Она объявилась на другой день. Уже к вечеру. Улыбающаяся, как всегда, в расстёгнутом плаще, без шляпки, и с чулками, торчащими из кармана. Уложив племянку спать и, закрыв комнату на ключ, Гена Чайников с женой Розой быстро побежали к Подосекиным. Серёга валялся на кровати, прижимая к груди катину шляпку, и громко храпел.

- Посажу, скотина! - заверещал Гена на всю комнату. - Упеку по полной программе, если жениться откажешься!

Серёга хлопал спросонья глазами и ничего не мог взять в толк.

- Кто кого посадит? - поинтересовался он, утирая пот со лба смятой уже и бесформенной шляпкой.

- Я. Я посажу! - снова заорал Чайников. - Тебя, урод!

- А кто ты такой? - поинтересовался Серёга, потихоньку начавший приходить в себя. - Прокурор, что ли?

- Женись, скотина!

Подосекин взглянул на испуганную мать, тихо стоявшую в углу, потянулся, зевнул и снова завалился на кровать.

- Я и не отказываюсь, - бухнул он, разглядывая потолок. - Жени...

У Чайникова от удивления даже приоткрылся рот.

- Я? Я должен тебя женить? Такую орясину?

- А у меня денег на свадьбу нет, - нагло ответил Серёга и отвернулся к стенке. - Сами решайте, коли уж припёрло...

Свадьбу, благодаря связям Чайникова, справляли через две недели в столовой. Из деревни понаехала катина родня, для проживания которой в городе Чайников выпросил у директора завода помещение клуба в соседнем бараке. Карлсон с Аликом с удивлением обнаружили, что два младших катиных брата совершенно нормальные ребята. Они даже потрепались с ними немного за углом барака. В день свадьбы Серёга уже с утра ходил по

баракам в чёрном костюме без галстука, весело поскрипывая протезом, - приглашал на торжество хороших знакомых. Когда повезли в ЗАГС невесту, Шмага с Кисой перекрыли парадное крыльцо барака и никого не выпускали. Чайникову пришлось откупиться от них двумя бутылками водки. Вечером ребяшня густо облепила небольшие приступочки возле окон столовой, с которых хорошо было видно всё, что происходило в зале. Более взрослые парни гуртовались на остановке, пили вино и жалели, что теперь некому будет подметать на этой самой остановке пол. Гости то и дело выходили курить на крыльцо столовой. Один из них, в белой рубашке с засученными рукавами, завернул за угол справиться малую нужду. В это время мимо проходили Витька Сипов и Киса. Оба в кожаных кепках-восьмиклинках, чрезвычайно популярных той весной у ковыринской молодёжи, и немного поддатые. Увидев поливающего стену гостя, Сипов удивлённо спросил:

- Мужик, ты чего стенки гноишь? В столовой же туалет есть.

- Вас, сосунков, не спросил, - нагло ответил гость. По всему было видно, что ему просто не терпелось подражаться.

Прятели не заставили себя долго упрашивать. Поддетев к мужику, они тут же свалили его в сделанную им же самим лужу и деловито принялись обрабатывать наглеца ногами. После чего спокойно ушли в свой барак. Гость этого так не оставил. Засадив в столовой ещё стакан водки, он вспомнил, что где-то уже сегодня Кису видел. Взял с собой двух приятелей поздоровее и отправился в барак к Арижиным. На крыльце сидел Шмага и дымил папирсой.

- Эй, у кого тут в дому кепка-восьмиклинка есть? - обратились к Шмаге мужики.

- У Лёньки Арижина, - не задумываясь, ответил тот. - А чего?

- А где он живёт? - продолжили допытываться гости.

- Вторая дверь налево. А чего надо-то?

Мужики, не отвечая на вопросы Шмаги, прошли в указанном направлении. Лёнька, собравшийся погулять, как раз выходил из комнаты.

- Э тот? - спросили приятели у обиженного гостя.

- А хрен его знает... - вглядывался в Лёньку мужик. - Темно тут. Э, пацан... У тебя кепка кожаная есть?

- Ну, есть, - усмехнулся Лёнька. Вытащил из-под мышки кепку и гордо водрузил её на голову. - А чего - купить хочешь?

- Э тот! - закричал гость.

Тут же один из его дружков, ни слова не говоря, заехал Лёньке кулаком в нос, а второй добавил по печени. Лёнька так и влип в стенку и начал съезжать по ней на пол - кулаки у катиных односельчан механизаторов оказались ещё те. Мужики, оттолкнув с прохода Шмагу, увязавшегося за ними, вышли из барака.

- Чуть чо, дак мы тута все эти общаги по брёвнышку разнесём! - хвастливо заявил избитый ранее гость.

- Уж как есть - по брёвнышку! Камня на камне не оставим! - согласно подтвердили приятели и вновь отправились на свадьбу.

Шмага, прихватив с пола кепку, по которой прошлись трое гостей, помог Лёньке встать и потащил его на колонку отмываться - из посиневшего носа Арижина стекала кровь. Отмывшись, они быстро прошли на остановку.

- Арика ни за что отметелили, - сообщил Шмага. - Козлы со свадьбы. Да ещё сказали, что бараки по брёвнышку разворотят.

Парни завелись с пол-оборота и всей толпой вломились в столовую.

- Которые тут смелые? - орал Саня Барон, уже успевший отслужить в армии. - Кто Арика обидел?

Гости притихли: вид озверевшей шпаны подействовал на всех угнетающе.

- Кто тут по брёвнышку собирался? - вторил ему Валёк - он только месяц назад пришёл из тюрьмы. - Чего, фраера, прибздели? Как втроём на парнишку - храбрые, значит?..

Ситуацию спас Чайников. Он подскочил к ворвавшейся шпане и пообещал втихара вынести на остановку ящик водки.

- Смотри, волчара, за базар отвечаешь! - предупредил его Валёк. - И сделай так, чтобы мы этих фраерков больше не видели. Которые к Арику приходили. Загасим иначе.

Через десять минут Чайников с Подосекиным принесли на остановку ящик водки.

- Только из-за тебя, Серёга, мы свадьбу не порушили, - сказал Барон Подосекину. - Потому как знаем, что ты нормальный мужик.

Взяв водку, шпана всей толпой отправилась выпивать к бараку, в котором жил Валёк, - там стоял очень удобный стол. А гости со свадьбы вышли большой кучей, в середине

которой спрятались виновники происшествия. Их, кстати, от греха подальше, Чайников в тот же вечер отправил в такси на вокзал.

Алик проходит в финал

А весна, между тем, продолжала своё наступление на город: обволакивала мягкой паутинкой травы землю, зажигала тут и там маленькими солнышками жёлтые огоньки мать-и-мачехи и беременела тяжёлыми почками на ветках деревьев. Незаметно как-то промелькнули весенние каникулы, когда пацаны целыми днями не слезали с велосипедов, гоня от барака к бараку, как угорелые. Иногда уезжали далеко к карьерам, находящимся за кирпичным заводом и, сидя на берегу пруда, жгли старые автомобильные покрышки со свалки, крестя небо огромными столбами чёрного дыма.

Алик с Карлсоном все каникулы трудились на восстановлении подвала на территории Станкозавода. Этот подвал тренер Владимир Иванович «выбил» в заводоуправлении для тренировок, вместо спортзала в интернате. Буквально за одну только неделю силами занимающихся в секции помещение было приведено в божеский вид. Ребята вытащили из подвала горы мусора, покрасили стены и пол и половину зала застелили матами.

Алик с удивлением посматривал на взрослых уже «дядек» из старшей группы - многие из них казались даже старше тренера. Одного Карлсон неожиданно узнал.

- Алька, - шепнул он другу, - этот Володя длинный, что пол красит... на танцах в ансамбле играет. Узнаёшь?

Алик присмотрелся и ахнул: действительно, это оказался ударник из группы, играющей на танцплощадке ВРЗ.

- Он-то зачем сюда ходит? Да и вообще, все эти дядьки из старшей группы... Ладно там - пацаны перед армией. Их ещё можно на соревнования выставить. Но эти-то... Для здоровья, что ли?

Карлсон огляделся по сторонам и, убедившись, что их никто не подслушивает,дохнул жарким дыханием:

- Говорят, что Иваныч у них не самбо, а каратэ ведёт.

- Да иди ты! - удивился Алик. - Врут, поди...

Что такое каратэ - он уже знал. Не так давно в «Международной панораме» коротко показали каких-то узкоглазых спортсменов, которые яростно крошили стопки кирпичей ударом ребра ладони и ломали головами солидные доски-сороковки. А один и вообще - ударом ноги пробил обширную брешь в кирпичной стене. Так как «Международную панораму» смотрели почти все - потому что на последних минутах передачи запросто могли показать выступление какого-нибудь зарубежного ансамбля - то среди молодежи сразу же возникли серьезные споры: кто кого заламает - каратист или боксёр? В конце концов решили, что против тяжеловеса ни один каратист не выстоит, а вот более лёгким боксёрам придётся не сладко.

Карлсону Алик не поверил - наверное, слухи всё. А Владимир Иванович после каникул начал усиленно готовить группу к городским соревнованиям, которые должны были состояться в начале мая. Ребята буквально падали с ног от усталости, доводя любой бросок до автоматизма. Делалось это так: один стоял в центре круга, а все остальные по очереди подбегали к нему, и «центральной» должен был проводить всем один и тот же приём, например бросок через бедро или там «мельницу». В течение пяти-семи минут и в ускоренном темпе. А потом начинались поединки, причём весовые категории совершенно не учитывались. Алик с трудом доползал до кровати, с ужасом думая о предстоящих соревнованиях, - после таких нагрузок его уронит даже небольшой порыв ветра, не говоря уже о каком-либо сопернике. А Бутылкин за неделю до соревнований неожиданно снял все нагрузки и заставил играть в ручной мяч без правил. Главное было занести мяч в ворота. А как - это его не волновало. Можно было ставить подножки, всей кучей наваливаться на игрока с мячом, проводить любые приёмы, бодаться, кусаться и так далее. Однажды Алик, получив мяч и убегая от толпы соперников, не нашёл лучшего варианта, как оббежать двух возникших перед ним пацанов по стене зала. Высоко подпрыгнув, он сделал два-три шага по стене и, оттолкнувшись от неё и перекувырнувшись на матах, вкатился вместе с мячом в ворота. Бутылкин тут же остановил игру и спросил, где Арижин научился такому приёму. Алик честно признался, что видел нечто подобное в одном из индийских фильмов. Владимир Иванович хмыкнул и тут же сам попробовал сделать подобное.

- Нормально, - сказал он, совершив изящный кувырок со стены чуть ли не на середину

зала. - Пробуем все...

Соревнования проходили в зале «Трудовых резервов» сразу же после Первой. После взвешивания ребята переоделись в форму и расселись на низеньких скамеечках вдоль окон. Некоторые нерешительно разминались в углах зала. Потом из-за судейского столика приподнялся какой-то мужик и поприветствовал участников соревнований. После чего судьи начали вызывать по несколько человек сразу. Владимир Иванович подошёл к Алику, только что закончившему разминку, и показал глазами на невысокого паренька, с интересом смотрящего на одну из схваток.

- Первый поединок с ним. У парнишки второй разряд, так что будь осторожнее. Прощупай сначала.

Алик молча кивнул, но в душе порадовался - парень на вид не представлялся таким уж грозным. А Бутылкин отправился дальше, показывая ребятам их первых соперников. Когда от столика прозвучала фамилия «Арижин», Алик вышел на ковёр спокойно: он уже мысленно выиграл схватку и знал, что сейчас нужно делать. С ходу ринулся в атаку и тут же получил ошеломляющий бросок в ответ. Схватка закончилась, так и не успев начаться. Кляня себя в душе на все лады за неосмотрительность, он забился в самый угол зала, подальше от укоризненного взгляда тренера. Карлсон, выигравший свой первый поединок, подошёл к другу и молча похлопал по плечу. На вторую встречу Арижин вышел уже более подготовленным, так как кое-чему научился, во все глаза следя за борющимися пацанами. На этот раз ему достался высокий парень с длинными хватистыми руками. Но Алика это не смутило - на тренировках он боролся против соперников, чуть ли не на голову выше себя и гораздо тяжелее. Парень, увидев Арижина, заулыбался, видимо, предвкушая лёгкую победу: ну хоть-в-точь Алик на первой схватке. И так же точно ринулся на него. Алик чуть отступил в сторону, ухватил парня за рукав курточки и тем же приёмом, которым уложили его самого, повалил длинного на маты, заклепив его руку в болевой захват.

- Молодец! - похвалил его тренер. - Быстро учишься.

До обеда Алик сумел выиграть ещё две схватки. Карлсон же наоборот: проиграл и теперь остался присутствовать в зале в качестве зрителя. В перерыве они всей секцией сходили в столовую и слегка перекусили. Алик с завистью посматривал на Карлсона, уплетающего за обе щёки мороженое. Сам он был лишён такого удовольствия, так как соревнования для него и ещё для четырёх мальчишек продолжались. После перерыва он совершенно неожиданно для себя достаточно легко прошёл в финал, проводя каждую встречу обдуманно и решительно. Остальные четверо выбыли на более ранних стадиях. А в финале он снова попал на своего первого соперника. Схватка затянулась. Противники кружили друг против друга, не решаясь перейти в атаку. Пробовали различные захваты и приёмы, не приносящие, впрочем, ощутимого результата. Правда, более опытный соперник Алика делал это чуть чаще, в результате чего и победил по очкам. Но всё равно, радости Алика не было границ: на первых же своих соревнованиях - и сразу второе место! Есть от чего порадоваться!

Дома он выслушал сдержанную похвалу отца, получил радостный поцелуй мамы и с гордостью прикинул выданную грамоту над своей кроватью. Вот только старший брат чуть испортил настроение. Придя домой под вечер и увидев висящую на стене грамоту, Ленка, как обычно, щёлкнул Алику по лбу и, недоверчиво хмыкнув, сказал, что наверняка бумага ворованная. Алик обиделся и ушёл на парадное крыльцо барака. И от удивления чуть не сел на пол: на скамейке у забора сидела чуть поддатая Ася Беркот с ярко окрашенными губами и в умопомрачительной мини-юбке.

- Т-ты чего тут? - опешил он.

- Я тут гуляю, Арижин, - нараспев произнесла Беркот и захихикала.

Алик стоял и, как баран на новые ворота, пялился на одноклассницу. На ум ничего не приходило: к кому пришла сюда Аська? Не к нему же...

- А я сегодня соревнования выиграл, - неожиданно вырвалось у него.

- Поздравляю, Арижин! - почти пропела Беркот и снова засмеялась.

В это время на крыльцо быстро выбежал Шмага. В одной руке у него была туго набитая холщовая сумка, а в другой - гитара.

- Закусь есть! - бодро сообщил он. - Пошли давай!

Ася поднялась со скамейки, взяла протянутую ей гитару и, вцепившись в рукав пиджака Шмаги, чуть покачиваясь, быстро засемила с ним рядом по тротуару.

- Не фигу себе! - пробормотал Алик. - Во, блин, кино...

Днём он думал, что не заснёт сегодня от радости, потому что взял второе место, но

долго не засыпал совершенно по другой причине. То, в полудрёме, мерещилась ему пьяная Беркот без никакой совершенно одежды, отчего даже захватывало дух и делалось жарко в животе; то вдруг неожиданно рядом возникало лицо Светки Тюничевой с доверчивым взглядом и неуверенной полуулыбкой на губах. Тогда Алик подскакивал на кровати, словно ужаленный пчелой, и быстро бежал в кухню пить воду из банки. Наконец ему удалось уснуть, но ночью он часто просыпался весь в поту и в сердцах плевал на пол - ему, совершенно против его воли, снилась голая Ася Беркот, нараспев произносящая одну и ту же фразу:

- Поздравляю, Арижин!..

И что же в этом смешного?

Утром Карлсон сообщил Алику новость: они вчера вечером с Бараном подсмотрели на «телефонке», как Шмага с Аськой занимались «этим делом».

- Ну... и как? - хрипнул враз пересохшим горлом Алик.

- Чинно! - покрутил головой Карлсон - других слов, видимо, у него просто не нашлось.

Алик остро позавидовал другу и, в который уже раз, пожалел о том, что вечерами должен находиться дома. А в школе Беркот вела себя как обычно. На первом уроке Арижин искоса поглядывал на Асю затуманенным взглядом и представлял себя на месте Шмаги. Теперь он слегка даже начал понимать Славку Мусаева и Серёгу Княжинина, которые в начале учебного года не отходили от Беркот ни на шаг. Доступность - вот, оказывается, что привлекало их в ней. Доступность и подсознательное обещание какого-то запретного удовольствия.

«А почему бы и нет? - заторможенно размышлял Алик. - Просто подойти к ней и позвать вечером в бараки. Неужели мне откажет? А потом затащить её на самую крышу «телефонки» и целоваться, целоваться до умопомрачения! А потом...» - а вот что нужно делать потом, он имел самое смутное представление, и дальше поцелуев его мысли не заходили. Но мерещилось ему за поцелуями нечто такое, отчего сердце начинало бухать в груди огромным молотом, и на лбу выступали мелкие бисеринки пота.

Из состояния «анабиоза» его вывел тычок в бок и шепоток Светки Тюничевой:

- Ты чего, Алька?

Всё ещё находясь на крыше «телефонки», Алик недоумённо уставился на Светку.

- Ты... почему здесь? - удивился он, потихоньку выкарабкиваясь из сладкого и липкого плена мечтаний.

Увидел светло-коричневые глаза, не раз возвращавшие его этой ночью в реальность, и вдруг попытался представить, что на крыше вместе с ним не Беркот, а Светка. И... не смог. Оказывается, то, что он мысленно проделывал с Аськой, никоим совершенно образом не подходило к соседке по парте.

- А где мне ещё-то быть? - удивилась Светка. - Проснись, Арижин, мы на уроке.

Алик недоумённо помотал головой, окончательно стряхивая с себя остатки наваждения.

- Света, пойдём гулять сегодня? - неожиданно для себя вдруг предложил он.

Светка начала медленно пунцовать. Отвела взгляд от Алика и нервными быстрыми движениями начала перелистывать страницы учебника. Потом снова посмотрела на Алика и чуть заметно кивнула, тут же отведя глаза в сторону.

- Тебя больше не проверяют?

- Приходят, но уже не так часто, - от волнения Алик с трудом находил нужные слова. Ладони вспотели, и он украдкой вытирал их под партой о брюки. - А мы на девять в кино... это уже после проверки... Хочешь?

- Да, - ответила Светка, и оба надолго замолчали, каждый по-своему переживая случившееся.

Алик задумался о том, где достать денег на билеты, и отпустит ли его мать - отец сегодня работал во вторую смену. Решил двадцать копеек сэкономить на проезде до Станкозавода и идти на тренировку пешком. А если и Карлсон согласится составить ему компанию, то вот и ещё двадцать копеек. А остальное можно будет занять у Лёньки. Он совершенно успокоился и снова взглянул на Беркот. И... ничего не испытал. Сидит красивая улыбающаяся кукла - ну, и пусть себе сидит. Никакого уже ореола таинственности. После разговора со Светкой, Аська Беркот поблекла для него и как-то отодвинулась на задний план. Гораздо больше занимала Алика сейчас мысль о назначенном им первом свидании. Светку, видимо, тоже. На переменах она исчезала куда-то из коридора и упорно

не показывалась на глаза Арижину. На последнем уроке они ещё раз договорились о встрече. Домой Алик летел, словно на крыльях. В душе у него всё пело, и несмотря на мелкий дождичек, настроение было прекрасное.

Вечером после фильма Алик со Светой медленно шли по направлению к её дому. Временами продолжал накрапывать дождик. В одном из дворов Алик не удержался и сорвал несколько веток черёмухи.

- Приятно пахнет, - объяснил он, протягивая букетик Светке.

Светка тут же спрятала в него лицо и отчего-то негромко засмеялась.

- Красиво и вкусно! - выдохнула она.

Алику захотелось сделать ещё что-нибудь хорошее. Его переполняла радость и требовала какого-то немедленного выхода.

- Кто видал, как в степи кипит кипячёных черёмух рать, - негромко произнёс он, словно бы пробуя слова на вкус. И понял, что это именно то, что нужно. - А мне бы в ночь, в голубой степи, где-нибудь с кистенём стоять...

- Это что? - спросила Светка.

- Это? Есенин. Я из твоей книжки несколько стихов переписал. Хочешь расскажу?

Они присели на низенькую скамеечку.

- Вы помните, вы всё, конечно, помните, как я стоял, приблизившись к стене, - неожиданно хриловатым голосом прочитал он первые строчки и невольно подумал, что не слишком ли «взрослое» стихотворение он начал читать - поймёт ли его Светка? Но потом подумал, что поймёт - он же понял. - Взволнованно ходили вы по комнате и что-то резкое в лицо бросали мне...

Прохладный вечер медленно переходил в ночь. Вдоль улиц зажглись фонари, сразу принеся с собой темноту. Алик чуть приобнял Светку за плечи. Она вздрогнула, но не отодвинулась. Стало немного теплее.

- Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи, - продолжал Алик, стараясь подольше растянуть минуты близости.

«А может, мне поцеловать её? - думал он, с чувством выговаривая строчки. - Обидится или нет?»

- Любимая! Я мучил вас, у вас была тоска в глазах усталых...

Он всё крепче и крепче прижимал Светку к себе. Ладони вспотели, а его всего изредка поколачивала крупная дрожь. И дрожал он явно не от холода. А Светка сидела, опустив голову, и не отрывала от лица подаренную черёмуху.

«Хорошо-то как! - билась в голове суматошная мысль. - Сейчас точно - поцелую!»

Неожиданно из-за заборчика дома показались три тёмные фигуры. Блеснул ряд пуговиц на форменном кителе. Участковый! Алик чуть не заплакал - ну, надо же: принесла его нелёгкая! Да что же это такое?! Первый раз за четыре месяца нарушил режим и тут же попался. Но делать было нечего. Взяв себя в руки, Алик продолжал читать.

- Любимая! Сказать приятно мне, - чеканил он строчки, словно бусинки нанизывая слова одно на другое, - я избежал паденья с кручи...

Он уже совсем плотно прижался к Светке и тоже приблизил лицо к букету - черёмуха пахла одуряюще.

«А и пусть, - с каким-то злым ухарством подумал он. - Не расстреляют же за первый залёт!»

Больше уже не глядя в сторону участкового и дружинников, Алик дочитал стихотворение. Потом медленно и тяжело поднял голову. Участкового не было. Можно было подумать, что три безмолвные фигуры просто ему померещились. Но нет: под забором, у того места, где они стояли, маленькой оранжевой звёздочкой дотлевал окурочек сигареты. Алик с облегчением вздохнул и поднялся со скамейки.

- Пойдём, Света.

- Хорошо ты прочитал, - сказала она, когда они, не расцепляя объятий, шли по улице.

Алик от счастья буквально летал где-то на седьмом небе. Ещё бы! Он вот так запросто идёт по улице с девушкой, обнимая её за плечи, а она обвила своей рукой его спину. Миновав кривые и запутанные переулочки, они вышли к остановке. Сразу через дорогу темнела блочная пятиэтажка, в которой и жила Светка. Подойдя к железной коробке остановки, они увидели внутри её четырёх парней, чуть постарше Алика. На полу валялись две пустые бутылки из-под вина.

- Э, пацан, - закричал один из парней, - дай закурить!

- Он не курит, - быстро ответила за Алика Светка.

- А чо, у твоего кавалера язык отсох? - поинтересовался второй. - Или он его от страха в задницу засунул?

Парни поднялись и вышли из тёмного чрева остановки под свет фонаря.

«Сейчас они узнают меня и отстанут, - подумал Алик. - Да ещё, пожалуй, и извинения попросят».

Он взглянул на парней, но никто из них не показался ему знакомым. На парней физиономия Алика тоже не произвела никакого впечатления - видимо, они только недавно переехали в один из новых домов и бараковскую шпану ещё не знали.

- О, блин, - да он ещё и букет тёлке подарил... Черёмуху где-то обломал. Дерево гад испортил...

Парни явно хотели побить Алика и подступали всё ближе. Алик же не испытывал совершенно никакого мандража, как это всегда бывало раньше перед любой дракой. Он уже мысленно перекидал всех на землю. И уже приготовился провести серию приёмов, но вспомнил своё обещание, данное тренеру, - больше не драться. А ещё тренер говорил, что гораздо важнее выиграть схватку словами, характером. И что лучшая драка - это драка не состоявшаяся.

- Во-первых: это не тёлка, а моя девушка, - начал он совершенно спокойным голосом, вдруг представив на своём месте Владимира Ивановича - как бы он вёл себя, что бы говорил. - И советую вам это запомнить. Во-вторых: я, действительно, не курю. В-третьих: не зная противника, на что он способен, глупо искать с ним поединка. Тем более что последствия могут быть непредсказуемы...

Парни стояли, буквально открыв рты, и больше уже не пытались оттеснить Алика от Светки. А он так же спокойно продолжал:

- И, наконец, в-четвёртых: если вам будет приятно так думать, то можете считать, что я вас испугался. А теперь, Света, пойдём.

Под ошеломлёнными взглядами парней они спокойно перешли дорогу и направились к светкиному дому.

- Почему ты их не побил? - спросила Светка у Алика.

- Гораздо важнее не начать драку, а избежать её. Тем более что мы не в зале. И я легко мог сделать из этих сайгаков инвалидов. Тебе это надо?

- Ты у меня молодец! - улыбнулась Светка.

«Я у неё...» - подумал Алик, и сухой жар восторга сильной волной разлился в его груди.

На прощанье у крыльца подъезда он неловко чмокнул Светку в щёчку. Она благодарно посмотрела на него, улыбнулась и, прижимая к груди букетик черёмухи, умчалась вверх по ступенькам. Алик почти бегом поспешил домой, надеясь успеть лечь спать до прихода отца с работы. Мама отпустила его в кино с условием, что он вернётся раньше. Но, прибежав домой, он отпросился у неё недолго посидеть на парадном крыльце барака. Ночь была сказочной и роскошной: дождь кончился, по чёрному небу быстро бежали чуть более светлые облака, резко пахло черёмухой из соседнего огорода. Невдалеке поспышались шаги по тротуару и негромкий разговор - это возвращались со смены отец и Рафаля Копытов.

- Чего это ты тут сидишь? - удивился Володя Арижин, увидев на скамейке сына. - А Лёнька где?

- Я воздухом подышать вышел, - объяснил Алик. - А Лёнька ещё гуляет где-то.

Рафаля, как обычно, подмигнул Алику и прошёл в барак. Отец присел рядом на скамейку. Достал папиросы, закурил.

- Ну, как дела? Рассказывай.

Алик глубоко вздохнул, будто перед прыжком в воду.

- Я, папа, сегодня в кино с девчонкой ходил, - и словно это что-то меняло, добавил: - Со Светкой.

- Со Светкой, говоришь? - улыбнулся в темноте отец. - А не рано?

- А чо - рано? Мы даже на девять часов ходили. Мама отпустила.

- Я говорю, не рано ли в кино со Светкой, а?

- Мне кажется, что не рано. Я ей даже стихи потом читал. Есенина, - и видя, что отец сегодня настроен благодушно, Алик продолжил: - А потом нас участковый заметил. Но послушал, как я читаю, - и ушёл. А я думал, что в ДНД потащит.

- Хорошо, значит, читал, что он пожалел вас, - заметил отец.

- Нормально читал, - потупился Алик, и вновь его охватило то чувство, что он испытывал, сидя рядом со Светкой. - А потом я её до дома проводил. И ещё на нас какие-то хулиганы пытались наехать. Вчетвером - дак смелые, блин.

- Ну, ты им и накостилял по шеем, - предположил отец. - А твоя Светка стояла и хлопала в ладошки.

- Нет совсем. Я, папа, их морально побил. Тренер всегда говорит, что если есть возможность не показывать свою силу - так не показывай её.

- Мудрый человек - ваш тренер. Я бы сразу любому хулигану в рыло заехал. А ты вишь как...

Алик подобрал с земли какую-то вицу и постукивал ею себя по ноге - так ему было легче говорить.

- Да, папа. Вот ещё чего. Вы меня в лагерь этим летом не отправляйте. Тренер сказал сегодня, что переводит меня в старшую группу с осени, а этим летом будет со мной, да ещё с двумя пацанами из старшей, заниматься отдельно. Осенью какие-то соревнования зональные, что ли. А ещё он сказал, что я готов для занятий по каратэ, и он будет чередовать с нами тренировки. Раз - каратэ, раз - самбо.

- Молодец! - похлопал его по спине отец. - Взрослеешь, сын. Ишь ты, как на тебя постановка на учёт повлияла... Взрослеешь...

- Я, папа, больше читать начал.

- И это правильно. Чтоб вырасти хорошим человеком, нужно развиваться по-разному: и читать, и заниматься любимым делом, и любить, в конце концов... И перед тобой сейчас не одна дорога. Их несколько. Какую и выберешь.

Алик неуверенно улыбнулся.

- А все нельзя выбрать?

Отец задумался.

- Все? - переспросил он. - А как? У тебя ведь только одна жизнь. И важно выбрать свою в самом начале. Стрижонок вон, приятель твой, уже пошёл по кривой дорожке. Куда его и заведёт?..

В это время на крыльцо, попрыгивая в темноте папироской, вышел Рафаля Копытов.

- Ага. Сына воспитываешь? - спросил он, присаживаясь на скамейку. - Жизни учишь, а, Володя?

- Воспитываю, да, - ответил Володя. - А вот жизни меня уже он начинает учить. Представляешь, он у меня сегодня четырёх шпанятов на место поставил. Причём, что характерно, - словами. Вот ты бы так мог, Рафаля?

Рафаля медленно сжал свой кулачище и недоумённо посмотрел на него. Потом похлопал Алику по спине.

- А слушай - даже не знаю. Словами? - и вдруг неожиданно засмеялся.

Немного погодя к нему присоединился и Володя. А Алик сидел, переводил удивлённый взгляд с отца на Рафаля и думал: «И что же в этом смешного?»

Александр ХАЛОВ

НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ ТАКОЕ НИКОГДА

Повесть

Солнечным сентябрьским днем двое мужчин лет сорока, два друга, двое привычных один другому людей сидели на берегу реки.

Была пора вечернего клева, и две пары удочек: короткие - ловить у берега, ставить на глубину, длинные, в три-четыре колена, взять рыбу с далекой воды, с середины, - лежали на рогатинках, толстыми концами ткнувшись в береговую твердь, тонкими склоняясь к воде, и ей же кланяясь, как подмытые рекой осины. Клевало редко. Брал окунь, хватал сразу, - ловко, намертво, взаглот - и не подсекай! - никакой не сорвался, не плюхнулся обратно, выдернутый из воды, ни разу не огорчил рыбака.

Один из друзей, плотный, каштанововолосый, с коротко стриженными усами и такой же бородкой, а волосами длинными, забранными в хвостик, как у священнослужителя или популярного киноактера, примостился у самого среза воды, на подбережье, где соломённая осенняя трава касалась волос, а водяные лопухи манили шагнуть на них, присились под ноги. Он то следил за поплавками, лоя при этом боковым, всем остальным зрением, чувствами эфиры, токи природы, то вперивался в красное, желтое на противоположном берегу и тогда закуривал, веял по ветру синеватый дым, выпускал восторженные вздохи, тихие, эфемерные, хрупкие, такие, про которые говорят «почудилось», сердечно звучащие, шуршащие, как шаги травой, мирно растаивающие в окружавшей среде так же, как дым. Завидя поклевку на дальних удочках, он восклицал - негромко! не нарушить ничего! ничего не спугнуть! - зазывал голосом, рукой, призывно обращался к другу: «Сережа!» Или: «Сереж! Серег! Да лови же! Да иди! У тебя же клюет!!»

Другой, зеленоглазый, с густыми волосами цвета выдержанного в снопах и не убранного до снега, до замерзшей осени льна, спутанными сейчас, причесываемыми пальцами, приглаживаемыми ладонью и оттого перевитыми, как сенная копна, но даже при этом чувствовались в них аккуратность, ухоженность, регулярная стрижка - сухощавый, подтянутый, с лицом русским, чуть непропорциональным - вытянутым, как у иконописных лиц, сидел выше, метрах в пяти и двух по высоте, от воды, у костра, разложенного на пяточке ровной площадки обросшего кустами крутояра, скрытого теперь лесом древнебережного косогора. Он читал. На зов он немедленно откликался, энергично, пружинисто срывался с места, отрываясь от книги, в которую вот уже больше часа то рассеянно, то напряженно, то согласно кивая, то по большому улыбаясь, глядел; будто вспоминая, мечтал. Он отрывался еще и от кружки с чаем, что поставленный питься, все забывался и потому остывал, и потому непрерывно подогревался на углях костра и от самого костра, что истощенно дымил, вовремя не получая пищи от забывчивой руки. Он поднимался, делал вниз несколько шагов, брался за уд.

Вылавливая рыбку, друзья восторженно ухали, вместе радовались, показывали друг другу оттопыренный большой палец правой руки, вместе постояв, расходились.

«Всю рыбу проспишь!» - укорял и гневался словами, при этом смеясь глазами, первый, тот из друзей, что проводил время близ удочек, у самой воды на берегу, когда второй возвращался к костру, устраивался поудобнее на подушке из еловых лап, привали-

вался к стволу тут стоящей березы, трогал рукой кружку с чаем, вновь брался за книгу. «Не просплю», - возражал второй. Река, удочки, поплавки, друг, другой берег были пред ним как на ладони. Сзади и вкруг - лес, если растянуться на ветках - солнце, повернуться боком - уголечки костра... Чувствовалось, ему комфортно, умиротворенно, благостно от всего этого - это внезапный его дом, в котором сегодня уютно и тепло как никогда.

Завидев, что друг его засмотрелся не в поплавки, куда-то поверх - в реку, в плывущие листья, в другой берег, - он окликал негромко: «Вади-им!» И совершенно банально, как принято, что входит в ритуал рыбалки, обычай истинных рыбаков, мгновенно насупясь, шутил: «Ты там «родимую» не упусти! Что тогда вся рыба... Упустишь - спортишь всю рыбалку!.. Она хоть на месте? Следишь? Бди».

Тот, что находился при удочках и которого звали Вадим, непременно приседал тогда, нагибался, тянулся к воде, в ней шарил рукой, нашарив, что-то ощупывал под водой, поднимался. Бутылка «Столичной», привязанная под общий их смех на две, каждый особо, веревки и одну - обще - проволоку, с утра холодились в речной воде. Проверив ее, удостоверившись, первый поднимался так же и на шаг вверх и под кустом, в траве не менее тщательно осматривал кукан-прут с наловленной рыбой. Второй обязательно за всеми этими действиями следил. Спрашивал: «Сколько уже?» Имелось в виду рыб, имелось в виду - поймано, сидит на кукане. «Девять и четыре». (Четыре сорожки, девять окуней.) «Хм-м, что такое!.. - возмущался второй. - Ни одного ерша!» «Да! Черт их дерит, - откликнулся в тон ему первый. - Куда-то сегодня запропались... Но ничего, будет, будет сегодня у нас уха! - заключал он, убирая обратно в куст ветвь с гроздьёй рыбы. - Да уж, знаешь, и без уха!..» И он оглядывался, озираал все: словно пытался вобрать глазами! Все, все-все! Все, что кругом него: выше, ниже, даль, близ, - на этом, на том - и еще на каком-то, видимом только ему одному! - берегу, поворачивался еще и еще раз, поднимал глаза, подставлял их, лицо солнцу, замирал на нем взглядом мгновенно! И - слепо, немо счастливым! - искал, искал глазами: кому счастье, счастливое состояние свое передать.

Оглядывался на друга, взгляды друзей встречались. Встретившись - и смутившись - и устыдившись излишнего, непривычного, откровенности до откровения - разбежались, но проходил миг, и они снова неумолимо магнитно притягивались, поднимаясь друг к другу. И, снова встретившись, мирно схватывались, рождая в душе немый благовест от наслаждения чувствованием себя, своей души, как частички, как участника хорового голоса органично поющей, бушующей беззвучно гармонии в живущей природе.

Друзья ехали рыбачить. Но!.. Лишь только пришли!.. Лишь присели - отключились от тревожных мирских забот, вдохнули здешний воздух, зажгли костер, огляделись в храме, умылись, смотрясь в воды...

Золотопустыньность, осень, шуршащая тихость, лесная миропоющая река, одиночество на пару уединению вдвоем... - бог мой!.. Мужские будничные грезы - прозаические мечты о речке, рыбной ловле, безмятежном сидении с удочками, простом разговоре под водочку и уху - эти мечты, час за часом теснимые нарастающим, ни с чем не сравнимым блаженством созерцания мира, растворением себя в этом мире, внимания главному - своему внутреннему и вместе с тем окружающему всеобщему миру - ведь МИРУ! - в один прекрасный момент встрепенулись, крякнули стайкой поднятых кем-то, чем-то с насыщенного места утей, покружились на месте, крутнулись в воздухе, взмыли вверх, ринулись вдаль, хлопая крыльями, испарились за речным поворотом - нет, настойчивые, воротились, снова кружили, снова крутились - но уж нет и нет! уже вернуться, сесть вовсе негде! незачем! - с сожалением улетели. Исчезли, не задержались, улетели, лишь поманили. И - все: сменилось все, пропала рыбалка. Остались - осень, яркий конец сентября, река, берега реки, ниже-выше изгиб и перекаты на поворотах, лес, костер, друг близ тебя на солнечном берегу.

Стояла осень, был самый конец сентября.

Высоко над лентой неширокой лесной реки светило чуть греющее у земли солнце; высоко стояло над нацеленным в него, в недостижимую высь, крутого правого берега темно-зеленым вековым лесом, краснело, желтело, дрябло в листве левобережных ольх и кустов, ябло в опадающих, сваливающихся листьях, затухало в траве и - светило! стояло над всем! - сверху по лесу катясь на закат к горизонту.

По бледной синеве высокого снизу, из прогала реки, неба, плыли, текли, стремились,

как птицы теперь, как птицы на юг, скученные облака. Медленная река, с постоянством отдыхая в омутах, переливала себя, перебирала струи на перекатах. Тоже стремилась на юг: плыла туда, текла, наклоненная южно, влекла, собирала водички сбегающих к ней каменистыми ложами родничков, легко гасила их младенческий бег, пробовала воду, принимала, хозяйкой закатывала, смешивала, настаивала в омуте; божественно разделяла здешнюю землю на две половины.

- Эх!.. Эх, Сережка!.. А, Сережка? Да оставь же ты книгу! Ей-богу... Да лучше посмотри! Смотри, что творится вокруг, что кругом!!! Смотришь, смотришь - насмотреться не можешь. Вдруг говорю себе: бушует осень. А? Так?

Тот из друзей, что был постоянно у нижнего берега, при воде, казалось, решился: хотел и осмелился распахнуться.

(О, если б каждому - друг и с ним - до конца!)

Тогда другой от книги - и мгновенно! - откинулся назад, привалился к стволу. С минуты заморожено глядел, затем стряхнулся, словно очнулся, бросил веток в пепел костра, сдвинул с колен забытую книгу - она лежала уже не перелистываемая минут двадцать.

- Я не читаю, Вадим. Я тоже смотрю. Я вижу. Вижу! Знаю!

И это «вижу» второе прозвучало, как: «я согласен с тобой».

- Иди сюда!

- Нет, поднимайся ко мне!

А прозвучало, как «поднимайся сюда», мол, отсюда виднее!

Но первый замотал головой - нет, нет! - махнул рукой: иди, иди же сюда скорее! Второй поднялся, закрыл глаза, глубоко вдохнул. Аромат хвои, аромат костра, солнечно-хладный воздух!.. Спустился к воде.

Они встали, плечом почти касаясь плеча, - они случайно так встали, что создавался меж ними ток и кожа, одежды легко пронзались объединенным сердечным электричеством. «Смотри» - негромко, притупшая звонкие согласные слов, нот голоса, показал Вадим. «Там, - он указал рукой, и они обернулись назад, - там ты, как выше. И уже будто хозяин какой. А здесь! Здесь лучше видно, как ты мал. Здесь я на равных с кустом, с каждой травинкой. «Точно», - шепотом ответил Сергей.

И дальше стояли, молчали, не глядели друг на друга, откровенно радовались, открыто печалились, - сожалея о краткости жизни, сожалели о краткости лета, впитывали звуки, краски, формы, объемы, величину.

Нет ничего величественней единения душ в безмолвном царствовании природы.

Было тихо, была тишина.

Стояла тишина, солнечно разливалась, черпалась в горсти!..

- Бушует осень, - глядя в другой берег, промолвил Вадим.

- Бушует... - вторил ему Сережа.

- Ты видишь?

- Да...

- Тихо. Не звучно. Не суетясь... У меня сердце сегодня выросло в размерах. Гудит, как колокол, размахивает собой в груди... Знаешь, это ее молчаливое, это ее беззвучное бушевание разгоняет в колоколе набат. И вот: сердце расходится, разгоняется до какой-то страсти! Новой, неожиданной! И - страсти. Я поймал себя на том, что смотрю кругом, на все, как на одно целое, и как, наверное, антиквар на безумно дорогую и безумно редкую вещь! Которую отдают без всяких хитростей, без условий. Тому, кто сможет оценить ее по-настоящему. Кто оценит, как можно дороже!

- Да...

- И я не слепой! Я не могу упустить! Чувства!.. Взлет... Просто приглядываешься, просто смотришь - и один вид окантовки полей: красное, желтое, зеленое, багрово-зеленое, желто-красное, - доводит до помрачения, упоенья. А еще можно по отдельности, по кусочкам разглядывать все! Мы шли сюда - эти липы! Эти березы желтые!.. В створе, как одна в одной! Клен одинокий, яблони в заброшенном саду, черемухи в краю леса. Невеоятные в этом году, зеленые с багровым, рябины. Прудик. Высох до дна, и все дно выстлано. Как ложе. Белье постельное - листья!.. Трава... А там, в деревне, под окнами - вдруг стрелки гладиолусов. Они пронзили меня!.. И солнце. А солнце?! Ах, какое солнце!.. Как оно всходило!.. Когда взойшло, приподнялось над лесом, мне захотелось взглянуть на него.

Боялся, но посмотрел. Ох!.. Глаза пропали - вот как солнце встает. Пропали, не обожглись, пропали - исчезли в теле. Солнце, оно не летнее, нет зноя! Не парит, не жарит, не убивает. Не тяжело - нет тяжести. Оно легкое! Оно солнышко! Двигает, ведет себя по небосводу. Просвечивает меня насквозь!

А небо?... Хладное, холодное-холодноватое, холодноватое синее. Холодная синева и желтая яркость. Как они!.. Как мы с тобой: тоже и нужны, и требуются, и не мешают друг другу. Да?

- Да.

- А в доме, у хозяев, где ночевали, там уголок кухни, тот, что перед глазами, когда войдешь. Он с утра только и освещен. В нем полно дерева, он полон светлого дерева вещей. Хозяин пристроил там какие-то полочки, скамеечки, рамки, шкафчик... Все из ели или, кажется, из осины. Лаком покрыты, желтеют от электрической лампочки, когда вечер. А на стене - белые обои с зелеными листочками. Красиво. Вечером, когда пришли, я сразу увидел все это. Я увидел, как это красиво. Но и все. А вот утром!.. Утром! Когда солнце поднялось и стало лить, светить как лить в окно, все деревянные вещи начали светиться... Сзади них - белое, немного зеленого, они желтые. Наверное, так всегда: солнце падает - они начинают светиться. Я слова не мог выговорить: чудо! Радость, счастье, чудо!.. Восторг.

Сергей в ответ зачарованно улыбался. С минуту Вадим молчал. Потом:

- Что такое творит с душой осень?! Отчего, как только проходит лето, как только пойдешь, что прошло лето, в сердце загорается огонек - огонек ожидания! Ожидания вершины осени - октября! Когда последний аккорд, когда завтра - все! Когда завтра все опустеет и послезавтра - зима... Что особенного в виде то желтых, то голых деревьев, отлетающих птиц, сухой травы и сухих листов?! Что за ликование?! Отчего восторг?! Откуда?! Что за биение в сердце?! Что за биение чувств?!

- Так осень...

- Однажды... Да что я вру, какое «однажды» - сегодня!.. Сегодня однажды я понял: весна - начало дороги, рождение. Как рождение всего. Лето - пути. Осень, осенний октябрь - последнее, последний шаг! Сверхшение, венец. И взгляд назад - на ВСЕ. И оттого восторг! Оттого восторженность. Потому что - ВСЕМ. Всем, как нынешним, как одной текущей минутой. Что было, что пройдено, что получилось, завершено... И еще. Смутное, как из середины Земли. И глубокое. Зернышко, еще только падающее семя. Летом зревшее, и созревшее, и падающее теперь в не рождающую пока, еще, теперь землю. Семечко, еще только семя, даже не предчувствие - ощущение предчувствия будущего! Рождения. Будущих дорог, будущих дел, будущего пути - всей жизни неизведанной! Вот. Вот и бушует во мне. Осень... Я завидую, - помолчав, сообщил другу Вадим.

- Что ж? Кому?! - удивился Сережа.

Друг Вадим рассмеялся, как удаче своей первой хитрости смеется мальчишка.

- Себе!..

- Ух ты!

- Ура-а-а!.. - хором прокричали они.

- ...О! Слышишь? Лес встрепенулся.

- Слышу. Идем к костру.

Сидели у костра, пили чай, молчали.

Курили, негромко переговаривались ни о чем.

Поднялись, пошли сидеть у удочек, следить за поплавками, быть ближе к реке.

Солнце светило уж в спины.

...Солнце насадило сзади на заострившийся в вечернем свете лес, заходило, меркло, удалялось... При этом рисующий его свет четче разделил краски, подчеркнул все осеннее в природе... Царица сходила с трона, все ложилось пред ней, опадало, склонялось, - коленами на землю, лицами ниц!..

От этого:

- Вадим!

- Да?

- Смотри!..

Взмах руки, взгляд вперед, вдаль, поворот кругом, восклицанье, в восклицании - восхищенье!..

Вадим отозвался добродушным смешком, - теплым, сердечным, - кивком головы, торжеством, спрятанным в уголках губ, в прищуре глаз: а-а-а! мол, понял! а что я тебе говорил! Хотел прибавить что-то и уже раскрывал рот, да... Махнул тоже рукой, - тут же вспрянул ею вверх, что-то восхваляя торжественно! «И так ясно все, без слов ясно! Чего говорить».

Но говорить, оказалось, есть о чем.

- Слушай, я... Я не знал тебя таким.

- Каким?

Сергей снова показал круг них рукой - каким? Восторженным всем этим, чувствующим, - таким чувствительным, что ощущающим все. Вадим не смутился, Вадим, отворачиваясь, радостно улыбался. Потупился, поулыбался в землю, в лес, в стороны, повернулся лицом к другу, изобразил - а вот так вот!.. - лицом. Развел в стороны руки, изобразил: недоумеваю, видишь, сам не понимаю, как это, отчего. Движением подбородка показал на реку или на ту сторону реки: мол, разве это я?! Это все она, река-осень - все изрекла она: осень. Что с ней поделаешь! А словами:

- А ты, кстати, сам распалил, сам расчувствовал меня.

- Я?!

- Конечно! Кто читал в автобусе всю дорогу, а потом пересказывал, пока шли до деревни проселком, рощами, тропой, даже когда перебирались через ручей по лаве, рассказ «Генрих» и завидовал герою - не ты?

Не ответили.

- А кто читал нам потом вслух «В Париже»? Когда мы с тобой ушли ночевать в пристройку и пришел хозяин и сказал: «Ребята, можно мне-то с вами посидеть? Давно с молодыми-то этакими не гутарил. Тут все старухи да старики окрест-то меня, какие у нас антересы, каки разговоры...» И мы с тобой переглянулись тогда, и достали тогда водку, стали пить ее с уникальным каким-то деревенским домашним хлебом - не поймешь: не то хлеб, не то пирог, раз каравай, но пьянеешь от одного запаха, от вкуса! И картошки вареной холодной дед принес, и огурчиков соленых, еще прошлогодних, сказал, что, мол, они лучше нынешних, что бережет. И еще экзотику нам устроил - то ли закусываешь, то ли запиваешь? - принес куриные яйца, разбил их в чашки. «Пейте! - сказал. - Мировая закуска! Не бойтесь - от своих то курешек. Нету тут никаких монелезов». Посыпали солью, пили. Сразу заварили чай. Да не наш, как выразился дед, - «дорогой», а - «евонный», «какой старуха моя в магазине набирает»: дешевый, «Принцессу Канди». Дед бухнул заварки от души, уж не пожалел! Чай вышел!! То ли оттого, что много заварки, то ли от того, что на колодезной воде. То ли, что водка перед чаем всегда у меня восприятие чая улучшает, вкус к нему обостряет. Я наслаждался... Мы с тобой сидели, молчали, нам и без разговоров было хорошо. А дед под наше молчание начал дымить свой обалденный самосад и тоже молчать. Ты бы видел, какая прелестная картина у нас была. А дед ведь хотел - за тем и пришел! - нас послушать! Сам сказал: хотел посидеть с вами да послушать, о чем такие говорят. А нам не хотелось говорить, и мы решили пошутить, отшутиться: вместо того - о чем говорят, хотели отбрыкнуться - чем, посредством чего говорят: подали деду «трубку», мол, вот чем: подали мобильный телефон. На, дед, говори с кем хочешь, звони хоть куда. Но деда это не заинтересовало... Пока ты телефон из вещмешка доставал, ты и книжку выложил. Старик: а это что? А это - вот что, ты говоришь, хотите, прочитаю? И начал читать. И читал нам «В Париже». Старик курит, слушает, я дремлю. Открою щелкой глаза, понаслаждаюсь картиной, снова закрою. Не смотрю, только слушаю, дремлю. Дремлю, как дремлет собака: все слышу. Слушаю тебя, междометья деда, слушаю все, думаю о себе, о Вере... Думаю о нас с тобой... О нашем походе на речку, думаю о своем... Тишина такая!.. Между твоими словами, за твоими словами, за твоим голосом - все тишина, стеной тишина... Мышь в ней заскреблась, мешала. Как дед ее назвал? Кажется, подобойная? Ничего, мол, с ними, лешими, не сделать, живут и живут... А ты сам был похож на того генерала русского в эмиграции, в Париже - как я себе его представлял. Скорбный такой, как весь бунинский рассказ. Ты был, будто скорбный, лицо вытянулось, голос, как метроном: отчитывает слова. Ты видел? Старик ушел от нас, глаза набухли. Не ушел - убежал! Засобирился сразу после рассказа, засуетился, забоялся, что потечет слеза и мы подумаем: старческое. И зря. Плакали б вместе. И я. Я... Если б не водка выпитая - от водки я каменею, если б не Вера теперь у меня, я бы плакал. Но с Верой у меня теперь настроение другое: светлое! Не печалится! Не заплачется. Откуда

она взялась?! Сам не понимаю. Знаю, конечно, но - не-по-ни-маю. Взаясь, возникла и все. И кажется мне, и видится мне теперь про себя: все пройдено, все впереди. Вот как.

Сергей шевельнулся, и Вадим, опасаясь, что он прервет его, мгновенно протянул руку, взял друга за плечо:

- Сереж, подожди: мне будет не сказать потом. Да и постесняюсь уж, не скажу... Ты знаешь, я вдруг начал ощущать себя щенком. Да-да! - воскликнул он, пытаясь что-то найти, подобрать слова, найти какой-то отклик в душе, - увидеть его на лице друга. - Всего лишь щенком... Щенок - это детеныш собаки?.. Щенок - говорю я, это существо, которое недавно родилось. Это только что вставшее на ноги и открывшее глаза чистое создание! Живое, чистое, любопытное - новый божественный кусочек. Представь себе его! Представил? Вот он появился на свет, встал на лапы, вот начинает ходить... Смотрит на мир, всему с любопытством, с наивностью внимает... Вот начинает уверенно стоять, владеть своим телом... Он все обнюхивает, все осматривает, все пробует на зуб - ему все в диковинку! Он с НУЛЯ познает мир. Он еще никто: ни добрый, ни злой, ни сильный, ни слабый, ни умный, ни глупый... Он еще только щенок, он детеныш... Зародыш большого! Щенок! Человечек-дитя! Ему еще всем предстоит стать... Сколько раз я наблюдал их, этих пухлых, смешных, бегущих за матерью поскуливающих малышей!.. Никогда не думал, что вдруг найду такое - ласковое и нежданное! - определение и себе... Я - щенок. В этом мире я всего лишь щенок... Я понял прекрасное одно: я дорос до возможности по-человечески-настоящему постигать этот мир. Я давно встал на ноги, в своей жизни - вообще жизни - казалось, добился всего. И вдруг увидел, как я мал. Вот - шел-шел, шел, добивался, стремился... Казалось, добился многого. Казалось, всего! Казалось, далеко ушел от первого порога!.. И узнаю: всего лишь стою на пороге! Стою в новом краю, открываю в него дверь. Открываю первую настоящую дверь! Заглядываю - вижу неведомое... А ты? - сжал он плечо друга. - Ты... Ты печальный какой-то. Что?

- Устал я...

- Как?.. Мне кажется, ты раздерганный. То ли ждешь чего-то, то ли решаешься на что-то, может, ищешь. Эй... - тихонечко позвал он. - Сере-ож! Чего-о-все-и-и-ще-ешь-то?

- Вот оттого и устал...

Ответив так и улыбнувшись горько, тот застыл: собой поглощенный, другом заговоренный, замороженный, ушедший теперь в себя.

- Сережка!..

Сергей кивнул согласно, кивнул: слышу, мол, слышу. Рассеянный и туманный вдруг начал поднимать руку, поднял кверху ладонь. Сделал жест: обожди! не говори! не мешай!..

- ...Сейчас я, счас... Дай, дай минуточку!..

Вадим посмотрел на него внимательно, отнял, опустил свою руку от его плеча, стал ждать. Стал смотреть на поплавки, на реку, в другой берег, вздрогнул от внезапного, беспричинного, совсем не рыбацкого - удочки-то лежали! «Есть! Поймал».

Светило погасло. Смешалась листва, лес стал однообразным, как серые панели.

Вадим вздохнул:

- Все. Ушла на покой наша радость, ушло наше солнышко.

Они завертели головами.

- Да-а...

- Да-а...

- Дай-ка кукан! Что там?

- Нам хватит.

- Бросаем, идем к костру.

- Конечно! Пора, - пора варить уху, варить уху...

- Варить уху, варить уху...

Вместе взобрались на лужайку, на пригорок к костру. Сидели у огонька, чистили картошку, рыбу, лук, снова заварили чай. Вадим отодвинул в сторону забытую, все раскрытую книгу.

- ...Что сейчас?

- «Галю Ганскую». Не помнишь? Читал?

- Нет, не читал.

Сергей призадумался.

- Тогда жаль. Жаль... Я хотел рассказать тебе. Два раза сегодня за день созревало что-то. В первый раз просто не захотелось - интимное, понимаешь, и барьер: не переступается. Хочу рассказать - и отвращение, и не хочу одновременно. Второй раз долго была тишина, долго смотрел на тот берег, что-то срывалось уже... Да ты обогнал, перебил... Своей «Осенью». И подтолкнул. Ты прав: осень бушует. Я завидую тебе: ты точно вписался в нее. Знаешь, я расскажу тебе: зачем, почему притащил тебя сюда. Можно ведь было поехать и в другое место, но вот... - не договорив, не подобрав слов, он замялся.

Вадим деликатно покашлял. Покашляв, предложил:

- Может, по рюмочке? По одной, по пятьдесят грамм. Для аппетита. Без закуски. С чаем. А? Остальное - под уху.

Сергей беззвучно рассмеялся: мол, ну ты хитрюга! Ведь, ты все понял!.. Наливай, хитрюга, не возражу.

Оба поднялись одновременно, - Вадим сидел от берега дальше, Сергей задержал его жестом: я схожу. Спустился к воде. Повинуясь рыбацкому инстинкту, немного постоял, приглядываясь, отыскивая на темной воде поплавки. Вернулся с холодной бутылкой. Снял с нее веревки, пустил «змея», на глаз в кружки налил:

- Ну!..

- За нас.

От крепкого холодного глотка вздрогнули, оба: один - зажмурился, другой помахал ладонью перед ртом. Налили в те же кружки чай, хлебнули его, покраснелись, зашлись костром.

...Ничего нет. Лишь дым костра, его потрескивания, его огонек; картошка, рыба, вещмешки; совсем пропала река. Освещенный костром полукруг обступил лес. Огонь, лес, человек напротив; человек, который напротив, на самом деле рядом, с тобой, вы лицом к лицу, вам тесно, вы вместе, близ; потому что на самом деле напротив, вокруг - лес. И темнота.

Огонь костра. Сергей недолго смотрел в огонь. Потянулся, взял книгу, протянул ее другу, сел к нему, рядом, сел в ряд:

- Знаешь, читал, дошел вот до этих строк - веточкой он отчеркнул строки, и как отрезало! Все! Больше читать не надо. Не надо читать, нахлынуло свое! Дальше не читается?! Потому что ни к чему! Будто где-то витал, а тут опустился на землю...

- Нашел ответ?

- Нет! Нет-нет!.. - он протестующе замотал головой. - Я не ищу в книгах ответов. Кто-то, что-то может помочь тебе, но все ответы - в себе самом, все - ты сам.

...Знаешь, почему я редко сейчас читаю, не читаю ничего? Не надо, нет нужды. О чем пишут писатели?! Я не понимаю. Я ограниченный человек, мне нужны мудрые проводники: поводыри. Зрячие! А не сами слепые. Когда возникает потребность читать, читаю классиков. Представь?! Я читаю одних классиков!.. Редко - не наших, чаще - российских, русских. Они чуткие, они видят человеческое. Они пишут о нем, показывают мне его, я могу у них брать! Я добираю у них, когда недостает своего. Читаешь, видишь свое. А вот это все, - он показал вокруг рукой, - как стекло. Увеличительное, фильтрующее... Или - нет!.. Очищающее, чистительное. Очищающее взгляд. Видеть помогает... И вот сижу я с тобой на реке, внимаю всему, что вокруг, «смотрю» в Бунина, сижу в осени, слышу вдруг ТВОЮ осень... Снова читаю. Читаю - не читаю: смотрю. Дохожу до строк: «Вероятно, у каждого из нас найдется какое-нибудь особенно дорогое любовное воспоминание или какой-нибудь особенно тяжкий любовный грех. Так вот Галя...» Ну, и далее, - он поднялся в волнении, резко шагнул в сторону невидимой реки!

- Эй!!! - вскрикнул встревоженный Вадим. - Осторожно!.. - устыдившись своей откровенной тревоги за друга, прибавил: - Да и рыбу не раздави...

Сергей повернулся.

Обернулся, - немо смеялся; обернулся, - сердился, смущался, - смеялся голосом, печалился лицом, все смешалось, жило в нем одновременно.

- Вадька! - крикнул он с деланным возмущением, намерено нарушая интимную тишину, интимную тесноту. - Ну не жидься ты, жадина! Дай другу закурить! Ну дай сигарету! Дай покурить, елки-палки! Давай, давай, расщедривайся, угощай своим «Парламентом». А то - за-а-чем тебе такие сигареты, только добро переводить, ты, мол, только на реке-е куришь... А чего тебе, жалко, что ли?!

Вадим спрятал улыбку, согнал ее в подбородок, проведя по лицу ладонью, потер за-

тылок, провел ладонью по щеке, шее, потер грудь у сердца, улыбка сошла в сердце, на лице играл лишь костерный огонь. Подал пачку сигарет:

- На, не стони - на...

Сергей присел на корточки, приблизился к костру. Веточкой выкатывал угольки, став на колени, тыкался в угольки сигаретой - глотал лесной дым, лесной огонь.

- Не смотри, - не поднимая головы, попросил он. - Дай минуту. Сейчас. Справлюсь с... И...

Затягивался, торопясь курил, начал не рассказывать - пояснять:

- Эти строки - как ключ. Первый. Осень - второй. Второй и одновременно третий, потому что как вызов на откровенность, доверие... И место - место!! Оно напротив! Вадька, ты ничего не знаешь!.. Место - еще один ключ... Имя Галя - еще. Смотри! Смотри! - возмутился, когда разложил, он. - Сколько... Меня и без того уже все волновало!.. А тут - дочитал до этих строк и щелк! Отключился. Щелк - и свое потекло. И, - он показал, что цитирует, показал на книгу, - «теперь это дело столь давнее, что я могу рассказать тебе его с полной откровенностью».

Он начал рассказывать.

- ...Знаешь, наверное, в жизни каждого мужчины есть женщина, - или девушка, если это случилось в юности, - путь с которой он не прошел до конца. До конца? До венца? ...

Воспоминания о ней легки, чисты, ничто не омрачило, не успело омрачить их! И вот как-нибудь с годами... Особенно в моменты неустроенности души, вспомнишь о ней. Вспомнил, забыл. Через год, через годы - снова вспомнил. И если раз вспомнил, вспоминается уже постоянно.

...А еще однажды - зацепит что-то, начинаешь вспоминать все мелочи, все-все, вплоть до ее слов, губ, фигуры, одежды. Незаметно для себя переходишь на другое, думаешь - а что, если бы вы не расстались, что бы было тогда? Что бы тогда было? Начинаешь примеряться - ты уже опытен! - начинаешь накладывать ее, этот образ, на семейную жизнь, - создаешь в уме вашу с ней семейную жизнь... Ищешь недостатки - их нет: она - воспоминания, она неуязвима! Ты можешь думать: зря вы не вместе. Имеешь полное право думать: это была ОНА.

...Жизнь идет, все забываешь. Вспомнится от толчка, так, мельком, вспомнится снова. Но теперь тот дальний образ становится дорогим. Самым дорогим! Самым лучшим твоим любовным воспоминанием. Так вот Галя и есть мое самое дорогое любовное воспоминание. А теперь еще и, как кажется, грех. И не дает покоя мне этот грех.

...Я встретил ее недавно. Вот же, в эту осень. Да что я тоже!.. Вот на днях встретил ее. Мы... И...

Он странно усмехнулся, резко кинул сигарету в огонь, Вадим, молчаливо перебиривший страницы, заметно вздрогнул, дойдя до последней. Сергей, заметив, бросил ему:

- Ты рехнулся?! Что ты... Она жива, в полном здравии.

- Так при чем здесь «Ганская»?

- Поймешь, когда дослушаешь до конца. Тут важно настроение. Настроение рассказа Бунина - фон. Без него весь мой не то. Не зная, не чувствуя фона, ты не поймешь меня! Давай, а, Вадька, прочти, а? Пойду пока сниму удочки. Не бойся, не свалюсь. И рассказывать теперь уж не... Не отстану. Будешь терпеть.

- Только без соплей...

- Ну уж!.. Как получится. Ладно, читай, я - к удочкам.

- ...Ты помнишь Галю - Галю!.. Мы бывали с ней в компаниях иногда: вспомни первый-второй курсы института. Не вспоминается?

- Да почему... Пожалуй. Девчонка такая светловолосая, длинноволосая. Роста твоего, подвижная...

- Разная.

- Острая на язык: отбрила меня как-то.

- Я бы не сказал, просто с достоинством.

- Может быть.

- Мы сдружились с ней еще в школе. Вместе в институт поступали. Только она на другой факультет. Я поступил как-то легко, она - чуть не провалилась. Но нет, вытянула. Все из-за меня, наверное. Надо готовиться, сидеть над учебниками, тут я: тащу ее куда-

нибудь, назначаю свиданья... Эх, было время... После зачисления - после, после... Показалось, влюбились друг в друга!

Однажды сорвались, уехали, от всех сбежали, исчезли - все нам мешало, все нам мешали. Все мешало нам - нам не нужен был никто. Никто, кроме нас самих. Собрались тайно, как будто каждый куда-то порознь, вместе уехали. Вот туда! - Сергей махнул рукой в темноту. - Там, на том берегу...

Тогда там была поляна! И коса песчаная шла от берега в воду, уводила в реку. Песок мелкий, чистый! Вода чи-и-истая! Как зайдешь, сразу почти по колено, идешь, идешь, идешь - дно понижается постепенно, все ниже, ниже, потом идешь по грудь... Думаешь зайти по плечи и плыть, и - раз! Под ногами обрывается! Вдруг обрыв. А-а-а!! Жуткая глубина. Там было вымыто течением. В самом дне как обрыв: ты идешь и - «солдатиком» с кручи. Пошла душа в рай!.. Страшно. Сладко. Лепота.

...Мы на пару ходили с Галинкой исследовать этот обрыв под ногами, эту неожиданную глубину. Жара стояла-а!.. Хотя и был август. Вода прогрелась за лето!.. Здорово! Хорошо та-а-ак!.. Ни комаров, ни слепней! Вода, песок, тишина, чистота, одиночество...

Мы раз по пять за купание возьмемся за руки, идем. Туда... Хохочем, веселимся вначале, вначале почти бежим! Потом - а уже знаешь примерно, где обрыв, где жуть - идем медленней, не бежим, осторожничаем. Вот так: вначале бежим, потом идем, потом вообще - в полшага. Душа заранее обмирает... Глазами ищем поддержки друг у друга, переглядываемся каждые полсекунды. Как будто: «Ты не боишься?» - «А ты?» Перед концом ее ладошка уж прямо впивается мне в ладонь. А если держится за плечо, стиснет, как вопьется. На краю - сладкий ужас в глазах! У обоих одно. Еще движение!.. Тел!.. И - провалимся! Оба.

...И вот через эту хватающуюся за меня, впивающуюся в меня девичью ладошку, через эти вздрагивающие от испуга девичьи глаза - вдруг! машинально! в последний миг все доверяющие мне! - врываются в мое отчаянное сердце непонятная трезвость и необъяснимая, свалившаяся, как сверху, ответственность. Галя - вот моя трезвость и моя ответственность. Все за нее - на мне. А она и не чувствует, и не знает! Мы шагаем, мы прыгаем, и вместе, и не вместе. Будто, так кажется мне, она теперь под моим заслоном, за моей спиной.

...Довольные, помнится, без сил, выбираемся, - тихие, выплываем, идем по воде, выходим из воды. Галя впереди, к сухому песку бредет, к косе. Волосы распускает на ходу: распускает, встряхивает, распускает на спину, на плечи. Я иду сзади, смотрю на нее, ловлю себя на ощущении: смотрю на нее, как на что-то свое, словно роднее мне стала.

Еще полдня назад у меня сладко замерло бы сердце, когда вот так: взгляд на ней, на почти обнаженной... Когда взглядом касался ее бедер, спрятанной под купальником груди, талии, которую мог обнять, шеи, которую еще не позволяли целовать мне...

Еще час назад я бы тайно, безотчетно вожделенно, вожделирующими глазами испарял бы с нее всю одежду, оголял бы ее всю, позволял одеться и снова бы раздевал. Представлял, как впадинка под подбородком на основании шеи опускается на грудь, и выпуклости эти... Наверное, незагорелые, белокожие, с коричневыми, наверное - да нет, точно, не наверное! - бугорками, сосками... А от живота вниз - от живота вниз, где у меня волос полоска, у нее их нет. Но еще ниже, как и у меня, есть... И ведь светлые, наверное, завитками идут волосы... И распушаются.

Так бы было. Ведь так до того и было!..

Но теперь вот иду сзади, и смотрю, и люблюсь, и как прежде руки-глаза то опущу на нее, то отведу, но плотоядности прежней во мне - ну нет!..

Ну что за ерунда! Даже обидно.

Смотрю на Галю так, будто это уже моя, моя женщина. Вот идет, вот вижу ее перед собой, думаю о ней. Думаю? Нет, все не так, не думаю, конечно, потому что, конечно, это было что-то такое на уровне волн - нормальных желаний жизни! - на уровне подсознательного.

...Думаю, какой она будет через год, два... Какой, когда вдруг у ней начнет полнеть живот - от меня, конечно!.. Начнет выдаваться вперед, округляться... Что за бедра у нее - не на предмет их к своим прижать! - нет совершенное!.. Что за грудь, будет ли у нее молоко, много ли его будет... В общем, что-то такое. Что за бред рос во мне тогда?!..

Она обернулась - я тут же замигал, будто сорина попала мне в глаз, и отвел взгляд. Отвернулся машинально, как спасительно! Как будто она могла понять мой взгляд, мог-

ла раскусить меня. Мне стало стыдно, что я думаю так, что я вообще думаю об этом. Наверное, я должен был думать, как овладеть ею, а не об этом: что-то вместе делать. Но я думал вообще о своей, себе девушке - женщине.

...Когда мы ходили к обрыву... Я теперь уверен: через женщину мужчина делается мужчиной. Согласись, Вадим?

- ...И она ничего не заметила?

- Она? О, ты знаешь, тут тоже не менее интересно! И непросто. В нашу встречу теперь, когда мы говорили обо всем, она призналась, что за исключением отца, который мужчина главный, первый, основной, который мужчина родной, человек свой, - она - тогда - через меня, именно тогда, когда мы из озорства ходили глубину щупать, начала чувствовать, какому мужчине можно доверять себя. И как.

- И насколько.

- Да, именно!.. Потом!.. Потом - все как всегда на реке. Когда тепло, когда - лето, солнце... Когда двое влюбленных... Одни... Ночь у костра!.. Ловили рыбу, пили чай, варили уху под ночь - все похоже, все почти как сейчас.

...Ловим: сидит тоже с удочкой. Рядом, почти что возле меня. На земле, на берегу. А август все-таки. Я смотрю-смотрю искоса, потом, как дед мой когда-то мне, выдам: не сиди ты так! Застудишься еще! Земля-то холодная! Она приподнимет бровки - а брови бесцветные, ресницы тоже, не накрашены, тушь водой смыло, махнет ресницами. Руку прижмет к земле, пробует. И не отвечает. Я снова скажу - прикажу. Она сморщится и - фи! - делает мне носиком. Губки подожмет демонстративно - это означает: не одобряет. Ну тогда я шагну к ней, за плечи приподниму, свою куртку под нее брошу. Не противитесь. Сидит-сидит, а скучно, да и рыба нечасто клюет. И вот моя Галя начинает меня донимать: «Сереж, а Сереж. А чего ты обо мне так заботишься? Ну застужу, ну и что, тебе-то что!? Не свое ведь, не жалко». Я посмотрю этак скося, желваками поиграю. «А может, мое!» - выдам отчаянно. У нее изумление до сердитости, до гнева: «Что-о-о!!?» Я: «Ничего». Она: «Это когда это стало твое?!» Играет. Но и на место ставит. И проверяет. И еще чего-то, чего не пойму. «Ишь чего захотел - мое... Ты ро...» - и вот тут она язычок прикусила. Едва успела, даже губы сжала, потому что брякнулось бы тут у нее из колкости, из простой колкости что-нибудь банальное просто так, не про меня. Скажем: ты ростом не вышел. Ну и я бы сразу обиделся, и наша идиллия была бы разрушена. А ей не хотелось.

Все-таки я насупился. Она тоже. Но я на нее, а она на себя и на меня.

Но я что: сижу, рыбачу, делом занят, а ей что делать? Сидит, сердится, отходит. Смячилась, оставила свою удочку, встает ко мне: извиняться. А я стою, как стоял, ни шага навстречу. Тогда она подошла, стала сзади, обхватила меня руками, голову на плечо мне положила, сама прижалась к моей спине. И все, и молчит. Молча стоит, лишь тесней прижимаемся.

Я!.. Замер, не дышу!.. Эти выпуклости ее всего через две наши рубашки!.. Грудь ее словно в лопатках моих!.. У меня сердце!.. Где-то на другой стороне реки. А может, там, где солнце сейчас: след на горизонте едва виднеется...

Бросили мы рыбачить, стали целоваться.

...Потом вечер. Я - добытчик, я рыбы принес, я таскал дрова. Галя - хозяйка, хлопочет, орудует возле костра. Потом вместе хлебали уху из одного котелка. Согласись: сближает. Снова купались, грелись у костра, чай пили. Все вдвоем, все вместе, все вместе вдвоем.

...И вот ночь. У нас палатка была с собой, забрались, лежим. Рядом лежим. То молчим, то переговариваемся. Наобнимались еще у костра, теперь просто лежим. Палатка маленькая, лежим близко, лежим голова к голове.

Не знаю, что чувствовала Галя, а надо мной, оттого что она рядом, со мной здесь и мы одни, как витает что-то. Я полужел-полусел около нее, вот глажу волосы. Глажу!.. Вот провожу ладонями по лицу, по губам... Она не отвечает, не уклоняется, чувствую - мрет. Не дышит, глаза закрыты. Приподнялся, полужелу на локте, начал целовать. И это уже другие поцелуи!.. Губы ее то отвечают, то не поддаются. Начинаю гореть, дрожать изнутри! Распахивается, раскрывается во мне что-то, стремится к ней, летит, устремляется в нее!.. Жаждет. И одновременно ждет, настороженно ждет ответа.

Я счастлив до!.. До слез. И дрожь уже физическую в себе чувствую - уже физически чувствую, что дрожу. И в Гале чувствую дрожь, дрожь немую. Чувствую: хочу Галю! Ну вот все - хочу!.. Исступленье. Все мутится, все кружится в голове, ршутся все барьеры...

Все - уже ничего не надо мне вместе - я хочу... Уронил себя на бок, привлек Галю к себе, она прижалась. Прижалась и боится, напряжена. Начали целоваться. Целоваться? В иступлении переступить барьер... Губам уже больно, с какой силой. А поцелуи ничего не дают. Сердце!.. Просто заходится в безумии.

...Это сейчас бы... Все само собой, и все просто. А тут... Первое у обоих. Нет привычки, нет простоты. У нас с Галей ничего не было еще, только целовались, и есть преграда, какой-то частокол. Не дается барьер: не могу отместить все условности, никак не могу переступить. А я еще мальчик был такой - деликатный, как она мне теперь выразилась - все обидеть нечаянно ее боялся, поцеловать едва решился, когда впервые целовал.

...Лес, палатка, никого кругом, мы одни, и никто, и ничто не указ. Я, она. Вот и было: я и она, есть я, я сам, и есть она, сама. Хочу ее, не могу приступить, взять, что-то не позволяет. Не разрешает мне что-то. Не разрешает «я сам», мое же «я» и не дает. Почему? Что?! Не знаю что. Может, то, что она не отвечает мне тем же, не чувствует того, что я, как я. Целует и все. Целую - целует, обнимаю - обнимает. Но - напряглась вся. Я подумал - отторгает, подумал - значит, не любит. А мне почему-то надо было, чтобы все, что происходило у меня с моей Галей, было только по любви. А что такое любовь? А как это так - по любви? Знал я? Решил, показалось - не любит. Вот это «не любит» и не давало мне, как кажется, до конца припасть к ней, позволить все. Но - пустое, считай, это мои домыслы, мои рассуждения.

Нам было хорошо, все-таки оба стремились друг к другу. Да, конечно!..

...И вот моя рука уже под ее курточкой, под рубашкой на груди. Но - на футболке. Полежала так, освоилась с близким новым... Подержал ладонь так, скользнул вниз, под футболку. Откуда хитроумность взялась?! Ведь приучаю постепенно... Галя заизгибалась, но нет, не оттолкнула, не отталкивает. Лежала она теперь головой на моем плече. Изогнулась, крепче прижимает спиной другую мою руку, другую руку сковывает. Я думаю, сердце мое слышала она, как свое. А сердце мое стучало отчаянно! Стучало, стучалось к ней...

Я думаю сейчас, ответ она мне тем же, теми же чувствами, что я, мое желание освободилось бы: осмелела и поднялась моя чистая, искренняя, рождающаяся любовь, в которой не было вовсе похоти.

...Свободной рукой я гладил Галю по спине. Купальника на ней не было, он сушился, я видел - на ветке висит. Лифчик Галя не надела, и вся спина ее была моей. Гладил спину, но само собой скоро под моей ладонью оказалась грудь... Вот как будто голая спина - это не голое тело, а вот грудь!.. Возвышение, и плотное, и горячее! И упругое, и мягкое. Грудь... Округлая, горячая... От нее горячими волнами меня окатывает!..

Галя поупрямилась, поупрямилась - под поцелуями, под ласками грудь... Отдала. И уж я, поняв это, уж я ласкал, наслаждался! Поглаживал, тискал, пробовал на ощупь, гладил, сжимал... Пока Галя не вскрикнула.

...Довел себя - и Галю! - до того помрачения, которое разрешает все: все дальше...

Рука моя скользнула вниз, как только освоила грудь. Сразу - вот помню! - мелькнуло: хорошо, что Галя надела на ночь спортивный костюм, разве приятно было бы пихать ладонь в тесные джинсы... Брючки, резиночка, материя, - моя рука, ее рука, - короткая хватка... И вот трусики, и ладонь моя на них. Тонкие, прозрачные, наверное, если в них испугаться и выйти из воды, - наверное, они на цвет белые, ведь они от нижнего белья. Я вожу по ним рукой, даже не глажу, вожу. Даю как бы нам обоим привыкнуть. Хочется, а не рвусь, не нахальничаю. Как будто и жду еще чего-то: не сигнала, не разрешения, не запрещения жду - желанной ответной реакции. Вожу, потом - глажу. Вот уж Галя вытянулась! Лежит - струной струна! Кажется, миг, кажется, одно мое движение не так - сорвется! Не запоет струна, не заиграет, не застонет, не возмутится - сорвется! И все, будет конец всему: объятиям, сумасшествию, моей руке на ее груди, нашей глупой, жаркой, больной, да идилии.

Я раздвоился, когда понял это. Одной своей сущностью я продолжал добиваться Гали: продолжал ласкать, терзать, добиваться ее. Еще минута - и я бы, наверное, поглупел, я бы начал шептать ей на ушко разные сладкие слова, что там шепчут в такие минуты?!.. Какая она красивая, единственная, как я люблю ее и мечтаю любить ее всю жизнь?.. Вот бы уж смутил... Ведь она мне уже доверяла, значит, поверила бы и всем моим словам. И смутил бы, и подчинил своим желаниям, и подчинил бы себе. И отдалась. Но другая моя сущность от того, как заиграла струна под моей рукой тоже, как Галя, не меньше ее напряг-

лась. И отрезвела, и в стороночку отошла. И смотрит. Воспаленно так, затравленно... И задумчиво. Смотрит и посторонне, и моментально все «считает»: прошлые отношения, нас сейчас, наше будущее... И чувствует себя кисло. Представляет мне себя неким петухом, который по наклонности и обязанностям природы гонится за курицей - ведь больше-то в моем желании уже ничего теперь, без галиного ответа, не было!.. Один «петух»... Вот-вот уже догонит!.. Нас обоих с ней... Достанет, вспрыгнет, начнет мять. И - была курица, стала клуша. А мне надо сделать из Гали клушу? Сейчас я хочу ее и добыю ее. И потом у нас уже каждый раз все просто будет. И для меня это хорошо! Желанно! Желанно, но!..

Но Галя сейчас меня отторгает, значит, что-то не так. Значит, не любит - первое, что пришло мне. Не любит... А после... этого... уж точно не полюбит. Хотя будет моей и, наверное, судя по ней, будет верна, и даже сама за мной ходить будет! Но не будет у нас с ней той идиллии, той гармонии, в которых мы сейчас: поехали сюда - все обоюднo, страстно, все с полуслова, с одного взгляда - живем здесь, счастливо целуемся, ходим вместе к ужасному обрыву в реке, обрыву под ногами, пьем чай, едим из одного котелка... Мир наш рождал здесь нашу любовь!..

А я понял, что всего этого через минуту не будет!..

...И еще вдруг понял: она отдала мне уже все, что сейчас готова была отдать. И уже разрывается, ей плохо! Она, как и я - сейчас в любовном жару. Но почти в истерике. И если я теперь остановлюсь, прекращу, она, пожалуй, другое позволит уж все. Захочу - смогу раздеть ее до трусиков - вот тут же!.. Засветить фонарик, смотреть на нее, целовать... Всю-всю до одного предела.

...Интересно, как бы у нас это получилось? В обморок бы оба упали.

- Ой, Сережка, прости, но по себе скажу - точно.

- ...И рука моя замерла на том месте, где под трусиками пружинило. Где с другой стороны их материю поднимали, как стебельки, так мне казалось, пружинки упругих и светлых, наверное, волосков. Их колосья еще не созрели... Извини, Вадыка, банальность... А может, были не про меня... Я прошептал... Я прошептал что-то, прошептал униженно: ведь я отступал?! Прошептал «Галинка» и что-то еще, первые слова за все время в палатке, за всю ночь. «Галинка» и - не помню - что-то еще, что-то пустое, простое, успокоительное. Даже представить сейчас не могу, что такое мог придумать, прошептать?! Она вмиг обмякла: успокоилась. Даже прижалась как будто тесней. Или мне показалось? Наверное. Показалось, так уже лежали или на самом деле за шею меня обняла? Совсем я... Наверное, уже и так лежали обнявшись.

Лежим, даже обрадовались! Жар спал, болезненность прошла. Борьба ушла, снова ласка, доверие. Мир, тепло...

А рука-то моя все там!.. А мне уже там и... Прошло, не нужно! И поэтому неуклюже теперь, неудобно теперь, стыдно стало. И убрать боюсь: кажется, пошевелю рукой, а милая моя, ненаглядная моя, родная поймет не так - решит, что успокаивал специально, что обманывал, обманул, и тогда все пропало.

Лежу, стыдом горю. Как быть?! Тут слышу шепот: «...режа, милый, руку...» Как я обрадовался! Разрешают убрать руку!.. И ведь не говорит: убери руку - обидеть, что ли, боится? Просто руку и все, мол, сам все поймет.

Вытянул из брючек руку, стыжусь уже порыва своего. Полежали, обнял Галю за плечи, целуемся. Но вот как чего-то нам не хватает. И я машинально, теперь уже точно без задней мысли, машинально опустил ладонь Гале на курточку, где возвышалась грудь. Опустил и сам напрягся - она не напряжется? Нет, целуемся. Целуемся, вдруг чувствую, кто-то руку мою за запястье взял и тянет. Волочет ниже. Мягко, да с настойчивостью. И только когда на голую полоску галиного живота эти две руки попали, я - чуть не рассмеялся! - понял, чья это рука и куда она мою руку несет. Догадался, что туда, на грудь. Завела, положила, прижала. Ну тогда уж обе мои руки там по очереди побывали! В конце концов футболка на Гале задралась по самые плечи.

...Спросишь, что со мной было? Как я выдержал такую полублизость? Это же ад! Кошмар, физическая боль! Дело такое давнее, и нам по столько лет, что открыться не стыдно.

...Я так любил, может, вообще, может, только в тот момент, тогда девушку свою, так стремился к ней - до конца, страстно, для себя - откровенно, - что там, в палатке, от одного ее полусонного дыхания на своем плече, теплого, родного, роднящего, сближающего,

то в щеку мне, то громко в ухо, уже чуть не истекал. Она заснула - я, конечно, не мог спать: во мне пожар стоял! Какой сон!.. Такие пожары чем кончаются? В один прекрасный момент Галя шевельнулась во сне, очнулась на миг, чмокнула меня - попала в шею - влажными, почти сырыми губами, да, засыпая сразу и поворачиваясь, мягкостью своих бедер ко мне прижалась, вжалась в середину меж моих ног. Во мне пыхнуло легко и все: все, что меня так будоражило, брало за горло, в голове и в паху стояло, наружу бесконтрольно рванулось, брызнуло, протекло. По мне, под меня потекло... Я упал головой в схватившем виски беспомоществе, лицом вниз в одежды, сложенные подушкой, - в глазах темно-жаркие круги, перевернулся, чтобы дышать, проморгался, таращась в брезентовый потолок... Смутился, устыдился, смутился ровно дышащей Галинки, стал руки свои высобирать, разнимать объятия. Она очнулась: «Ты куда?!» Я: «Сейчас я...» Она: «Только недолго». Я: «Ладно».

Не помня себя от стыда непонятного, от какого-то страха, от стыда перед собой - «Дурак, дурак! Что ты за парень!..» - я рванулся куда-то: в чашу, подальше от палатки, в лес. Сорвал на бегу с ветки свои сушащиеся плавки. И сладко мне было новым ощущением, и обидно. Обидно мне было за себя: «Слюнтяй! - не умолкал я в себе ни на секунду. - Слюнтяй, а не мужчина! Что ты лежишь с ней и слушаешь ее! Надо ...уть ее!» Так орал я себе и гадил себе в душу... Но знаешь, до сих пор это ко мне не пристало, до сих пор... А уже и тогда я знал: кричу только оттого, что излил не туда... Шучу, Вадим. Знал, что если - «нет», значит, нельзя. И пусть мне плохо, но я прав - знал откуда-то. Всегда знаю, хотя никто не учил - что можно, а чего нельзя. Откуда?!..

...Вернулся, переодевшись. Еще ходил обмыться. Вода теплей была, чем воздух. Окунулся по-быстрому. Если б не галино «только недолго», я стал бы плавать, я бы долго купался. Стоял еще, раздумывая.

Вернулся смутный, даже безвольный. Ты не согласишься, я был вознагражден! За что? Да ни за что! Я уверен, она даже не догадывалась о том, что со мной произошло. Не догадывалась ни о чем, не обдумывала, что делает.

...Вот глупыш! Ведь она не задумалась, она не знала - не знала, наверное! - мужской физиологии, ведь если бы я не... Если бы сам собой не сбросился мой жар, я бы уже так, как она предложила себя, не выдержал! Набросился бы! Силой взял - ну я не знаю!.. Открытая, доверчивая девочка.

Вернулся в палатку, застал ее спящей, но, показалось, она только притворяется спящей - наступал рассвет, тьма разгонялась, кое-что уже было видно. А я был чуток: нервы обострены! Мне показалось, подрагивают готовые расплыться в улыбке ее губы, показалось, она усердно смеживает глаза.

У нас было одеяло. Когда ложились, мы о нем не вспомнили. Вернулся - Галя лежит под одеялом. Странно, озябла? Сел рядом, опустошенный, смутный, готовый к цинизму, готовый накопить желаний и уж - взять. Сижусь, капризно дыша. Вдруг - мерещится, что ли? - у одеяла приподнимается уголок. И пальцы видны: рука держит его, приглашает. Меня приглашает, значит.

Нет, все-таки я сумел остаться собой: забрался под одеяло осторожно, как бы признавая, что Галя спит, что не заметил руки, а если и заметил, то посчитал, что спит и всего на мгновение проснулась. Лег на спину, придвинулся к Гале деликатно. Ладони мои были холодны, я не посмел обнять ее, отогрел их вначале. А обнять мне хотелось, прижать спокойно, любя обнять, ведь, в сущности, если до конца разбираться, я был благодарен ей, и если я и хотел большего, то вряд ли был готов к этому сам. Я получил от Гали то, что она могла мне дать, и то, к чему был готов сам.

...Согрел под мышками ладони, снова, как во всю ночь, захотел чувствовать Галяло на своем плече. Вот когда сильнее всего чувствуешь женскую тебе покорность, вверенность, свою над ней, женщиной, власть и свою ответственность за нее. Мне хотелось чувствовать галину голову на своем плече, слышать дыхание ее, хотелось, чтобы она своей рукой опять обхватила мою грудь, а я своей притягивал бы ее за плечи.

Просунул свою руку под ее шею, переложил голову к себе на плечо. Другой - скользнул привычно под футболку: положить на грудь. Но ни-че-го из прежней одежды не было ни на плече, ни на груди! Меня окатило волной. Меня бросило в жар - Галя без одежды?!.. Я мгновенно рукой вниз: убедиться! Узнать! Почувствовать все! Завладеть всем! Как? Оказывается, все можно!?..

Моя рука по ее телу - вниз. Тут же с другой стороны другая рука: мою руку - цап!

Куда?! Ты куда это, милый.

...Ты знаешь, она просто признала... ну... фактическое все. Она сняла с себя рубашку и футболку. А по поясу брючек опоясалась бечевой. Узелок, завязанный бантиком, прощупывался сверху. Я раздумывал над этой завязкой, искал, которого не было, двойного смысла, но... Пусть я буду груб сейчас - никаких потуг переступить отведенное мне, силиться, пыхтеть, искать себе счастья между ее ног у меня не возникло.

...Только годы спустя - в сравнении с другими... - я смог оценить всю доброту, всю простоту, наивность и вместе с тем - масштабность ее поступка. Но боже мой! - как она не знала мужчин...

...Я сел, скинул с себя рубашку: я - тоже! В полном одурении лег, она тут же придвинулась ко мне, стала гладить, как успокаивать, по плечу, по щеке, - не сговариваясь, мы повернулись друг к другу лицом, обнялись. Ах, картинка...

Я слышал девчоночье дыхание мне в шею, дыханье, потом даже сопенье. Галя дремала или спала. Такие салюты взлетали в моей душе!.. Конечно, я не спал. Она же, я думаю, спала - так устала от «нервов».

Она не играла со мной. Все, что касалось меня, нас, было неподдельным. Но как она играла!! Вспоминая об этом через много лет, я восхищался. Я представлял себе, что это теперь за женщина и восхищался ею! Что это теперь за женщина! Ах!..

Уже тогда она была - Женщина. Она не романтичка: даже кидаясь со мной в реку, она рассчитывала свои силы. Так и тут: она как бы показывала свои силы, отдавала мне то свое, что может, проводила черту и играла со мной в черту. И я! Я готов был от такой своей - и терпеть себя, и стогать, и истечь, брызнуться снова, и бежать со стыдом еще раз, лишь бы - дышать ею! Чувствовать ее! Лишь бы она доверяла мне. Вот правда.

...Я, помню, сел тогда. Она сразу - вот, вот видишь, я говорил тебе, она не спала! - она сразу мне: «Что?! Что-то не так?» И села тоже рядом. Одеяло с нас, с нее спало, стали видны ее плечи, руки мелькнули, профиль, грудички. «Ложись,- говорит мне, - давай спать». «Галя, - говорю я, - можно я здесь покурю?» Она: «А...» - и легла. Вздохнула, как вздыхают, когда выражают: не хотелось бы, да уж что делать, ладно. И: «Кури. Сережа». «Что?» Вздохнула с сожалением: «Кури. Только я буду спать». И в одеяло, и в клубок возле меня, возле моих коленей.

Я закурил. Три спички сломал. Может, четыре. Курил, как скрывал нервный плач. «Сволочь ты! Гаденыш! Прохвост! - клял себя. - Ублюдок! Недомерок!..» - орал себе. Кажется, что-то текло по щекам - не трогал, не знаю. Прикурил от первой вторую... Думаешь, я курил? Даже не чувствовал!.. Дым пускал! Делал вид: курю. Играл в: «я курю». Я курю, не приставайте ко мне, не трогайте меня, вот!

Отдышался, очистился, лег. Как лечь? Что предпринять? Обнял Галю - мы, как провалились, уснули.

Очнулись - день, солнце; от костра - пепел; мы продрогшие оба. Глянули в палатке друг на друга, смутились. Робко, как таинственно, расцеловались. Как в спасение - и как в новую высоту! - бросились в реку.

...Я и одеться Гале не дал. Из палатки вытянул за руку, побежали к реке, на песке брюки сбросили: я в плавках, она в одних трусиках, выше - ничего. Наплавались, набрызгались. Кажется, согрелись. И еще. Что-то сверкнуло между нами, как только, когда только проснулись, а после купания отрезвели.

Побежали к костру, костра нет. Бросаем ветки, прыгаем у него, ждем огня. В воде тепло было, а на воздухе... Сразу озябли, задрожали. Вот и прыгаем, ждем не дождемся огня.

...Вот дураки! Представь: начали играть в семью!..

Ждем, пока займется костер, дрожим, сидим перед ним на корточках вдвоем рядом, дуем под ветки на золу. То я начну Галю растирать, - ладонями, всю, - то она меня. Когда выпрямимся, прижму к себе - к себе ведь, к себе! Тру ладонями. Знаю для себя: не просто растираю, любовь свою переносу. Вот это было ощущение! Знаешь, умопомрачительным было состояние мое: настолько мне понравилось любовь отдавать!

...Прижму к себе, грудь в грудь, ладонями своими грею Галю: плечи, спина, гибкая талия, дальше ладони поднимаю, дальше пропускаю, опущу уже ниже бедер. Опущусь перед ней на корточки, веду по коленям, дохожу до ступней, поднимаюсь обратно... Неловким движением смахнул трусики, тут же получил по лбу щелчок.

...А они точно оказались - белые, и после воды совсем прозрачные. И будь она темненькой, под ними после купания бы...

Костер запылал, мы согрелись. Стали переодеваться. И отвернулись друг от друга. Но не разошлись. Увиделись - встретились вновь! - одетыми. И снова смутились.

...И потек день. Купались, загорали, рыбу уж не ловили - к чему? - вечером уезжать. И - играли, играли в семью. Что это значит? Да бог его... Трудно рассказать. У меня и в настоящей-то семье такого не было, не ощущалось...

Что-то мелькало между нами неуловимое, нарождающееся, что-то неосознанное. Как душевное, перерастающее в физическое. Наверное, так мельчайшие корешки у растительный вытягиваются из корня и вплетаются в землю. Бывает, взбираешься на крутой берег, ухватишься за какой-нибудь прут... Потом ради интереса выдернешь его из земли: на чем такая мелочь тебя держала?! Боже - сколько от основного корня волосков!.. Тонкие, тонюсенькие, едва заметные, - думаю, и еще есть - невидимые, те, которые уж не берет глаз... Они держали! Они держат, а не толстый корень!.. Вот и у нас с Галей начались какие-то токи, похожие на то токи. Больше доверие, неестественный взгляд, родственная напряженность... То я о ней позабочусь по-лишнему, то обо мне она. На обратном пути реку переходили - там вброд - так когда сюда шли, я Гале предлагал перенести ее, а когда шли обратно - представь, что потрясло меня больше всего! - представь, я через день уже не мог вспомнить, как я ее переносил: на плечах или на руках? Просто шли, я как шел, так и иду, только Галя вдруг сходит с моих рук на том берегу, и мы просто идем с ней дальше. Перенес, как свою. Перенес, опустил. Еще за день стали бы целоваться, раз оказались близко, теперь нет.

Я думаю, если бы вдруг нам пришлось с ней прожить месяц вдвоем, - тогда, там, на реке, - мы бы переплелись, вошли друг в друга, стали друг для друга, как корни и земля, и только резкий рывок - нет! только беспощадный меч! - смог разорвать нас.

...Идем, переглядываемся иногда. Или вдруг посмотрит на меня глазами своими. «Что?» - спрошу. «Ничего». Вдруг вырвалось у меня, вдруг сорвалось с моего языка: «Ты любишь меня?» Еще бы за день она мгновенно парировала: «А ты?» Или увильнула. Или, как нахальству, возмутилась. Теперь - нет, глядит строго, даже хмуро, и молчит. Потом: «Не знаю...» И отвернула лицо. И медленней пошла.

Еще бы за день такому ответу я обиделся, причем страшно! Так бы и брели дальше порознь. Теперь нет, чуть не обрадовался теперь: это ее «не знаю» - как признание. Как признание меня своим, единственным. Как желание: хочу любить, кажется, люблю, люблю.

Идет медленно, ждет меня - я, знаешь, оторопел, замер после слов ее этих, вначале столбом встал.

Нагнал, вместе пошли. Руку протянул, руку не подает, будто подать руку и идти за руку что-то уже решает - что-то существенное, значимое, ответственное означает! Потом неуверенно как-то подала. Идем за руку, на взгорках и спусках помогаем друг другу. Идем, в воздухе витает: «Ты любишь меня?» Идем серьезные, даже суровые, идем переглядываемся.

...»Ты любишь меня? Ты любишь меня?» - лейтмотив!.. Лейтвопрос!..

Котелок булькал, плескал в огонь уху, костерок роптал, временами шипел и гас. Вадим держался за перекладину, поднимал котелок, спасая уху.

- ...режа!

- Да?

- Уха!..

- А-а-...

- Берись, снимаем.

Они подняли за концы перекладину, осторожно опустили на землю котелок. Разлили водку по кружкам, пристально посмотрели друг на друга, выпили, - понимающе улыбнулись друг другу!..

(Вот! Каждому - друг! И с ним - до конца!..)

Обжигаясь, дуя на ложки, хлебали уху.

- ...Совсем темно.

- Да-а.

- Домой?

- Э!..

Дорога - на ощупь, и медлительно шли. Боялись ступить не туда, не хотелось менять настроение.

Уже светились впереди огоньки, уже чувствовалась деревня, по окнам угадывали, где кухни, где комнаты, гадали в каком доме что подельывают сейчас, уже спорее запередвигались ноги, почувствовав близость ночлега, отдыха; ноги почувствовали ровно укатанную дорогу, когда Вадим стал:

- Ну, Серж!

- Что?

- ...!

- ...?

- Ну сейчас придем!..

- И что?.. А!.. Что было дальше?..

- ...Так ведь - хозяйева, ужин, общие разговоры. Кто даст нам поговорить!

- Да-да... Я встретил Галяю недавно. Ехал по делам, при красном светофоре, на перекрестке, пока стоял, загляделся на женщину. Вдруг - боже ж! - на кого я смотрю!.. Дошло! Доехало!.. Это же она!!

И она взглянула, не знаю, может быть, в ответ на взгляд? Заулыбалась, рукой замаха-ла!..

Проскочил перекресток, руль вправо, бросил машину на обочине. Кажется, там знак запрещающий был... Да, стоял, кажется. А-а-а-а!.. Все равно! Наплевать.

Минут двадцать мы с Галей: слово за слово, слово за слово - как два тополя на Плющихе. Потом - ну не расстается! - друг другу: куда? «К тебе?» Жена, но не хочу знакомить. К тому же у нас... «К тебе?..» Муж и, скорее всего, сегодня выпивши. Не хочу. Вспомнили кафе-бар неподалеку, завалились туда. Кино!..

Забились в самый дальний уголок, в полутьму: темнота - друг молодежи. Часа четыре сидели. А может, три? Или больше? Не знаю. Сидим и сидим, и не наговоримся никак. Все перебрали. От обычного: кто, где, с кем, какая работа, сколько детей, какие дети, количество комнат в квартире, марки телевизоров друг у друга... До доверительных, доверяемых только близкому человеку, другу подробностей... И даже до упрекания друг друга в том, что с тобой мне, кажется теперь мне, жилось бы лучше - душевно лучше, теплее.

...Знаешь, бывают такие минуты между мужчиной и женщиной - когда они бывшие любовники, а теперь - и давно - только друзья, когда телесная близость ушла, душевная близость осталась, - когда, если серьезно нужно, можно поговорить обо всем, ничего не стесняясь, не тая. Никто не устесняется, не утаит ничего - зачем? Все самое интимное уже было!.. Вот тогда можно даже спросить совета, как вести себя, например, с другой женщиной, и получить необиженный помощь-ответ. Но - в сторону.

- ...И что у нее?

- У Гали? Все «нормально»... - Сергей вздохнул, при вздохе, видимо, поморщился или криво усмехнулся. Было темно, не видно. - Так же, как все «нормально» у меня. Сидели, излагали друг другу: а вот так вышло в жизни у меня, а вот так - у меня.

...Мы ведь не смогли вспомнить: конкретно что нас тогда, в юности, развело?!

...А вот многие наши дни и тот день, что здесь, оказалось, каждый помнит. Только помнит - я удивился! - каждый по-своему. И помнит по-своему, и выделяет свое. Мы согласились в одном: мы шли друг к другу. Мы шли, только это было не вовремя, не в те годы. И не хватало в возрасте лет. И учиться еще было надо... И желания, и потребности были не те.

...Когда начали в подробностях день вспоминать, когда до ночи в палатке дошли, Галя мялась-мялась, глаза опустит, глаза поднимет... Я: «Галя, что?» Она: «Сережа, прости, но мы уже взрослые люди, скажи, как ты тогда... Такое выдержал. Неужели же не... Хотелось?» Я: «Э-э-э... м-м-м... Бы... ба...» - стал слова подбирать. Она смущение свое перева-рила, голову набок склонила, прищурилась, ждет. Не дождалась, как ляпнет: «Ты что, импотент?» Тогда и я ей... «Ляпнул». Как было. Как тебе - все рассказал.

...Ой, как женщине нравится слушать такое!..

...Как ее завели эти - те - такие переживания!..

Глаз не отрывала, даже нервничала. Головой качала да слезы утирала - от сочувствия,

от смеха, смеха. Естественно, я ей не так, как тебе, я ей с юмором!.. Где с юмором, где с юморком, где серьезно... Где от себя, где от третьего лица рассказывал. Призналась: «Я потом - потом, когда замуж вышла и иногда нас вспоминала, так и подумала... Бедный... Вот баба-дура... А как я уж тебя хотела!.. Да что-то не позволило».

Вот после сих признаний спокойное откровение по-любому у нас и потекло. Это кошмар: как, о чем мы говорили! Снова, как ненормальные, голая грудь в голую грудь.

- ... И вы... Не были вместе?

- Представь, Вадим! Мы же ненормальные!..

Другие бы уже через полчаса... Тем более вина было выпито столько!.. Друг другу бы подмигнули. А мы? Хм-м. Зря, да? Надо было ловить момент? Но опять у нас - не знаю, как у Гали - а у меня так опять сыграло что-то дальше. Я убежден, мы бы с нею друг в друге не разочаровались... Только... Видишь ли... Я не хочу иметь ее в виде любовницы, видеть в роли любовницы, я не хочу делать ее меньше, ниже. В памяти моей - вообще для меня - она в другом виде: цельная, как цельно женское все. И я не хочу это целое дробить, кусочками отрывать - не по мне кушать кусочки.

...Официант, мальчишка молодой, ходит, косится на нас, на парочку, мы: «Молодой человек! Еще бы бутылочку». Интересно, что он о нас себе представлял?!

...Да, был момент, когда я посмотрел на Галю... э-э-э... пристальней, чем было нужно. Она - как ждала! - вмиг отозвалась. Бровь вздернула, бровью спрашивает: идем? А куда? А глаза спрашивают: ты хочешь меня? Я - уголками губ: что за вопрос?! Я - кивком головы: ага. Она - носиком, бровью: вот нахал, как можно так сразу! Я - пальцем - круг по часам, поднял обе ладони в знак удивления, возмущения: ничего себе сразу?! Через час. Она пальчики сложила: фиг! Потом - пальчиками же: на, поймай! Я: воздух в горсть - хап, языком - цок, мол, уже словил. Она - выражением лица, горестно, со вздохом, с кивком головы, признавая как очевидное: да... Тогда я - уже не всерьез, уже просто играю: маню пальцем, мол, давай-ка, лети сюда!.. Она - пальчиками - демонстрирует, что поднимает за воротник блузки себя и передает мне через стол по воздуху: да на... На!.. И веди, если хочешь, куда хочешь. Я и остыл... И она еще вслух, словами: «Сереж, остынь... Ты не меня, ты вернуть и повторить все хочешь. И оттуда, с того дня, все снова начать. Мне обидно даже: ты не меня, не сегодняшнюю, такую, какая я теперь, какая я есть, ты ту свою... А где я та? А может, я не та. Не повторяется такое. Жаль - никогда». А в глазах у нее стоит: а уж как я хотела бы все вновь, все с того дня начать!.. А словами: «Ты такой сейчас!.. Ты не представляешь себя... С женской точки зрения... Мужчин не хватает, где они?!.. А ты - ты просто загляденье. Если что... Я не отстану потом от тебя, уже сил не хватит оторваться. Так что, милый... Выбирай». Я: «Если так... Действительно так?.. Я разведусь. У меня, Галя, признаться, уже нет семьи... Видимость». Она: «Ты знаешь... Я тебе верю. Но я боюсь за себя. И еще - за детей. И еще - у меня муж слабый. Хороший человек и все. Выпить любит. Он сопьется. Мы... Мы угрожим его. Славно?» Я разозлился, я сверкнул глазами, наверное, в них четко прочитывалось: какое мне дело до разных мужей!.. Но я уже опустил голову: да, действительно, так - плохо. Она: «И я - нет, - помолчала. - Но если тебе... Если ты...» И - затуманенным взором: можешь считать, что я сейчас была твоей любовницей. А словами: «Будет нужно... Звони. Только на работу». «Дура!» - в сердцах бросил я. «Ну и что», - согласилась она.

...Мы о многом еще говорили, мы даже открыли все невозможные карты и совместно строили планы, - мы, как два инженера, совместно нарисовали и обсудили проект одного здания, какого, извини, не скажу, но это был перевал.

...Расходились, как в кино... Соблюдали предосторожности. Как любовники. Да по сути ими и были.

Счет выпал первым выходить мне. Мы улыбались, прощались. И шутили, что еще лет на двадцать. Нет, не выдержали, поднялись вместе: хотя бы до вестибюля вдвоем пройти.

Она знала, что я не буду оглядываться, вспомнила. Пошутила об этом еще. Но я оглянулся. Ее взгляд!.. Я пытаюсь забыть его! Изгнать, забыть, обмануть себя, успокоить! Надо забыть его: он бередит, все время ранит душу.

Даже с расстояния в несколько шагов и через толстое витринное стекло, я понял, какую любовь она носит в себе! Неотданную, неосуществленную! Некому было за всю жизнь отдать! А за жизнь она много любви в себе накопила, хотела любить.

Одни люди рождаются, чтобы жить, другие - чтобы любить. Любить! Вот что с Галей

у нас общее главное! Она родилась уже с любовью да еще за жизнь накопила любви. И как быть теперь? Вот что было в ее взгляде: всплеск, луч любви!

...А вторым, вторым же во взгляде в спину мне была горечь. Огорчение, обида. Если бы я не знал Галю, я бы сказал: это были негодование и ненависть. Но я знал ее, знал! Знал - потому что знал другого точно такого же человека: себя. В ее взгляде было то, что мне, уходявшему, удалявшемуся от нее, шагавшему по асфальту, как проваливающемуся в асфальт, сводило судорогой нервы и губы: горечь, досада. У нас был ШАНС, мы проскочили его. ДРУГОГО ШАНСА - мы же поняли, ясно поняли с Галей это, когда говорили в кафе! - у нас, нас, конкретных людей - не будет. У кого-то другого он будет, у меня - нет, у Гали - нет. И вот мы стоим, и вот мы уходим, и наше негодование, ненависть к себе кипят, излетают в пространство! Ну что мы за существа! Разве можно было так! Ну хоть кто-нибудь бы ТОГДА остановил, научил, подсказал!.. А теперь вот досада и горечь. В пространство. Просто. Ни на кого. Даже не очень-то и на себя.

...Но теперь уже, после встречи, оба чувства как бы и друг на друга: у меня - невозможная любовь и горькая досада на Галю, у нее - то же - на меня. Любовь томлящаяся, ненавязчивая, негодование горькое, «белое», не злое.

Я обернулся и все понял сразу. И вспыхнул. То же она. Она сразу все поняла! Махнула рукой, показывает: это я на себя, не на тебя, не думай! Я показываю, и я на себя, а она машет - нет-нет - стучит себя в грудь, показывает упорно на себя, мол, я негодую только на себя!

...Но я уже почувствовал себя убийцей. Кто отвечает за все? Я.

...Вернулся бы. Вернулся бы и выругал ее, и обнял, и не отпустил ее, если б... Если бы не наше трезвое понимание, что мы упустили свой шанс, если бы не весь наш с ней разговор в кафе...

И ее ответ на мои слова - слова, с которых я рассказывать тебе начал: наверное, в жизни каждого, особенно несчастливому в любви или семейной жизни мужчины, есть женщина - девушка, если встреча была в юности, - путь с которой он не прошел до конца, - и вот с годами в душе, терзаемой самою собой, терзаемой своею любовью без ответной любви, без отдавания любви, - любовного жара, тепла, - томимую самою собой от накопившейся любви, - такой, которую отдать никому случайному нельзя! - рождается, поднимается из самых глубин, - забытых глубин, - освещается свечечкой и ею же трепещет на жизненном ветру, поет и взывает тот единственный, не омраченный никем и ничем огонек - образ. Вначале вызывает панику и изумление: как - была?! Затем только грусть и улыбку: кажется, была...

Он не мешает, не вредит никому никогда, просто живет. Живет, становясь с годами все выше, недоступнее и все крепче, становится с годами самым дорогим любовным воспоминанием. Не часто, но ты обращаешься к нему. И уже нет различия - в печали ли, в радости. Не забыть, не вычеркнуть. Да и к чему?!.. И не повторить... И грех, и не грех.

Они уже прошли и затворили за собой, заперли на ночь калитку, постучались в дом, переминались нетерпеливо у двери, лаяла и гремела цепью собака, изнутри засветили свет в сенях, хлопнула там дверь, и недоверчивый старческий голос, скорей, возгласил, чем спросил - «Хто тамо? - И ответил себе и им преждевременно: - Небось, вы? Путаники... Иду-иду... Рыбы, небось, пуд словили!..» - когда Вадим потянул за рукав стоявшего впереди него, возле запертых дверей, друга:

- Вернемся, не исчезай. Ладно?

- А что? Да ведь позвонишь, найдешь. А что так?

- Да так...

И Вадим подмигнул, рассмеялся дурашливо, как мальчишка, и тут же сотворил умным лицом, отчего было не понять, не решить: говорит он всерьез или шутит, шутит... А он - он: все одновременно.

... - Кажется, я познакомлю тебя.

- С кем?!

- С «Генрих»...

Александр ХАЛОВ

СПОРЩИКИ, или What is your Russian for - «skuka»?

1

Зимним утром в девяносто случаях из ста я - дома. Зимним утром я затапливаю русскую печь и устраиваюсь в кресле напротив.

За спиной - узоры на стекле окна, за окном - спеленатый снегом сад, перед глазами устье печи, за устьем в горниле огонь. А я - в кресле, - а слева, под рукой, широкий журнальный стол, - листы бумаги, ручка, книга, - стакан в мельхиоровом подстаканнике с мельхиоровой же ложечкой, которая теснит дольку лимона. У родного очага, у огня, дома пью чай.

Пить чай у русской печи, утром, после сна, не спеша, в своём доме, - деревянном, рубленом из брёвен, - это не то же, что пить чай в каменной квартире; даже если за окном тешит взгляд Тверская улица или Летний сад. Город - настоящий большой город, тот, что можно действительно назвать городом, - не любит пить чай. Город любит кофе. Утренний городской напиток должен быть спор, резко пробуждающ, возбуждающ, подтягивающ, быстр. Некогда распивать чай, ждёт работа! Моя же чайная церемония растягивается на час-полтора. Всё то время, пока топится русская печь, у сего камелька я пью чай.

Я соединил их: утро, огонь и чай. Вернее, соединились они сами - соединились во мне: они выбрали меня. Так горный воздух, вода ледникового ручья и высокогорные травы выбирают пастуха, пригнавшего к ним своих овец.

Чай - это не то же, что кофе. Русский человек не может - не станет - пить кофе целый час. Кофе не пьют стаканами. А русский человек не может держать в руках чашку с напёрсток.

Огонь русской печи - не то же, что огонь камина. В камине нет русской души. Огонь камина то скор, то вял, то навевает дремоту, то агитирует лихорадку. Затапливая русскую печь и взирая на огонь в горнило печи, ты сам понемногу занимаешься огоньком... Ты разгораешься медленно - огоньками, дымками... Дымовые белые полосы плывут, как туман, красные, трогая кирпичные стены, поднимаются к своду. Это начало. Вот огонь крепко ухватил дрова за бока. Теперь со всех сторон из-под дров побежали, потянулись вверх красные языки, - свились, скрутились воедино: кроваво-красный, чёрный дымовой бунт! Что-то ужасное! Но - коротко, напугал на минуту. Пламя, вспыхнув по-настоящему, прогоняет всё страшноогненное, и - ровный весёлый жар: он струится могуче. Огонь льёт себя в щиток печи, там превращается в дым, оттуда убегает в трубу. Лёт пламени перед тобой так же завораживающ, как затяжной прыжок лыжника с огромного трамплина, как ласковый говорок бабушки, как водопад.

Приход утра в своём доме - приход нового желанного дня! Я спал, я поднялся, я весь в предвкушениях, весь целиком каждой клеточкой бодр и свеж!

Вот я поднялся, вышел из дома: осмотреть свой мир. Расчистил тропинки, наносил дров в мастерскую, затопил в ней печь. Накормил собаку, дал курам, кошкам. Ещё раз осмотрел всё - для удовольствия! Это огромное удовольствие, осматривать свой мир! «Ну - всё хорошо». И - взбодрённый физическим трудом, морозом, воздухом, снегом! - ухожу в дом. Мне не требуется ни какая-то физзарядка, ни специальные спортивные упражнения: за один утренний и за один вечерний час я и разомнусь, - и намнусь, - как гимнаст, спринтер, стайер и штангист одновременно.

Но всё - в дом! Вот они, благословенные восемь (часов) десять (минут) утра! Застелил постель, заварил чай, открыл выюшку, убрал заслонку.

Наливая первый стакан, придвигаю книгу. Чиркаю спичкой - затапливаю печь. Теперь не трогайте меня.

Утро - не то же, что день или вечер. Утром и чувства, и нервы, - и ум, и разум, - все восприятия свежи. Я - как заострённый грифель чертёжного карандаша: пригоден к чему угодно - тончайшей линии, штриху, рисовке шрифтов, заливке, обводке. Пройдут час, два, пять - «грифель сотрётся». Нет, я не устану - не смогу воспринимать и передавать тонкостей: они сольются. Так, стоя на опушке, слышишь общий шум леса, не различая в нём скрипа старых осин, трепета молодых берёзок, так на лугу не различаешь разных травинок - всё едино: трава.

Только утром я пригоден для тонкой точной работы - вдохновенной, проникновенной. И я соединил: утро, вдохновенный душевный труд, чай, русскую печь.

Если присмотреться, получается, я перевернул день: утром - как будто отдыхаю, ближе к вечеру, за полдень, работаю. Но это не я - день сам постепенно перевернулся во мне: я приспособился к нему, как приспособляются к маршрутам и расписанию автобусов, как приноравливаются к инструменту.

По утрам я - читаю, пишу, изучаю, размышляю, запоминаю новое, вникаю.

Если всё время дня - время бодрствования - разделить на части, то часы утра с 7 до 10-11 - это «стопроцентные» часы: моё восприятие стопроцентно. В 10-11 утра у меня завтрак и пошли часы «девяносто процентов». (Ещё терпимо.) Ещё можно вникать, творчески создавать. Далее - к часу дня - я «устал». Теперь иду в мастерскую, чтобы выполнять «умную» механическую работу: пошли часы «семьдесят процентов». Чем дальше, - чем ближе к ночи, - тем к меньшему творчеству я способен. Часам после 20-21-го больше пятидесяти процентов от утренних не дам.

И я ценю свои утра! В девяноста случаях из ста я держусь за них, как... Собака за покрытую слоем мяса мозговую кость! Есть смельчаки забрать такую кость у большой собаки?

...Опытная взрослая собака расправляется с такой косточкой не спеша. Она уходит от шумных населённых мест, устраивается на окраине и начинает с того, что понемногу съедает верхний слой. Оголяется данность. Собака звучно грызёт её, услаждая зубы, уши, не спеша подбирается к сути. И когда дойдёт до мозговой середины - до самой вкусности - она с костью - одно!

...Но для того, чтобы понимать, что внутри, надо когда-то узнать, попробовать!.. Научиться выгрызть!.. Умная собака зажимает кость сразу обеими лапами. Крепко держит её, высасывает, причмокивает, облизывает, посасывает, хрумкает, хрустит...

...Я держусь за мою теперешнюю жизнь двумя руками. Какое, - я держусь за неё когтями и зубами!!!

Вы когда-нибудь пробовали снять с дивана котёнка, пустившего коготки в плед? А вынуть из зубов щучки малька?..

Мне удобно здесь. Отсчитав от начала жизни сорок три года, никогда не думал, что найду в ней такую свою нишу. При этом, и такой уголок, с которыми ни за что не захочется расставаться. Иногда я так подшучиваю над собой: я рачок в своём домике-скорлупе, сижу-посиживаю, а воды реки сами изобретательно доставляют мне пищу.

При этом я - лёгкий ветерок!! Взбрело мне - закрываю дом свой на ключ, ключ отдаю соседу, договариваюсь с ним - топить печь (или сестра, или друг поживёт пока «на природе» в моём доме), а сам... Сам - в Питер, в Питер, в Питер!.. В Казань, в Новгород, Тверь. Архангельск, Ярославль, Тольятти. В Москву. Навещу родственников, поболтаю с приятелями, поплачусь другу.

И - молнией домой. Домой, домой, домой! Снова домой: большая часть жизни - основная часть жизни - здесь.

Я пишу. Это крест, с которым рождаются. Это неземная радость, от которой не отказать. В этом всё вместе, в этом всё заодно всегда. Я не могу не писать, как Иисус не мог сойти с креста.

Возможно, будь я проворнее либо талантливее, я бы только писал, при этом не знал нужды в деньгах. Но на бездоходную литературу требуются откуда-то деньги. Я нашёл себе занятие, на жизнь зарабатываю другим. Вот как. Однажды мне пришлось в голову заставить работать на себя и на творчество не только чувства и ум, но и душу, и руки. И теперь я делаю единичные уникальные вещи из дерева. Делаю их уже много лет, понемногу меня узнали, мои вещи расходятся теперь «на ура».

...И - боже мой! - как бы я жил «не имея» литературы!.. Иногда я представляю себе

такого себя. (Я умею вымышлять. О, как я умею вымышлять! Я могу придумать похлеще Грина! Я решил, что когда-нибудь тоже придумаю «сердце пустыни».) Так вот, - вот каким было бы оно, моё безлитературное состояние: я только мастер.

Всё то же: зимнее утро. Я встаю, иду в мастерскую, затапливаю печь в мастерской. Кормлю собак, жена задаёт курам, кормит кошек. После мы завариваем чай и затапливаем русскую печь. Два кресла напротив печи, между ними широкий журнальный стол, мы с женой близ друг друга. (Конечно, у меня того есть жена - я же нормальный человек, а не эксцентрический литератор.) Пьем вдвоём чай со сливками у печи. Идиллическая, ильеобломовская картина.

Нам некуда торопиться, потому что наши дети (раз нам за сорок) уж выросли. Дочь - студентка, в армии сын. Мы предоставлены себе, и мы молоды. (Пусть наши дети и называют нас: «старички».)

Скорее всего, жена читает новый европейский роман. (Я помню, как раньше она любила Ремарка и Гари.) Я же... Я думаю, при виде огня что-то витает у меня, надо мной. Что-то о шахматном столике. Рябина, ива, - моя конструкция, мои формы. (Вот уже лет пять хочу сотворить комплект: столик, два кресла. Фигуры моих форм. «Чёрные» из рябины - и фигуры, и доска, и кресло! «Белые» - из ивы. Я уверен: на аукционе Сотсби через сто лет это изделие будет стоить миллион. Вещь!)

К девяти утра протопилась печь. Наш завтрак. Например, пшённая каша.

Кто не едал пшённой каши - на коровьем молоке, со сливочным маслом, из русской печи - тот напрасно прожил половину своей жизни.

Посидев после ещё (пусть уляжется завтрак), мы «идём на работу».

(На работу... Смех! Какая «работа»... Разве можно называть так обожаемое занятие!..)

Мы идём на пару в нашу пыльную мастерскую, где - полки, стеллажи, пилы, рубанки, - резцы, шлифовальные и фрезеровочные машинки, - заготовки, доски, куски брёвен... (Всё это и сейчас там есть у меня.) В мастерской пол мягко стелется нам под ноги стружками и опилками, в мастерской нас встречает, нас поджидает букет ароматов разных древесных пород!.. Вот мягко обволакивает вступившего под свод дома творчества едва уловимый аромат липовых досок, вот, пролетая, крикнул о себе «одеколон» свежешпелой осины... Мы переворачиваем сосновую столешницу, и по всей мастерской «разливается» поток душистой смолы! И мы лишь качаем головами, переглядываясь - мы немые от восторга. Но я начинаю шлифовать рябиновую стойку и горьковатый, ни с чем не сравнимый и не спутываемый «вкус» рябинового ствола королевским запахом воцаряется в мастерской.

Мы переходим от дела к делу, от дерева к дереву, продолжаем вчерашние работы - живём в атмосфере запахов, красок, форм, картин текстуры, - наша жизнь и здесь: лад.

Конечно, у нас есть - план, обязательства, расчёты, доход и расход. Мы следуем им, мы подчиняемся им - в целом, в общем. Но только в том, что необходимо - регулярно работать. В то же время, и суть, и внешняя сторона мастерства таковы, что всегда можно на время оставить работу. Нет желания, приехал друг, болит голова, занемог, - да мало ли что случается в жизни, - всегда можно работу отложить, уйти в дом, пойти на речку, в лес, уехать куда-то. Так и живём. Так и живу я.

Я никогда не пересиливаю себя: не идёт работа - оставляю. С другой стороны, есть свободные, - есть оказавшиеся вдруг незанятыми ничем, - пятнадцать-двадцать минут, пойду, потружусь.

Это не всё. Я всё время приспособливаюсь. Правильнее назвать: подстраиваюсь. Я старательно подстраиваюсь сам (и подстраиваю всё вокруг себя) под своё внутреннее состояние. Изобилие дел, разнообразие дел предоставляет мне широчайший выбор занятий! Например, для тонкой творческой работы я дождусь вдохновения, лёгкости в себе, невесомого настроения. (Я сейчас говорю не только о труде в мастерской!) Перекапывать землю - можно в любом состоянии и настроении. Но сажать яблоньку... (Сами поймёте.) Полезу крыть крышу, когда собран и уверен в себе, при этом хочется взглянуть на всё с высоты, посозерцать. Красить стену буду, когда от других дел отупел, не хочу ни о чём думать. Читать книгу сяду летом под берёзой, в тенёчке, где ветер относит комаров. Колоть дрова - когда хочу хорошенько размять себя, пропотеть, подышать.

Я начал замечать, что я не только выбираю занятия под настроение, под свой настрой, но и разношу их (как бухгалтер разносит суммы по статьям расходов) - по дням недели,

по часам дня. Вот эта глубинная эффективность применения себя - второе, что безумно привлекает, что удерживает меня, - как сокровище удерживает скупого, - в моей нынешней жизни и месте, где она происходит.

Все мои действия - все мои жизненные движения: осмысленны, конструктивны. Я выкладываюсь - и получаю - на сто процентов. Это такой кайф, - моя теперешняя жизнь, - который ни с чем не сравнить.

Но я дошёл уже до того, что не только себя, не только дни и часы - осень! зиму! весну! и лето! - сезоны, времена года использую на полную катушку! Все свойства! Все прелести! Всех времён года!.. Как прачка бельё: отжимаю всё до капли, развешиваю, снимаю, отглаживаю, люблюсь, убираю в шкаф. Годы жизни, месяцы, времена года, погоду, своё настроение, дни недели, время дня, стороны жизни - до последней капли! До дна!

Нирвана. Вот я каким стал.

И в городе, и при городской жизни возможно такое. Наверное, возможно всё. Но, прекрасно зная «ту» жизнь, - но, приглядываясь к аналогичным попыткам своих заказчиков, просто знакомых, но - сравнивая их с собой, вижу: при жизни в городе для той же полноценности, полнокровности потребуются ОЧЕНЬ большие деньги. (Увы и ах, это не для меня.)

2

Было зимнее моё благословенное утро. Было благословенное утреннее время - восемь ноль-ноль - я заваривал чай. Я заваривал чай, уже прикидывая: что «взять на сегодня» (то есть чем занять сегодняшнее утро). Вычитать очередной, по плану, рассказ для готовой книги? С тем, чтобы завтра внести правки в текст в компьютер, а после - отвезти корректору. Заняться мысленным созданием форм мебели из черёмухи? (Как раз «подошёл» к этому дереву. А вчера был в лесу: специально ходил ещё раз посмотреть, старался вобрать в себя, дабы затем осознать - что есть «черёмуха»? Какими должна быть: фигура ножки, формы стула, форма столешницы стола, форма подсвечника, ступки, бо-чонка? Что есть, какова черёмуха?) Недавно пришёл к выводу: не мастер, а - дерево, поро-да должна определять пропорции и формы. Я, как мастер, должен выступить её со-творцом, подстроиться под неё. У меня случился заказ на столик, я «повернул» заказчи-ка «лицом к черёмухе», для того чтобы параллельно исполнить и своё «задание»: порабо-тать с этим деревом, «найти его».

«...Ну так что... Чем?...» - задал я вопрос и себе, и чайнику, и кипятку, льющемуся в заварочный чайник. Обе работы, оба дела были первыми в очереди сейчас. Я предвку-шал очередное великоутреннее наслаждение. (Жизнью.) «...Так - что такое: черёмуха? Чем своеобразна, характерна она?»

...В эту самую минуту раздался звонок. «Я НЕ ПОНЯЛ...» - всем своим существом внутренне вскричал я!

Честно говоря, я, конечно, всё мгновенно осознал. Два варианта. Первый: это - за-казчик. Но кто? По плану я никого не ждал. У меня сейчас всего три заказа, то есть всего три заказчика. Я знаю не только когда они могут приехать, я представляю даже, что они - там у себя, в городе, - подельывают сейчас. Значит - новый человек. Или случайный - полюбопытствовать. Полюбопытствовать, это хуже, это меня «собьёт». Но ничего - всё равно, заказчик, это «механическое» действие ума, постараюсь, не собьёт. А если кто-нибудь из приятелей?! Тогда всё: пиши, пропало... Пропало «моё» утро. «Кто же там, кто...» Если это приехал кто-нибудь из тех, кто знает, что в восемь часов десять минут я завариваю чай и затапливаю печь, а? И сажусь к печи. Если это кто-нибудь из тех, кто может приехать ко мне запросто? Кому на миг обрыдло в городе? (А от Вологды до меня сорок минут «лёта», от Ярославля полтора часа - сущая безделица, мелочь! Для тех, кто имеет хорошие «колёса», но не имеет своего «русского огонька») И кто прилетел к огонь-ку.

«Та-а-а-ак!.. - из-за утра во мне просыпалась свирепость. - Та-ак, - задолбали! Заколе-бали! За!..» - из-за... Круг моих знакомств, начавшись с нулевого радиуса при начале по-стоянной жизни здесь, всё время ширился, а в последний год развернулся как-то чрез-вычайно. Поездки сюда, встречи здесь стали регулярными. И меня радовали новые люди - свежие люди - я всегда искал «ста друзей», но - боже мой!.. Боже мой, в одной из плос-

костей общения у многих «свежих» (то есть и не знакомых с жизнью здесь) людей в итоге всё сводится к одному. От чего я после отъездов зверски рычал.

От чего?.. Войти в мой мир, очутиться, раствориться в нём, побыть, пожить в нём, высказать (либо - воскликнуть!) итоговое: «Как. Здесь. Хорошо!»

...И уже на выходе - за калиткой, у калитки, - садясь в машину: «...А не скучно здесь? Скучно ведь!..» Жест руки, ладони, взмах ресниц, вздёргиванье брови, жалеющий взгляд... (Всё это обозначенье одного: но где же люди?! Всё это обозначение второго: но как же без водопровода, канализации, батарей отопления, - кафе, ресторана, кинотеатра, автобусов - как же без города? Как???!!!)

Почему-то каждый второй «их новых» навязчиво пытается вдолбить в мой мир свою формулу: «Как хорошо!.. Только скучно, наверное».

«...Та-а-а-ак!.. Ну я сегодня!.. Ну я вам сейчас!..» - я влез в валенки, куртку, хлопнул дверью, думая, что пора придумать стандартный вежливо-язвительный ответ, рассчитывая что-нибудь придумать прямо сейчас, пока свиреп, на ходу.

За воротами торчал круп иномарки. (До сих пор не разбираюсь - неинтересно мне - в машинах.) По тропинке от калитки к дому, передвигаясь проворно и умело в узком коридорчике меж снега, шёл... Он! Я света не взвидел! Вот как обрадовался я ему.

- Привет, - бодро бросил он. - Слушай... - он взглянул на меня и без подготовки выпалил: - Слушай - задолбали, затра... В общем, заколебали. Не знаю, как сие явление это понять. Вот захотелось: во-первых, исчезнуть, во-вторых, поболтать с тобой. Да и вообще: просто посидеть с таким же человеком!

- Сань!.. - на него я мог глядеть, как глядится, не скрываясь. - Саша. Ну ты!.. - Выбрал время!.. - мог бы сказать, но не стал говорить я, потому что он без слов понимает меня. Я лишь посмотрел на него преукоризненно. - Ты не мог? - пусть он и приехал ко мне за сорок километров - выбрался «из глуши» большей, чем моя, - пусть... - Ну утро же!!!.. - Он прекраснейше знал про мои утра. Он подмигнул мне:

- Потому и прилетел именно - утром. Дело творческое. Требуется осмысления. Требуется свежести, не усталого, незамутнённого ума, чая и русской печи. Пойдём.

- Ну - пойдём.

Кроме того, что ему я был рад, мне понравилось, как он в тему своими словами продолжил мои замысловато-свирепые мысли.

-...Ух ты!.. - воскликнул он, увидев дымящийся чайник и открытую печь. - Как я в точку!..

Я хмыкнул, не зная ещё, что у него за дело:

- Да - снайпер... Точно рассчитал.

- У тебя всё так же.

Он помыл руки и прошёл к креслам. Мы налили по первому стакану, встали у печи. Он скомандовал: «Затопляй!» Обычно, попав к случаю, затоплять печь обожают гости. Но для него это не экзотика: он сам живёт похоже, почти как я.

Тут я должен рассказать про него.

3

Я знаком с ними три года. А про него впервые услышал лет пять назад. Молва донесла - какой-то чудак из города, был предпринимателем, потом, мол, что-то с ним случилось, бросил всё, уехал в глухую деревню, где три дома, где живут два старика да две старухи, и вот уже год, почитай, прожил, как квартирант. Делает, что скажут, а сам вроде как учится жить в деревне. Оформил себе участок земли, да не простой участок - на берегу ручья, у леса, то есть на самом отшибе, и размер того участка - с гектар. Ну и ещё говорилась про него самая обычная деревенская немислимая тарабарщина и дребедень.

Я посмотрел по карте, где это - далеко от меня. И от шоссе далеко. А место красивое: среди лесов, полей, небольших рек. Ярославская область. Почти стык областей: Ярославской и Вологодской. И если я живу в Вологодской области, на стыке Вологодской и Ярославской, то он - с точностью до наоборот. Чем-то родным повеяло от рассказней про него, захотелось познакомиться. Но я не поехал: не знаю, чего-то побоялся - уж мне ли не знать, как много на свете разных чудачков!

Спустя год и молва, и «сарафанное радио» донесли, что «этот» (чудак) - возвёл дом (поставил сруб), привёз молодую жену. Сам строит от деревни до «дороги» (до насыпной внутрирайонной дороги) дорогу. Есть у него уже два трактора, гусеничный и колёсный, грузовик и легковая машина - богатенький оказался Буратино. По всему видно, деньги у парня есть: он за свой счёт ещё поставил трансформатор и сделал отвод от десятикиловольтной линии электропередач, теперь в деревне трёхфазное электричество. А «этот» - ставит и ещё сруб, и огромный ангар. Говорят, будто какая-то будет мастерская.

Тут уж я взволновался, и не на шутку: «Свой! Точно свой!» Проложил по карте маршрут, поехал. Автобус оставил меня на пустынной отворотке в лес. В сторону, через лес шла дорога. Идти по ней было невозможно: посреди кучи щебня, песка, края оканавлены. Я пробирался, окидывал дорожную стройку критическим взглядом, выискивая изъязвы, огрехи в заготовке дороги. За три километра ни одного не нашёл. Эта его дорога сказала мне о нём всё! Пришёл в деревню, вопросов уже не было. Не торопясь потопал по ней. Местные жители меня заметили. Погугарил, побалаял - я же свой! Такой же! Деревенский! Я так могу «сыграть», в любой деревне примут за своего. Понял, что «этого» здесь хоть не понимали, приняли. Относятся с уважением.

Пришёл к его дому. На дверях замок. С полным правом, как бы отыскивая хозяев, прошёлся по всем стройкам. «С размахом парень, с размахом». Прошёл размеченный и огороженный сад, прошёл огород. Никого. День был тихий, солнечный. Заметив полевою тропинку, пошёл через луг, через перелесок к лесу: искать. «Сказали, где-то с женой здесь».

Я увидел их на лугу. Они шли от леса. Мужчина моих лет, может, немного моложе, молоденькая - нет - юная! - женщина. Худенькая, хрупкая. Ростом чуть ниже его. Чёрный крупный щенок овчарки вылетел из травы, замер, как вкопанный, оскалился и зарычал. «Кара! - тотчас звонко крикнула женщина. - Ко мне! Сюда!» Я перевёл заворожённый взгляд на них.

Словно солнечным дождём брызнуло и умыло, и солнечным же вытерли моё лицо полотенцем. Нет! - будто шёлком мягко провели по лицу, и неземная красавица благосклонно взглянула в мои глаза! Я сразу узнал о них ВСЁ: вот навстречу мне вышли счастливицы. Мысли мои опередили меня: «Бог ты мой... Я хочу иметь таких друзей. Я хочу быть своим для этих людей! И я всё сделаю, чтобы понравиться им и нравиться им всегда!» (Когда-нибудь я расскажу о них: я о них знаю.)

- Александр, - представился он. И протянул мне руку. - Я вас знаю.

- А...

Что я хотел: назвать своё имя? Спросить - откуда? Он ответил мне.

- Читал. Видел фотографию в одной газете. Хотел приехать. Но вот - вы опередили меня.

- А я - Александра. Можно, Саша.

- Так ведь и я Александр!..

- У нас проблема, - с улыбкой отозвалась она.

Мы направились к их дому, мы все - и солнце! - шутили, смеялись.

- ...Значит, так!

Эта женщина могла командовать при молчании и согласии мужа.

- Ты будешь: Саня, - и указала мне и своему мужу на мужа. - Ты, - пальчик в меня, - Саша.

Мы дружно кивнули.

- А ты?

- А я буду... Тоже Саша. Только вы тоном выделяйте: когда зовёте мужчину, когда женщину.

И «три А» началось.

- Саня, чайник поставишь?...

- Саша, я свой хлеб привёз с собой. И вино!..

- Саша, принеси из холодильника щи!..

...

- Ты почему убрался из города? Ты говоришь, дела хорошо шли.

- Там перспективы жизни нет. Никаких перспектив, тупик.

- А ты почему?
- Так он меня увлёл!.. Утащил, соблазнил. А теперь я и сама обратно не поеду. А ты - чего?
- Так - перспектив никаких!..

4

Дрова занялись, мы опустили каждый в своё кресло. Растягивая несказанное удовольствие, опустошили каждый свой первый стакан.

- Слушай, не понимаю... - задумчиво произнёс он. - Что такое, отчего?!..

Я показал: внимательнейше тебя слушаю.

- Круг общения, круг заказчиков у меня всё время ширится, - снова задумчиво произнёс он. - И ты понимаешь, каждый раз всё одно: приедут по делу, понравится, направятся на чай, останутся на обед - кого и сам приглашу, - кого и в баню приглашу. Заканчивается одним. Вот такая формула: «Какая тут у вас красота!.. Отдохнул!.. Душой и телом». А уезжая - «Вот только - скучно ведь, наверное».

Я вынужден был повернуться к нему, потому что взглядом он почти сверлил меня.

- Ты понимаешь, они меня жалеют!.. Они думают, я споткнулся, упал!.. Попал во что-то, и вот... А такой способный, такой интересный!..

Я кивнул.

- И такой человек вынужден жить в деревне.

Кое-кто даже спрашивает, намекает: пора бы и в город! С моими способностями!.. Мол, я бы там смог достичь большего! Гораздо большего! Чем здесь. В глуши... А я смотрю на них и молча спрашиваю: большего - чего?

Я глупо улыбался и молчал.

- ...Нет, они меня даже превозносят, некоторые даже завидуют. И все - жалеют. Ведь скучно тут... Ну - у меня... Две бабки, два деда - поговорить не с кем. До ближайшего райцентра сорок вёрст...

Я тяжело вздохнул. Взглянул на него и улыбнулся.

- Давай пить чай.

- Да.

- Авось и разберёмся...

И разговор наш потёк так, что я не берусь присваивать авторство предложениям и фразам. Мне, как автору, со своим мнением лучше вообще в него не вступать.

5

- ...Давай разберёмся.

- ...Вот утро. Быстро переделав все утренние дела, затапливаю русскую печь и сажусь к огню.

- ...Я не должен со вздохом обязательности в семь утра бежать...

- ...А сейчас ещё и зима!..

- Да... Ни по морозу, ни по гололёду, ни по слякоти, ни по дождю... В толпе таких же, как я, - на троллейбус или автобус... Или заводить машину...

- Которую, возможно, за ночь не украли, если она во дворе...

- ...Бежать на работу...

- Ох уж это слово: «работа»... Что я на ней делаю?! Для чего она мне?

- Самореализация.

- Думаешь, выражаю себя? Отнюдь.

- Да. Она - чаще всего только деньги. В смысле - заработок, квартира, карьера, пенсия.

- А что ещё?

- Я уже забыл. Мне кажется, я всегда жил здесь.

- И мне.

- Здесь - нет, я не просыпаюсь утром с мыслью: вот утро, новый день, и пора на работу - как не хочется... Нет! Я подымаюсь с радостью! Снова день, снова я проснулся в своём мире, снова буду делать его. И опять берусь делать его.

- ...А могу поваляться лишний час, если вдруг...

- Захотелось с женой...

- Ну!..

- Бывает...

- Да ладно...

- Нет никаких огней светофоров и начальников! С утра я почти всегда вижу перед собой живой - животворящий - огонь. И возле него пью чай.

- А я читаю с час...

- А я пишу...

- ... А в конце дня присядешь снова с книгой, прислонишься к до сих пор горячей стенке печи...

- Вот и день, подумаешь, пролетел. И что он такой короткий?!

- Уже спать надо ложится, а планов - ещё осталось на день!

- Я иногда уезжаю из дома. Чтобы отдохнуть. Не физически - поскучать, душой полежаться... Настолько бурная жизнь всё время здесь идёт!

Мы переглянулись: вообще-то мы с ним разные. Но вот...

- Ты знаешь, мы придумали с женой вот что. Саша, ты помнишь, окончила иняз. Так вот, когда нас теперь начинают донимать: не скучно вам здесь? Или я, или Сашка говорим тогда: «Э-э-э... What is your Russian for «skuka»?» Действует - отрезвляюще. На некоторых убийственно. А если переспрашивают: «Что-что?» - я говорю: «Вы не понимаете простой двуязычной фразы, как вы можете понимать, что такое жизнь?!»

Я согласился с ним:

- Bravo, ребята. Вам - bravo.

И перебил его, прервав его:

- Мы не знаем даже, что такое «смерть», как мы можем знать, что такое «жизнь»? Он и ухом не повёл.

- Брось трепаться, - проронил он. - Давай, - сказал он, - будем задавать друг другу вопросы и искать ответы на них.

- Давай, - согласился я.

- Тогда - поехали.

- Поехали.

6

- С чего начнём? - спросил я. И на правах хозяина сам же ответил: - Думаю - со здоровья.

- С душевного, - прибавил он.

- Соглашусь.

Мы рассмеялись. Каждый из нас много пожил «в городе», оттого мы можем сравнивать «ту» и «эту» жизнь. Первое их различие, и различие - кардинальное: внутреннее здоровье, иное ощущение жизни вообще!

Он внимательно посмотрел на меня и закачал головой.

- Что?!

- Боюсь, ты примешься писать рассказ.

- И что?!..

- И ты сможешь в двух словах передать всё то, что мы чувствуем?!..

- Ну-у... - я чуточку оскорбился. - На то она и литература, чтобы... Но - ты сомневаешься в моём таланте! Ба... Негодяй. Я всё могу! Не обижай меня. То есть, конечно, - мой талант.

Он потянулся и сжал мне руку (у него железная рука!), и удержал меня:

- Послушай! Никто! Не сможет передать того, что возникает внутри. От одного и того же. Потому что - у каждого своё. У каждого - возникает своё личное. Как передать?! - он развёл руками. - Как?!..

Я внимательно посмотрел на него.

- Да согласен. Соглашусь, - согласился я. - У каждого одно и то же выразится по-разному. Хотя общее состояние души, действительно, будет какое-то одно. Что у тебя - да? - что у меня.

- Он согласно кивнул.
- А вот «полочки» - из поговорки: «всё по полочкам» - у каждого будут свои.
- Я тебя понял. Давай посмотрим: как мы - каждый - живём, и что мы находим общего. Мы - разные люди.
- ...И я бы начал с зарплаты.
- Я мгновенно смутился.
- Но моя мала... Я же пишу.
- Он согласился. И сейчас же возразил:
- Но ты и времени на зарабатывание тратишь мало! И ты - независим! Это что - нисколько не стоит?!
- Конечно! - воскликнул я. - Конечно! Никто не ограничивает меня - это я сам так решил: занимаюсь зарабатыванием денег три-четыре часа в день, в среднем не больше. Мне нужно писать. Но могу - и семь, и восемь.
- Я даже завидую тебе, - неожиданно высказался он. - Никак до меня не дойдёт: что за неудержимость такая - литература?! Как можно одну страницу переписывать восемь раз?!
- О! - с нескрываемым восторгом воскликнул я. - Уже устарело!.. Сейчас - подожди - я принесу тебе последний черновик! Один абзац! Один всего абзац длиной всего три предложения! Я переписывал сорок два раза.
- У него округлились глаза. Я торжествовал. Кроме того, я увидел: вот - вот человек, который может мой невидимый неосязаемый труд оценить! Ценю же я каждый раз, когда иду по ней, его трёхкилометровую дорогу! О, я-то прекрасно понимаю, какой гигантский труд в неё «зарыт»!
- Вот так, - и радостно, и печально вздохнул я. - Но и я, знаешь, иной раз жутко завидую тебе: как ты можешь по десять часов безвылазно сидеть в мастерской?!.. Мне этого не дано.
- Тут воскликнул он.
- Но послушай! Ты что!.. Это же так интересно!
- Кажется, я затронул его тонкие струны, потому что он воистину запел.
- Вот даже такое простое и, кажется, нудное однообразное дело: точишь балясины. Всё одно и то же, одно и то же: как конвейер, «поток». Даже движения отработаны у меня, как у робота. Движения одни и те же, если идёт форма одна.
- И?!..
- Но - ты же сам знаешь: дерево!... Дерево же всё время разное! Форма - одна, а в ней?!.. Да я не балясину точку - картину делаю! Картину! Песня!.. А если собираю столешницу?! Можно доски расположить и так, и так, и этак. Десятки вариантов. Сучок слева, сучок справа, волнистая линия, свилеватость, коричневый развод... Это же то же картина! И кто как её сложит. Можешь просто склеить доски, а можешь в их расположение внести смысл!.. После хозяева десятки лет будут любоваться. Бывает, даже так поступаю: доски приготавливаю, жену позову - давай-ка выступи ты автором. И ты знаешь... - он с улыбкой посмотрел на меня. - По часу может перекладывать да подбирать. Пока «хватит» не скажу.
- Так: стоп! - скомандовал я. - Подвожу итог... А так как ты делаешь всё качественно. Либо - очень качественно. И по восемь-десять часов в день. Вследствие своей увлечённости...
- Да когда хочется! Или когда дополнительно деньги нужны! Могу и больше - я не устаю! Это же развлечение, не работа!
- ...Не мешай... То ты и зарабатываешь.
- Да уж не меньше, чем в городе.
- Нормально ты зарабатываешь, - резюмировал я. - Ты всегда зарабатываешь столько, сколько хочешь, сколько тебе требуется, - так же решил я, вспомнив его легковую иномарку, микроавтобус, грузовик, трактора, дорогу ко всему этому и... мотороллер Александры.
- ...Не забудь про два велосипеда. Дорожно-спортивные. Не дешёвые они, - произнёс он, отследив мой туманный взгляд. - И лошадь.
- Как! Уже и лошадь есть?
- С телегой и санями. Всё крупное сделаем, от техники потихоньку будем отказы-

ваться.

Я долго пристально смотрел на него. Он не отвёл взгляд.

- ...Ну ты точно чудак...

- Я просто следую себе...

Минут десять мы молча отхлёбывали чай.

- ...Но дело не в зарплате, не в деньгах. А в том, что мы ТАК живём.

- Да.

- Давай зададим самые простые вопросы.

- Да.

- У тебя мастерская - ну ты прости - размером с сарай.

Я пожал плечами. «Мне хватает».

- Четыре на пять метров, ручной электроинструмент. У меня - десять на двадцать и станки. Но, согласись: в образе жизни, в какой-то форме жизни у нас нет разницы.

- Да.

- Я могу оставить работу, когда захочу. Могу, когда захочу, вернуться. Могу работать ночью. А могу - днём. Могу - подряд каждый день, а могу через день.

- Или через два.

- Да. Могу вкалывать подряд семь дней, а могу неделю вообще не работать.

- Но ведь дело не в этом.

- Да. Я всё время подстраиваюсь. Не знаю... - он неопределённо помахал рукой. - Под жизнь... Нездоровится - ушёл. Нет желания, вдруг опротивело работать отчего-то - не работаю. Приехали гости, пришёл сосед, приехал друг... В конце концов, по телевизору интересная передача и жена позвала.

- Ага - и соблазнила...

Он отвернулся, как бы разглядывая мои акварели, с помощью булавок развешенные по стенам. На самом деле он скрывал своё расплывшееся в улыбке лицо: я по глупейшей своей привычке говорить (дома), что думаю, брякнул правду. Я-то знал: такое у них, у «этих», случается.

- Я всё время подстраиваюсь. И никуда не тороплюсь.

Время не имеет значения.

- Но, тогда - что? Что имеет значение?

- То состояние, в котором ты живёшь.

- Но ведь... Друг мой... - осторожно вымолвил я, переходя на язык иного века. - Се - совсем другой подход. Иная философия. Иной... Способ жизни...

Он пожал плечами.

- Я не думаю о терминах... Да - вот ещё две принципиальные вещи! Первое: я эффективно использую всё своё время! Второе: мои действия всегда созидательны. Я всё время что-либо создаю. Дорогу, ручей, сад, настроение, вещи... Мой труд, моя жизнь всё время - каждую минуту!.. - он потряс рукой, замер и ещё раз потряс. - Каждую минуту имеют смысл. Даже деньги я зарабатываю, при этом что-то создавая. Не на потребление, не на приращении стоимости, а - созидая. Принципиальнейший момент! Принципиальнейший!

Мне трудно было с ним не согласиться. Мы заварили ещё чайник, выпили ещё по стакану.

- А ты с травами не завариваешь? - спросил он, подняв к глазам свой стакан и рассматривая на цвет мой чай. Я решил пошутить, съёрничал:

- Это вы там, в своей глуши, изгаляетесь... А я пью - чай! С лимоном. И сахарным песком.

Он не воспринял шуткование.

- Ты знаешь, нас чего-то отводить стало от песка и чая. Странно, вот у тебя же я с удовольствием пью чай!.. Пять стаканов уже. Дома!.. То зелёный, то - чагу, то шиповник, то травный. Мёд всё время на столе. Куда-то мы с Сашкой «поехали» в сторону... Ну ладно. А как твои дела? Как твой дом?

Мой дом - обычный деревенский дом. Изба. Русская печь посередине, кухонька, дощатые переборки. «Двор», крыльцо, сени. Строение известно: жилая часть - сруб шесть на шесть, плюс так называемый «двор» шесть на семь. У него - двенадцать на двенадцать метров, в два этажа. Но дело не размерах.

- ...Крышу надо этим летом перекрывать: рубероид прохудился. Канавы водоотводные освежить - позапылили. А у тебя?

- Покрашу, пожалуй, на второй раз. В этом году больше - ничего.

Мы одинаково живём в деревянных рубленых домах. Всего два простых эпитета: рубленый, деревянный. В них - всё. Мне всё время кажется, мой дом живёт вместе со мной. Он живой. Я дышу, он тоже по-своему дышит. Я двигаюсь, по-своему двигается и он. Поскрипывает, потрескивает, иной раз даже шевелится. Живое жильё. Он обогревается теплом кирпичной печи. У меня - русской печи, одной русской. У Александра печей четыре: по две на каждом этаже. Плюс камин. Саня любит удобство, комфорт. Ни у меня, ни у него пища не готовится «на газе», на электроплитке. (И уж - упаси бог - в «микроволновке»). Я знаю: Александру не заставишь варить на плите, если топлена печь. Всё - в русской печи: супы, щи, борщ, жаркое, каши, кисели, отвары...

Как-то я задумался: а чего - не приготовить в русской печи, какое блюдо? Из всего многообразия нашёл только одно: манная каша - её помешивать при варке надо. Другое - всё. Собрал в кастрюлю, поставил в печь, она сама приготовит. Да как вкусно!..

Дошло до того, что мои приятели стали наезжать ко мне (и их - к ним) для того, чтобы полакомиться пищей из русской печи. Например, «поурчать» над целиком запечённым в печи лещом. Хорoshi так же - кролик, гусь, - с картошечкой, свежим хлебом! Да под водочку! Ух!..

Как и в «утреннем» напитке, так и в «вечернем» мы с моими тёзками, я вижу, разошлись. Они начали делать квас, варить пиво, ставить вино. Я же по-прежнему настаиваю водку на ягодах, кореньях, травах. К мясному обеду непременно выставлю свой «калган», «зверобой». К рыбе - можно и то же, а можно и что-то «полегче»: на рябиновом, вишнёвом листе, липовом цветке, цветке черёмухи. «Десерт» - на ягодах. «Классика» - водка на клюкве и яблоках. Но - я отвлёкся.

Большую часть продуктов мы выращиваем сами. И вот что важно: своими руками, возле своего дома! Помидоры, огурцы, картошка, свёкла, редька, морковь, репа, капуста, редиска, лук, чеснок... Я не стану утверждать, что это легко даётся - первые годы я точно знал: легче купить! Мне легче было купить, чем вырастить. Помидоры до сих пор покупаю. Ну - некогда мне: строить теплицу, натягивать плёнку, возиться с рассадой... Нет во мне такого прилежания. И молоко покупаю тоже. Зато у меня пятнадцать кур. Пятнадцать кур - это минимум десяток яиц в день. Я легко обменяю их (кроме того, что - продам) на помидоры. Я вообще считаю - классическая триада: куры - козы - пчёлы. Ни к чему разводить всё.

У тёзок моих две козы. То бишь и молоко. Саша всё колеблется: не завести ли корову? Я отговариваю (давно ли она живёт в деревне, много ли понимает). Да, размышляю вместе с ней я, корова - это всё. Как говорили раньше: при корове жить можно. Молоко, сливки, сметана, творог, простокваша, масло. Даже сыр. Сливки и творог даже продавать будете! Сейчас в городах не найти не искусственного молока!.. Но. От коровы, милая, - не оторвёшься!.. А вы иногда любите сорваться и «улететь» куда-нибудь. На несколько дней. И как? И что? Кто будет ходить за вашей коровой? Хорошая корова не во всяких руках доиться будет! Не всякого и подпустит. Проблем не оберёшься. А сена? Три-четыре тонны. Вот и решай. Я бы не стал.

Саша мне возражает: «Ты один. А у нас семья. В мастерской у Сани два помощника уже: можем попросить, нанять, когда потребуется. А ты, кстати, - ты, когда обзаведёшься женой?» Ох, эти женщины... Последний раз (легонько, чтобы не обидеть) постучал Сашке по лбу: «Жена не корова, её не заводят». Вот так мы вышли на тему: личная жизнь. «Эти двое», как любя называю их я, живущие даже по моим меркам в глухой глуши, даже без своих сватовских разговоров уже одним фактом своего существования проняли меня. Я всё считал, что мой образ жизни, место жизни препятствует мне найти пару. «Эти» - долбают меня крепче, чем шахтёр своим отбойным молотком руду. От того, что я вижу по ним: как прекрасно постоянно жить вдвоём!

«Откуда взялась? Как создалась эта пара? - спрашиваю себя я. - Эта идеальная, по моим меркам и соображениям, семья!» Не знаю, что они говорят наедине друг другу, а мне они так и не смогли ответить. Мистика! Кроме как - мистика, случай, никак по-другому их встречу - встречу, соединение одинаковых стремлений - не назовёшь. Их жизнь до их встречи - это устремлённость к любви, творчеству, счастью, их жизнь вдвоём: твор-

чество, счастье, любовь. Каждый день они (во-первых, так навязчиво видится мне) заняты в основном тем, что вместе создают настрой на жизнь в любви и счастье. Когда-нибудь я всё-таки не удержусь, расплюсь и расскажу большим романом об этих счастливых мечтателях! (Я снова отвлекся - увлекся, отвлекся и начал говорить не о том.)

Особенности устройства личной жизни что в мегаполисе, что в лесной глухомани ничем (так теперь думаю я) не отличаются. Твоя судьба найдёт тебя везде, хоть на Северном полюсе. Когда я иду по Невскому, я всё так же одинок в окружении великого множества людей, как у себя дома, после недельного снегопада морозной январской ночью. Дело не в количестве женщин и мужчин вокруг тебя, дело не в этом.

Как-то Александра заметила мне: «Ты всё заводишь подруг. Тебе не нужна жена, вот её и нет». Я начал спорить - да у меня всегда порядок в доме! всегда постирано бельё! всегда приготовлена еда! Мне не «жена» нужна... Стал спорить, а вообще - лучше бы соглашался.

С бытом у меня, у них - у нас с ними, - действительно по problem. Мы трудимся, мы всё устроили, всё наладили. Вода, тепло есть всегда. Вода в дом - из колодца, в баню - из ручья, пруда. Отопление печное: дрова. Можно сказать: трудно носить воду вёдрами в дом, носить каждый день и воду, и дрова. Но лично мне (и им, я знаю) трудно пить воду из водопровода. С хлором, ржавчиной и... ещё бог знает чем. Прошедшую по трубам не один десяток километров до меня. Это уже гадость какая-то, отравы, а не вода. Покупать воду в пластиковых бутылках - тоже... Какой-то бред... Покупать воду! Два несовместимых слова - стоит только задуматься!

Мне одному на день в дом требуется два ведра воды. На чай, на суп, на кашу, на «помыть руки». Неужели я не принесу один раз в день с колодца чистой, почти целебной воды два ведра?! Да - удовольствие: погреть колодезную цепью, прогуляться за водой!

По нормам Госстроя СССР (читал, но точную цифру позабыл) от 250 до 350 литров воды положено в городе в день на человека. Это - убийство! Для природы, для человека. Тридцать пять вёдер! Попробуйте принести!.. А на семью?.. Весь день только носить и будешь. В один день поймёшь: и что такое вода, и сколько она стоит, и каково должно быть отношение к ней! Не-ет, в городе жизнь с ног на голову перевернута. Только этого, пока в городе постоянно живёшь, ни за что не увидать.

Итак, в дом - 2-3 ведра на одного человека в день. В бане - другое дело, в бане (а лучше назвать её - ванная, потому что и у меня, и у них баня, как отдельно стоящая комната) вода льётся рекой. Баня подтапливается (то есть несильно топится) каждый день (при привычке это нетрудно), поэтому в бане всё время есть горячая вода. И вода тратится - сколь душе угодно.

...Так водоём в трёх шагах. Так, по сути, мы «переливаем» воду из одного природного водоёма в другой. Из одного места в природе в другое. Никому не причиняя вреда. Вода из моей бани пока сочится в землю до канавы, уже очистилась. Потом, по канаве (сквозь травы и мхи) - в ручей. Потом в реку. Всё. В реку она уже чистой пришла, не требуются для неё никакие «очистные». Конечно, я предусмотрел, и поставил баню так, и устроил сток из неё так, что вода из бани не попадает в ручей. Конечно, всё надо продумать!

Что касается других элементов быта, домашней жизни - что в городе, что в деревне: они не лучше и не хуже. Как сумеешь устроить. У тёзок моих за... тридевять земель... и электричество, и газ (в баллонах). Телевидение российское плюс спутниковое. У меня домашний телефон, у них три сотовых телефона.

Проблема с развлечениями. Их практически нет у нас. Дело в том... Они нам не нужны. Вся наша жизнь - одно сплошное непрерываемое удовольствие. Мне трудно представить себе себя (и их) праздно проводящим время. Когда мне хочется, я бываю и на спектаклях, и на концертах.

Изюминка нашей жизни вот в чём: всё в твоих руках. Чем больше живёшь здесь, тем сильнее ощущаешь: словно кто-то (Бог? Творец?) отдал всё тебе на откуп. Вот, мол, тебе место для дома, вот для бани, вот место для огорода, для сада, для лес, вот река. Берись. Делай. Живи. Живи так, как хочешь. (Я бы скорректировал: как сможешь, как способен жить. Напрягайся!!) Есть дорога - замечательно, нет - строй дорогу! Есть линия электропередач - проще, нет - иди в сельскую администрацию, иди к электрикам, договаривайся, тяни провода.

Круг общения? Я посмотрел на Александра, в задумчивости потягивающего чай. Ой...

У меня тут нередко «кордон Кузьмича». (Раз я, не чураясь спиртного, выпиваю.) А ещё нередко - «малинник». Интереснейшие и женщины, и люди бывают. У тёзок - у них как-то более степенно. У них более «умный», более солидный круг. Кто только к ним не приезжает! Со всей России! Да и мне грех жаловаться на недостаток общения. Шучу: я в город сбегаю иногда, чтобы от людей отдохнуть!

- ...Саш, - позвал я. Он повернулся. - Недавно сосед мой по деревне. Встречается мне - «Зимой, - жалуется, - такая скука!!.. Людей нет, делать нечего!.. Почему у тебя?!.. - это он мне. Да ещё почти с подозрением и возмущением! - Почему у тебя всё время, я смотрю, то один, то другой приехал, то одна приехала, то другая. А то сразу две!.. Как ты это?!..»

- И что ты ему ответил?

- Да так... Отшутился по-деревенски. Не помню. Что-то наболтал. Он, вишь ли, «убил» меня напроц своей первой фразой, я и «слетел с рельс».

- Ну-ну-ну... Расскажи, - заинтересовался Александр.

Он не заметил, как я хитро, даже - коварно, усмехнулся.

- ...Да у меня приятель приезжал тогда, день рождения свой провести у меня. Видно, надоело по-обычному, как всегда...

- Ну да - компания, квартира, застолье, танцы, перекуры у мужчин, шушуканье у женщин, снова застолье, танцы, торт, телевизор, набитый живот, пьяные глаза. Или - ресторан. Всё.

- Как хорошо ты всё знаешь, - посмеялся я. - Да... А здесь мы - лыжи, коньки, санки, дрова колоди, костёр, в снегу валялись, баня, купание, хлеб... И застолье! А как же без этого - потом, после. Песни, стихи, живая музыка, живой огонь... Никаких музыкальных центров и магнитофонов! У меня - гитара. Женщина среди гостей была, умеющая на скрипке играть, я заранее попросил захватить скрипку. Мы как заиграли вдвоём!.. Да после всего! Что было уже в этот день!.. Как зазвучали гитара со скрипкой!!!.. Тут, знаешь, душа не просто - распахнулась! Как говорят. До сих пор такой остаётся! У некоторых. До сих пор восторженными голосами звонят. Целая тенденция намечается: дни рождения, праздники у меня праздновать... Как мы читали стихи!.. Какие!.. Здесь читались стихи!.. Вот один только отрывок послушай:

Говори - говори почему-то всё чаще и чаще.

Нужен мне говорок твоих детски картавых речей.

Потому и бреду сквозь зелёное кружево чащи,

Чтоб услышать твой голос: лесной неприметный ручей!..

Я замолчал. Едва начав читать, я уже!.. Был в немом восторге. Такое состояние вызывает во мне это стихотворение.

- Ах!.. - выдохнул Александр. - Ах. Запишешь мне его. Твоё?

Я покачал головой:

- Саша, спасибо... Мне очень лестно, как говорится... Если бы я так писал!.. Я бы всю жизнь только писал! Нет, это Николай Якушев. Неизвестный, кстати, поэт. Даже не поэт, просто человек.

- ...И что сказал тебе твой сосед? - вернул меня к теме разговора Александр. Я пристально - пристально посмотрел на него.

- Что?! - вознедоумел он.

Я молчал.

- Что?!!..

Я молчал. Тогда замолчал и он.

- ...Саш, - позвал я тихо. - В глаза мне - смотри!.. Хорошо?

Ничего не поняв, но доверяя мне, он начал смотреть мне в глаза. Я тоже, не отрываясь и стараясь не мигать - как змий, смотрел прямо в его. Убедившись, что мы соединились, я медленно-медленно, по одному слову, выщедил то, что... По-прежнему, не отрываясь, глядя ему в глаза. Как отреагирует?

- ...Когда я стал слеплять восторженные фразы о дне рождения - о празднике!.. Сосед. Перебив меня. Первым делом спросил: «Баб-то на всех хватило?»

...Сашку моего передёрнуло, как... от худого портвейна... Глаза у него «поплыли». Всё лицо перекошило так, как примерно я и ожидал. Не уверен - будь он тогда на моём месте, сосед избежал бы - «по морде». Так как Алекс поделовитей меня. Пока он приводил себя в порядок, я боролся с чувствами: унимал свою злость. Наконец;

- ...Тьфу!.. Придурок...

- Спасибо... - деланно оскорбился я.

- Да ты что!!!.. - он ещё раз перекосялся и ещё раз поперхнулся. И сердито выговорил мне: - Я же не тебе говорю!

- Дак вот!.. - я развёл руками.

Он же, вскочив, заходил мимо меня по комнате.

- Не маячь, - неделикатно попросил я. - Всё нормально. Дело-то - житейское. И я его, - я имел в виду своего соседа, - прекрасно понимаю. Так что не маячь.

Он сел. Я налил ему в стакан одной заварки.

- Ох да... Как думаем. Чего хотим. Так и живём... - философски заметил он.

Мы долго сидели, глядя в огоньки опадающих углей. Дров уже не было, они прогорели, угли на поде горнила печи светились красным, синим, ярко-красным, сине-вздорным... Сзади, далеко, - сзади, за нашими спинами, за окном вставало над лесом солнце. Я оглянулся и засмотрелся.

- Какая красота... На лыжах сегодня пойду...

- У тебя не жизнь здесь - рай.

- Знаешь, а спорить не буду.

Я повернулся опять лицом к печи.

- Лес - пять минут ходьбы, река - двадцать, ручей - три, - работаю, ем, сплю, отдыхаю, принимаю друзей, парюсь в бане... Всё - когда захочу. Дом, сад, огород, покос - полгектара кругом меня мои. До шоссе - пятнадцать минут. Пешим ходом. По отличной дороге. До двух областных городов - полтора и два с половиной часа... Мой друг в Москве - полтора часа до работы. Это только в одну сторону. Каждый день. Полтора - туда, полтора обратно тратит. А у меня... А вот детям...

Он удивлённо взглянул на меня.

- Ну, - если бы были дети. До школы... - Я почесал скулу. - Далекое. Пять км. Это плохо. Наверное. Но - их тут возят. Собирают утром, везут в школу. Вечером обратно таким же макаром. Больница. Это проблема. Поликлиника и больница - только в районном центре. Это тридцать км. А у вас - далеко школа?

Я представлял, что не близко. Он не ответил.

- Значит, далеко. Далекое?

Он молчал. Мы посидели молча. Я зашевелился, показывая, что - жду: жду от него ответа. (Как будет сын добираться до школы, когда подрастёт.) Он перевёл взгляд с углей на меня и смотрел то на меня, то за меня, то вверх долго.

- ...Ты знаешь... Ответь мне на простой вопрос.

Я удивился: в чём подвох?

- Да.

- Чему. Учит. Наша школа. Обычная школа.

Я смутился, заёрзал.

- ...У нас с женой - какие-то смутные подозрения - мысли появились. На сей счёт. Чему?!.. Мы сейчас учимся! - он повёл рукой, обозначая всё то, что вокруг. - У всего, всему. И ты знаешь... Что-то не так.

Я молча смотрел на него - я так спрашивал.

- Мы перестали понимать: чему учат в школе.

Раньше, или с другим человеком, я бы грубовато пошутил: совсем!.. В своей глуши... Но не с ним. Но - он только подтвердил мне моё. Я не хотел первым этого говорить, у меня нет детей. (Я не живу с ними постоянно, мне только дают встречаться с ними.) Не живу постоянно, значит, не имею права судить. Я вздохнул.

- Хорошо. Пусть... А как быть с больницей? Как попасть на приём к врачу? Как вызвать врача - например, детского? А если вдруг сам заболел - как?

Не стану утверждать, что его ответ смутил меня (я сам то же чувствую), я хотел только не соглашаться с ним, поспорить. Он произнёс - веско, как припечатал: будто приговорил, прихлопнул. Он даже пришлёпнул ладонью!

- А можно - и нужно! - не болеть. Понял!

- Я так и знал...

- ...Мы, когда переселились, начали жить, «болячки» разные были. У меня, например, был постоянный гастрит. У Сашки - простуды. Город!.. Но - сам знаешь: болеть нам

нельзя! Всё у нас, - он показал взглядом и рукой: живущих вот так, живущих «здесь», - держится на здоровье. Категорически противопоказано нам болеть!.. И мы - вначале. Наверное, только от этого, - он выдержал многозначительную паузу. - В начале, наверное, только от этого. Болеть перестали. Как?! Если нельзя... Какое я право имею болеть, если на мне всё вокруг меня держится. И я - инстинктивно, наверное, вначале - находил способы, как оставаться здоровым. Вот только зубы... - он поморщился. - А теперь!.. - он стал с улыбкой всматриваться в некую даль. - Теперь я совершенно убеждён: можно не болеть. Никогда. И ничем.

- А Александра?

- И она то же чувствует... Видишь, что плохо, при том, как мы живём...

Мы переглянулись. Мы мгновенно поняли друг друга. Однако я решил не ради себя поспорить с ним.

- Здесь, - выговорил я и обвёл вокруг рукой, - всё зависит от тебя, только от тебя самого. Крыша протекла - ты виноват: не покрыл. В окно дует - ты оставил щели. В подвале вода - ты не предусмотрел, не отвёл. Туалет переполнился, забило - ты не почистил в нужное время. Печь дымит - ты, зайцы яблони объели - ты... В конце концов - жена грустна - ты не предостерёг её грусть. Ты, ты и ты!.. Во как трудно. Плохо. Невозможно...

- Да, - легко согласился он. - И пока не поймёшь, как это хорошо, всё будет казаться: трудно, плохо. Но ведь, - вкрадчиво начал выговаривать он, - но ведь это и хорошо?!

- Не-а... - нет, я ему не кивнул. - Пусть бы за воду отвечал... Воду бы мне подавал «Водоканал», тепло - «Теплосети» из котельной, дорогу - дорожники, болезни - врач.

- А ты бы?

- А я бы делал своё, только своё. Пусть каждый делает своё дело, одно дело!

Он усмехнулся.

- И всё ты врёшь. Тебе тоже нравится, когда всё кругом... Когда весь твой, - он повёл рукой, - мир, это ты... Я отвечаю за всё, я сам создаю всё вокруг себя, всё, что вокруг меня, - это я.

- Тяжело!.. - тоном Гюльчатай из бессмертного диалога в «Белом солнце пустыни» ответил я.

- Ну так!.. - тоном Сухова ответил он.

- Поговорили.

- ...Так что, - на правах гостя подытожил он, - давай мы обойдёмся без болезней, лечения, врачей. И больницы.

- Давай, - согласился я. - Но как?

- А не знаю! Так!.. - легкомысленно отвечал он.

- Ладно. Давай. Что у нас осталось?

- Из чего?

- Из тем - проблем.

- А-а. А-то я уже не помню, о чём мы.

Задумавшись, я чётко увидел одно. Продолав круг, мы вернулись к...

- Душевное здоровье. Внутренний мир, счастье, равновесие. Вот что главное.

- Да. Но я же с этого начал! - упрекнул его я.

- Но ты хотел сразу сделать это главным.

- А ты будешь спорить?!

- Да. Конечно - да. Просто - всё главное! Ты пойми: всё. Понимаешь? И здесь, - в мире, где меня окружают - леса, поля, - вода, воздух, солнце, - где на равных со мной - звери, деревья, птицы, - где царит не бетон и асфальт, а природа, - здесь быть хозяином себя, хозяином положения куда легче. Здесь чисто. Потому проще этого достичь.

- Кто бы спорил...

И угли догорали. Мы закрыли печь, решили приготовить кашу, я стал её собирать, - мы начали «разглагольствовать».

- ...Вот я вижу: приехал человек. Живёт он - ну прости - в полном дерьме. Панельный дом, загаженные площадки, холодная вода не всегда, горячей летом практически не бывает. Далее. Работа его ему не нравится, в семье - «как у всех». Дома он или возмущается, или ноет. То не так, это не хорошо. И он же жалеет меня: как вы тут без водопровода даже... Колодец тут у вас, воду ведрами носите домой... Ой, какой каменный век... Ой, да

вы и работаете топором?!.. У самого - работа, по сути, бессмысленна! Она ему лишь для того нужна, чтобы добыть на жизнь. И он же жалеет меня. А?!.. Что он оставит после себя?! Что?! Детей? Так и я. Что ещё? Ни-че-го. Ничего! Всё, чем он живёт, чем он жил, - сиюминутно! И он мне сочувствует... Да это я должен жалеть его, сочувствовать ему! Бедняга он... Один из «Стаи чаек».

- Не брюзжи, - сказал я. - Я кашу готовлю, кашу испортишь... Люди не умеют мыслить полувеками. Ты же требуешь, - да-да! По твоему подходу видно! - ты жаждешь, чтобы человек мыслил столетиями. Это не под силу обычному нормальному человеку. Обычный нормальный человек думает о том, в главном, как безбедно прожить свой век. И выйти на пенсию - на хорошую пенсию. «А после нас!..», как говорится... Вон мои заказчики - сплошь и рядом, через одного - бурчат на меня: очень долго делаете. Это проблема. Недавно одна дама всего меня изругала, мол, тяну и тяну, тяну и тяну. Ей так кажется. Но тут же - знаешь, через пятнадцать минут! - стою у другого заказчика. Он: как там мой стол? А прошло - полгода!!!.. Я: да вот, - блоки для щита столешницы недавно склеены. Вылеживаются. Потрескивают чуть-чуть, чуть-чуть коробит их - это же дерево. Живое. Я бы ещё две недели подержал. Потом выстрогаю начисто и склею. Он: смотрит мне в глаза. Я (с возмущением): но я же хочу сделать Вещь!.. И не на десять лет!.. Он: а на сколько? Я: а пока сама древесина не рассыплется... А до тех пор чтоб стояло! Он (задумавшись): ну да, так, наверное, и надо. Я (показываю глазами на небо): что для Него - наши полгода, год... Ну что?!.. Пусть будет плюс-минус полгода. Он (вздыхает): да... Только - жена и друзья всю плешь мне проели... Я (не обращая внимания): так я могу?.. Он: и не переживайте, я вас не тороплю. Делайте столько, сколько считаете нужным. Вы же видите всю, как говорится, проблему целиком, я - только часть: время. Так что... Это я так... Не берите в голову, просто хочется поскорей. Пусть будет - Вещь! Вот - Человек! Хотя бы - не видит, так понимает... Так и меня, и мою жизнь - люди оценивают по одному-двум параметрам. Они не видят совокупность!.. Я вижу.

- Да. И я вижу. И в отдельном я проигрываю. В отдельном. Которого - раз, два и обчёлся. Но в целом-то, в целом!.. Я же представляю, как далеко я впереди! И высоко вверх.

- Не переживай. Люди не умеют совокупно оценивать по десяти параметрам. Как они могут оценивать по ста?! Представь, ты бы попал четырехмерное пространство. Как?.. А в пятимерное?..

А - в двадцати? Дашь толк? Пространство человеческой жизни имеет десятки измерений. Большинству людей известны пять-шесть. А по силам - три-четыре.

7

Как вы думаете: чем закончилось всё?

Мы славно, мы душевно ещё посидели, и ещё поговорили. Мы ещё пили чай, - потом мы дошли до моей мастерской и осмотрели новые изделия и заготовки будущих, - потом дошли до леса, и я показал, какой огромный в эти выходные на моей поляне разводился костёр, - потом собрали яйца у кур. А ещё я прочитал отрывок из нового рассказа. «...Как ты считаешь: я не подражаю в нём Гари?»

Потом я достал из печи пшённую кашу, и мы ели её. От наслаждения не в состоянии ни о чём, кроме каши, говорить. Вслед каше был кофе, под кофе мы уплели мой маковый рулет из пшённо-кукурузной муки. Но пришло время, ему уезжать. Как вы думаете, что после всего он сказал мне.

Открывая дверцу своей иномарки и с удовольствием ещё раз оглядывая мои берёзы, липы, ели, он вдруг опустил глаза и со смущением выронил: «Не обижайся, но... Слушай, у тебя, конечно, здесь райское место - всё здорово! Но одному... Нас-то - двое, теперь трое, у нас - семья. Не бывает скучно? В смысле - тоскливо?»

Губы мои - от ярости, от возмущения, от опадения одно на другое полушарий мозга! - казалось, склеились навсегда. Он вздрогнул, смутился, застеснялся меня, вдруг заторопясь, прыгнул в свой драндулет и, махая рукой, быстро уехал.

«...Так - what is your Russian for «tosklivaya skuka»?!» - с обалдением, с недоумением - даже с гневом! - ошарашено прошептал вслед ему я, когда машина уже скрылась за поворотом.

Александр ХАЛОВ

СУДЬЯ

Он слыл: судья! судья-а.
Впрочем, к чему мудрствовать до читателя?..
Он действительно был им, раз в суде работал судьей.

Ох, какой, доложу я вам, то был судья: казалось, он пропитан духом закона!
...А еще многим казалось, что, стоя на букве закона, как находясь сразу - у перископа, со стетоскопом и на скале - он все и вся видит насквозь; и слышит одновременно. (Даже его новый секретарь (секретарь судебных заседаний - примеч. автора), - двадцатитрехлетняя разбитная, практически относящаяся к жизни девица, имеющая «лапу» в Верховном суде, а в районном суде этого провинциального городка набирающая необременительно юридический стаж, норовом нравя Москву, вскакивала при начале судебных заседаний под собственные слова - «Встать! Суд идет!» - не из процедуры, а из непреходящего страха: ей все казалось, что серый глаз Константина Петровича!.. просвечивает ее сквозь; так что он (Ка Пэ), едва войдя в зал (и поведя оком тут раз), УЖЕ все знает (он - видит!); и она делалась старавшей протокола, она прятала от него глаза; сегодня, в частности, потому, что его снисходительный чудной взгляд и его вниз-вверх покачивания головой - лишь тактичная форма неодобрения ее вчерашнему, ночному балу; («баловалась, баловалась...») с «травкой» на квартире у смешного дружка... а затем, - до ноля трех часов и, кажется («вот-вот, именно - кажется...»), двадцати пяти минут - парно-му («там же, там же...») катанию в постели.)

Да-а-а... Когда Ка Пэ входил в зал!.. (И особенно с тех пор как ввели эти умопомрачительные мантии.) Собранный, величественный, равноготовый дать и отнять, неумолимый грозный, - даже невосприимчивый к ударам фемидо-закона местный прожигатель жизни Вовчак, с регулярностью, множество раз присылаемый на скамью за поножовное хулиганство вкупе с беззастенчивым воровством, привскакивал и умилялся; и в состоянии какого-то безумного опьянения сладко-страстно ширил глаза; готовый, как европейский мазохист, подставлять плети закона по полности свои любые места: ему до обладения нравилось КАК его судит «Ка Пэ»!

А вот девочки, молоденькие непутевые секретари судебных заседаний, ума лишались от Ка Пэ всерьез. Вдрагивали истерически, плакались друг другу за сигареткой, горячась в судебном архиве и шепча дымочками в форточку. «ОН опять орал-л-л... Сказал-л чичи-чи-тать старые протокол-л-ла...» И, укрытые, как кустами, томами и полками, вытягивались губочками, тряслись с пеплом пальчиками, востря ушки и кося глазки: не идет «зверь»? («...Где наши «зайки»? Опять попрятались... Опять этот «ведмедь» их распугал...» - хмуро брюзжал тогда - примеч. автора - председатель суда.)

Ка Пэ с них спрашивал! Требовал: «Каждое слово. Каж-до-е! Барышни, что вам не ясно? Каждое, произнесенное на суде, должно попасть в протокол! И попасть - четким почерком, а не так!.. Девушки. Что это такое?!.. Что тут у нас за курица водила лапой?!.. Это же судьбы людские... Наконец поймите!.. А не бумаги. Эти бумаги... И не смейте там марасть! Не умеете - учитесь. Не справляетесь, не можете, не хотите, тогда - марш отсюда!..» И секретари у него вкальвали до жалоб, увольнений и слез.

Управы не было - судебный ДЕПАРТАМЕНТ пособствовал Ка Пэ, как солнце виноградарию искусному: феерически. Спросится, почему? Ни одной серьезной «отмены». Ни одной! (Какое это имеет значение, как доступно всем дать понять? Ни одной аварии в работе водителя, ни одной скисшей бутылки у винодела на тысячу их, бутылей, вина...) Вообще всего две отмены решений суда случилось у Ка Пэ за последние десять лет! Вот это профи, вот это да! Кто может превзойти пониманием.

...А взять хотя бы события последних дней? Конечно (и вы поймите), подобное - случай нечастый и несчастный весьма: действия отдельного человека на целую неделю, от одних выходных до других, стали предметом пересудов, споров, размышлений, то есть внимания, страстей - повышенного внимания! - целого города; всего районного града.

Ведь судья (Ка Пэ...) не посадил. Мало того - отпустил на свободу! Вора, рецидивиста. Судья (черт побери! и - боже мой... - сказали городом - примечание автора) упек за решетку местного водочного «короля».

...Говорили, у последнего случился на суде ш-ш-Ш-шок; после - инфаркт (настолько он не сумневался в своих силах, своей правоте и - конституционной - свободе). И теперь на Ка Пэ!.. Готовят наезд четверо!.. Причем одна пара гнедых этого безапелляционного цуга из дорогих областных, а одна - из претенциозных московских адвокатов.

Ка Пэ, интриговались, во время процесса прикинулся - э-э-э... «дедушкой слепеньким»... (Что, мол, что с меня взять?! Я старенький судья-а-а, у меня скоро пе-е-енсия... Что вы хотите - все исполню, все сделаю! Но я... лишь регулировщик. Раздатчик... Сижу вот тут в балахоне у владычицы, просто служу. Рыбка у нее на посылках... У этой, этой, которая никого не любит, ничего не видит... Сам спрашиваюсь, сам трепещу буквы закона. Так что - чего от меня ждать? (транскрипция автора)) Сделал вид: «беспристрастен, холодно справедлив, никого не отличаю»... И не учитывал необычайно иезуитские доводы адвокатов. Как бы взял и отошел в сторону, по принципу «не мешать» предоставил катку закона свободно ехать. «Проехал» его туда... сюда... туда-сюда-туда-сюда, и еще-о раз... и обра-а-атно... Пока тот - неожиданно! - как бы сам собой (как это и водится у катков) не закатал то, что положено (в асфальт, да); вот как так? (...А - нельзя насиловать девочку, даже если она сама садится в твою машину и сама едет с тобой; а у тебя, как тебе кажется, все куплено, на лацкане - значок «все: я - депутат», а за глаза называют «мафиози».) Всеспекся «король». Город гудел, как взбудораженный улей. Судачили про «короля» недобродушно: спешит-деньги теперь, нанимай хоть всех столичных адвокатов. Если успеешь... С клеймом известной статьи в «зоне»...

Случай с воров трепанировался особо. Осведомленные шептались в узком кругу о том, что, когда на первом же судебном заседании, дождавшись обращения суда к нему, Петя-Паленый встал и негромко объявил - «Гражданин судья. Прошу учесть Вам мое заявление. Железнодорожный (магазин - примеч. автора) - не моя работа. Железнодорожный взяли 1 января. А 25 ноября мне стукнуло 55. И я тут сдуру, на спор обязался завязать. А базар тот проспорил. И вообще - болел я, хоть бы проверил кто толком. Зря меня, гражданин судья, парите». - Ка Пэ вдруг резко отложил дело и устроил так, что минут пятнадцать беседовал с Петей тет-а-тет в одном из служебных кабинетов. Что однозначно является служебным проступком и даже нарушением этики. Вспоминали, что своей вторую и четвертую ходки Паленый делал посредством него, судебные процессы были долгими, и Ка Пэ знает вора до желез. И по-ве-рив-во-ру-на-сло-во!.. Ма-те-ри-а-лы-об-ви-не-ния-раз-ва-лил! Паленого - в миру Петра Акиндиновича Паленова - отправил лишь под подписку о невыезде в поселок, к матери, дело - как говорим мы - «шапками закидал»... и отправил - а тоже «к ...матери» (на новое расследование - примеч. автора). Вот так.

Да! Ехидничали - по обоим случаям, по «королю» - особенно, Ка Пэ подстраховался, где как кем только смог. У прокурора чайку попил, в РОВД, у начальника, за рюмкой, чай, посидел, съездил в облсуд, даже в ФСБ к однокашнику заходил. «...Видимо, всех убедил, что ИМЕННО ТАК нужно».

...И заклеянный Паленов теперь (Петр - автора примечание), мол, ходит везде с гордо поднятой башкой, на участкового чуть не плюет, свысока цедит, что у него «типерича «крыша» есть» - Ка Пэ, и совсем не ждет «срока».

Говорить - говорили, но никто на тему правильности решений Ка Пэ не рассуждал. Делает человек свое дело, судя по всему, неплохо, грамотно делает, - ну так везде кому-то надо с чувством, толком, расстановкой работать, - ну так за пять лет в прокуратуре и двадцать три года в суде можно научиться добротню, профессионально работать? В конце концов кто что «в верхах» заключил!.. Для города!.. С населением восемнадцать тысяч человек!.. Рвение директора «Водоканала» в устройстве четвертой и пятой скважин питьевого забора не менее - гораздо более! - интересно и жизненно важно, чем любые, самые неожиданные, самые справедливые реяния в суде.

Суд в городе и районе уважали; в том числе и из-за Ка Пэ. Как мы говорим иногда, это - Учитель или это - Врач, так и Ка Пэ в Торжественных Случаях подношения грамот и наград, бравируя им, возносили: это Судья. Сей человек (дань должно отдать) всю жизнь посвятил (доложено вам) нелегкой службе-работе. Никто в городе и помыслить себе не мог, что на месте Ка Пэ - Константина Петровича - возможен кто-то другой; Ка Пэ - это не судья даже, это уж имярек место! Все привыкли: с утра и до вечера, а случается, допоздна, бывает, и в выходные дни у Константина Петровича все страда. Я думаю, вы уже

поняли всю его жизнь. Умница, труженик, профессионал.

...Забавно, однако, что если когда-либо у обывателя и существовали заблуждения, то заблуждение о Константине Петровиче - ярчайшее! Всякий, кто свел бы знакомство с ним в непринужденном кругу, к примеру, на речке во время купаний и солнечных ванн, на рыбалке, мужской тусовке в бане, - либо просто дома, у него, при обычном вечере и свойских гостях, узнав впоследствии, кто Константин Петрович, первым делом бы непременно подумал, что мстится, изумленно кликнув: «Петрович!? Что?!.. Костя-то?! Не верю». Завернув известное в фразу Станиславского. «Конечно, вы шутите. Не шутите?!.. Хм-м. А я думал, он... А оказывается, он...»

О-о-о!... Он был толстый большой веселый человек. Ра-а-душный, хлебо-сольный, гостепри-и-имный; любознательный, начитанный; беспечный (в кругу друзей - примеч. автора!); балагур и атаман; приветливый, свойский; хоть несколько церемонный. Ярый любитель маленьких тесных компашек, шашлычков, винишка, рыбалочек, бани, страстный огородник и пчеловод. Завзятый автомобилист, сейчас он разъезжал на «Ниве»; а на даче, которая являла собой участок в сорок ухоженных соток с простым, да отменно добротным деревенским домом на краю отшельной деревни, под навесом, заботливо огороженные хозяйном от воды и ветров, за стеной тесовых досок красовались снегоход «Буран», трактор ЮМЗ и ЗИЛ-самосвал; без номеров, лишь для деревни, списанные.

Зимой Петровичу было скушно. (О работе, - примеч. автора, - сейчас молчим.) Иногда, вернувшись от дел и отужинав, он сообщал своей половине: «Валюша-а, что-то я устал сегодня, прилягу пойду». И - укладывался с книжкой на пухлый кожаный диван; или упал в кресло с газетой; либо прикинул, как к окну, к телевизору. Иногда он звонил жене еще днем, заранее, на работу и стонал: «Ну что-о-о, душа моя... Вечером опять заняться нечем. Сердце мое, пойдём напросимся сегодня к Ко-й». Или: «Я пригласил, знаешь, сегодня в гости Пов-х. Ты, солнышко, не против?»

Его бессменная благоверная ре-е-едко ему возражала. (И то заметим: а чем?.. И - любимой «стене»?!..)

Воскресные прогулки на лыжах не вдохновляли его. За зимние удовольствия он почитал книги, газеты после ужина, толстые журналы, телевизор, походы в гости и баню.

А вот начиная с ранней-ранней весны!.. А в лесу? Как только сойдет снег. А сезон копки и посадки гряд?! А время роения пчел?! А заготовка веников! Сбор урожая! Озимые посадки! Вывоз на гряды навоза!! (Примеч. автора: вам как??)

Под любым предлогом Петрович точь-в-точь (если уж ну совершенно преступно и - никак невозможно «поране») в семнадцать пятнадцать, ноль-в-ноль, вылетал с работы.

...»Тот еще... гусь... - ворчал (правда, только себе под нос - примеч. автора) председатель суда. (Он был, в отличие от подчиненного, заядлым охотником и мыслил зоологически.) - Дел стая, отчет на хвосте!.. А у него - ну-ка: бу-бух! - вторым жаканом в одном стволе второй больничной... Высадка помидоров у него, а не ОРЗ! Уж я-то его повадки знаю. Это вот что, а?..»

Ну, брюзжи не брюзжи, а каждый сведущий мало-мальски понимает: рассаду надо высаживать более точно в срок, нежели, скажем, плеяду уездных басурманов; рассада, она тем и свойственна, что пока судда дело, ждать не будет; и урожая не даст. И Константин Петрович понимал это куда более жизненно, чем судейская голова.

...А какие шашлыки устраивались у Петровича по пятницам!.. А молодого барашка? А в кругу друзей! А на вольной природе... Принять «витаминов Це» - сальце, мясце, винце... (Ах - (это автор...) и мне бы словце!..) - дабы восторгом воспрять от бездушной болтанки недели.

Постепенно Валюша его приучилась игнорировать дачные послерабочие пятницы и появлялась в деревеньке лишь в утро субботы; поэтому с 18 до ...-дцати, и до краю-упаду, на дальнем конце деревни, в королевстве Петровича пленительных людей, царило настоящее мужское раздолье! (Не смущаемое, не спутываемое в угоду некоторым нашим мучествам соблазнительным инополым присутствием. Ибо если десятью годами ранее Петрович и был ценителем и любителем всего, то ныне... Ныне, когда возраст, как говорится, «к шестидесяти»... И обоим детям «под тридцать»... И кроме репутации, привилось что-то большее, что нужно хранить, а можно утратить, совсем утратить... Левый интерес Петровича свелся к безукоризненно-безобидным поцелуйчикам и потискиваниям (на предмет сохранения форм) секретарей (все - женщины, - примеч. автора) соседнего районного суда; где председателем сидел у Петровича закадычный друг и куда Петрович изредка наведывался с коньячком, дружественными визитами и конфетами жен-

персоналу. Валюша снисходи-и-тельно смотрела на такое это. «Вот не ревнивая ты у меня, - иногда вслух сердился Петрович, - как, право, маня».)

...К среде либо четвергу оформлялась компания. С обеда в пятницу на дачу Петровича засылался самый свободный, имеющий «колеса» - «гонец». Задачей гонца было вместе с постоянным жителем деревни Егором-«Аборигеном» протопить к шести баню, охладить в проточном пруде пиво, нанести воды, начерно подготовить вечерний стол. Закончив городские дела, друзья слетались, парились, грузились пивом, рыбой, шумно плескались; обсыхали, вновь взмокали за чаем; отдыхали от всего предыдущего и, легкие на помин и подъем, подымались к застолью; словно престолу.

Всегда крепко сколочен был возвышенный круг друзей!

Выбор же их Константином Петровичем непосвященному, впрочем, показался бы странным. Что вы, например, скажете о следующем конгломерате, свободно манкирующем разграничительными принципами обычных сословных компаний: хозяин дачи (уважаемый в городе, районе и областном департаменте судья), оператор котельной (почти кочегар?), главный инженер - и.о. директора «Водоканала» (весьма солидная фирма), рядовой автоинспектор (произносится сквозь зубы... - взятчик дорог), зубной врач (изверг всех нас спасибо мучитель), врач-хирург (эскулап!), мелкий предприниматель (в привычном русском понимании - спе ку лянт), крупный предприниматель (в том же... - хапуга), житель деревни Егор (в местном речении - местная пьянь; он же - сторож дачи Петровича, он же помощник Петровичу в копке гряд, заготовщик ему дров, подручный - в ремонте автомашин и бульдозерист зимней дороги), один писатель, директор расположенного вокруг маленького совхоза, начальник следственного отдела РОВД, заведомо областной администрации, один военный пенсионер - инвалид-майор, инспектор районного филиала Госстраха. Это костяк.

Из него собирались за стол по обычным пятницам пять-семь человек; нечасто - более восьми, крайне редко - все пятнадцать. К стоворившимся пяти-семи генеральным, по желанию хозяина - и с одобрения оных - могли присоединяться на время иные, так сказать, не входящие в круг; приятные варяги, или на раз гости.

Случалось и не на раз: иной махрово рядится пол-лета; да к осени отцветет. А тот же Егор беззаботный - прекрасный люпин безвременьем увядшей деревни, в вечных кирзачах «здравствуй, село» - забрел когда-то нецеремонно, совсем не по городскому обычаю на огонек, да «при огоньке» и остался! И директора совхоза - однажды пригласили к столу чисто из вежливости (раз уж подъехал...), да так ладно подошел костяку, что сам теперь бал правил. Разные люди случались, по большинству отсеивались: компания не использовала впрямую, на что иные рассчитывали, подбиваясь, чего бы хотели, - чины, накопленные связи, возможности, авторитет друг друга. Странный конгломерат.

Вот в последнее лето к ближайшему окружению прирос новый следователь прокуратуры (год проработал в районе молодец). Приехал как-то по срочному делу, за начальником сзо, в мае, в пятницу, в поздний вечер, - да сто раз извинился, что от дела людей отвлекает, да минут двадцать из уважения к компании посидел - молча речивым, светло улыбаясь и застенчиво реагируя, - да от водки отказался, а хорошего вина стаканчик вы-пил, и окорочок с хлебушком (когда предложили) съел. (Ночь предстояла ему, кажется, отвратительная, служебная, бессонная.) На гитаре сыграл еще; душевно (когда попросили - примеч. автора).

Был зазван две недели спустя. Вдруг пришелся ко двору. (И в городе заговорили: «Ка Пэ-сан» готовит свои кадры в прокуратуре?..») Ну это зря - мальчику всего двадцать.) (Точнее, 23 года - примеч. автора) Практический такой мальчик, перспективный без протезирования; с любопытством к жизни, и умный; скромный; однако не нерешительный, когда требуется! И твердолобый: упрется бычком - не свернешь. (Тридцатилетние разведенные женщины таких любят.) Олег звали.

Вот этот-то мальчик и сыграл, что называется, роль ставящего иголки в мелодируемой здесь акупунктуре.

Вышла история.

В августе, в одну из пятниц, собрались у Петровича на даче, как обычно. Съехалось шесть человек. После бани сидели в беседке, под крышей, кутались в теплое: день выдался не го-ж. Все вдруг притихли, как заскучали. Нечто печальное витало в природе, листья уж падали - может, грусть потому?

Не слышалось смеха, баек, нашлись какие-то тихие занятия у всех. Грузный мешко-

ватый Аравик учил тоненького Олежека что-то жарить на камнях очага, Петрович им мешал - сталкивал, коптил окорочка. У стены невидимые от огня Сергей с Владимиром вполголоса разбирали геройства выпестованного Егором из черники молодого вина. Егор при хвале клокотал голосом и на кряже в бликах и ветках чудился сатиром. Сатир на колкости блеял по-козлиному, млял в кулаке бороду, просто парировал: «А идет-то приятно...» И густо дымил самосадам. Вечер быстро хладел, чувствовался близкий дождь.

Петрович заглянул в ведра (приносилась родниковая вода; запрещаем далее примечать автору), ведра пусты, передал свое занятие Сергею, решил принести воды до дождя, заранее. Огляделся: кого в спутники взять? Двести метров до родника! Олег толкается рядом. Ничем не занят? Ну и пошли.

Позвал:

- Олега-а!..

Олег эхом откликнулся:

- А?

Петрович рассмеялся добродушно:

- Как гаварыт мнэ инагда наш друг Са-ар-кисан!..

Аравик расплылся в улыбке, открывая ровные крепкие зубы, поднял руку, указуя перстом Олегу: тебе, мол, говорят, тебе. Передразнил сам себя и Петровича:

- Ти памаложе, дарагой, схади, пажалуста.

Будь так. Взяли ведра и флягу. Олег на всякий случай захватил, бросив на плечо, куртку, Петрович перекинул через руку накидку-плащ.

По очереди набирали воду, стояли, слушали, смотрели. Вдыхали всей грудью: чудесно вокруг!.. Тихая, созрела природа.

...Стесняясь, робея, даже с перехватыванием голоса - так волновался! - Олег внезапно заговорил:

- Константин Петрович, вот... Вот скажите мне!..

Возникла пауза. Петрович поднял от родника взгляд, удивился:

- Ты что? Чего тебе?!

Нервно, ломано Олег зачастил:

- ...Кнсти Петрвч... Скажите... Пжалста!.. Нет, мне у вас все здесь нравится! Но вот скажите, пожалуйста...

- Да ну чего?

- Да вот компания ... М-м-м... Наша... Только! Я вас прошу! Пожалуйста! Не рассказывайте ничего никому. Не говорите. Пожалуйста.

Петрович отставил ведро.

- Ну слушаю. Чего случилось-то? Как на духу говори!..

- Ну Константин Петрович...

- Да что ты заранее!.. Как женщина.

- Слово дайте.

- О, бог ты мой... Тьфу! Ты что, копаешь, что ль, под кого? Из своей прокуратуры...

Олег мило перепугался. Петрович еще раз удивился и замолчал. Вода была набрана, и пора, и можно идти.

- ...Пошли давай, - Петрович взял ведра, пошел. Поставил их, повернулся вдруг: - А!..

Понял тебя - валяй. Давай: валяй дальше.

Поободренный пониманием, Олег осмелел.

- Константин Петрович, вот я не понимаю просто и все: я же всего в четвертый - пятый? - раз у вас. Вот смотрите. У вас сегодня...

Петрович перебил тихонько:

- Не у меня, а у нас...

- Ну да - у нас... У вас... Начальник нашего сэо ровэдэ! И предприниматель Саркисян.

Говорят, он... Ну прохиндей из пройдох!.. Хотя мне так нравится.

Петрович начал слушать внимательнее.

- ...Преступление совершил?

- Н-нет!

- И не совершит!

- Но он же!.. Он же все деньги крутит, как!.. Ну, я не знаю, кто... Вот-вот может сорваться! Сорвется...

- Типун тебе на язык! - вскрикнул Петрович. - Нельзя так, Олег! Не каркай! Слово силу имеет - это тебе еще неведомо.

- ...Ну все равно - на грани фолла все, по лезвию ходит!.. Деньги! Кругом него все одни

деньги!

Петрович возразил:

- Не та-ак... Совсем не так! Он - любит делать деньги! У него увлечение такое. Открою тебе секрет - лет с пятнадцати. А уж - шестьдесят пять. Дед!.. Ему не жалко их - попроси на дело, сколько надо даст!..

Олег оскорбился:

- Да я?!.. Денег просить?!..

Петрович махнул рукой:

- Да я не о том...

Олег посмотрел строго:

- Но он же как бы... Плохой?..

Петрович длинно, по-коровьи, вздохнул и промолчал. Олег завелся, разошелся, дальше в дебри полез:

- ...А еще: бывший начальник ГАИ. Его же не просто так перевели, его, надо понимать однозначно: разжаловали! Турнули с должности!..

- Ох, всяко бывает, все мы люди... - едва слышимо уронил Петрович.

Олег наострил уши:

- ...Может, подсидели?..

- Нет-нет, все нормально... «Прошли...»

И - Олег «побежал»:

- ...А из котельной? Бывший завоорг райкома КПСС!.. Все его коллеги при должностях! А он!.. Станный... Теперь в церковь ходит... И сторож Егор. Как ни увижу - все, как пьян. Так и думается: «местная пьянь». А с ним сидит - из областной администрации. Ну!..

И Олег в бессилии развел руками, потом махнул рукой. Петрович опечалился, скис.

- ...Тебе что, Олег Юрьич: пре-тит?!..

Олег обиделся, завопил!

- Вот!!!.. Так и знал!!.. - завопил. - Нельзя-а ни с кем откровенно!.. Нельзя откровенно даже с ва-а-ами!.. Вообще-э уж тогда с кем!..

Отвернулся, застыл истуканом. Сердито играл желваками, сердито моргал. Пробурчал жестко:

- Да мне, может... Егор больше всех тут, это... Нравится! - Спыхватился. - Ой, извините...

Петрович тихонько добродушененько посмеялся.

- ...Егор, - продолжил Олег, - он хороший... Я вообще! Я же просто вас как бы со стороны спрашиваю, как посторонний как будто. Как вот только пришел, и впервые, и никого не знаю, только по слухам все да по именам.

Петрович обрадовался, развел ему руками, словно приглашая к чему. А вокруг лежа-ли поля?!..

- Ну так и вот?!..

Но «бычок» добивался конкретного ответа!

- ...Так я у вас и спрашиваю: как у вас такие... Почему такие друзья! Отчего? Почему так? И почему я здесь?!..

Петрович выразительно, демонстративно по-мужички, хлюпнул носом, почесал затылок, посмотрел на небо: упали первые капли дождя. А Олег продолжа-а-ал:

... -Ну - Василий Ильич, он директор совхоза, понятно... Он, конечно, фанат своего дела. Но - понятно: тут совхоз кругом, без Василия Ильича никак.

Ка Пэ тяжело вздохнул, выронил:

- ...А я-то было подумал... Ну - дура-а-ак!..

- И не дурак!!.. - уже не на шутку разволновался Олег. - Как будто словами не можете сказать! Дурак... Конечно, дурак! Вот и рассудите мне! Вы же у нас... - поискал подходящее - не нашлось слова; так вертелось привычное, что не приходило иного; и брякнул им, достал... Как только что долечки ковшиком черпал из родничка. Звякнул тем, что само сорвалось: «Судья!» И было для языка столь обычным, первознакомым.

- ...Ведро бери и пошли, судья... - рявкнул Ка Пэ. - Люди ждут.

Посыпал дождь. Пришлось одеваться. Олег застегнул куртку. Петрович расправил свою накидку-плащ. Шагнул вперед, к дому.

- Давай, Юрьич... Пора идти.

- ...Ну Константин Петрович! - взмолился тот.

- Да ну что тебе?!..

- Ну почему...

Петрович остановился, мальчик смотрел на него, ждал.

...И тогда, завернувшись в плащ-накидку, как в мантию, судья, большой веселый человек, мягкой улыбкой ответил ему: «Милый-то вы мой...»

А сказал:

- Не-важ-но-кто-хо-ро-ший-а-кто-пло-хой. Важно, кого мы любим!..

(Две недели спустя, кажется - да-да, именно так, кажется - в ночь, в вагонном купе всегда ухоженного знакомого поезда, будучи зазван составить компанию и сбившись тесно в странный конгломерат свойских попутчиков полупустого вагона - радушных, любознательных, не сонных, - как оказалось, учитель, жена военного с братом-врачом, как оказалось, - феерических любителей всего - за чаем, за бутылочкой червленого проезжая многое, и города-городки... - Волховстрой, позже Тихвин, - от размышлений над рьяно, ревностно писаным и беспечно в кругу друзей сейчас же прочтенным, сам собой родился, созрел на нашем шумно расплесканном ночном балу - за рюмкой, чай? - равногоготовый укутать всех в скуку и молодцем свить в хвалу вопрос, - забрел нецеремонно «на огонек», повис точь-в-точь, не оставив выбора, как медведь пришел за ответом.

И опять дома, - за неделю от одних выходов до других соскучась почти истерически! потому до краю-упаду, до обалдения, сладко страстно горяча теперь трясущуюся не из процедуры, а от непреходящего страха банную печь с ума лишившимся от клокотанья котлом - сдуру тут завяжусь! не моя работа! зря меня парите! - и вообще, - хоть бы проверил кто аборигена этого толком! - будь так, - то заботливым хозяином меняя ему воду, набирая ее ковшиком в ведра, нося из огражденного родника, то в угоду некоторым своим мучествам восторгом воспаряя над густым самосадам беззаботных люпинов, изумленно мстясь отшельникам увядшей деревни, то, отдыхая от болтанки недели и всего предыдущего и, тихо дозрев, едва слышимо шепча, дымком, что-то зоологическое в по полностью распахнутую дверцу печи - огоньную форточку, - а затем, как балагур и атаман ширя глаза! в состоянии какого-то безумного оплетворения от комарино-слепневой, совсем не по-городскому обычаю акупунктуры! - поножовной и хулиганской, в любые места, - но не смущаемый, не спутываемый в сей престольный час даже легким на помин и подъем, соблазнительным даже в парной, инополым присутствием, - а все находясь под ка-пэ напором и ка-пэ снисходительным оком моих пленительных людей! - наконец расплываясь в улыбке, еще, что им в чередовании полустанков и узловых, мелькании бликов и веток молча речивым и светло улыбающимся, почудилось!.. - реагируя застенчиво да бычком учась тут водить все-таки не как курица лапой самостоятельно - ведь это судьбы людские, эти бумаги, а не бумаги! И не смей там марать! - для возвышенных друзей, крепко сколоченных ценителей всего, - прибавляю.)

(За кадром, от автора.)

Скажем теперь же городу, помудрев после чтения:

что за вино пестовал? Что был за виноградарем?

Бывший судьей

судья.

Николай ТОЛСТИКОВ

ДЕНЬ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Посвящается В.

Жанна вспыхивала очередной влюбленностью, как пучок сухой травы, швырнутый в костер, и испепелялась в мгновение ока, умирая рассыпающимися в прах блеклыми стебельками.

Прежде она каждый год каталась на «юга» к теплому морю, теперь приходилось довольствоваться в лучшем случае Подмосковьем. Но и здесь желтели песочком пляжи, пусть и скромные, возле речек; стояли теплые звездные ночи; и тоже потом мускулистый сластолюбивый весельчак махал с перрона прощально рукой. Последним поцелуем курортного кавалера, до того пылкая, Жанна не одаривала - вдруг кто знакомый окажется рядом, только прикладывала пальчики к губам.

Дома, в Городке, спешила с вокзала вроде бы совсем другая женщина - в застегнутом на все пуговицы поношенном брючном костюме, со стянутыми резинкой на затылке в небрежный хвостик волосами, сгорбленная, сосредоточенная, с подпрыгивающей неровной походкой. «Восемнадцать лет» опять оставались где-то там, за горами и долами, а здесь упорно наваливался «тридцатник» с большим-большим прикидом. И только улыбка далеко не красавицы оставалась располагающей и доброй. Как же иначе?! После окончания пединститута Жанна долго работала в школе старшей пионервожатой, ныне же репортерствовала на местном радио, бегая с диктофоном по городу, как угорелая.

Она переживала о том, как ее встретит с поезда муж Василий, хотя встреча ничем не отличалась от предыдущей в прошлом году. Василий терпеливо топтался возле своей потрепанной «копейки» с букетом цветов, срезанных на собственной дачке. Жанна сама выскальзывала к нему из вокзальной сутолоки, бросив наземь сумки и забрав букет, подпрыгивала и целовала в тщательно выбритую щеку. Василий, повертев в пальцах снятые очки с толстыми стеклами, смущенно и беспомощно улыбался.

Ночью в постели, когда Жанна, подвинувшись поближе к мужу и про себя виноватясь, прижимала голову к его плечу, Василий по-прежнему лежал неподвижно, скованный, лишь слабо проводил рукой по ее волосам. «Соскучилась я»... - шептала Жанна и понимала, жалея, что хотя бы чуточку страсти не сберегла для мужа, расплескала всю щедро на курорте. А притворяться не хотелось. «Но и устала очень»... - тут же вздохнула, как бы извиняясь. Муж молчал в ответ. «Он догадывается!» - пугливо екало сердечко у Жанны, и она старательно начинала сопеть носом. Проваливающейся по-настоящему в сон, ей было и обидно - приревновал бы, что ли, муж, сказал бы что-то резкое, все лучше, чем это ледяное его спокойствие...

Жанна выскочила замуж за Василия в семнадцать лет, не по любви, назло. Парень, первая любовь, дембельнувшись из ВДВ, при встрече грубо и нетерпеливо подмял Жанку под себя, а потом - нуль внимания; девок, покрасивей и погрудастей, вилось вокруг него немало. Жанка, страдая, случайно познакомилась на вечеринке у родственников со старым холостяком. Танцевали под музыку, болтали, преимущественно - Жанна, о всяких пустяках; Василий вызвался проводить ее до дому. Всю дорогу он промолчал, Жанна трещала и смеялась без умолку, но проходя мимо дома, где жил прежний дроздецка, затихла и, проглотив застрявшие в горле слезы обиды, спросила Василия: «А вы бы взяли меня замуж?» Он, по-прежнему молчаливо, кивнул...

Бывшего зазнобу-солдатика Жанна повстречала, как говорится - по прошествии лет, у мусорного бака. Закопченного, грязного, скрюченного болезнями и напастями, бомжа она ни за что бы не узнала, коли б он не окликнул ее по имени и не назвался сам. «Вернулся вот в родные края»... - тряс он каким-то клочком бумаги. Заметив, что растерянное выражение на лице Жанны сменилось брезгливой гримаской, старый знакомый торопливо попросил мелочи, якобы на лекарство. Жанна не стала рыться в кошельке, выщипнула наугад из тощей пачечки банкнот (зарплату накануне получила) несколько, сунула не глядя в протянутую грязную ладонь и побежала прочь без оглядки.

Больше она той короткой дорогой мимо баков не ходила; вынести мусор из кварти-

ры и то отправляла мужа или сына. После неожиданной-негаданной встречи не чувствовалось ничего похожего на жалость или сострадание. Так, покарябало маленько сердечко воспоминание о минувшей юности. Жанне нравились самостоятельные, уверенные в себе, обязательно рослые мужчины. Хотя бы муж дражайший Василий, дорожный инженер. Пусть ровно ледышка в постели, но зато всегда аккуратен, внимателен, грубого слова не услышишь, и вдобавок - высокий блондин, недаром его работяги Эстонцем прозвали. И как за каменной стеной за ним.

Да вот плохо: нынешней весной, вскоре после нечаянной встречи Жанны с первой любовью, в этой «стене» брешь проломилась - для Василия протренировал первый «звончок»-инфаркт. Ни на какие курорты Жанна не поехала, все лето, в том числе и законный отпуск, провела, ухаживая за мужем и колупаясь попутно на дачке, на «шести сотках». К осени Василий оклемался и так все страдал - на строительстве дорог самый сезон, а он, как колода, лежит недвижим. Умчался, не дожидаясь разрешения врачей, на работу. Объездную дорогу возле городка строят, как же без него там обойдутся?!

Жанне тут же другая забота сыскалась. Бывшие ее пионеры давно выросли, некоторые и в приличные, так сказать, люди выбились; Жанна, случалось, интервью бегала у них брать. Но ближе всех были для нее ребята из первого ее совета пионерской дружины школы и особенно - Саша и Маша, всегдашние бескорыстные помощники. Правда, став взрослыми и поженившись, они звезд с неба не нахватили, даже мелких звездочек: Маша торговала в продуктовом магазинчике, Саша работал на тракторе в какой-то шаражке. Свадьбу они играли перед самой сашиной отправкой на службу в армию. Маша верно ждала молодого мужа, друг дружке посылали они трогательные письма. Маша даже Жанне - по-прежнему не было от нее секретов - некоторые из них показывала. И Жанна, читая чужие бесхитростные строчки, ощущала, как сердечко ее карябает чем-то вроде хорошей зависти.

Вернулся Саша из армии; с Машей своей под ручку в городском саду прогуливается - одно заглядение, всякий раз вздыхала при встрече с ними Жанна. В свое время у пары ребеночек родился; похаживали теперь, опять-таки напару, молодые супруги по аллеям сада, впереди себя колясочку подталкивая. Но не ускользнуло от профессионально-пытливого взгляда Жанны - Саша рядом с румяной цветущей женой стал выглядеть болезненным заморышем: кожа да кости, виноватая вымученная улыбка на сером лице. Что случилось, Жанна о том спросить напрямик то ли просто стеснялась или вечно торопилась куда по своим делам, при встречах лишь кивала на ходу.

Однажды услышала она молву и не поверила. Будто бы ребеночка у молодой четы Бог прибрал, с горя и от неведомой своей болезни Саша вовсе зачах, одна тень от парня осталась. Маша же, погоревав, свихнулась, что ли, - загуляла по-страшному. То у одного кавалера на неделю зависнет, то у другого на сеновале кувыркается, кобылка здоровенная. А когда домой вернется, помятая и с бодуна, мужу рта открыть не даст: уйду, мол, насовсем, брошу тебя, «чаходирого»!

Саша на работу еще кое-как бродил, и стал он вечерами возвращаться не один, прихватывал с собой кого-нибудь из машинных хахалей. Городок-то невелик, вычислить очередного «друга семьи» нетрудно, всяк пальцем укажет. Мужички поначалу упирались, отводя блудливые глаза в сторону и дивясь сашиному дружелюбию, но скоро разнюхали выгодный для себя оборот в ситуации. Саша, сидя за столом на кухоньке, после рюмки-другой беспомощно утыкался носом в тарелку с остатками закуски и засыпал. А может, притворялся.

Из проема двери в соседнюю комнату выглядывала из-под занавески Машка и нетерпеливо манила пальчиком к себе гостя. Тот все-таки остерегался спящего хозяина, но потом ничего, входил в раж... Будто бы целая очередь желающих вскоре образовалась, хотя трепаться-то мужики еще те мастаки. Тем более, Саша неизменно всегда просыпался, когда уже гость благополучно исчезал из его жилища. Растрепанная, раскрасневшаяся, в кое-как запахнутом халате, Машка, зачерпнув из ведра холоденки и жадно хлебнув, выжидающе насмешливо косилась на мужа. Саша, пьяно всхлипнув, сползал со стула на пол и обхватывал руками машинные колени:

- Машенька, не бросай меня, не уходи! Все для тебя сделаю, на все готов! Люблю тебя!..

Жанне не хотелось верить этим сплетням, добровольными любителями старательно разносимым по городку, она уж собиралась пойти навестить Сашу с Машей, чтобы разузнать толком, что да как. И удержалась, не смогла. Да и не до того стало...

На литературный праздник, посвященный памяти поэта-земляка, из областной сто-

лицы в городок нагрязнула делегация писателей. Среди сыплющих песочком старичков Жанна сразу заметила бородатого, в самом цвету, мужичка. Он и песни под гитару пел, и стихи читал, поблескивая в широкой улыбке чередой белых крепких зубов. Жанна, любуясь его поджарой, мускулистой фигурой, тут же нежно окрестила его «белозубиком» и, разумеется, положила глаз.

В перерыве она шустро подлезла к барду с диктофоном, а когда официальная часть праздника продолжилась застольем на «задах» клуба, оказалась с «белозубиком» рядом. Жанна втихую пробовала пописывать стишки, никому никогда их не показывала, а тут появилась возможность в этом признаться. Бард понимающе кивнул и оценивающе взглянул на свою соседку. Разгоряченные питьем и пляской под гармошку гости вывалились из клуба в прохладу августовской ночи. Жанна и «белозубик», взявшись за руки, убрели за околицу и там жадно, взахлеб, целовались, тиская в объятиях друг друга...

«Белозубик» появился внезапно, все так же неотразимо сияя улыбкой и встряхивая смоляной, с проседью копной кудрявых волос: «Творческая командировка!» Постоял на пороге редакционного клетушки-кабинета, любуясь, довольный, ступавшейся Жанной. Робкий девчоночий румянец покрасил ее щеки; она, будто пытаясь спрятаться, плотнее вжалась в задрипанное кресло.

«Это дроля мой кудрявый,
В черных кольцах голова.
Он налево и направо
Сыплет золото-слова!»

Скоро Жанна пышкаться перестала, защебетала радостной весенней птичкой. И начала лихорадочно соображать, где бы приискать надежное пристанище себе и кавалеру. У нее было немало приятельниц и просто знакомых, но ведь не каждой доверишься: еще какие сплетни по городку потом расползутся!

«К Ритке Качаловой! Только к ней!» - твердо решила Жанна. - Не проболтается бывшая одноклассница и старая подруга, не должна». Только получалась закавыка: Ритка жила в соседней пятиэтажке. Но и тут выход обозначился: Ритка до позднего вечера была на работе, а в темноте следом за подружкой нетрудно будет и с кавалером проскочить. Да и Эстонец с сыном ремонтировали домик на даче и вроде бы собирались там ночевать.

И еще одно преимущество - Ритка заведовала клубом для слепых. Предприятие, где бедолаг прежде приобщали к общественно полезному труду, благополучно загибалось, но клубик, деревянный барак, еще функционировал, благодаря своей бойкой заведующей. Вот и сейчас в крохотном зальце за длинным столом заседала компания слегка подвыпивших незрячих старичков и старушек. Под звуки гармошки они увлеченно напевали про «золотые горы». На Жанну и ее спутника никто внимания не обратил, быть узнанной не стоило и опасаться.

- День пожилого человека! Гуляем вот! - крашенная под густой «каштан», в водолазке и джинсах, заманчиво обтягивающих еще стройную подбористую фигуру, вывернулась навстречу из-за стола Ритка.

Испытующе стрельнула глазами в сторону «белозубика» и, натолкнувшись на просящий взгляд Жанны, с пониманием дернула уголком подкрашенного рта. Запоздалые, искусственно-бодрые слова: «Рита, а мы к тебе в гости собрались!» - были уже ни к чему. Все с той же усмешечкой на тонких губах Ритка, знакомясь, крепко сжала, а потом пощекотала внутри «белозубику» ладонь.

- Мальчики и девочки! - обращаясь к старичкам, как к детям в детсаде, возвысила она голос. - Заканчиваем! Пьем на «посошок»!..

Ритка прежде долго сожительствовала с одним милицейским чином, из замполитов, соблазнив застарелого холостяка своими незатасканными прелестями. Детей у них не завелось, но, видно, по причине нещадной эксплуатации молодой подругой подполковник закончил карьеру досрочной пенсией и домом инвалидов, куда Ритка сплывала его без особой жалости. А кое-кто утверждал, что бывший замполит, отчаявшись втолковать сожительнице о ведущей и направляющей роли КПСС, сам сбежал от ее назойливых ласк в глухую деревню к престарелой матери.

Ритка одна в немаленькой квартире унывать не стала, пожила-пожила, да и пригрела молоденького парнишку. От него и дочку родила. Только доморощенного «жиголо» ей пришлось выставить за двери и с треском: в отличие от первого мужа, который все, что можно и нельзя, волок в дом, этот гаденыш потащил из дома. Больше постоянных и дол-

говременных связей Ритка ни с кем не заводила и от осторожных вопросов Жанны на эту тему отшучивалась грубовато: зацепила, мол, для здоровья кого-нито раз в месяцок - и довольно, ни о чем голова не болит...

На улице стемнело. По дороге домой Ритка забрала из садика дочку и повела гостей кратким путем, безлюдными закоулками, не боясь закупаться в грязи - подмерзло. Жанна с молчаливой благодарностью думала о подруге. И дома, в квартире, Ритка долго не рассусоливалась, быстренько улеглась спать с дочкой в детской комнате, щедрым жестом предоставив гостям свою спальню с широченной скрипучей кроватью и огромным ящиком старого телевизора.

При голубоватом мерцающем свете экрана Жанна разделась и, зябко вздрагивая и по-девичьи стыдливо прикрывая ладонями маленькие невзрачные свои грудки, потянулась к «белозубику», подставляя губы для поцелуя. Но тут в кармане джинсов зажужжал, а потом залился резко трелью мобильник. Жанна испуганно отпрянула: «Вот дура, забыла отключить!» Звонил сын. Слушать телефонные трели, стоя в замешательстве с прижатой к груди, смятой в комок одеждой, ей скоро стало невмоготу, да и Ритка, показалось, беспокойно завопилась за стенкой. Жанна ответила.

- Мама, ты где?! Мы с папой с дачи вернулись, замерзли.

- Я задерживаюсь... по делам. Приду, приду!

Она почувствовала, как от стыда кровь прихлынула к лицу. Недавний пыл тут же угас; «белозубик» это уловил и разочарованно, обиженно отвернулся к стене, кутаясь в одеяло.

- Я вернусь утречком рано. Ты подожди, не обижайся, милый. Поспи тут...

И она привычно торопливо поцеловала его в лысеющую макушку, точь-в-точь как мужа Василия.

Прибежав домой, Жанна принялась печь блины, впопыхах обожглась не раз, но, похоже, мужская половина ничего не заметила и уплетала их за обе щеки. Вскоре уставшие домочадцы залегли спать; Жанна тоже прикорнула на краю кровати, но сон не шел долго...

Утром двери открыла Ритка - с взлохмаченной головой и в небрежно запахнутом халатике, накинутом на голое тело.

- А-а, подруга... - она с ехидцей ухмыльнулась. - Хочешь успеть на два фронта? И тут и там? Вон он, голубчик, лежит и дожидается. Иди, может, и для тебя что-нибудь да осталось!

«Стерва!» - чуть не крикнула ей в лицо, догадавшись обо всем, Жанна и стремглав, едва не потеряв каблук, сбежала по лестничным ступенькам обратно на улицу. Она помчалась куда-то, не разбирая дороги, наткнувшись на встречных прохожих; впрочем мало кто из них этому и удивлялся: опять понеслась репортерочка за хорошей или худой вестью, по радио узнаем.

Выбившись, наконец, из сил, Жанна уединилась на старой скамье в зарослях кустов на речном берегу.

«И он-то как мог?! - подумала про «белозубика» зло. - Хотя Ритка оторва еще та, любому башку в два счета закрутит, потом проглотит и выплюнет. Да и мужики все, кобели, одинаковые». Жанна начала мысленно представлять себе одного за другим всех бывших своих курортных красавцев, сбилась, запуталась. И верно: все - на одно лицо, даже забыла, как их звать. Вспомнила, почти вновь ощутила тепло мужниного плеча, когда под самое утро, положив на него голову, забылась ненадолго после бессонной беспокойной ночи...

Здесь, на речном берегу, было тихо, городской шум отдалился: слышно даже, как при порыве ветра мелодично позвякивает отвязавшимся «языком» колокол на звоннице церквушки над речной излучиной. В этом недавно открывшемся храме Жанна буквально на днях брала интервью у настоятеля. Он был молод, скупко отвечая на вопросы, смущенно щипал пальцами реденькую свою бородку и для пушей солидности старался говорить басом, срываясь на тенорок. И, видимо, куда-то спешил. Жанна поняла причину, увидев вошедшую в храм новобрачную пару; совсем юная невеста была в немислимо пышном, в оборках и кружевах, подвенечном платье, вызывающе роскошном для унылых, с обсыпавшейся штукатуркой, кирпично-голых стен пустынного нутра храма. Галдя, вытаскивая на ходу кинокамеры и фотоаппараты, ввалилась толпа родственников и гостей.

- Венчание сейчас будет, понимаете? - замялся батюшка.

- Ничего, я подожду, потом договорим, - Жанна выключила диктофон и осведомилась, кивнув на стоявших перед аналоем новобрачных. - Надолго это?

- Дай Бог, на всю жизнь!..

«Вряд ли! - пытаюсь разглядеть кукольно-безучастное личико юной невесты, усомнилась Жанна. - И разве не дань моде это все?...» Она усмехнулась, морщась от слепящих бликов фотовспышек. Где-то в глубине храма запел хор, гости притихли, и когда облаченный в белые ризы торжественно-важный священник стал обводить молодую пару сияющими венцами на головах вокруг анаоя, Жанну укололо что-то вроде зависти. Вроде той, полузабытой - над строчками писем бывших подопечных Саши и Маши...

- Вы обвенчайтесь с мужем-то! - предложил Жанне, прощаясь, священник, опять в своем черном одеянии ставший похожим на жердь в балахоне.

- Мы уж прожили почти двадцать лет! - ответила с горьким смешком Жанна. - Поздно!

- Это никогда не поздно... Была бы любовь!..

Во всем, что касалось мужа Василия, и в большом, и в мелочах, она привыкла действовать решительно и бесповоротно. Вот и сейчас Жанна резко поднялась со скамьи, где еще минуту назад вытирала мокрые глаза и втихомолку кляла супостаточку-подругу и всеядного «белозубика». Василий с утра собирался на прием к врачу: после работы на даче опять зашало сердце - да и разве усидел бы он там, чтобы хотя бы гвоздь во что-нибудь не заколотить. Муж уже вернулся домой, поднял с ожиданием близоруко-беспомощные глаза на влетевшую с улицы жену.

- Вася, нам надо обвенчаться! - Жанна, как обычно, сообщая о безоговорочно ею решенном, не давала мужу опаматоваться. Она успела по дороге домой забежать в храм и договориться обо всем с долговязым батюшкой. - Завтра же идем!

- А мне вот в больницу предложили лечь... Только для профилактики! - поспешно, словно успокаивая капризного ребенка, добавил Василий, заметив, что Жанна начала хмуриться. - Малыш, но я к нужному времени обязательно подойду куда надо...

Жанна, собрав кое-какие вещички, проводила Василия до здания больницы и потом, ночью, долго не могла заснуть. То вспоминалось что-то из совместной с Василием жизни, причем больше - хорошее, а не размолвки по пустякам, то Жанне хотелось забежать мыслями вперед и представить себе завтрешнее венчание в церкви. Она не была верующей, впитанный с младых «пионерских» ногтей атеизм бессознательно обитал в ней и заставлял стыдливо сторониться «всего этого» - церковного, ей непонятного. Но и было в предстоящем венчании пугающе-сладостное, заманчивое: вот так вот, с Василием, с одним-единственным на всю жизнь, что еще оставалась. Только с ним, самым близким...

Чередой стали проплывать ухмыляющиеся, самодовольные мужские физиономии; Жанна, брезгливо морщась, поспешила отогнать неприятное, не к месту, видение, опять вспомнила о том, как задремала успокоено прошлой ночью на мужнином плече, и с тем ускользнула, наконец, в сон...

Таинство венчания начиналось буднично, без помпы и торжественности, может, потому, что не толкалась тут толпа зевак. Жанна с Василием, священник, за полотняной загородкой в углу пробовавший голоса хор, да приглашенный коллега из телерадиокомпании с кинокамерой в руках - вот и все. И то он оказался лишним: Жанна, теща свое репортерское тщеславие и желая увековечить событие, скаялась потом, услышав снисходительно-насмешливый его шепот: «Ты для моды, старушка, все это затеяла или чтоб муженька удержать?!»

Перебарывая досаду, Жанна попыталась вслушаться в малопонятные ей тексты молитвословий, которые нараспев произносил священник, уловила и все-таки поняла изречение из «Апостола»: «Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут два в плоть едину» И еще: «А жена да боится своего мужа».

Она с улыбкой посмотрела на стоявшего рядом с ней Василия, кажущегося, как обычно, совершенно безучастным ко всему происходящему, и заметила вдруг, что пламя высокой, с позументом, венчальной свечи, зажатой в руке мужа, лихорадочно колеблется, готовое вот-вот затухнуть. Рука Василия дрожала, да и еще как! Он в ответ Жанне тоже заулыбался, виновато, растерянно, может быть, так в первый раз за всю прожитую совместно жизнь.

До ехидных ли тут ухмылок и колких словечек коллеги-репортера с видеокамерой! Жанна, счастливая, напрочь забыла обо всем на свете, когда рука об руку с Василием, с венцами на головах, под песнопения хора они следом за священником пошли вокруг анаоя с книгой святого Евангелия на нем...

Поздний вечер того же дня помнился потом Жанне жутким кошмарным сном. И был

горькой явью... Надо было уговорить Василия идти ночевать в больницу, но разве до этого тогда было, да и сам бы он вряд ли бы туда отправился! После выпитого шампанского, поцелуев и ласк, между прочим, давно и основательно подзабытых супругами, Василий в объятиях Жанны вдруг вздрогнул и сник, расплосованный болью изнутри.

- Плохо мне... Ты не беспокойся!

Но Жанна, уже вскочив с кровати, металась по комнате: то искала таблетки, то хваталась за трубку телефона, пытаясь дозвониться до «скорой». «Карета» долго не ехала, Василию становилось хуже и хуже; Жанна, в кое-как накинутом на тело халате, выскочила на лестничную площадку и в истерике принялась звонить к соседям, моля о помощи... «Скорая», наконец, приехала; молодой детина-фельдшер грубовато сказал Василию в ее тесном салоне:

- Чего разлегся, папаша? Подвинься-ка!

И это последнее, через силу, движение Василия - до сих пор мнилось Жанне! - оборвало ниточку ко спасению.

Боль утраты стала понемногу запрягиваться куда-то вглубь: Жанна перестала вечерними часами сидеть в одиночестве на кухне и, не отрываясь, смотреть на портрет мужа или же через день приходить к свежему холмику на погосте и, положив к подножию памятника цветы, молча глотать слезы. Непоседливая репортерская работа по-прежнему увлекала ее, давая возможность на какое-то время забыться.

Но вот забрали сына в армию, и Жанна осталась совсем одна, прежняя утрата стала еще горше. Не хотелось возвращаться в пустую квартиру, где никто не ждал. Лицо Жанны осунулось, постарело; она усохла, одна тень, даже знакомые не всегда сразу узнавали. Стала Жанна заходить и в храм, тот самый, на берегу, а до недавнего времени даже проходить мимо избегала: не хотелось будоражить воспоминания. И все же пересилила себя, теперь уже с робостью, а не праздного любопытства или ротозейства ради, шагнула в его тихий полумрак. Постояла у иконы Богородицы, затеплила свечу, не зная слов молитвы, просто искренне попросила за сына - может быть, служит он где-то в «горячей точке», а не напишет, промолчит - весь в отца. Зажгла свечу и на панихидном столике; поглядывая на поблескивающее металлическое распятие, помянула Василия...

На работу и обратно она по-прежнему ходила по тропинке вдоль речного берега; минувя то место, где в прогале между зарослями деревьев и кустов виднелся храм на другом берегу, поозиравшись, торопливо крестилась на него, но вниз, к воде, где все еще чернел полуразломанный остов старой скамьи, никогда не спускалась.

Однажды, припозднившись, Жанна бежала домой в июньских светлых сумерках и там, возле скамьи, заметила странно копошившихся людей. Впрочем, там все время кто-то терся: то пьянчужки, то мальчишки, то и парочка влюбленная. Ясно было, что комашка тут обретаётся отнюдь не трезвая, через слово - мать-перемать, и Жанна, ежась от омерзения и страха, прибавила уже шагу, но что-то заставило ее остановиться. Может, показавшийся знакомым женский голос, правда, пьяный и противно визгливый. Она присмотрелась и обомлела. Двое бомжеватого вида мужиков тормозили молодую женщину; она, пьянувшая вдрызг, развалясь на скамье, мычала только невнятно и слабо отбрыкивалась от них. Потом тяжело, грузно плюхнулась на землю. Мужички еще постояли над ней недолго, мотаясь из стороны в сторону и не решаясь, видать, к ней склониться, чтоб самим не рухнуть рядышком, и побрели, чертыхаясь, прочь: «Толку-то от нее?!» Жанну они не заметили, поскольку сами едва не ползли на брюхе.

Жанна, переждав их, осторожно спустилась к скамье и несмело попыталась хотя бы пошевелить дебелое расплывшееся тело бесчувственной Машки. Поднять ее и поставить на ноги не хватало сил. Жанна вскоре выдохлась и опустилась беспомощно на траву рядом с Машкой, положив ее голову себе на колени. Машка бессмысленно тарачила зенки, и кто весть, сколько еще надо было времени, чтобы она мало-мальски пришла в себя? Оставалось оборонять от редких еще комаров себя и свою бывшую подопечную, про которую в горе своем было совершенно забыто. И такая вот встреча...

Жанна поначалу вздрагивала от каждого шороха в кустах: вдруг те алкаши возвращаются или еще какая напасть жалует, но потом, прислушиваясь к тихому журчанию речной воды на стремнине, посвисту ночных птах, глядя на белеющий над излучиной реки храм, она поуспокоилась и стала ждать рассвета.

Игорь ВАГАНОВ
ТРЕЗВАК

Роман

Глава 1. НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Это случилось более десяти лет назад, когда я из сельской больницы перевелся в Жердянскую ЦРБ на должность участкового терапевта. Жена устроилась на работу в аптеку (она по профессии - фармацевт), для дочери удалось получить место в детском саду. На первое время предоставили нам комнату в малосемейке и поставили в очередь на квартиру. Короче, жизнь помаленьку налаживалась.

А я лично словно на другой планете оказался. Не надо вздрагивать по ночам от шума случайного автомобиля: «Может, зовут к больному?» Исчезли вечные проблемы с бензином для санитарной машины, разбирательства с пьяными истопниками и хитроватым завхозом. Остался в прошлом бесконечный поток приказов, инструкций и прочих ненужных бумаг, которыми мне приходилось заниматься как главврачу участковой больницы. Теперь я - только врач, у меня есть свой участок, строгие часы работы, а прочее - забота администрации.

Одно плохо - денег не хватало. Получал я в поликлинике всего 135 рублей «грязными», а совместительства пока не давали - не было свободных ставок. Чего-чего, а нытиком я не был, милостей никогда не ждал, надеялся лишь на самого себя. Работать неопределенное время на одну ставку я не собирался и, немного осмотревшись, начал энергично искать возможный приработок. Тут-то и подвернулась мне шабашка в медицинском вытрезвителе: ушел на пенсию один из фельдшеров и на освободившееся место приняли меня. Так я стал работником антиалкогольного фронта.

Незабываемое первое дежурство. Инструктаж. Знакомство с документацией.

Медвытрезвитель помещался в одном здании с районным отделом милиции. Правда, имелся отдельный вход. Страшная теснота: три комнаты для клиентов, кабинет начальника и приемная - небольшое помещение размером три на четыре метра. Обстановка в приемной скудная, точнее - нищенская: деревянная кушетка, сейф с документами, сейф с медикаментами, несколько стульев и два стола - для медработника и дежурного офицера.

Сегодня на смене лейтенант Рыбалко - высокий плечистый блондин примерно одного со мною возраста. Аккуратист, коммунист, карьерист (забегая вперед, замечу, что лейтенант здесь долго не задержится - пойдет на повышение). За помещенными в палаты (слово «камера» тут не употребляется - вытрезвитель считается медицинским учреждением) пьяницами присматривает старшина Володя - средних лет двухметровый флегматичный верзила. И наша «группа захвата» - два сержанта и водитель, которые на старом автофургоне собирают по райцентру упившихся граждан.

Первыми посетителями оказались два работника пилорамы. Прихватили их в парке, на травке, за распитием очередной поллитровки водки. Моя задача - определить степень опьянения, исключить болезни и травмы, препятствующие помещению в медвытрезвитель. Немного волнуясь, я приступил к осмотру. Один из них, небольшого роста, от выпитого зелья шаркался из стороны в сторону. Травм не наблюдалось.

- Средняя степень опьянения. Оформляйте, - сказал я дежурному офицеру.

Пообещав при случае распилить меня на тонкие фанерки, клиент пошел отдыхать. Второй был здоровяком - из таких, кто ведро водки выпивает и ни в одном глазу. И хотя пил он со своим собутыльником на равных, но выглядел не в пример трезвее. Он без труда выполнил все предложенные мной тесты. Легкое опьянение. В медвытрезвитель он не подходит, о чем я и сообщил Рыбалко. Тот недовольно поморщился.

- Легкое опьянение, - повторил я, решив с самого начала настоять на своем, чтобы не превратиться в мальчика на побегушках.

Работа закипела. Заведение постепенно наполнялось разношерстными поклонниками Бахуса. В пустынных недавно палатах зазвучали брань, пьяные выкрики и сочный

храп...

Вечером из дежурной части привели хулигана - затеял драку на улице. Это был восемнадцатилетний молодчик с длинными грязными волосами и грубыми манерами. Пьян изрядно. Агрессивен. К вытрезвлению годится. Юнец заупряился.

- Не буду раздеваться... Пошли все...

Старшина печально вздохнул, подошел поближе... И, подцепив своими ручищами одежду юнца, разом стащил все - и пиджак, и рубаху - через голову. Только пуговицы отлетали в разные стороны. (Это у Володи называлось - «вывернуть душу наизнанку».) Затем подобным маневром он стащил брюки с ботинками. Ошарашенный такими изысканными манерами хулиган послушно ушел на указанное место. А потом наступило затишье, и несколько часов мы провели в приятном безделье.

Ближе к полуночи решили разгрузиться. По инструкции на вытрезвление клиента полагается не менее трех часов, и тех пьяниц, кто успел за это время обрести благоприсойный вид, мы отпустили домой. Остались самые упившиеся. И когда я поглядывал на часы, рассчитывая вскоре часок-другой подремать, позвонили из гостиницы - буянит пьяный постоялец. Рыбалко послал машину.

Привезли пузатого лысого мужчину в дорогом костюме, при галстукке. Какой-то чиновник из областного центра. С пьяной заносчивостью он еще с порога объявил, чтобы все мы готовились к увольнению. Я молча осмотрел доставленного: движения неуверенные, походка шаткая, раскрасневшееся недовольное лицо с блестящими «масленными» глазами. Средняя степень опьянения бесспорная.

- Раздевайтесь.

- Вам это... так не пройдет, - нетвердым голосом промычал тот и медленно стащил пиджак. Видимо, понял, что сопротивляться бессмысленно.

А я обратил внимание на его зубы - неестественно белые и ровные. Скорее всего, съемные протезы. Оставлять их по инструкции у пьяного нельзя - могут во сне выпасть и закупорить глотку.

- У вас во рту протезы? - спросил я напрямик.

- Да... челюсти, - нехотя ответил тот.

- Вынимайте.

- Не дам! Это без-з-образие... Издевательство над личностью!

Рыбалко вопросительно взглянул на меня:

- Может, оставим зубы?

Хорошо быть добреньким за чужой счет! Здоровье клиентов в вытрезвителе - прежде всего забота медработника, и рисковать из-за какого-то пьяного беззубого чинуши я не собирался. Взяв в руки металлический шпатель, я выразительно кивнул старшине. Вдвоем мы моментально уложили строптивца на кушетку, и я, невзирая на вопли и призывы к гуманности, ловко извлек шпателем обе челюсти. Утратив столь важные запчасти организма, толстяк загрустил и отправился спать.

Ночь прошла спокойно. Утро в медвытрезвителе - оно у каждого свое. Позевывая от недосыпа, мы с Рыбалко подводим итоги - десять человек за смену. Очень неплохо для районного медвытрезвителя. Наш начальник, капитан Качалкин, в качестве неофициального плана рекомендует помещать хотя бы шесть клиентов. Значит, мы сегодня на высоте!

В палатах стоит густой запах пота и мочи. Протреззевшие постояльцы один за другим облачаются в одежды. Их трясет от абстинентного синдрома. На лицах - с трудом скрываемое желание скорейшей опохмелки.

Приезжий чиновник уплатил за услуги вытрезвителя и получил назад остатки денег и обе челюсти. Сейчас он, тихий как мышка, чуть слышно топчется в коридоре. Вчерашний гонор пропал, на лице - заискивающая улыбка. Толстяк ждет нашего начальника - будет упрашивать капитана не посылать сообщение по месту работы. Иначе хоть «караул» кричи - могут понизить в должности, а о перспективах карьеры и говорить не приходится.

Проверив документацию - не забыл ли чего! - я неторопливо собираюсь и выхожу на улицу. Вздремнуть бы еще пару часиков! Но это нереально - сегодня у меня утренний прием в поликлинике.

Глава 2. КЛИЕНТ С ПРИВИЛЕГИЯМИ И БЕЗ

Идет четвертый месяц моей работы на антиалкогольном поприще. Новизна первых впечатлений сгладилась. Я постепенно втянулся в беспокойную жизнь медвытрезвителя

и теперь относился к нему как к обыкновенному медицинскому учреждению, только с несколько специфическим контингентом больных. (Алкоголизм, да будет вам известно, не только социальный порок, но прежде всего коварное заболевание, формирующееся постепенно, шаг за шагом, и лечится он длительно и очень часто - безрезультатно.) Для пользы дела я не поленился повторить институтский курс наркологии, и совместно с постоянной практикой это стало приносить заметные успехи. Теперь я не стремился проводить полностью все тесты - мне достаточно было взглянуть на походку человека, на его движения, глаза, речь.

Седьмое ноября стало первой «красной» датой, которую мне пришлось встретить в стенах медвытрезвителя. Праздник в те годы проводился с большой помпой, с обязательной для всех демонстрацией и традиционными застольями после оной.

В начале дежурства капитан Качалкин, одетый в щегольскую парадную форму, долго и нудно читал политинформацию о международном положении и происках империалистических держав. Потом он погладил свое уверенно выпиравшее брюшко, сложил бумаги в портфель, поздравил коллектив с праздником и в приказном тоне посоветовал нам сегодня уменьшить служебное рвение и брать только лежащих или ползающих. Мы не возражали.

После демонстрации и праздничного митинга трудящиеся массы разошлись по домам, а наш автофургон отправился в традиционное турне по центральным улицам и значным местам. Поездка оказалась неудачной - народ еще сидел за столами, и «группа захвата» ни с чем воротилась назад. Водитель заявил, что он лучше займется ремонтом.

Ремонт - дело необходимое. Со стола в приемной убрали все бумаги, приготовили закуску и две бутылки водки. Надо почтить память героев революции! Литр на шестерых мужиков - пустяки, водка исчезла в мгновение. Мы с лейтенантом откололись: Рыбалко ушел в дежурную часть, а я решил поспать в соседней палате.

Проснулся я под вечер. Старшина с экипажем фургона резались в карты. Судя по пустым бутылкам, они «уговорили» еще литр водки, хотя по внешнему виду на пьяных не смахивали - движения уверенные, запаха почти нет - чем-то зажевали, только глаза выдают неестественным блеском. Настроение у них - самое развеселое, и сидеть они так смогли бы сколько угодно. Но тут пришел лейтенант и все испортил: водителя отправил в гараж ремонтировать машину, а сержантов - на патрулирование улиц...

Вскоре в коридоре затопали, закричали, заругались - ведут клиента. На пороге нарисовалась тройца: два приземистых плотных сержанта и меж ними - взъерошенная длинная фигура пьяного интеллигента (очки, шляпа, долгополое пальто). Интеллигент нецензурно выражался и стращал нас всевозможными карами. И эти угрозы не были пустыми - в доставленном пьянице я с удивлением распознал здешнего председателя поселкового совета, в народе называвшегося «мэром».

- В нетрезвом виде шатался по проезжей части дороги, - доложил черноволосый сержант Саша. - Создавал помеху движению и возможность аварийной ситуации.

- Сопrotивлялся, оскорблял словами, - добавил его напарник, рыженький Паша.

- Замолчите, остолопы! - рявкнул на них высокопоставленный клиент.

Будь это простой смертный, разговор с ним получился бы короткий - ночь в медвытрезвителе, а потом, возможно, десять-пятнадцать суток отсидки в местном ИВС (изоляторе временного содержания). Но... «мэр» относился к районной номенклатуре, даже - к верхушке районной номенклатуры, а с этой публикой мы обычно не связывались, подчиняясь очередному негласному распоряжению начальника медвытрезвителя. «С начальством ссориться - все равно что против ветра мочиться!» - говаривал капитан Качалкин. Умен наш капитан, осторожен в поступках. Но и лейтенант Рыбалко, несмотря на молодость, в предусмотрительности не уступит капитану. Пропустив мимо ушей нелестные высказывания пьяного «мэра», он сразу снял телефонную трубку. «Звонит Качалкину», - догадался я.

- Отпустите гражданина, - распорядился лейтенант после краткого телефонного разговора.

Все ясно - капитан Качалкин решил не осложнять своей карьеры. В подавленном настроении сержанты стояли у окна и от нечего делать глазели на прохожих.

- Вон пьяный идет, качается, - заметил дальновзоркий сержант Саша. - В кармане - пузрырь «красного». На вокзал повернул. Сейчас выпьет, «созреет» - и можно брать.

Действительно - мужчина вошел в помещение железнодорожного вокзала. Через полчаса сержанты деловито поднялись - пора за клиентом...

Невысокий худосочный мужчина, которого под руки привели сержанты, уже вполне дошел до необходимой кондиции: передвигался медленно, с опаской, словно на неустойчивой палубе морского судна, куртка расстегнута и серенький в полоску пиджак залит красным вином.

- Ши-ш-ш-кин, - представился он. - Из деревни Шиш-ш-кари. К теще еду.

Мужчина не шутил - по паспорту все сходилось.

- У нас... вся деревня... Шиш-ш-кины, - похвастался клиент и, окинув взглядом приемную, уселся на кушетку.

- Раздевайся, приехал, - сказал Рыбалко.

Шишкин раздеваться не пожелал. За дело взялся старшина Володя: куртку, пиджак и рубаху стащил через голову (как обычно, одним движением), вытряхнул мужичка из штанов - и пожалуйста в палату, на коечку. Шишкин спать не хотел. Пинал пятками в дверь и забористо, по-деревенски, ругался.

- Ты головой попробуй. Головой, - дал дельный совет старшина.

Володя, при всей своей недюжинной силе, был человек добродушный, задержанных зря не бил, не обзывал и обычно только позволял себе короткие шутливые высказывания. Но подвыпившие клиенты обычно воспринимали его шуточки сильнее самых грубых оскорблений. Удары в дверь усилились. Но, как известно, излишек спиртного всегда ослабляет. Вскоре Шишкин выдохся и затих. Володя посмотрел в маленькое смотровое окошечко.

- Сломался, - прокомментировал он. - Теперь до утра продрыхнет.

Немного погодя в соседней палате улеглись спать и оба сержанта - устали за день. Старшина с лейтенантом вытащили шахматы, а я открыл детективный роман...

После полуночи Рыбалко отпустил «группу захвата» домой. Мы остались втроем. Тишина. В дальней палате чуть слышно похрапывал Шишкин. Не пора ли и нам на боковую? Наши крамольные замыслы сорвал приезд патруля - доставили пьяного. Взяли его после танцев у клуба - слегка побитого, исцарапанного. Мужчина был высокий, крепкий, под стать нашему старшине. Одет в хороший костюм, плащ, но почему-то в одном ботинке.

- На меня напала шпана! - горячился он. - На танцах, точнее - по окончании их. Требую разыскать и наказать.

Для начала я оценил опьянение - легкая степень. Не вступая в дискуссию с пьяным, я объявил патрульным свой вердикт:

- Не берем.

Патрульные обиделись - зря, что ль, тащили! - и позвали дежурного по райотделу. Пришел капитан Алешин, прозванный «Менялой» за свое патологическое пристрастие к различным обменным комбинациям: увидит у сотрудника красивые часы или зажигалку и уже не отвяжется, пристанет, как репей: «Давай меняться!» В свои сорок лет Алешин мечтал получить звание майора и потихоньку доскрипеть до пенсии. В сущности, это был безвредный, обремененный семьей служака, из тех, кто «пороха не выдумает», но лямку тянет долго и безропотно. Алешин знал - приказывать мне бесполезно. Экспертизу опьянения в медвытрезвителе по инструкции проводит медработник и никто более. Демонстративно меня не замечая, капитан повернулся к доставленному.

- Кто такой?

- Как стоишь, капитан, перед майором Советской Армии! Выпрями спину, уברי брюхо! - неожиданно рявкнул тот хорошо поставленным командным голосом. - Из Москвы я.

Капитан насторожился.

- У вас есть документы?

- С собой нет.

- Тогда отвечайте на вопросы.

- На каком основании? Ты... шибздик, - совершенно не к месту брякнул мужчина, чем очень обидел низкорослого Алешина.

Капитан покраснел, в глазах засверкал нехороший мстительный огонек.

- Хулиган. Я тебя научу приличным манерам. Если вытрезвитель его не берет - поведем на экспертизу в больницу. В машину его.

Уже на улице произошла некрасивая сцена (я наблюдал из окна): майор заупрямился, стал вырываться из рук патрульных и ненароком задел локтем Алешина. И разбил губу. Меняла разозлился всерьез. Майора ткнули дубинкой в солнечное сплетение, заломили за спину руки, надели наручники. Еле-еле его запихали в задний отсек милицейского «козлика» - майор сопротивлялся даже в наручниках, за что и получил еще удар дубинкой. Наконец дверь захлопнули. Прижимая к губе носовой платок, Алешин сел рядом с води-

телем. Уехали.

- Теперь мужичку хана, - резюмировал лейтенант Рыбалко. - Алешин за свою губу раздует дело, может и про 191-ю статью вспомнить. Переведут вояку в какой-нибудь дальний гарнизон.

Через час машина вернулась. Задержанного, все еще в наручниках, перевели в дежурную часть. Значит, в больнице тоже поставили легкую степень опьянения. Из любопытства я решил зайти в дежурную часть. Майор от всей этой суеты стал почти трезвым. Агрессивность и заносчивость исчезли, но держался он с достоинством, без подобострастия, как и положено офицеру. Уразумев, что «плетью обуха не перешибешь», он кратко сообщил свои данные, объяснил, что приехал в гости.

- К кому? - оторвался Алешин от составления протокола.

В ответ прозвучала фамилия военкома. Военком в районе - фигура не из последних. После некоторых колебаний - все же два часа ночи! - Алешин решил позвонить. Задержанный не соврал - да, майор, учится в Академии Генштаба, бывший сослуживец нашего военкома. С майора сняли наручники, и он с наслаждением стал растирать онемевшие запястья.

- Ну, твое счастье, майор. Выкрутился, - Меняла резким движением скомкал и бросил в урну начатый протокол допроса.

Вскоре приехал военком и забрал своего приятеля. Майору крупно повезло. У капитана Алешина заканчивал школу сын-оболтус, в институт ему не поступить (успеваемость слабая), значит - не за горами служба в армии, и портить отношения с военкомом - глупо. Про разбитую губу капитан наверняка забудет, шуметь не станет и занесет этот эпизод в свой актив.

Я вернулся на свое рабочее место. Патруль привез позднего гуляку. Пьяный в дым - на ногах не стоит. Это известный всему райцентру алкоголик - «почетный житель» вытрезвителя. Месяц назад он вернулся из наркологического диспансера, где проходил курс принудительного лечения. К военным, а тем более к районной номенклатуре, никаким боком не касается. Шагом марш в палату к Шишкину!

Теперь и нам можно отдохнуть. Пьяных не предвидится - патрульные ушли спать в дежурную часть...

Глава 3. АЛКАНАВТЫЧ И ДРУГИЕ

В декабре навалились ядерные морозы. Как-то очень быстро, всего за сутки, температура воздуха упала от минус 5 до минус 30, да так и застыла на этой отметке. Все чаще стали попадаться обмороженные. В целях профилактики обморожений «группа захвата» подбирала всех пьяных, независимо от степени опьянения, и уже в вытрезвителе я проводил сортировку.

А сегодня загрипповал сержант Саша, что очень огорчило нашего водителя, Николая Агафоновича, длинного сутулого мужчину предпенсионного (для милиционера) возраста. За большое пристрастие к «зеленому змию» его все за глаза называли Алканавтычем. Но пил Алканавтыч с умом: утром на смену приходил трезвехонький, а напивался поздно вечером, когда начальник был дома и машина поставлена в гараж.

Работать вдвоем с Пашей водителю неохота - придется и ему на морозе пьяных таскать. Он принялся было ссылаться на ломоту в суставах, больную поясницу. Но в милиции не поспоришь, приказали - выполняй.

- Если заболел - иди на прием в поликлинику и лечись, - заявил лейтенант Рыбалко.

И пришлось Алканавтычу отправляться на «охоту».

Днем на улицах совсем пусто. Многие на работе, а если кто и попадает, то вполне трезвый. Брать некого. Проехались по улицам, заглянули во дворы. Наконец, рядом с обшарпанной пятиэтажкой, их остановила закутанная в теплую шаль бабка - мол, в третьем подъезде Ленька-алкаш, напившись до безобразия, выламывает дверь своей сожительнице, и по пьяному делу Ленька всегда очень буйный. Вот и первый клиент!

Я сидел в медвытрезвителе один-одинешенек: лейтенант Рыбалко ушел в райотдел на партсобрание, а старшина - в магазин за пряниками к чаю. Неожиданно в приемную с грохотом влетел сержант Паша - шапка набекрень, возбужденный, покрасневший. За собой он тащил за рукав мужчину неопределенного возраста: ему в равной степени можно было дать и тридцать, и сорок лет. Это и был Ленька-алкаш. Паша пихнул его в угол, на кушетку и с ходу припечатал носком сапога по физиономии.

Вообще-то в нашем медвытрезвителе избиения не практиковались - этого не любил осторожный и человеколюбивый капитан Качалкин. Дадут иной раз затрещину обнаглевшему молодчику, который, привыкнув к вседозволенности на улице, продолжал и перед нами свой кураж. Но с подобными личностями только так и надо обращаться: они уважают лишь силу, а вежливость принимают за слабость и, соответственно, презируют. Но, повторяю, просто от скуки никого не били, и меня, естественно, удивил такой недружелюбный поступок сержанта. (Я еще не знал, что при задержании Ленька активно сопротивлялся, плюнул Паше на шинель, сшиб с него шапку и с наслаждением топтал ее ногами.)

Ленька в долгу не остался: схватил Пашу за грудки и, хотя был пьян, ловкой подсечкой свалил его на пол. Помятая шапка сержанта укатилась под стол. Ленька оказался не хилым - через пару секунд Паша только хрипел. Я торопливо вскочил, но помощь не понадобилась - в дверях выросла гориллоподобная фигура старшины. Володя навел порядок моментом - Леньку отшвырнул обратно на кушетку (только голова об стенку целкнула!), а Пашу усадил на стул.

На несколько секунд Ленька потерял сознание, но быстро очнулся. Больше его не били, он успокоился и, не дожидаясь понуканий и применения силы, стал раздеваться. Стащил куртку, рубаху, и... засинели купола церквей, замелькали выразительные аббревиатуры воровских изречений. Для него вытрезвитель не страшнее детского садика. В палату Ленька пошел смиренно: понял, что самое разумное сейчас - хорошо выспаться. И заснул он сразу - спокойным глубоким сном, словно честный работяга после долгого трудового дня.

Следующий клиент поступил лишь вечером - семейный скандалист. История заурядная. Пришел мужик с работы пьяненький - жена ругаться. Он тоже в долгу не остался. Последовало битие посуды и звонок в милицию: «Забирайте алкоголика!» И о чем думают! До утра-то она от мужа отдохнет. А потом? К тому же за услуги вытрезвителя придется платить - опять же из семейного бюджета.

Семейный скандалист был крохотный мужичок с ноготок. Еще с порога он попросился в туалет, дескать, неумогу терпеть. Справив свои дела, он послушно разделся...

А вот и капитан Качалкин - короткие ноги, отвислый животик, строгое лицо. Полдня он просидел в райотделе, сначала на партсобрании, потом еще неизвестно где, и теперь, перед уходом домой, решил нас проверить. Он был в хорошем расположении духа - наличие в медвытрезвителе клиентов всегда улучшало его настроение. Капитан пожелал нам дальнейших успехов, и Алканавтыч вызвался подвезти его домой.

Сегодня у нас, похоже, день семейных разборок. На обратном пути экипаж вновь наткнулся на клиента. Они проезжали по частному сектору и у небольшого одноэтажного домика заметили весьма колоритного пьяницу: немолодой, лысый, с большим брюхом, он напоминал гигантского колобка. Перемахнув через изгородь, Колобок настойчиво колотил кулаком по оконной раме. Машина подъехала под звон разбитого стекла и истеричные женские вопли. Как оказалось, пьяный зять выяснял отношения с тещей. В машину он залез на удивление спокойно, но в вытрезвителе вздумал «качать права». Даже знакомство с резиновой дубинкой впрок не пошло - еще больше разорался. Тогда, в качестве эксперимента, беспокойного зятя запихнули в палату, где мирно почивал Ленька-алкаш.

В первые минуты из-за дверей доносились возмущенные крики Колобка. Потом сюда вклинились энергичные матюги Леньки-алкаша. Подойдя к двери, старшина с интересом наблюдал в окошечко за происходящим. Колобок стал было орать на своего соседа, но это ему не с тещей воевать: несколько увесистых оплеух и... тишина. Старшина с довольным видом показал мне большой палец. Ясно - Ленька навел порядок.

С уголовниками в нашем заведении особых хлопот не было. Для них, проживших годы за колючей проволокой, в экстремальных условиях, переночевать в медвытрезвителе было то же самое, что для обычного законопослушного гражданина - остановиться в гостинице. С той лишь разницей, что они, уголовники, как правило, нигде не работали, и денег с них было не взять. «Права качали» обычно мелкие хулиганы, еще не побывавшие всерьез в объятиях правоохранительных органов, интеллигенты - вследствие повышенной жажды справедливости, и попадавшие к нам иногда начальники (мелочь, не выше директора какой-нибудь пустячной конторы) - по профессиональной привычке...

Хорошо зимним вечером коротать время в тишине, теплоте и безделье. За окнами мороз - только уши береги, редкие прохожие суетливыми тараканами пробираются по домам. В медвытрезвителе жаром пышут радиаторы отопления, в чашках на столе дымится крепко заваренный грузинский чай.

Если быть точным, чай только у меня и лейтенанта. Алканавтыч спроворил где-то (ма-

газины уже закрыты) бутылку водки и в компании с Пашей и Володей произносит тосты. Рыбалко недовольно косится в их сторону, но молчит: распивать вечерами водку в медвытрезвителе - добрая старинная традиция. Да и не до этого сегодня лейтенанту - перед ним стопка тетрадок и книжек, готовится к зимней сессии - он студент-заочник юридического факультета.

Такое приятное времяпрепровождение нарушил приезд оригинальной парочки: муж доставил в вытрезвитель свою жену. На собственной машине. Когда-то он сам регулярно посещал наши стены, обычно - по заявлению супруги. Но потом одумался, «завязал» с пьянством и в итоге - приобрел себе «Москвич-412». Казалось бы, в семью пришло долгожданное благополучие. Муж не пьет, рвет деньги и на основной работе и на шашках - живи да радуйся. Но неожиданно его супруга, лишенная привычных стрессовых ситуаций, стала испытывать дискомфорт - с мужем не поскандальить, дома тишина. Со скуки померещь! Дабы восполнить сей пробел, она стала попивать сама. И сегодня, когда жена в очередной раз явилась домой в изрядном подпитии, муженек, припомнив былые обиды, привез ее в знакомое заведение. У нас в стране - равноправие!

Обиженный муж собственноручно стащил с супруги шубу и шапку, втокнул спутницу жизни в указанную ему свободную палату и уехал. Некоторое время она сидела спокойно, привыкала к новой обстановке, а потом началось...

Много пьяных фокусов посмотрелся я за время работы в вытрезвителе, но сегодняшний концерт превзошел все. Сначала она осыпала нас вычурными ругательствами (не поверишь, что у человека высшее педагогическое образование!), потом с ней началась истерика. Мы к дверям не подходили, и истерика прошла сама собой. Не дождавшись от нас никакого внимания, она рассвирепела, стала пинать ногами в дверь, а так как сапоги с нее не были сняты, удары получались увесистыми - толстая деревянная дверь ходила ходуном, трещали косяки.

Вот ситуация! Усмирять скандалистку самому Володе неудобно, старшина пошел просить помощи в дежурную часть - там, при ИВС, дежурила Тамара, единственная женщина в сегодняшней смене. Тамара была из тех женщин, кто коня на скаку остановит и в горящую хату войдет. Рослая, крепкого телосложения, со старшинскими лычками на погонах, она невозмутимо прошла в палату и - в одиночку! - связала нарушительницу порядка по рукам и ногам. Связала основательно, «ласточкой» - руки и ноги стянула сзади, за спиной, друг к другу, так, что тело бесноватой дамы выгнулось дугой. Подобный метод фиксации в большинстве случаев хорошо усмиряет гнев и способствует быстрейшему протрезвлению. Через час ее развязали, и до утра она о себе не напоминала.

После полуночи проснулся мужичок с ноготок, семейный скандалист - опять попросился в туалет. Желание естественное. Разрешили. Просидел он там с полчаса.

- Наверное, запор? - с юмором предположил старшина.

Наконец клиент вышел. Точнее - выполз. Он опять был пьяный, с идиотской улыбочкой, с запахом свежевыпитой водки. В палату он пошел с песнями.

Водка в туалете из крана не течет. Проводив клиента на место, Володя приступил к обыску и в бачке, который был верхнего расположения, обнаружил пустую «четвертинку» из-под водки. Русский пьяница изобретателен. Водка у мужичка была припрятана в кармане пальто, и в вытрезвителе, до обыска, он отпросился в туалет и положил ее в бачок. А ночью, когда душа «горела», пошел и опохмелился. Впредь нам наука - обыскивать доставленных клиентов надо незамедлительно.

Вот так, в курьезах и развлечениях, незаметно пролетела ночь. Под утро стали разгружаться. Отпустили изобретательного мужичка. За протрезвевшей супругой приехал муж. Леньку-алкаша и Колобка переправили в дежурную часть: им за хулиганство скорее всего навесят по 15 суток отсидки.

Глава 4. КАПИТАН КАЧАЛКИН

У нашего начальника медвытрезвителя семейная драма - ушла жена. Вместе с сыном! Ушла к теще, с которой у капитана были довольно сложные взаимоотношения, и поэтому о переговорах на ее территории не могло быть и речи. И не сказать, что все это свалилось на Качалкина нежданно-негаданно: семейные неурядицы тянулись давненько в форме хронических и затяжных скандалов и склок. Причины прозаические - сварливый характер жены, скромная зарплата капитана и отсутствие перспективы блестящей карьеры. В вину ставилось даже его увлечение рыбалкой. Качалкин, как водится, не переставал надеяться на лучшее, и окончательный разрыв совсем не входил в его планы на будущее. Суп-

руга оказалась изобретательна: дабы посильнее ужалить мужа, она приурочила свой уход на святой мужской праздник - 23 февраля и до последнего момента о своих замыслах помалкивала. В день икс Качалкин спозаранку ушел на пруд помечтать у лунки (была суббота), а когда вернулся - обнаружил, что стал холостяком. В квартире исчезла часть вещей, а на столе лежала короткая злая записка.

В понедельник у меня был утренний прием в поликлинике. В коридоре - толпа страдалцев, половина из которых - симулянты, мечтающие отдохнуть на больничном листе (болеть в те годы считалось престижным и выгодным делом). Я принял два десятка пациентов, когда в кабинет вошел капитан Качалкин. Его приход меня очень удивил, так как обычно наш начальник болел редко, лечился самостоятельно - водкой и парилкой, и в больницу, с его слов, не показывался уже целую пятилетку. Но сейчас, видимо, припекло капитана основательно. Разумеется, он не бился в стенаниях и не размазывал сопли по щекам. И внешне был спокоен и невозмутим. Но я-то его знал хорошо и по выражению лица, излишней скованности движений понял, что капитан явно не в своей тарелке.

- Нервы совсем сдали, - пожаловался он. - Места не нахожу.

Выписал я ему больничный лист на неделю и отправил в аптеку за лекарствами. Лечись, капитан!

В среду я дежурил в медвытрезвителе. День выдался замечательный - пьяных не было, и я решил заняться сутобо медицинскими делами - заканчивался запас лекарств и приходилось готовить требование в аптеку.

А сержант Паша пришел на смену в состоянии крепчайшего похмелья. Похоже - пьянствовал всю ночь. Лицо опухшее, непричесанные рыжие волосы торчат во все стороны, такая же рыжая щетина покрывает щеки и подбородок. И перегаром разит метров на пять! Ему бы отлежаться. Так нет же! Вскоре он где-то «подлечился», судя по запаху - водкой, и, естественно, моментально опьянел. Лейтенант Рыбалко разозлился, но поступил достойно: от дежурства Пашу не отстранил, рапорт начальству составлять не стал, а отправил спать в пустую палату.

У меня к тому времени уже было составлено требование на медикаменты - не хватало подписи начальника. Пришлось отправляться к нему домой. Капитан жил в центре, в пятиэтажном доме. Оставив Алканавтыча скучать в машине, я поднялся на второй этаж. На мой звонок поначалу никто не реагировал. Но я был настойчив, и в итоге за дверями послышался легкий шорох, заскрежетал замок, приоткрылась дверь, и на пороге появился сам хозяин квартиры. Капитан был одет в старый спортивный костюм, небрит и слегка пьян.

- Николай Палыч, проходи! - сказал он обрадованно. - А я думал - кто-то из начальства нагрянул.

В скромной двухкомнатной квартире было по-холостяцки тихо и тоскливо.

- Самолечением занимаюсь, - сказал Качалкин и пригласил меня пройти на кухню.

Здесь я увидел незабываемую картину: на газовой плите могучим бастионом возвышалась молочная сорокалитровая фляга, сверху к ней был прилажен небольшой самогонный аппарат (изготовленный из нержавеющей стали), соответствующие гибкие резиновые трубки обеспечивали постоянную циркуляцию холодной воды из крана, и в трехлитровый бидончик быстро капал конечный продукт. Пронзительно пахло сивухой.

- В магазин стыдно часто бегать. Да и дороговато - не по моей зарплате, - словоохотливо, как всякий подвыпивший человек, объяснял Качалкин. - Вот я и разместил лабораторию на дому. По стопочке?

Выпили за здоровье капитана. Закусили. Качалкин подписал мои бумаги. Потом я выпил с ним на посошок и удалился, оставив капитана продолжать «лечение»...

Патруль доставил нашего старого знакомого - председателя поселкового совета. Взяли его в фойе кинотеатра, где «мэр», ожидая начала сеанса, энергично критиковал группу подростков. А так как он был пьяный, наглый, агрессивный и сопровождал свою речь нецензурными присловьями, то кто-то из будущих зрителей вызвал милицию.

Дальнейшие события развивались по обычному гнусному сценарию: председателя посовета привезли в дежурную часть милиции, где благоразумный капитан Алешин не нашел в его действиях ничего противозаконного и переправил «мэра» в медвытрезвитель. И вот он, развалясь на кушетке, нога на ногу, пальто нараспашку, снисходительно посматривает через стекла очков на лейтенанта и ждет, когда его отпустят. В этом «мэр» не со-

мневается. Не сомневаемся и мы с Рыбалко, тем более что клиент еще достаточно уверенно держится на ногах, адекватно ориентируется в окружающей обстановке, в состоянии самостоятельно добраться домой и поставить ему среднюю степень опьянения можно с большой натяжкой. На всякий случай лейтенант позвонил Качалкину. Тщетно. Наверное, отключил телефон.

- Долго мне здесь торчать? - раздраженным тоном спросил «мэр». - Завтра всех на улицу выгоню.

Лейтенант посмотрел на меня.

- Легкая степень опьянения, - ответил я.

Рыбалко кивнул старшине:

- Отпускаем.

Настроение у лейтенанта окончательно испортилось, и он пошел будить проштрафившегося Пашу. Сержант едва протрезвел, и по затуманенному тоскливому взгляду можно было безошибочно догадаться, что вершиной всех его желаний сейчас является бутылка пива. Пашу напоили крепким чаем и - в одиночку! - отправили на патрулирование улиц.

- И без пьяного не возвращайся! - напутствовал его Рыбалко.

Через час Паша вернулся, ведя под руку грязного небритого алкаша. После процедуры оформления и раздевания клиента завели в палату, где недавно почивал его конвоир, а трясущийся Паша вновь налил себе чаю.

- Водки ни грамма, - предупредил лейтенант.

Паше бы обрадоваться благополучному исходу, так нет - надулся, как мыльный пузырь, и позднее, в отсутствие лейтенанта, сказал мне по секрету, что будет просить перевода в ГАИ, лишь только появится свободное место. Ничего я ему, конечно, не посоветовал, только подумал, что таким личностям, как Паша, излишняя свобода противопоказана. Если в медвытрезвителе сержанта все-таки сдерживает постоянное присутствие дежурного офицера, частые проверки капитана Качалкина, то на пустынных дорогах, особенно вечером и ночью, он будет предоставлен сам себе, а это с его характером и пристрастиями ни к чему хорошему не приведет.

В течение вечера «группа захвата» доставила еще шесть человек, и всех мы разместили по палатам (степень опьянения вполне позволяла). План перевыполнен! Потом Алканавтыч, Саша и Володя, по обыкновению, играли в карты и пили водку, Рыбалко изучал юридическую литературу, а Паша, чтобы не растревать душу зрелищем поглощаемой водки, ушел в дежурную часть...

На следующую смену, в воскресенье, позвонил капитан Качалкин.

- Николай Палыч, выручай, - прохрипел он в трубку. - Подыхаю.

Смекнув, в чем дело, я собрал растворы, шприцы, одноразовую «капельницу» и уехал с Алканавтычем по знакомому адресу. За неделю «лечения» наш начальник печально преобразился. Теперь он напоминал не бравого капитана милиции, а обыкновенного завсегда пивнушки: отечное серое лицо, трясущиеся руки, ядреный запах перегара. Что ж, в жизни всякое бывает! Все мы в чем-то грешны. И оставлять капитана без помощи просто опасно. Сколько раз в моей практике случалось, что такие вот многодневные пьянки у доселе здоровых мужиков заканчивались инфарктом миокарда, опасными нарушениями ритма или инсультом.

Я уложил Качалкина на диван и осмотрел: сердце молотит с частотой свыше ста ударов в минуту, артериальное давление достигает 170/100 (обычно у капитана было не выше 140/90). Надо снимать алкогольную интоксикацию. Поставил капельницу с гемодезом, добавил к нему еще ряд необходимых медикаментов и стал ждать результатов лечения. По окончании флакона с гемодезом я переключился на бутылку глюкозы с аскорбиновой кислотой, и когда и это стало подходить к концу, добавил мочегонных. Потом я сел смотреть телевизор - началась интересная передача, а капитан Качалкин в течение пол часа бегал в туалет.

- Как хорошо быть трезвым! - наконец воскликнул Качалкин и с удовольствием развалился в кресле. - Кажется, немного полегчало.

Ну, допустим, до полной нормы ему еще надо два-три дня восстанавливаться, но работать он завтра сможет и по внешнему виду будет таким примерным, что никто ни о чем не догадается. Напоследок я сделал ему внутримышечно две ампулы реланиума - успокаивает, предотвращает судорожный синдром и, наконец, способствует хорошему сну - и зашагал вниз, на улицу, где меня, наверное, уже заждался Алканавтыч.

Глава 5. БИТЫЙ ЗАЯЦ

Середина марта, а о наступлении весны можно узнать только по календарю: на улице до пяти градусов мороза, осанистые сугробы ежедневно покрываются слоем свежеснежного снега, и холодный ветер по-прежнему хозяйничает на обледенелых дорогах и тротуарах.

В медвытрезвителе с утра полным-полно народа: капитан Качалкин, личный состав других смен, «группа захвата», лейтенант Рыбалко.

- Николай Палыч, оставайтесь вдвоем со старшиной, - сообщил мне начальник медвытрезвителя. - Все остальные поедут со мной.

Такой же аврал и в райотделе: собраны абсолютно все, в том числе и те, кто на выходных или отгулах. Выдается оружие. На железной дороге - ЧП, ночью через Жердянск проходил поезд, и там, в арестантском вагоне, солдат-конвоир перестрелял из автомата всех своих сослуживцев. О причинах можно только догадываться. Трупы были обнаружены утром в соседней области. За ночь поезд миновал несколько районов, и где теперь искать солдата - неизвестно.

Медвытрезвителю выделен для прочесывания участок железной дороги с прилегающей территорией. Все загрузились в автофургон (охотники-любители прихватили собак, широкие охотничьи лыжи) и во главе с капитаном Качалкиным двинулись в путь. Им придется целый день бродить по сугробам, рискуя нарваться на автоматную очередь.

Мы со старшиной остались нести службу, а доставка пьяных поручена патрулю. Ребята в экипаже молодые - работают всего два-три года после армии, интересы соответствующие и наши вытрезвительские планы им безразличны. Весь день мы с Володей били баклуши и лишь вечером, после пяти часов, патрульные привезли первого клиента. Он лежал на обочине дороги и, будучи не в силах подняться, вяло размахивал руками. Выпито у него было предостаточно - мужичок даже не понял, что попал в медвытрезвитель. В палату его поволокли под руки. Грязную одежду старшина бросил в углу раздевалки, а деньги - двадцать пять рублей бумажкой и немного мелочи - я пересчитал, записал в протокол и спрятал в сейф. И опять часы безделья.

Следующего - и в эту смену последнего - пьяного привезли около девяти часов вечера на... рейсовом автобусе. Ситуация нестандартная. В то время в райцентре ввели новую форму оплаты проезда: убрали кондуктора и установили в автобусе компостеры. Талоны следовало покупать в киосках или у водителя. И вот некий молодой человек возвращался вечером из гостей. Естественно, находился в алкогольном опьянении. Талонов на проезд при себе не оказалось, а у водителя, как назло, закончились. Не было лишних талонов и у немногих пассажиров. Пешком идти - далеко и холодно, и молодой человек поехал «зайцем». И по «закону подлости» именно в это время в салон вошли две контролерши. «Ваш билет! Нет? Платите штраф!» «Заяц» попытался объяснить, но его доводы были бесполезны. Тогда бедолага вспыл и решил сойти на ближайшей остановке. Не тут-то было - контролерши вцепились в него голодными щучками. «Платите штраф!» Молодой человек штраф не хотел платить из принципа, так как считал себя правым. Он, по неопытности, не понимал, что алкогольное опьянение автоматически делает его виновным практически во всех конфликтных ситуациях. Водитель автобуса притормозил у здания милиции, и упрямого «зайца» передали представителям власти.

Меня позвали в дежурную часть на экспертизу. Есть в дежурной части просторная комната, дальний угол которой огорожен с двух сторон прочными решетками - так называемый «обезьянник». Сюда и поместили безбилетного пассажира. Скамеек в «обезьяннике» не было, задержанный стоял, навалившись спиной на стену, и недружелюбно смотрел на дежурного офицера - капитана Алешина, который, сидя за столом напротив решетки, старательно заполнял протокол.

Я выпустил «зайца» из «обезьянника», и он, не спрашивая разрешения, тут же уселся на свободный стул. Дорогой кожаный плащ (в те годы подобная одежда была по карману очень немногим - мне, к примеру, понадобилось бы в течение полугода откладывать свою врачебную зарплату) небрежно распахнулся, длинный белый шарф свисал до пола.

- Встаньте. Будем проводить экспертизу алкогольного опьянения, - сообщил я ему.

Молодой человек - на вид ему было лет 28-30 - смерил меня презрительным взглядом и отвернулся. Всегда стараюсь быть сдержанным и беспристрастным с клиентами медвытрезвителя - человек в стенах милиции фактически бесправен и срывать на нем свое плохое настроение просто грешно. Но сейчас, каюсь, не мог сдержать раздражения. Не люблю эту, так называемую, «золотую молодежь». Богатые родители или высокооплачиваемые

мая работа, а чаще всего - и то, и другое одновременно, формирует у них чрезвычайно преувеличенное мнение о собственной персоне. Этаким двуногий центр мироздания. Всегда красиво и модно одетые, по жизни они шагают легко и уверенно и считают всех окружающих и все окружающее только необходимой средой для собственного процветания. Они превосходно чувствуют себя во всех, даже незнакомых, компаниях, любят произносить остроты или тосты, частенько скучные и глуповатые, но почему-то неизменно вызывающие одобрение слушателей.

- Проведем экспертизу, - повторил я.

- Отказываюсь.

- А как насчет штрафа за безбилетный проезд? - подключился к разговору Меняля.

- Я заплачу только за проезд. Штраф я платить не обязан, надо талоны в автобусах продавать.

- Это вы разбирайтесь с начальником автоколонны. А для нас важен факт - в алкогольном опьянении находился в общественном транспорте без билета или проездных документов. Скандалил, отказывался платить штраф.

Алешин взял в руки изъятый у «зайца» бумажник, открыл.

- Деньги имеются. И немалые. Могли бы и уплатить.

И тут, совершенно неожиданно, молодой человек подскочил к столу и выхватил у капитана бумажник.

- Не трогать. Я тебе не уголовник, - с брезгливой гримасой сказал он.

Вообще-то эти действия можно было рассматривать как сопротивление сотруднику милиции, и я думал, что капитан позовет патрульных (они находились в соседней комнате) и начнет оформлять новый протокол. Но Алешин молча встал и подошел к «красавчику». Тот был значительно выше и массивнее капитана, и смотрел он на капитана, как и следовало ожидать, сверху вниз снисходительным взглядом. Что и говорить, силачом Меняля не выглядел.

Удар капитана оказался неожиданным и для меня, и для «зайца». Удар, направленный в живот, был столь мощный, что «заяц» сразу сложился наполовину. Следующий удар в область правой почки кинул его на пол. (Как мне объяснили позднее, в молодости Алешин долго занимался боксом, считался хорошим спортсменом, да и сейчас не забывал дорогу в спортзал.) Виновник инцидента - черный бумажник - упал в сторону. Капитан поднял его, положил на стол.

- Никогда не сопротивляйся власти, - назидательно сказал Алешин «зайцу» и потом, повернувшись ко мне. - Как, доктор, считаете - подходит он для вытрезвителя?

- Учитывая столь неадекватное поведение, агрессивность, можно поставить среднюю степень опьянения. Берем.

Молодой человек в это время пытался встать на четвереньки. Двое патрульных, высокие и крепкие, как молодые лоси, подхватили его под руки и потащили к выходу. Когда я вернулся в медвытрезвитель, «заяц» уже находился в палате. В приемной на кушетке лежала его модная одежда - единым беспорядочным комком, с оторванными кое-где пуговицами.

- Ерепенился, - объяснил старшина. - Пришлось раздевать силой.

Ближе к полуночи стали возвращаться участники облавы. К тому времени солдата поймали - в соседней области! - и по всем задействованным районам дали «отбой». Сотрудники приезжали усталые, мокрые, поспешно сдавали оружие и тут же расходились по домам. Только неунывающий Алканавтыч остался верен себе и на сон грядущий раскатал на пару с Володей поллитра водки...

Под утро стали выпускать клиентов. Первым ушел «заяц», в помятой грязной одежде, с обещанием устроить нам крупные неприятности. Поездка в автобусе обошлась ему дешево: штраф за безбилетный проезд, штраф за пребывание в алкогольном опьянении в общественном месте и плата за услуги медвытрезвителя. С другим клиентом неожиданно возникли финансовые разногласия.

- У меня было пятьдесят рублей: две бумажки по двадцать пять, - доказывал он. - Аванс на работе получил. Куда делись?

Терпеть не могу эти обывательские сплетни, что-де в вытрезвителе работают сплошь одни ворюги, беззастенчиво обирающие несчастных пьяных граждан. Даже если оставить вопросы морали, то кому захочется из-за каких-то десяти или пятидесяти рублей рисковать службой, репутацией и, наконец, свободой? Надо быть полным идиотом! Про-

пил, наверное, свой четвертной или обронил где по пьянке, а теперь ищет крайних.

- У вас была одна купюра в двадцать пять рублей и шестьдесят две копейки мелочью. Согласно протокола, - заявил я. - Двадцать рублей мы взяли за услуги медвытрезвителя - получите квитанцию, и вот сдача - пять рублей и шестьдесят две копейки.

Мужчина пытался и дальше скандалить, но старшина потерял терпение и вытолкнул его на улицу. А потом мы сели подводить итоги смены.

Глава 6. А ЧТО СКАЖЕТ ДОКТОР?

На следующее дежурство я опоздал. Точнее - задержался, потому что зашел в аптеку набрать медикаментов по требованию. Коробок было много, пришлось звонить в медвытрезвитель и вызывать на подмогу Алканавтыча.

- Тебя - на «ковер», к Рогожникову, - сообщил Рыбалко, когда я занес в приемную все привезенное из аптеки.

- А что случилось?

- Жалоба пришла. Но подробности мне неизвестны.

Жалоб на меня раньше не поступало. Клиентов я не унижал, экспертизу опьянения проводил в соответствии с инструкциями и собственными знаниями по наркологии, и поэтому сообщение лейтенанта меня озадачило. Перебирая в уме различные эпизоды своей «вытрезвительской» деятельности, я поднялся на второй этаж.

Кабинет заместителя начальника Жердянского РОВД подполковника Рогожников размещался в просторной светлой комнате. Обстановка типично бюрократическая: монументальный т-образный стол, несколько телефонных аппаратов, сверкающий березовый паркет (для дубового паркета Рогожников должностью не соответствовал), портреты вождей. Подполковник Рогожников - высокий статный мужчина лет сорока с хвостиком - восседал во главе стола. Поодаль примостились капитан Качалкин и капитан Алешин. Увидев Менялу, я сразу вспомнил прошлое дежурство, избитого «зайца» и понял, о чем сейчас пойдет разговор.

- Присаживайтесь, - пригласил меня подполковник. - Итак. Ко мне поступила жалоба от гражданина Филимонова, директора районного отделения «Агронаб», что 14 марта в 21.00 его якобы избили в дежурной части милиции и затем незаконно - поскольку, со слов Филимонова, он был слегка выпивший - поместили в медвытрезвитель.

Рогожников прервался, молча посмотрел на Алешина.

- Клевета. Никто его и пальцем не трогал, - заявил Меняла и даже щеками затряс от возмущения. - Сводит счеты. Пьяница. Безбилетник.

Выдержка у капитана - позавидуешь! Ведь знает, что сейчас все зависит от моего ответа - и смело (без предварительной договоренности со мной!) идет ва-банк. Врет прямо в глаза начальству.

- А что скажет доктор?

Я на секунду задумался. Слово «якобы», произнесенное Рогожниковым, недвусмысленно давало понять, что разоблачения подполковнику не нужны, «сор из избы» он выносить не собирается и в глубине своей милицейской души жаждет от меня тех же слов, что и от Алешина. Конечно, если судить беспристрастно, то Алешина следовало бы «сдать». Нарушил Закон! И если бы на моих глазах произошло избиение ни в чем неповинного человека, я, скорее всего, встал бы на сторону пострадавшего. Но сейчас речь шла о пьяном наглеце, фактически спровоцировавшем капитана на неправомерные действия, - обычно Меняла рукам воли не давал. Кроме того, я к этому времени уже как-то вжился, проникся буднями медвытрезвителя и дежурной части милиции (поскольку с ней наше антиалкогольное заведение всегда работало в тесном контакте) и стал воспринимать людей в милицейской форме не безликими истуканами, а коллегами по работе, у которых, естественно, бывают свои недостатки.

- Факта избиения не припоминаю, - дипломатично ответил я. - В медвытрезвитель гражданин Филимонов помещен в связи с наличием у него средней степени опьянения, о чем и указано в протоколе.

За свои медицинские дела я не беспокоился: в тот вечер «заяц» был хорошо «поддачный», на ногах держался только благодаря кратковременному волевому усилию, а добравшись до постели, тут же уснул беспробудным сном. И еще! Если вас поместили в «трезвак» даже в легкой степени опьянения, что-то доказать позднее будет очень затруднительно, так как экспертиза опьянения в медвытрезвителе проводится только на основании субъективного мнения медработника, без подтверждения лабораторных данных.

Шансы доказать свою правоту появятся, если вы незамедлительно, на следующее утро сделаете в наркодиспансере анализ крови на содержание алкоголя и получите соответствующее заключение нарколога. Но это так, к слову.

- Услуги медвытрезвителя оплачены из личных средств задержанного Филимонова утром, перед выпиской, - продолжал я. - Квитанция выдана на руки.

- Значит, будем считать эту жалобу необоснованной, - подвел итог подполковник.

После пяти часов вечера «группа захвата» привезла пьяного лесоруба. В карманах полно денег: триста тридцать рублей. Сегодня в лесхозе выдавали зарплату! Деньги я пересчитал в присутствии клиента - он еще мог мало-мальски соображать - и запер в сейф.

- Утром получите их в целости и сохранности, - заверил я лесоруба, но все равно ушел он в палату в сильном беспокойстве.

Кроме лесоруба, за весь вечер привезли еще только одного пьяного - краснорозевого пузатого пенсионера (пятьдесят семь лет - пенсия по льготной сетке!). Пользуясь моментом, спать я лег пораньше - до полуночи... Посреди ночи - после двух часов, меня растолкал старшина:

- Плохо пьяному.

Вставал я с неохотой: клиенты в медвытрезвителе на здоровье жаловались часто. Это и неудивительно, так как алкогольная эйфория исчезала быстро, и на смену приходили неизбежные похмельные страдания (ничего не поделаешь - за удовольствия надо платить!), но серьезные, угрожающие жизни расстройства здоровья наступали крайне редко. Но сейчас, войдя в палату, я понял, что дело обстоит похуже обычного похмелья. Вызывал пенсионер - заболело сердце. Сильные сжимающие боли в области грудины.

- Чем болели раньше?

- Стенокардия...

- Тогда зачем так напиваться! Самоубийца! - разозлился я.

Остатки сна мигом исчезли, и я стал детально осматривать полупьяного пациента. Мои опасения возрастали с каждой минутой осмотра - не нравилось мне его состояние: выраженные загрудинные боли, бледная влажная кожа, глухие и редкие тоны сердца. Дал я ему под язык две таблетки нитроглицерина, сделал обезболивающие инъекции - боли практически не уменьшились. «Как бы старикан не дал дуба! - с опасением подумал я. - После сегодняшней жалобы трупа только и не хватает!» Пришлось вызывать «скорую». У нас в Жердянске не «скорая», а какая-то пародия - вызовы обслуживает только один фельдшер, врач не предусмотрен (вероятно, экономят ставки!). Хорошо, что хоть электрокардиограф прихватили!

Я перевел больного в приемную и там, уложив на кушетку, снял кардиограмму. Так и есть! На пленке типичные признаки острого крупноочагового инфаркта миокарда. Пенсионера увезли в больницу, в терапию, и на следующий день (как я узнал позднее) он скоропостижно скончался, подтвердив тем самым общеизвестную истину, что избыток алкоголя и больное сердце несовместимы.

Утром нас немного позабавил лесоруб.

- Вот твои деньги, - лейтенант Рыбалко положил на стол стопку купюр. - Триста десять рублей. Двадцать рублей вычли за услуги вытрезвителя. Распишись в протоколе.

Клиент, здоровенный мужичина с крупными, шероховатыми, как древесная кора, ладонями, осторожно поставил закорючки в указанных местах и бережно взял деньги.

- Смотри-ка, вернули! - радостно сказал он. - А я думал - и на опохмелку не оставите.

- Ты не в притоне! - рявкнул лейтенант. - Получил свои кровные и - свободен.

- Да нет... Просто болтают всякое.

Да... слава о нашем заведении в народе незавидная.

Глава 7. ТРАДИЦИОННЫЙ ВЕЧЕРОК

- Так выпьем за то, чтобы эта маленькая звездочка продолжилась бесконечным сплошным звездопадом! - торжественно произнес тост Алканавтыч, и все присутствующие разом осушили стаканы.

В вытрезвителе идет отчаянная гульба: лейтенанту Рыбалко присвоили очередное звание - «звездочку». Теперь он - старший лейтенант и, как полагается в нашем учреждении, поставил смене литр водки. И как раз сегодня последнее дежурство у сержанта Паши (его переводят в ГАИ на освободившуюся вакансию) - еще литр водки!

Днем мы держались насухо. Приняли двух пьяниц и к вечеру их выпустили. Потом

водитель загнал машину в гараж, поставил аккумулятор на подзарядку и объявил себя «на ремонте». Теперь машина официально «не на ходу» - можно пьянствовать, сколько здоровье позволяет. Большим секретом наше застолье ни для кого не было - очередные звания традиционно отмечались и в медвытрезвителе, и в дежурной части. Была даже примета - если не «обмыть» звание, то последующее дадут не скоро.

Перед уходом домой капитан Качалкин посоветовал нам не увлекаться. «Вы все-таки на службе!» - напомнил он. И на этом отбыл. Готовились мы основательно. Каждый прихватил из дома чего-нибудь съестного, и сейчас стол ломился от всевозможной закуски: отварная картошка, картошка в «мундирах», жареная картошка, квашеная капуста, соленые грибы, огурцы, помидоры, селедка, несколько банок рыбных консервов, домашние котлеты... Водка пошла как по маслу. Две бутылки опустели быстро и незаметно. В состоянии легкой эйфории мы сидели у стола, произносили тосты и по очереди рассказывали анекдоты.

- А вот еще один, - начал Алканавтыч и внезапно прервался, прислушиваясь к звукам за окном. - Кажется, патруль кого-то привез.

Водку со стола убрали. Поступал клиент - Ленька-алкаш, старый наш знакомый, любитель выпить и поколотить сожительницу, чем в последние полчаса он и занимался. Милицию вызвали соседи - Ленька в пьяном азарте вытащил свою «подругу жизни» за волосы на лестничную площадку и продолжил представление там.

- И не надоело на «сутках» отдыхать? - задумчиво спросил Рыбалко. - Смотри, бросай пить - не то опять пойдешь «зону топтать».

- За что, начальник? - искренне удивился Ленька. - Это наши семейные разборки.

Леньку увели, и Алканавтыч выдвинул очередной тост:

- А теперь выпьем за будущего рыцаря большой дороги!

Все посмотрели на Пашу.

- Уверен, что с его приходом в ряды ГАИ число ДТП в районе критически уменьшится.

Подвыпив, Алканавтыч всегда «заливался соловьем»: тосты, анекдоты, бывальщины, образные сравнения бесперебойно продуцировались его опьяневшими мозговыми извилинами. И говорил он складно, красиво и, что редкость для такого выпивохи, грамотно - без слов-паразитов, нуканья и почти без матерщины. После третьей выпитой бутылки в медвытрезвитель пожаловал капитан Алешин.

- Надо послать на вокзал двух человек, - сказал он Рыбалко. - У меня патрульные отравились по звонку в деревню - семейный скандал, а тут поезд подошел, там пассажир перепил - стекла бьет.

Ушли вчетвером - «группа захвата» и старшина Володя.

- Может, по стопочке? В честь моей звездочки? - предложил Рыбалко, вынимая четвертую бутылку.

- Дело святое, - согласился Меняла.

После ста граммов водки Алешин неторопливо раскурил сигаретку, а потом обратился ко мне:

- Помнишь, Николай Палыч, того придурка в автобусе? Жалобу еще накатал потом...

- Безбилетник?

- Он самый. В газету на меня пытался статью написать - мне редактор сообщил. Конечно, не напечатали! Так он пригрозил, что в обком будет жаловаться и все равно житья спокойного мне не даст. Слежку за мной устроил - так и ходит по пятам... Крыша, наверное, поехала.

- Да. Странное поведение.

- Дождется, что я ему опять по шее наподою. На этот раз - в неофициальной обстановке...

- Стой! Куда? У-у! - зашумели, закричали в коридоре - вели загулявшего пассажира.

Солидные люди в медвытрезвитель попадали нечасто, а этого клиента с полным правом можно было назвать солидным человеком. И дело не только в безукоризненно чистом дорогом костюме-тройке, новом пальто, добротной кожаной обуви - так может одеться и какой-нибудь жулик, все документы этого клиента подтверждали, что перед нами законопослушный, морально устойчивый гражданин, коему место в президиуме, на трибуне, но никак не в медвытрезвителе. Пенсионная книжка - военный пенсионер, полковник в отставке! Кроме того - военный билет, из которого я узнал, что последние пять лет перед пенсией клиент занимал должность начальника кафедры одного из военных училищ Ленинграда. И пьяный дебош в поезде. Несопоставимо!

Он был совершенно невменяем, сопротивлялся, что-то выкрикивал, совершенно не

ориентируясь в окружающей обстановке. Я провел быстрый осмотр. Артериальное давление слегка понижено для его возраста - 110/80 мм рт ст, но в принципе, в пределах нормы. Пульс около 90 ударов в минуту. «Может, наркотическое опьянение? - подумал я. - Нет. Отчетливо пахнет водкой».

- Разбитое стекло оплачено из денег задержанного в присутствии проводника и бригадира поезда, - доложил старшина Володя.

- Пусть сегодня заночует в вытрезвителе, - полуутвердительно-полувопросительно сказал Алешин, поглядывая на меня (не будет ли возражений?). - А завтра разберемся.

Алешин ушел в дежурную часть. Полковника увели в палату, где он быстро уснул. А затем пришел конец оставшейся водке. Лично мне больше спиртного не хотелось - с удовольствием бы сейчас завершил наши посиделки чашкой чая или кофе. Но Алканавтыч считал иначе: переглянувшись с Володей, он вышел в коридор и вскоре вернулся с двумя бутылками водки. Видимо, припас заранее. За столом - оживление. Только Рыбалко слегка поморщился.

Удивляться тут нечему: многие из сидевших за этим столом давно самым тесным образом дружили с водочкой. По моим наблюдениям, Алканавтыч и Паша имели бесспорную первую стадию алкоголизма - пили регулярно, не реже трех-четырех раз в неделю, обязательно опохмелялись и приобрели высокую толерантность к алкоголю (по-русски говоря, для хорошего опьянения и полного счастья им требовались лошадиные порции водки). У Володи с Сашей алкогольная зависимость была еще нестойкой, они пока барахтались, временами сдерживали себя, но, учитывая многолетние алкогольные традиции медвытрезвителя, исход предугадать нетрудно: еще пяток лет, и победа алкоголя неизбежна! Рыбалко же, напротив, к спиртному относился безразлично - все его желания зациклились на быстрой карьере, но вступать в конфронтацию с подчиненными он благо-разумно остерегался и был прав. Капитан Качалкин прекрасно знал, как коротают вечера его сотрудники, но все пьянки шли «втихую», «залетов» никогда не было, а ему первому поднимать шум просто невыгодно - тебя же и обвинят в неумении воспитывать коллектив. Поэтому старший лейтенант Рыбалко потихоньку отсиживался на спокойном местечке, штудировал юриспруденцию, периодически выезжал на учебные сессии и ненавязчиво, шаг за шагом, укреплял свой авторитет в глазах подполковника Рогожникова. В самом деле - молодой офицер, коммунист, студент-заочник, исполнительный, скромный, малопьющий. Такому место не в медвытрезвителе, а на более ответственной работе - была бы только свободная должность. А она в конце концов непременно появится!

Торжественное застолье постепенно скатывалось на уровень обыкновенной пьянки - тосты не произносили, закусывали мало. За Алканавтычем мне не угнаться - я пил теперь микроскопическими порциями (завтра идти на прием в поликлинику), такой же тактики придерживался и Рыбалко. Опять недолго продержалась первая бутылка, распечатана вторая... Алканавтыч с Володей, казалось, были непрошибаемы - хлестали водку, как лимонад. Саша, заметно опьянев, в легкой полудреме сидел на кушетке. Неожиданно для всех сильно развезло Пашу - наверное, вчера выпивал (утром от него пахло перегаром), и сегодняшняя попойка на похмельную голову оказалась непосильной. Вскоре он окончательно «поплыл», стал болтать какую-то ерунду, и его отвели под руки в свободную палату. Ночью, к счастью, патруль никого не привез, и мне удалось прихватить шесть часов сна, вполне достаточных для протрезвления.

Утром Леньку-алкаша, как водится, перевели в дежурную часть. Потом его отведут к судье, и пожалуйста отбывать очередные десять суток. Очередь отставного полковника! Пробуждение его было ужасным.

- Где я нахожусь? - открыв глаза, произнес он бессмертную фразу и не поверил лаконичному ответу старшины - за всю свою жизнь полковник ни разу не посещал медвытрезвитель.

Ему позволили без спешки одеться, привести себя в порядок - теперь можно выяснять подробности. Павел Владимирович, полковник в отставке, возвращался из гостей. Две недели провел он у родственников в старинном русском городе: отдыхал, изучал достопримечательности, рыбачил на местном озере. Домой, в Ленинград, отправился вечерним поездом. Уже в дороге зашел перекусить в вагон-ресторан и, в качестве приятного дополнения к ужину, заказал 200 граммов коньяка. Пьяницей он не был - пьяницы до полковничьего звания не дослуживаются - но иногда позволял себе выкушать хорошего вина или коньяка. Медленно поглощая ужин, смакуя коньяк, Павел Владимирович в прекрасном настроении смотрел в окно и любовался живописным ландшафтом северной русской природы. Тут к нему за столик подсади два интеллигентных молодых человека: в прилич-

ных костюмах, свежих рубашках, при галстуках, аккуратно подстриженные, один - в модных очках с затемненными стеклами. Обычно полковник остерегался дорожных знаков. Но эти парни выглядели безобидно и, судя по разговору, учились в каком-то ленинградском институте. Молодые люди скучали в ожидании заказанного ужина, и Павел Владимирович предложил распить с ним оставшийся коньяк. А когда его соседям принесли ужин и среди съестного - бутылку коньяка, они в свою очередь пригласили Павла Владимировича присоединиться к дегустации напитка. И он не отказался. Надо отметить, что полковник был крепким мужчиной, и для сильного опьянения спиртного ему требовалось немало. Поэтому он без опасений согласился опрокинуть еще пару рюмочек - он чувствовал себя вполне нормально. Павел Владимирович осушил одну стопочку, побеседовал со своими новыми знакомыми о всякой всячине. Потом выпил еще и... внезапно «отключился». Очнулся он в незнакомой комнате - это был Жердянский медвытрезвитель.

- Типичная история, - прокомментировал капитан Алешин, который подошел в самом начале исповеди отставного полковника.

- Разбил стекло? - знакомясь с протоколом, удивлялся Павел Владимирович. - Посмотрите на мои руки - ни царапинки. И часть денег исчезла. Сотенная в бумажнике лежала и более двухсот рублей разными бумажками в карманах. А по протоколу числится только сотня - наверное, остальное «бедные студенты» позаимствовали. Взаимы, до стипендии, - невесело шутил Павел Владимирович.

- Давайте запишем ваши показания. Заведем дело, - предложил Алешин.

- Ни в коем разе! Наоборот, хотелось бы поменьше огласки. Деньги наживу.

- Тогда придется заплатить за медвытрезвитель и штраф за пребывание в алкогольном опьянении в общественном месте. И еще останется денег на дорогу, - принял решение Алешин.

По большому счету, полковник легко отделался - могли его и попросту выкинуть на ходу из поезда.

Перед уходом мы растолкали Пашу и опохмелили его прибереженной с вечера стопкой водки.

Глава 8. ЗАЯЧЬЯ МЕСТЬ

День международной солидарности трудящихся я встречал в стенах больницы - поставили дежурство. Как назло, погода выдалась теплая, солнечная - настоящий майский день. Лучше бы мне пройтись с коллегами в рядах демонстрантов, подышать превосходным весенним воздухом, послушать речи местных вождей (я всегда относился к подобным выступлениям с определенной долей юмора), а потом - к праздничному столу. Но таков мой сегодняшний жребий - служить медицине и советскому народу! Это, конечно, шутка, а если всерьез - кому-то надо и в праздники работать, тем более что начмед (заместитель главного врача по медицинской части) всегда идет мне навстречу и даже позволяет иногда снимать рабочие дни во время дежурств в медвытрезвителе.

Дежурный врач в Жердянской ЦРБ в те годы был один на все отделения, но при необходимости мог вызвать любого специалиста. С утра я неторопливо прошелся по больнице и осмотрел тяжелых больных. Потом принял поступившего в приемный покой пациента с пневмонией, назначил лечение. В обед, как полагается, снял пробу на пищеблоке - плотно и с аппетитом покушал, а затем улегся на диване в ординаторской перед телевизором. Меня потревожили только вечером, после ужина: позвонили из приемного покоя - «скорая» привезла больного с черепно-мозговой травмой. Я спустился на первый этаж и прошел в комнату для осмотра.

Вот это сюрприз! На кушетке лежал капитан Алешин. В гражданской одежде. Без сознания. Участковая больница научила меня многому, в том числе - не теряться в любой ситуации. И теперь всегда в экстренных случаях во мне как бы поворачивается невидимый тумблер, сразу отключающий все эмоции, появляются собранность и хладнокровие, и я, не обращая внимания на стенания родственников больного, на любопытные взгляды случайных прохожих (если приходится оказывать помощь на улице), быстро оцениваю состояние больного и принимаю соответствующие меры. Вот и сейчас я сразу приступил к осмотру. Одежда - без повреждений. На затылке - ушибленная рана 5 на 0,5 см с неровными краями, умеренно кровотоцит. Кости черепа на первый взгляд целые - точные сведения даст рентген. Ранений тела я не обнаружил. Больной находился в состоянии неглубокой комы, сохранялась умеренная реакция зрачков на свет, дыхание и гемодинамика пока не нарушены.

- Возьмите кровь на алкоголь... и, пожалуй, еще на глюкозу, а потом позовите рентгенлаборанта - нужны снимки черепа, - отдавал я распоряжения персоналу приемного покоя. - И вызовите травматолога.

Рентгенограммы осмотрел еще мокрыми - кости черепа неповрежденные, внутречерепной гематомы не обнаружено. Уже хорошо! Я поместил капитана в хирургию, в палату ИТР (реанимационного отделения в больнице не было), он начал понемногу приходить в сознание, но меня не узнавал и вообще пока не ориентировался в обстановке. А вот и ответы анализов: глюкоза крови в пределах нормы, содержание алкоголя соответствует легкой степени опьянения. Подошел травматолог - толстый очкастый мужчина годов этак под пятьдесят. От него пахло водкой и солеными огурцами.

- С праздником, Сергей Николаевич! - поприветствовал я коллегу.

- Вас также, Николай Палыч! Что там?

- Черепно-мозговая травма. Предположительно ушиб головного мозга.

Травматолог ушел в палату, а я позвонил в дежурную часть милиции - как положено в таких случаях.

- Сейчас к нему нельзя - состояние тяжелое, - в заключение добавил я. - Если только завтра, с разрешения заведующего отделением.

Вернулся травматолог, уселся заполнять историю болезни.

- Какой прогноз? - поинтересовался я.

- Жить, возможно, будет, - произнес Сергей Николаевич с некоторой долей «черного» юмора. - Служить - навряд ли.

Через час травматолог ушел домой, а я остался дежурить. Ночь прошла без приключений, даже «скорая» никого больше не привезла. К утру Алешин полностью пришел в сознание и наконец-то узнал меня.

- Что случилось? - задал я естественный вопрос.

- Не знаю, - медленно произнес Алешин. - Шел в гости, удар по голове... и отключился.

3 мая я дежурил в медвытрезвителе. Народ все еще энергично пьянствует - у нас полные палаты клиентов. И откуда силы берут? И водку? Водка в последнее время стала продуктом дефицитным - не всегда и купишь. Ну, естественно, нас это не касается - Алканавтыч покупает спиртное в соседнем гастрономе по благу в неограниченном количестве.

Стали известны кое-какие подробности о капитане Алешине. На него напали вечером, после семи часов, когда он, слегка подвыпивший, отправился в гости. И в пустынной темной аллее кто-то огрел его сзади по голове увесистой палкой и тут же скрылся. Удар был один-единственный, но и его досыта хватило бедному капитану. Свидетелей нападения не было.

Вечером я съездил с Алканавтычем в больницу. Водителя к капитану не пустили - свидания запрещены (исключение сделали только для следователя), ну, а для меня в родной больнице запретов нет. Алешин лежал все там же - в двухместной палате ИТР, бледный, немного заторможенный. Пожаловался мне на головные боли, головокружение и потом выдал:

- Знаешь, Николай Палыч, я думаю, что отдыхом здесь я обязан только «зайцу». Сердцем чую. Не зря он меня выслеживал.

- Филимонов? - удивился я.

- Он. Или сам, или нанял кого-нибудь. Больше некому. Сначала я - его, а теперь, выходит, он - меня. Так сказать, по закону бумеранга, - философски добавил Меняла. - Следователю я не сказал ничего - начнут выяснять мотивы, вспомнят жалобу. Зачем мне эти заморочки? Мне теперь о пенсии думать пора.

Я возвращался, одолеваемый сомнениями. С одной стороны, я стал, несмотря на антипатию, даже уважать Филимонова - сумел-таки сквитаться с обидчиком. Но все же - за два несерьезных (по последствиям) удара отправлять человека на инвалидность! (А то, что Алешину после такой травмы «светит» инвалидность, я не сомневался.) И самое главное: если сегодня можно безнаказанно избить грубого милиционера, то завтра вполне будет реальным - нанесение увечий слишком любопытному следователю, или - убийство судьи, назначившего бандиту максимальный срок. Самосуд может запросто привести к анархии.

Около полуночи мы стали, как обычно, освобождать палаты. Кое-кто из клиентов скандалил, намереваясь остаться до утра, и обосновывал свои претензии тем, что деньги за вытрезвитель все равно с них возьмут, и теперь-де они имеют право хорошенько выс-

паться. На это старший лейтенант Рыбалко тоже обоснованно отвечал, что вытрезвитель не постоянный двор и граждане здесь содержатся только до протрезвления. У каждого своя логика!

- Ну куда я пойду? Куда? На ночь-то глядя! - хриплым голосом вопрошал бригадир из дальнего совхоза, который шесть часов назад заснул в алкогольном опьянении на автобусной остановке.

- На вокзал, - невозмутимо сказал Рыбалко.

Оставили только двоих - они поступили несколько часов назад и до утра их лучше не будить. Алканавтыч, сославшись на нехватку бензина, загнал фургон в гараж, да сам там и остался. Немного погодя в гараж прошли сержант Саша и старшина Володя, и вот уже полчаса, как их не видно. Вероятно, пьют водку. Мы с Рыбалко остались вдвоем, и я по секрету сообщил ему о подозрениях Алешина.

- Значит, Филимонов, - внимательно посмотрел на меня старший лейтенант. - А почему не сообщили бы следователю?

- Алешин не хочет поднимать шума.

- Ясно, - протянул Рыбалко со скептической усмешкой. - Помнится - еще жалоба была...

Я всегда считал Рыбалко умным человеком. Из всей вытрезвительской братии, включая добросовестного, но недалекого капитана Качалкина, старший лейтенант заметно выделялся значительным интеллектом (с ним, например, можно было на равных побеседовать о современной и классической литературе - до службы в милиции Рыбалко закончил пединститут, обсудить достоинства и недостатки очередного кинофильма, сыграть в шахматы), сообразительностью и нередко - настоящей прозорливостью.

- Ладно - не будем копать в прошлом, - продолжал Рыбалко. - Дубинкой по черепу в любом случае - это перебор. Совсем обнаглели! Ты, Николай Палыч, ни с кем больше эту тему не поднимай. Я сам потихоньку наведу справки.

Глава 9. НА КРЮЧКЕ У РЫБАЛКО

В конце мая зарядили проливные дожди, и число клиентов в медвытрезвителе сразу сократилось - все пьют водку дома. Сегодня последний день весны. С утра опять беспрерывно льет с небес вода, в палатах - тишина, и пустые койки сиротливо белеют свежими простынями. Пьяных нет. Штиль. В обед к нам пришел капитан Алешин - его вчера выписали из больницы. Я заварил чай, вызвал из кабинета капитана Качалкина.

- Ухожу на инвалидность - вторая группа, - рассказывал Меняла, размешивая в стакане кусочек рафинада. - Голова теперь часто болит и кружится. Наклоняться не могу - того и гляди, носом в землю зароюсь. С памятью иногда проблемы появляются. К службе негоден! Но что ни делается - все к лучшему. Пенсию дадут. И выходное пособие по инвалидности теперь целых десять тысяч рублей! Куплю дом в деревне. Или дачу. Поросят буду выращивать, курочек заведу...

Алешин ушел в дежурную часть рассказывать о поросятах и будущей инвалидности. Качалкин вновь заперся в кабинете. Сержантский состав уехал на поиски пьяных.

- Самое время поговорить. Так сказать, продолжение темы, - Рыбалко достал из кителя маленький блокнотик, окинул взглядом страницу, исчерканную неразборчивым почерком. - Справки я навел. В тот вечер, когда Менялу треснули по затылку, главный подозреваемый Филимонов отмечал праздник у своего приятеля - председателя поселкового совета Рогова.

- «Мэра»? - уточнил я.

- Совершенно верно. А дом, где живет Рогов, расположен рядышком с домом Алешина, окна у «мэра» прямо на его подъезд глядят. Прекрасный наблюдательный пункт. И приблизительно в то время, когда Меняла собрался в гости, пьянка у «мэра» была в самом разгаре - дым коромыслом. Компания многочисленная, кто-то пьет, кто-то в туалете с унитазом обнимается, кто-то на лестнице курит. В такой обстановке Филимонов вполне мог незаметно выскользнуть и так же незаметно вернуться. Кстати, по моим сведениям, это очень смелый и физически крепкий мужчина. В институте много он лет занимался спортом - кажется, многоборьем. В общем, Филимонов способен на решительный поступок - особенно в алкогольном опьянении.

«Смотри-ка, уже завел своих личных информаторов! - с уважением подумал я. - И это на такой незначительной должности. Смотрит в будущее. Стратег!» Совсем недавно мне стало известно от капитана Качалкина, что Рыбалко готовится шагнуть на новую ступень служебной карьеры. В июне у старшего лейтенанта будет сессия, а потом он к нам не

вернется - переводят в ОБХСС (один из сотрудников отдела уходит на пенсию). И неофициальное расследование по делу изувеченного Менялы для Рыбалко - своеобразная проба сил.

- Раскрутить это дело несложно, - продолжал Рыбалко. - К сожалению, Алешин не хочет... точнее, побаивается возможных сопутствующих осложнений.

Рыбалко спрятал блокнотик обратно в карман.

- Но без последствий оставлять тоже нельзя. Обнаглеет. И так эти районные начальники считают себя совершенно неподсудными: дескать, для нас закон не писан. Надо их учить! Но без горячки. Наверняка. Спешить не будем. Как говорил товарищ Ленин: мы пойдем другим путем! Молодой человек живет явно не по средствам - одет с иголки, у жены шуба новая натуральная - из нутрии, дача выстроена громадная, машину купили. Откуда деньги? Понаблюдаем, побеседуем с народом и, если что-то найдем, влепим ему на полную катушку!

На улице хлопнула дверца автофургона, и вскоре в приемную ввели первого за сегодняшний день клиента. Пьяный и грязный представитель несознательной части пролетариата.

- Попрошайничал у пивбара. Надоедал проходим, - пояснил сержант Саша.

В приемную заглянул капитан Качалкин:

- Я - в райисполком. Оттуда - домой.

Вечером к нам зашел сержант Паша вместе со своим сослуживцем старшим инспектором ГАИ лейтенантом Корытовым - худощавым молодым человеком лет тридцати. Оба были в полной гаишной экипировке, с красивыми сверкающими бляхами на груди и полосатыми жезлами в руках. Они только что закончили проверку на дорогах, и Паша, по старой памяти, решил навестить бывших коллег.

- Давайте устроим вечер встречи старых друзей! - с юмором предложил он. - А заодно проводим последние весенние деньки.

Алканавтыч сбегал в гастроном и взял литр водки (платили гости!), пару банок рыбных консервов и буханку черного хлеба. В пиршестве приняли участие все, кроме Рыбалко - он писал конспект по марксизму-ленинизму и не хотел отвлекаться. А лично мной двигало чувство любопытства: в нашей компании появилось новое действующее лицо, и мне было интересно познакомиться с мировоззрением типичного «рыцаря» дневных и ночных дорог. Но лейтенант Корытов пил водку молча, мрачно - словно выполнял тяжелую неприятную работу - и к нашим разговорам не присоединялся. «Бедные водители!» - подумал я, наблюдая за его непроницаемым лицом.

Водка кончилась быстро, и мы стали шарить по карманам, намереваясь объединить и подсчитать наши финансы. В это время мимо здания милиции проехал старенький «Москвич-412» и остановился у гастронома - прямо за знаком «остановка запрещена».

- Вот еще бутылка водки подъехала! - радостно потер руки Паша. - Сейчас я его обработаю.

Он деловито выскочил на улицу, подошел к водителю «Москвича», но вскоре вернулся очень разочарованный.

- Облом, - развел он руками. - Это свои - лейтенант из соседнего райотдела.

Пришлось всем складываться: денег набралось немного - только-только на одну бутылку водки. Но Алканавтыч сбегал в дежурную часть, занял и в итоге купил две бутылки. Я выпил вместе со всеми две стопки и решил прерваться - завтра идти на прием в поликлинику. Меня никто не удерживал - пьянка набирала обороты, постепенно приближаясь к той стадии, когда каждый из присутствующих занят исключительно самим собой. В перспективе намечался очередной рейс в гастроном. Умывшись, я ушел в пустую палату и проспал там до самого утра...

Глава 10. ДЕНЬ МОЛОДЕЖИ

Нашего полку прибыло - «группа захвата» пополнилась сержантом Лешей. Это был невысокий ловкий парень, коротко стриженный, с комсомольским значком на кителе. Он первый год после демобилизации из армии: сначала несколько месяцев был в патруле, а потом подполковник Рогожников решил перевести его на освободившееся место в медвытрезвитель. Сегодня у него первая смена, и в столе ждет вечера принесенный новичком литр водки.

Дежури́м без офицера. Рыбалко уехал на сессию, и вообще он для вытрезвителя потерян - его собираются переводить в ОБХСС на освободившееся недавно место. Обязанно-

сти дежурного временно возложены на старшину Володю. Работы сегодня невпроворот: выходной день и вдобавок День Молодежи. В палатах полным-полно представителей молодого поколения - пьяных, наглых и очень упрямых. Старшина даже устал вытряхивать их из одежды - добровольно никто не раздевался. По углам приемной разбросаны оторванные пуговицы.

Около пяти вечера притащился капитан Качалкин - опасается, как бы подчиненные в честь праздника не перебрали «горячительного». Одет он в гражданское - синие спортивные брюки, короткий пиджачок, футболка и чистые желтые носки (к нему недавно вернулась жена, что сразу отразилось на свежести носков и рубашек нашего начальника). Качалкин прошелся по коридору, с довольным выражением лица прислушиваясь к пьяному гомону палат.

- Порядок! - похвалил он нас. - Хлеб не зря едите.

- Народ сегодня словно взбесился, - пожаловался старшина. - Хотя всех подряд в вытрезвитель забирай.

В приемную вошел капитан Алешин или, точнее, почти бывший капитан, про которого, как поется в песне Высоцкого, можно было смело сказать: «...никогда ты не станешь майором!» Одет в потертые джинсы, самодельный вязаный свитер, помятую кепчонку.

- Как жизнь, старина? - непринужденно поинтересовался Качалкин.

- Все еще на больничном. ВТЭК будет в конце августа. Болтаюсь как г... в проруби.

- А сам-то как?

- Похвастаться нечем, - погрузился Меняла. - Здоровье не вернуть. Голова часто побаливает, кружится. Силы прежней нет. С этим делом, - Алешин выразительно щелкнул себя по кадыку, - ни-ни. Завязал.

- Сочувствую, - произнес Володя.

Алешин неожиданно обиделся.

- Да ну вас! Тут всерьез говоришь - смешочки неуместны.

Недовольно ворча, он ушел. Начальник укоризненно посмотрел на старшину, но сказать ничего не успел - дверь распахнулась, и сержанты втолкнули в приемную очередного клиента. Пьяный потасканный брютет, по возрасту давно переваливший тридцатилетний рубеж. На щеках - густая щетина. Гонора не занимать.

- За что взяли?! - верещал он. - Праздник сегодня - День Молодежи. Имею право выпить.

- Тоже мне - молодежь! - усмехнулся наш начальник.

- А тебя не спросили, сморчок вонючий, - огрызнулся брютет.

Качалкин молча залепил ему пощечину.

- Да кто ты такой?! - завизжал брютет. Его смущала гражданская одежда Качалкина.

Хлесь-хлесь! Еще парочка пощечин.

- Кто такой? Догадайся!

- А-а. Ты, наверное, из ментов. Погоди! Подловлю потом на улице - всю жизнь на таблетки работать будешь.

Переглянувшись, мы с Володей вышли в коридор. Мне было неудобно за поведение Качалкина, который всегда проповедовал гуманное отношение к задержанным, а кроме того, в случае жалобы, можно будет вполне правдиво отвечать: «Ничего не видел! Ничего не знаю!» Из приемной доносилась частая канонада пощечин: упоминание о таблетках после недавней встречи с ущербным Алешиным разозлило Качалкина, и он всерьез принялся за нетрадиционные для него методы воспитания. Надо признать, что капитан все же знал меру: пощечины увечий не причинят, они просто унижают и... отрезвляют. Наступила тишина.

- Понял теперь - кто я такой? - переводя дыхание, спросил Качалкин.

- Все понял, гражданин начальник, - скромно ответил брютет.

«Наверное, он раньше «сидел», - сделал я вывод на основании этой фразы, поскольку обращение «гражданин начальник» чаще всего употребляется бывшими заключенными. - И по всему - какая-то шелупонь. Очень уж он быстро сдался». Мы вернулись в приемную. Щеки задержанного сияли ослепительным румянцем - словно он неожиданно сильно смутился.

- Раздевайтесь, - приказал старшина «смущенному» брютету.

Возражений не было.

И через час - снова доставлен клиент! Крупное «бульдोजье» лицо, крепко сбита коротконогая фигура. Возраст почтенный - на вид не менее шестидесяти лет, но здоровья еще хватает, и стариком его не назовешь, а только - пожилым человеком. Пьяный. Агрес-

сивный.

- Я за вас кровь проливал! - барабанил он себя в грудь кулаком. - Я ветеран войны.

- В магазине скандалил с покупателями. Оскорблял, - доложили сержанты.

- Удостоверение участника войны с собой? - поинтересовался я.

- Забыл дома.

- Знаю я его, - сказал старшина. - Петр Андреевич Шамаев. Участник Великой Отечественной войны - это верно. Не соврал. Начинать воевать под Москвой, в заградотряде. Мне мой батя покойный, фронтовик, много чего рассказывал - знал он Петра Андреича, как облупленного. наших солдатиков пулеметом в атаку загонял - сам сзади отсиживался. А потом на севере служил - заключенных-политиков в лагере охранял, гноил заживо.

- А все-таки служил, а не в тылу ряжу наедал! - злобно ответил Шамаев. - Врагов народа тогда ох как много было. Да и сейчас осталось немало, - двусмысленно добавил он, посмотрев на старшину.

- Взять его мы не имеем права, - сказал я сержантам. - Ведите в дежурную часть - пусть сами решают.

Около одиннадцати ночи выпустили пять человек - из тех, кто попал к нам днем и успел протрезвиться.

- Счастливо, ребята! - напутствовал их старшина. - Танцплощадка уже закрылась.

- Еще разок прокатимся и - шабаш! - заявил водитель. - Бензин кончается.

Все понятно - Алканавтычу захотелось выпить. «Группа захвата» уехала, а мы со старшиной сели чаевничать. Не успел я допить первую чашку - в приемную, тяжело отдуваясь, вошла рыхлая двадцатикилограммовая туша жира и костей. Это дежурный по району милиции майор Басалаев, который вместо Алешина теперь постоянно работает в нашей смене. Майор страдает ожирением и хроническим бронхитом, одышка и кашель постоянно терзают его крупное тело. Но, несмотря ни на что, курит он беспрестанно, и сейчас у него в зубах неизменная папироска.

- Слышали новость? Ваши молодцы квартирного вора задержали, - удивил он нас сообщением. - Поеду на место происшествия.

За окном уже сигнализировал патрульный экипаж. Через полчаса обе машины - наша и патрульная - вернулись обратно. Хлопали автомобильные дверцы, раздавался чей-то возмущенный крик, вполголоса переговаривались сотрудники. В свете уличного фонаря ориентироваться было нелегко, но я все же сумел разглядеть сгорбленную фигуру задержанного.

- Потасили в дежурную часть, - сообщил я Володе, который, не отвлекаясь по пустякам, пил уже вторую чашку чая. - Пойду посмотрю.

В дежурной части, в обезьяннике, сидел постоянный клиент вытрезвителя Ленька-алкаш.

- По ошибке я туда попал, - бубнил он, вытирая рукой разбитый нос. - Разобраться надо, гражданин начальник. Недоразумение получается.

- В нашей работе ошибки случаются редко, - попыхивая папиросой, ленивым тоном отвечал майор Басалаев. - А с тобой все ясно. Факты налицо: задержан ночью в чужой квартире, с поличным. Взломал балконную дверь путем разбития окна. Оказал сопротивление сотруднику милиции. Теперь пойдешь по 144-й статье, заодно и статью 191-ю тебе навесят. На зоне тебя давно жаждали.

Наконец-то все собрались за столом. Водку разлили по стаканам, выпили за успехи нового сотрудника.

- Ждем рассказа о сегодняшнем подвиге, - с небольшим оттенком иронии сказал старшина, аппетитно похрустывая соленым огурчиком. - Задержание преступника в вытрезвителе случается не часто. Вам всем, наверное, дадут по ордену.

- Скорее по выговору, - скептически заметил сержант Саша.

- Предыстория этого подвига смахивает на анекдот, - вступил в разговор водитель. Употребленная порция водки, как всегда, благотворно повлияла на ораторские способности Алканавтыча, и речь его лилась правильно и непринужденно, как у заправского чтеца-декламатора. - Наш кадровый клиент Ленька-алкаш вместе с сожительницей Танюхой решили отпраздновать День Молодежи. И хотя Ленька был уже не юноша - молодость свою прогулял и разменял в исправительных колониях - это его не смущало, Ленька давно отмечал все праздники без разбора - и советские, и церковные - и практически всегда находился в алкогольном опьянении. Итак, с утра он откушал пива, в обед вместе с Танюхой усидели почти две бутылки водки - и в «отключку». Проснулись к ночи и опохмели-

лись малой толикой оставшейся в бутылке водки. Потом решили сделать променада, Великолепная летняя ночь радовала слух птичьим щебетанием и разнокалиберными пьяными криками - где-то во дворах пели под гармошку. Страстно захотелось выпить, но взять было негде, и Танюхе пришла в голову идиотская мысль: она решила позаимствовать выпивку у бывшего мужа, мимо дома которого они в этот момент проходили. Зашли в подъезд, постучали - никого. Вероятно, уехал к матери в деревню. Не беда - всего второй этаж, и дверь на балкон обычно не запирается. А там, в холодильнике, водка всегда припасена, и закусочка непременно имеется - бывший муж отличался скопидомством и умеренностью в употреблении алкоголя. А потом, когда он вернется, можно будет все вернуть, - Алканавтыч на минуту замолчал, раскуривая папиросу. - Ладно, с Танюхи спрос невелик - женщина она недалекая. Но как мог Ленька, с его «тюремными университетами», клонуть на такую бредовую идею. Какие только глупости не совершаются на пьяную голову! Они обогнули дом, так как окна выходили на другую сторону, на дорогу, и Танюха указала Леньке на балкон. К несчастью, спяну и в темноте она ошиблась, и Ленька, ничего не подозревая, храбро полез в чужую квартиру... А теперь передаю слово главному герою дня, задержавшего час назад этого опасного преступника, - закончил монолог Алканавтыч и театральным жестом протянул руку в сторону сержанта Леша.

Смущенный великолепием ораторского дара водителя, Леша говорил медленно, стараясь выражаться грамотно и интересно:

- Тащимся на малой скорости по улице, все трое сидим в кабине. Приблизилась к пятиэтажке на улице Энтузиастов. Вдруг слышим - звон стекла раздался. Пригляделся (зрение у меня отличное!) - на втором этаже, на балконе, мужик в квартиру лезет. Стекло разбил и рукой там чего-то шарит - шпингалет, наверное, ищет. Фары погасили, потихоньку подобралась ближе - женщина какая-то прочь припустилась. Я из кабины выпрыгнул и - к балкону. Подтянулся, перелез через перила и вошел в квартиру. Однокомнатная «хрущевка». В кухне свет горит. Зашел и вижу - в холодильнике мужик копается. Поспешно так копается, лихорадочно. В кармане пиджака - бутылка водки, в руке - палка копченой колбасы. Хорошо отоварился! Меня увидел - колбасой замахнулся. Ну, думаю, наглец! Я же в форме. Врезал я ему от души прямо по носу, а потом тут же в живот заехал ногой. Он согнулся. Тут Саша подскочил - тем же манером, через балкон. Скрутили мы Леньку, разбудили соседей. Те глаза выпучили: «В первый раз этого мужика видим!» Значит, вор. Позвонили в дежурную часть от тех же соседей.

Старшина раскупорил вторую бутылку. Приняли еще по сто грамм.

- Может, Ленька действительно перепутал? - предположил я.

- Это неважно. В любом случае он лез в чужую квартиру за водкой, то есть совершал кражу с заранее обдуманной целью, - пояснил Володя. - Стекло на балконной двери разбил - значит, взломал дверь. Взяли с поличным. Учитывая старые грехи - пятилетку проживет на казенных харчах.

Старшина посмотрел на часы.

- Ого! Три часа ночи. Все, мужики, пора расходиться.

Глава 11. ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ НЕ ВЫКЛЮЕТ

Нынешнее лето наверняка войдет в историю России - вступил в действие печально знаменитый «пьяный» Указ Горбачева. Похоже, генсек сочинил его в состоянии крепчайшего подпития: на юге безжалостно вырубается виноградники - основа местного благополучия, повсеместно сокращается количество винных отделов. Спиртные напитки становятся дефицитными - на радость подпольным торговцам.

В Жердянке закрыли пивной бар, восемь винных отделов и теперь пытаются бороться с самогонварением. Пустой номер! Аппараты изготавливают даже трезвенники, так как в райцентре более половины населения живет в собственных домах, и алкоголь для хозяев не столько напиток, сколько универсальное средство расчета. Водка теперь продается только в ограниченных количествах, при значительном скоплении покупателей. Поэтому вечерами нелегальные шинкари взвинчивают цены на спиртное вдвое выше государственных. Спрос рождает предложение!

Но выпившим теперь на улицах лучше не появляться - загребут в медвытрезвитель моментально. Пейте дома под подушкой! Из областного центра к нам в медвытрезвитель приезжал врач-инспектор. Средних лет невысокий дядечка в очках, с брюшком. Показателями работы остался доволен, но посоветовал ужесточить отбор клиентов. Так сказать, в свете Указа Генерального секретаря.

- Берите всех, кто выпил хотя бы две кружки пива или двести граммов водки.
- А если неизвестно, сколько выпито? И движения вполне координированные, не падает? - поинтересовался я.
- На ваше усмотрение. Но вообще рекомендую всех пьяных, появляющихся в общественных местах, препровождать в медвытрезвитель.
- Независимо от степени опьянения?

Инспектор внимательно посмотрел на меня сквозь очки - мой вопрос ему не понравился, и видно было, что он сомневается: стоит ли продолжать этот разговор?

- Для нас с вами главное - очистить улицы от пьяных, - наконец ответил он веским менторским голосом. - Но, разумеется, документы оформляйте правильно. Короче, ставьте среднюю степень опьянения, и все дела...

Пьянствовать в вытрезвителе стали осторожнее - опасаются возможных проверок. Алканавтыч теперь по вечерам постоянно ставит машину «на ремонт» и скромно пьет в полумраке гаража, смакуя самогонку собственного изготовления.

А у меня наконец-то подошел отпуск - целых 27 рабочих дней! И хотя наступил август, и дни пошли прохладные и дождливые, настроение у меня превосходное - этот отпуск я с семьей решил провести «на югах», в Крыму - «дикарями», где все еще стоит жара, плещутся теплые волны и исчезает за горизонтом белый теплоход. Весь год я копил деньги, ограничивая себя во многом, и сейчас вместе с отпускными у меня получилась сумма, позволяющая свободно, без строгой экономии, провести пару недель на южном солнце.

В назначенный день я поехал в областной центр выкупать авиабилеты. Выехал рано утром на автобусе (езды не более трех часов), и к обеду билеты лежали у меня в кармане. До отъезда оставалось целых пять часов, и я заглянул в гости к своему сокурснику - ныне врачу городской больницы. Он оказался дома - отдыхал после дежурства, и в холодильнике у него вполне к месту нашлась бутылка водки. Обета трезвости я не давал, а на глупые Указы Горбачева нам обоим было просто наплевать. За неспешными воспоминаниями мы как-то незаметно, стопку за стопкой, осушили поллитровку, а потом я засобирался на автовокзал.

К своему автобусу я ехал заблаговременно - за два часа до отправления. Не люблю опаздывать, спешить, всегда стараюсь оставлять себе резерв времени. Городской автовокзал встретил меня духотой, грязью и людским многоголосьем. Я медленно шел по залу, приглядывая свободное местечко... и наткнулся на милицкий патруль. Два паренька в форме - лет по двадцать с небольшим каждому. Один маленький, тощенький, второй ростом повыше, чернявый, с тонкой щеточкой усов.

- Гражданин, пройдемте с нами! - без предисловий сказал мне малорослый патрульный.

- А в чем дело?

- Вы пьяны.

Подобное утверждение было спорным, поскольку координация движений у меня не нарушена, язык не «заплетается», только немного пахнет водкой и поблескивают глаза. Но за время работы в медвытрезвителе я прочно усвоил золотое правило - не спорить с милицией. Это бесполезно и глупо. У людей в милицмейской форме всегда найдется несколько законных поводов для задержания. И особенно глупо связываться с молодежью, наподобие этих патрульных: отсутствие жизненного опыта, неудовлетворенные амбиции, желание утвердиться, порою - тщательно скрываемая неуверенность в себе, все может выплеснуть из них в форме какой-нибудь грубой выходки или, если нарвешься на подлюков, припишут ко всему и чужие грехи. И такое бывает. Поэтому я без звука пошел с ними. Меня усадили в задний отсек милицмейского «козлика» и с ветерком домчали до городского медвытрезвителя.

- В алкогольном опьянении бродил по автовокзалу, - объявили патрульные, представив меня пред ясные очи дежурного офицера.

Я с профессиональным любопытством озирался по сторонам. Помещение просторное, и дежурный офицер располагался не за столом, как у нас в Жердянке, а едва высывался из-за высоченного деревянного барьера, обрамленного сверху толстым стеклом. В остальном все было как в нашем вытрезвителе: стены, покрашенные в тоскливый серый цвет, обшарпанный пол, бесподобный аромат мочи и пота, коренастый старшина с медвежьими лапами. Даже кушетка для клиентов схожая с нашей. Я словно бы раздвоился - обстановка до боли родная! А вот и фельдшер вошел - немолодой мужичок с усталым безразличным взглядом. Тоже, наверное, какой-нибудь терапевт, подрабатывающий здесь

в свободные часы. И я - в необычной для меня роли клиента медвытрезвителя! Так и хочется сказать самому себе: «Раздевайтесь, гражданин!»

Одновременно я понимал, что сейчас начнется черная полоса в моей жизни. Знакомство с городским медвытрезвителем обойдется мне дорого. И дело не в деньгах - это полбеды. Хуже, что обязательно сообщат в Жердянск, в больницу. Узнает, естественно, и капитан Качалкин. И это - в период оголтелой борьбы с пьянством. Гигантское море позора!

Я протянул лейтенанту паспорт и сел на кушетку, приготовившись к неизбежному - оформлению в медвытрезвитель. Этот процесс я знал досконально, поэтапно. Сейчас дежурный офицер записывает мои данные в черновичок, а потом аккуратно перепишет на официальный бланк и примется за проверку моих ценных вещей и денег. Все должно быть внесено в протокол, а утром передано мне в целости и сохранности.

Я держался по-прежнему спокойно, без истерики, без ругани, потому что знал - кроме резиновой дубинки по ребрам, ничего мне не добиться. И неважно, что опьянение у меня незначительное. Сейчас мою судьбу решали два человека - лейтенант и фельдшер, а с выходом «пьяного» Указа власть над клиентами они получили приблизительно такую, как чекисты в годы «красного террора». Я не спеша расстегнул пиджак, снял и положил рядышком.

- Какой ты послушный? Душа не нарадуется, - добродушно заметил старшина.

- А кому охота без пуговиц остаться! Или рукава потом пришивать, - столь же добродушно ответил я. - Знаю. Сам в вытрезвителе работаю.

- И где же вы работаете? - раздался из-за барьера недоверчивый голос лейтенанта.

- Я врач-терапевт из Жердянской ЦРБ. По совместительству второй год работаю фельдшером в медвытрезвителе.

Подобно сказочному заклинанию, оживляющему холодные мраморные статуи, моя фраза произвела удивительные метаморфозы. До этого между мной и сотрудниками медвытрезвителя как бы находился невидимый, но прочный барьер. Я был для них своеобразным ходячим и говорящим манекеном, цифиркой в ежедневном отчете, планктоном... И вот прозвучало несколько слов - и появляется интерес в безразличных доселе глазах старшины, как-то по-другому, по-свойски, смотрит фельдшер, добреет дежурный офицер. Теперь я для них человек. Коллега! И как-то сразу тут я понял, что оформление в медвытрезвитель отменяется. Ворон ворону глаз не выклюет!

- Это совершенно меняет дело, - лейтенант встал, превратившись в высоченного верзилу, и вышел из приемной.

«Пошел проверять мои слова», - подумал я.

- Оденьте пиджак. Помнется, - неожиданно предложил старшина.

Вернулся лейтенант, отдал мне паспорт.

- Все верно. Как решим? - повернулся он к фельдшеру.

- А что решать? Опьянение наилегчайшее - почти трезвый.

Обратно на автовокзал меня довезли на вытрезвительском фургоне, точнехонько к отправлению автобуса...

Глава 12. ВЫТРЕЗВЛЕНИЕ НОМЕНКЛАТУРЫ

Отпуск промчался, как вспыхнувший порох. Вокзальная толкотня, обжигающее солнце, вино и фрукты - все позади. И снова потянулось бесконечное чередование поликлиники и медицинского вытрезвителя.

Наша смена опять полностью укомплектована: появилось новое действующее лицо - капитан Метелкин. Он перевелся в Жердянск из исправительно-трудовой колонии, и после тамошних порядков служба в медвытрезвителе для него просто развлечение. Конечно, капитанское звание не соответствует должности дежурного офицера медвытрезвителя, но подполковник Рогожников заверил его, что это вопрос времени, и с освобождением вакансии Метелкина назначат на более ответственную работу. Капитан Качалкин отнесся к новому офицеру настороженно, справедливо рассматривая Метелкина как реального претендента на его кресло.

Внешность у Метелкина запоминающаяся - высокий, неплохо сложенный брюнет с усами «а ля Чапаев». Несмотря на сорокалетний возраст, брюшка почти незаметно, а седина едва-едва прикоснулась к его вискам. Голос зычный, командирский, с небольшой хрипотцой. Характер преимущественно флегматичный, но с какими-то лисьими повадками: душу ни перед кем не раскрывает, о прошлом не распространяется, известно толь-

ко, что он давно в компартии и даже имеет какие-то заслуги. Одним словом, ценный кадр и на мякине его не проведешь! Но мужик он компанейский, от коллектива не отделился и в свою первую смену принес традиционный литр водки.

Сегодня у Метелкина третья смена, и он вполне пообвыкся на новом месте. День с утра выдался хороший - клиентов не видать. Патруль доставил только одного слегка подвыпившего мужчину - взяли у собственного подъезда! - но я, памятуя о своих приключениях в городском медвытрезвителе, решил его отпустить. Степень опьянения легкая, помещению в медвытрезвитель не подлежит по инструкции. Патрульные ушли недовольными. После обеда к нам зашел Рыбалко.

- Как план, Николай Палыч? Горит?

- Бездельничаем.

- Не желаешь кое-куда прокатиться? На полчаса, - заинтриговал меня старший лейтенант. - Очень познавательная поездка.

Я вопросительно посмотрел на Метелкина - тот соглашающе кивнул головой. На улице Рыбалко подвел меня к новенькой «Яве» с коляской.

- Приобрел недавно, - похвалился он. - Из другой области гнал. Родственники достали.

Он уселся за руль, я - в коляску. Путь, как выяснилось, лежал в дачный кооператив.

- Покажу я тебе одну скромную дачу! - стараясь перекричать шум двигателя, надрылся Рыбалко. - Оценишь свежим взглядом.

Мы проехали железнодорожный переезд, потом - небольшой лесок. Вот и дачи! Попетляв по узким улочкам, Рыбалко заглушил мотоцикл на каком-то перекрестке.

- Обрати внимание налево. Через два участка. Ближе подходить не будем. Не хочу до поры светиться.

Я посмотрел и... оценил. Солидных размеров дом из бруса, с просторной верандой и мансардой, крыша высокая, крытая дефицитным оцинкованным железом. Все сооружение размещалось на мощном фундаменте из бетонных блоков. Добавьте ко всему - подземный гараж и новенькую рубленую баню неподалеку.

- Впечатляет? - спросил Рыбалко. - Здесь одних стройматериалов на восемь тысяч пошло. Плюс - доставка и плотникам за работу. А владелец этого скромного домика - наш общий знакомый гражданин Филимонов.

- Умеет жить! - со смешанным чувством восхищения и зависти произнес я.

- За чужой счет! По моим подсчетам, чтобы осилить такое строительство, ему надо было потратить свою пятилетнюю зарплату. При условии, что питаться, одеваться, покупать мебель его семейство будет на зарплату жены. А она получает что-то немного больше полутора сотен. Не пожирешь! Короче, ворует Филимонов. Пора его оформлять на казенную баланду. Заодно и за капитана Алешина сочтемся.

- Есть у меня один знакомый - мастер из лесхоза. Разговорчивый такой старичок. Любитель поболтать, - вспомнил я. - Надо будет мне с ним переговорить - аккуратно, келейно. Может, что-то подскажет - все эти пиломатериалы, кроме как из лесхоза, и взять неоткуда.

- Логично. Мысль неплохая, - одобрил Рыбалко. - Но вот именно - келейно, исподволь. Чтобы он сам, этот мастер, ничего не заподозрил. Под маской дружеского пьяного трепа.

На обратном пути, неподалеку от железнодорожного переезда, я увидел подходящих кандидатов для вытрезвления: на обочине, в придорожных кустах, расселись два пьяных мужичка и с азартом раскупоривали бутылку водки. «Группа захвата», посланная мной по горячим следам, застала собутыльников на прежнем месте, допивавших последние граммы драгоценной жидкости... Поздравив нас с почином, Рыбалко ушел к себе, на второй этаж, обдумывать планы борьбы с расхитителями социалистической собственности. «Придорожных» пьяниц поместили в дальнюю палату, а через час туда же последовал семейный скандалист - доставил патруль по заявлению жены. После пяти вечера «группа захвата» подловила в сквере трех зазевавшихся рабочих, сантехников местного ЖКХ, расположившихся на лавочке с водкой и закусками. И это в период действия «пьяного» Указа!

- Ничего не боятся! - удивлялся капитан Метелкин, оформляя протокол за протоколом.

Затем привезли скверно одетого и дурно пахнущего мужчину с недопитой «бомбой» (бутылка емкостью 0,8 литра). Его пришлось перевести в дежурную часть, так как в кармане лежало удостоверение инвалида второй группы (по инструкции таких клиентов в медвытрезвитель брать нельзя), пусть отдыхает в «обезьяннике». После семи часов вечера, когда закрылись винные отделы, наступило затишье. И мы увлеченно гоняли чай, иг-

рали в карты и периодически выпускали из палаты в туалет своих подопечных. Затем Алканавтыч ушел в гараж якобы поменять проколотую камеру, а сержанты с подозрительным рвением вызвались ему помогать.

- Принимайте подарок.

Два сержанта из вневедомственной охраны ввели в приемную клиента: старый знакомый - председатель Жердянского поселкового Совета товарищ Рогов, он же «мэр». Очки в позолоченной оправе, стильный костюмчик, элегантное пальто нараспашку. Пьяный и очень рассерженный. Начал, как всегда, с угрозы:

- Всех уволю!

Капитан Метелкин недоуменно посмотрел на него, и я вполголоса прояснил ему личность клиента.

- Ну и что, - невозмутимо ответил тот. - Перед законом все равны.

- На автобусной остановке приставал к женщине, нецензурно выражался, - сообщили сержанты и удалились.

- Так-так. Пьяница и хулиган - две стороны одной медали, - ироническим тоном прокомментировал капитан. - Ваше мнение, доктор: подходит он для вытрезвителя? По-моему, вполне.

Метелкин был спокоен, как танк, а может быть, просто хорошо скрывал свои эмоции. «Смелый мужик. Решил взяться за «мэра» всерьез. А впрочем, пора этого обормота проучить», - подумал я и... решил последовать примеру капитана. Надоел мне наш неприкасаемый и непотрезвляющийся «мэр» - за последние полгода он пять раз доставлялся в медвытрезвитель, и всегда по распоряжению капитана Качалкина нам приходилось его отпускать. И вот нашла коса на камень!

- Проведем экспертизу, - повернувшись к Рогову, произнес я стандартную фразу.

- Что?! Да я тебя завтра на все четыре стороны из больницы вышибу! - взвился тот. - В дворники пойдешь.

Старшина моментально приподнял его за шиворот.

- Он согласен на экспертизу, Николай Палыч, - сказал Володя с издевкой.

- Ладно. Но вы все еще пожалеете, - подчинился Рогов.

Занимался я с ним долго, тщательно проводя все известные мне пробы: клиент был высокопоставленный и в случае небрежности в оформлении протокола можно вляпаться в большие неприятности - вплоть до суда.

- Средняя степень опьянения, - подвел я итог. - Можно оформлять - и менее пьяных берем.

Капитан мило улыбнулся и внес в официальный бланк протокола паспортные данные задержанного. Судьба «мэра» решена!

- Вы это чего? - настороженно спросил Рогов, который только-только стал понимать, что его действительно собираются поместить в медвытрезвитель. - Позвоните своему начальнику.

И в его голосе впервые промелькнули просительные интонации.

- Еще чего придумашь! - отмахнулся Метелкин. - В данный момент начальник здесь - я.

- Я представитель власти! Председатель поселкового Совета!! Мэр!!! - визгливым голосом закричал Рогов. - А ты - мент зачуханный.

Метелкин недовольно поджал губы.

- Был ты мэр, а станешь - хер! - грубовато ответил он. - Степень опьянения соответствует, значит - переночуешь в палате. А на все твои должности - плевать!

- Доплюешься. Завтра же уволю! - надрывался председатель поссовета.

- Завтра тебя самого из кресла попрут.

Старшина, не обращая внимания на эту словесную перепалку, быстро и аккуратно снял с «мэра» очки и положил на стол.

- Производ, - ошарашенно прошептал Рогов.

- Выкладывайте на стол деньги и ценные вещи, - приказал капитан. - Не заставляйте применять силу.

Председатель поссовета заупрямился, и старшина сам опустошил его карманы.

- Сто двадцать рублей, бумажник, часы, блокнот, - записывал Метелкин. - А теперь - раздевайтесь до трусов.

- И не подумай.

Володя с тяжелым вздохом подошел к Рогову и привычным движением стянул с него

через голову пальто, пиджак и рубаху - «вывернул душу наизнанку». Разлетались по углам пуговицы, трещали рукава.

- Застенок, - прохрипел Рогов.

Володя опять вздохнул и стащил с «мэра» брюки с ботинками. «Мэр» остался в одних трусах - бледный подслеповатый мужичок астенического телосложения, со скудной растительностью на груди. Старшина сгреб одежду в единый комок и отнес в раздевалку.

- А теперь пусть господин мэр пообщается с народом, - ехидно ухмыльнувшись, приказал Метелкин, и старшина потащил Рогова в дальнюю палату. Там скопились все сегодняшние клиенты, воздух был насыщен перегаром и ароматом хронически немывтых тел, а у стены смердела большая лужа мочи, которую в знак протеста сделал кто-то из пьяниц.

- Я требую отдельную камеру! - пискнул председатель поссовета при виде этакой благодати. Но было поздно - тяжелая дверь с грохотом закрылась за его спиной.

- До чего номенклатура обнаглела! Даже здесь на отдельный кабинет претендует, - покачал головой капитан. - У нас сейчас в стране демократия. Плюрализм... Может, чаю скипятим?

Через полчаса в дверь палаты начали пинать ногой.

- Сатрапы! Тюремщики! - раздавался приглушенный голос «мэра» - он вышел из временного оцепенения и снова стал скандалить. - Все под суд пойдете! Впрочем, можно и договориться. Выпустите - все прошу! - попытался торговаться Рогов.

- Поздно, батенька, - флегматично пробормотал Метелкин. Протокол на «мэра» оформили полностью, и протокол был «номерной», с определенным номером, и его изъятие не допускалось. При пропаже даже одного «номерного» бланка дежурному офицеру приходилось составлять докладную начальнику медвытрезвителя. Теперь Рогов навсегда внесен в списки клиентов нашего учреждения со всеми вытекающими из этого последствиями.

Удары в дверь не прекращались и сопровождались ругательствами и бесконечными угрозами. Ярость Рогова усиливали язвительные замечания соседей по палате.

- Почаще бы тебе сюда попадать! Что, несладко в нашей шкуре? - гоготали они.

- Надо прекращать балаган, - решил Метелкин.

Старшина подошел к двери.

- Брось стучать. По-хорошему говорю.

Удары усилились.

- Пеняй на себя.

Сопротивляться нашему старшине - все равно что вступать в единоборство с гималайским медведем. Володя один фиксировал Рогова на кровати, привязав каждую его конечность к соответствующей ножке. Подзатянул узлы.

- Отдохни.

- Я сообщу прокурору, - стращал «мэр».

Старшина скомкал в руке грязную простыню и поднес к физиономии Рогова.

- Будешь орать - заткну рот кляпом.

«Мэр» замолчал - перспектива поужинать простыней его не устраивала. Я сделал соответствующую запись в протоколе, обосновав необходимость фиксации. Через час скандалиста развязали. Он упрятал гордыню подальше и больше нас не беспокоил.

- Завтра обязательно настроит жалобу. И не одну. Качалкин будет вне себя, - поделился я опасениями с капитаном.

- Не бери в голову, - спокойно ответил Метелкин. - Ты не учитываешь обстановку в «белом доме». Первый секретарь райкома - пень трухлявый - давно мандражит. Чувствует, что земля под ним горит, времена меняются. Осторожен он стал чрезвычайно. Старается не наделать неправильных шагов. Позвоню-ка я с утра в райком и, как коммунист коммунисту, доложу ему: «Творится безобразие: председатель поселкового совета нарушает Указ Генсека - пьянствует и хулиганит!» Я думаю, что у первого на это место и другие кандидатуры имеются. Тут «мэру» и крышка!

Выпустили утром Рогова в последнюю очередь. Облачившись в помятую одежду, с недостающими кое-где пуговицами, он утратил вчерашний лоск, глядел исподлобья, протокол подписывать отказался.

- Старшина, проведите гражданина Рогова в дежурную часть, - распорядился Метелкин.

- Что еще за фокусы? - фыркнул председатель поссовета, но говорил сдержанно, голова не повышал - вчерашний урок не забывался.

- Кроме оплаты услуг медвытрезвителя - это мы вычли из ваших наличных денег, придется еще раскошелиться, - «порадовал» его капитан. - Штраф за пребывание в алкогольном опьянении в общественном месте, хулиганское поведение. Можно и десять суток заработать!

- Ладно, сейчас твоя власть, а через час моя наступит!

- Сомневаюсь, - усмехнулся капитан.

«Мэра» увели. Метелкин посмотрел на часы.

- Половина девятого. Пора звонить в райком.

И уверенно поднял телефонную трубку.

Через несколько дней я узнал, что председателя поссовета сняли с должности. «Мэра» подвела демократия - всего год назад о помещении его в медвытрезвитель не могло быть и речи. А теперь, как простого пьянчужку, да в общую палату! Никакого солидного места Рогову, вопреки ожиданиям, не предложили. Попросту говоря, его выкинули на улицу. Впрочем, он оказался стойким человеком - не опустил руки, не спился, а переехал в другой район, где смог устроиться по своей основной специальности - агрономом в совхоз.

Глава 13. ЧТО У ТРЕЗВОГО НА УМЕ

В октябре моя семья справила новоселье: жене дали на работе квартиру в пятиэтажном доме. Событие чрезвычайное! И ему предшествовало много предварительных переживаний, которые стихли только после получения ордера. Квартира была однокомнатной, но хорошей планировки: с большой кухней и двумя лоджиями. Правда - пятый этаж, но после малосемейки это казалось нам несущественным.

После переезда я, как полагается, обустроивался на новом месте: проводил небольшой косметический ремонт, навешивал шкафчики на кухне, книжные полки, карнизы для штор. А потом я надумал поставить на лоджиях рамы, застеклить их и тем самым расширить полезную площадь квартиры. За помощью я обратился к Николаю Васильевичу, мастеру лесхоза, моему пациенту, частенько лечившемуся у меня в поликлинике по поводу остеохондроза. Там, в лесхозе, работал большой столярный цех, поставлявший на стройки двери и окна.

Николаю Васильевичу было за шестьдесят, но на пенсию он не собирался - позволяло здоровье, да и начальство, ввиду нехватки опытных специалистов, попросило его потрудиться сколько возможно. Встретились мы в его двухкомнатной квартире, за кухонным столом. Для упрощения разговора я выставил бутылку водки, тем более что попутно надеялся что-нибудь разузнать о Филимонове.

Мастер ознакомился с эскизами рам и пообещал сделать их в кратчайший срок и недорого. В процессе беседы я усиленно наполнял его стопку, а сам ограничивался половинками. Николай Васильевич против такого расклада не возражал, охотно приняв на веру мои объяснения, что, дескать, не могу пить много водки. Вскоре лицо старого мастера побагровело, нос приобрел фиолетовый оттенок, а глаза молодежато засверкали. Спиртное, как известно, часто развязывает сдержанные языки, и я решил кинуть пробный шар.

- Был недавно на дачах - заезжал к приятелю, - небрежно начал я. - Видел дачу Филимонова, директора Агроснаба. Солидное строение. Сразу видно хозяина - умеет жить.

Пьяненький Николай Васильевич с ходу заглотил наживку.

- За чужой счет прожить немудрено, - ответил мастер язвительным тоном. - Ему в позапрошлый год новую контору выстроили и склад подремонтировали - там он и поживился на дармовщину. Кое-что списал, часть - сэкономил: вот тебе брус и кровельное железо. Я-то знаю: у меня в Агроснабе свояк работает.

Я налил старику очередную стопку, которую он осушил с великим энтузиазмом и стал еще более словоохотливым. Моя тактика оказалась верной: прямые вопросы могли спугнуть старика, помнившего еще строгие сталинские времена, и тогда от него вряд ли удастся чего-нибудь добиться. А так - действуя ненавязчиво, исподволь, можно запросто выведать у него все, что он знает.

- Я больше скажу, - приложил к груди ладонь Николай Васильевич, упиваясь собственной осведомленностью и возможностью прихвастнуть перед собеседником. (Что поделаешь, во многих из нас дремлет тщеславие!) - Этот Филимонов пройдоха еще тот! Дружок нашего директора. Они с ним, как говорится, живут вась-вась: ты - мне, я - тебе. Он в лесхозе и обрезную, и необрезную, и половую доску брал. Первый сорт досочки! А оформляли ему некондичией или вовсе отходами. Вот такая карусель. А ты говоришь - хозяин.

Собственно говоря, главное от старика я узнал: Филимонов жулик, факты имеются и идти нужно по двум ниточкам - Агроснаб и лесхоз. Основы компромата получены, и теперь очередь Рыбалко распутать весь это клубок и сплести для молодого ловкача прочную сеть. Я поставил на стол бутылку красного вина, стремясь окончательно напоить Николая Васильевича, дабы он напрочь забыл о сегодняшнем разговоре и не мучался потом понапрасну угрызениями совести. Красное вино после водки - колоссально! Вскоре Николай Васильевич заснул прямо за столом, и я ушел, осторожно захлопнув за собой дверь.

Наутро я пошел в поликлинику, хотя сегодня у меня также была смена в медвытрезвителе. Но, как назло, я не смог договориться с начмедом о подмене, и пришлось, предупредив капитана Качалкина, в течение трех часов проводить прием больных. А после приема поступило еще три вызова на дом, которые заняли еще полтора часа. В вытрезвитель я отправился только к обеду.

У здания милиции я встретил ветерана Шамаева - несостоявшегося клиента нашего медвытрезвителя. В сопровождении патрульных он вылез из милицейского «козлика» и прошел в дежурную часть. Меня разбирало любопытство, но оба наших капитана в ответ на мои вопросы только пожимали плечами. Мол, ничего не знаем. Ладно, не напрашиваюсь. Медвытрезвитель пустовал, и я поднялся на второй этаж к Рыбалко. Кабинет старшего лейтенанта был тесен и скромнен, обстановка спартанская - однотумбовый стол и три стула. Сам Рыбалко листал толстую папку, которую при моем появлении немедленно положил в ящик стола. Конспирация!

- Что нового, Николай Палыч?

Я подробно пересказал разговор с мастером леса.

- Интересно, - задумчиво произнес Рыбалко. - Почти совсем не маскируется. Просто бесшабашность какая-то. На дурака не похож - должность не соответствует. Наверное, кто-то его прикрывает.

- Одна просьба - не ссылаться на мастера, - сказал я. - Заклюют старика. Со свету сживут.

- Попробуем обойтись без его показаний. Поспрашиваем людей, найдем недовольных, ущемленных в чем-то, народ у нас хороший - ближнему ножку подставить лучшее удовольствие. Особенно если есть личные счеты.

- Неприятно как-то чувствую себя. Не в своей тарелке, - посетовал я. - Вроде бы все правильно сделал, а на душе осадок. Соглядатайство... Грязь.

Рыбалко внимательно посмотрел на меня.

- Работяга пару мешков цемента стащит - заводят уголовное дело. А этот жлоб гребет, как экскаватор - тысячи уплывают - и все, как с гуся вода. Где логика? - резонно заметил старший лейтенант. - Пусть это избитая фраза, но еще раз скажу - без помощи граждан нам не обойтись. Нужны факты. Этот Филимонов пока что жулик районного масштаба - давить надо сейчас, в зародыше. Дай таким волю - всю Россию по карманам растащат.

В те годы подобные речи звучали повсеместно, и никто их всерьез не воспринимал. Но в нашей доверительной беседе старшему лейтенанту незачем было кривить душой. Он говорил искренне, можно сказать, излагал свое кредо, и я в очередной раз удивился неординарности его характера. Признаться, до этого разговора я считал Рыбалко, несмотря на все его прекрасные качества, по большому счету обычным карьеристом. И вот, оказывается, у него есть принципы.

- Кстати, видел я сейчас Шамаева, участника войны. Повели под конвоем, - вспомнил я. - Если не секрет - за что его?

- Темное дело. Жил он незарегистрированно последние два года с женщиной - на два десятка лет моложе его. Жили тихо, без скандалов. И вот она исчезла. И не сегодня - весной, но старик нам этого не сообщал. Дескать, считал, что она его бросила. А недавно проездом заглянул в гости ее брат. Поинтересовался, где сестра. Что-то заподозрил и пришел в милицию с заявлением.

Рыбалко замолчал, видимо, раздумывая, стоит ли сообщать мне дальнейшие подробности.

- Началось следствие. Старик явно темнит, путается в показаниях. При обыске случайно нашли паспорт пропавшей сожительницы. Вдвойне подозрительно - куда она без документов могла уехать? Решили поместить старика под стражу. Разберутся.

Итак, старший лейтенант Рыбалко, как всегда, оказался в курсе новостей райотдела. Спустившись вниз, в медвытрезвитель, я увидел в приемной, на кушетке, пьяного. Он был уже раздет, и одежда лежала рядом, а капитан Метелкин сосредоточенно подсчиты-

вал денежные ресурсы клиента.

- Двести пять рублей: восемь купюр по двадцать пять рублей и одна пятерка.

Клиент, высокий костлявый верзила, с трудом вникал в происходящее и только с рассеянной улыбкой просил у старшины закурить. Его увели в палату, и вскоре оттуда донесся оглушительный храп.

Вечером, когда за окнами стемнело и начал накрапывать злой осенний дождь, нагрянули гаишники: сержант Паша и лейтенант Корытов. Они собирались дежурить на посту ГАИ, который находится при въезде в Жердянск, и были одеты по всей форме, в белых портупях, с бляхами на груди. От обоих пахло пивом. Паша шикарным жестом вытащил из кармана шинели бутылку водки. Комментарии излишни. Капитан Метелкин молодцевато подкрутил усы и поставил два граненых стакана, старшина достал из стола полбуханки черного хлеба.

- Мне не наливайте - я за рулем, - важно отказался Корытов.

«Группы захвата» не было, водку пили четвером - я решил поддержать компанию, поскольку завтра суббота, в поликлинику идти не нужно, и можно будет нормально выспаться. По окончании трапезы Паша встал и извинился, что не сможет дальше продолжать застолье.

- Служба, понимаете. Надо быть в рабочем состоянии.

«На посту наверняка добавит, - засомневался я в искренности этих слов. - Кто там ночью на дороге будет его обнохивать!» Гости укатили, а через полчаса вернулась «группа захвата» с добычей: два алкаша, подобранные на железнодорожном вокзале. Без копейки, нигде не работают и для вытрезвителя от них один убыток. Но брать надо.

Утром поднял скандал денежный клиент, у которого было 205 рублей.

- Где остальные деньги? - возмутился он, читая протокол. - У меня вчера триста двадцать рублей было - получку выдали.

- Прошил остальные, - невозмутимо ответил капитан.

- Я купил только пузырь водки. За двадцатку, с рук. Где остальные?

- Жалуйся - дело хозяйское. А кроме услуг вытрезвителя, тебе еще придется заплатить штраф в дежурной части. Старшина, проводите гражданина...

Глава 14. ПО КОМВОЕТ СОБАКА

6 ноября, с утра, вся наша смена собралась в приемной - шла предпраздничная полиинформация. Выступал начальник медвытрезвителя. По его пасмурному виду было ясно, что занятие это капитана не вдохновляет, но желающих проявить политическую сознательность - то бишь прочитать доклад - не нашлось, а мероприятие плановое, обязательное к исполнению, и контролируется замполитом райотдела майором Григорьевым. Монотонный голос Качалкина убаюкивал, аудитория сдержанно позевывала, бессмысленно таращила глаза на докладчика и, как могла, боролась с наступающей дремотой.

- У кого будут вопросы? - наконец-то стал закругляться Качалкин. - Нет? Поздравляю с наступающим праздником!

Начальник ушел в кабинет, «группа захвата» поехала выполнять план, а старшина побежал в гастроном. Мы с капитаном Метелкиным достали шахматную доску - новый дежурный офицер оказался большим любителем этой древней игры и даже посещал шахматную секцию. Но поиграть не удалось: мы сделали только несколько ходов, и в приемную вошли две колоритные личности - начальник РОВД и районный прокурор.

Начальник РОВД, полковник Глыбин, был очень представительным мужчиной - высокий, громоздкий, с благородной седой шевелюрой без малейшего намека на лысину. Даже нездоровые отеки под глазами и многочисленные морщины только подчеркивали его облик делового и мудрого руководителя. Но на самом деле большим умом Глыбин не блистал, своему назначению (и даже своему званию - поскольку звание полковника присваивали далеко не каждому начальнику райотдела!) был обязан «мохнатой лапе» в обкоме партии и, памятуя об этом, всегда «держал нос по ветру», всячески избегая конфликтов с районными и областными партбоссами. Фактически всеми делами в райотделе управлял подполковник Рогожников.

Районный прокурор Кузин красавцем не был - невысок ростом, близорук, с большой лысиной, но, в отличие от полковника, был умен и, по возможности, справедлив. Репутацией у народа пользовался неплохой, поскольку в спорах между работниками и админис-

трацией предприятий подходил к делу объективно и руководствовался только соответствующими статьями. Беспристрастное око Закона! Таким, по-моему, и должен быть настоящий прокурор. К слову сказать, мне тоже пришлось прибегнуть к его помощи, когда при переводе из деревни у меня были разногласия с бухгалтерией по поводу размера отпускных. И только вмешательство Кузина смогло переломить железобетонное упрямство нашего главного бухгалтера.

- Здравствуйте, э-э... доктор, - обратился ко мне Глыбин. Имени моего он не знал, спросить стеснялся или считал ниже своего достоинства и обращался уклончиво - «доктор». - Вы не смогли бы с нами съездить в одно место.

- Кто-нибудь заболел? - поинтересовался я.

- На всякий случай, - туманно ответил полковник.

- Возможно, станет плохо одному гражданину, - подключился к разговору прокурор. - Сердечный приступ, к примеру.

Информация, согласитесь, минимальная, но большего, видимо, мне от них не добиться. Я взял несколько одноразовых шприцев, пригоршню всевозможных ампул и последовал за районными столпами Закона. Мы сели в полковничью служебную «Волгу» и покатили. Ехали недолго - на соседнюю улицу - и остановились перед деревянным домом-пятистенком.

У калитки - кучка любопытствующих граждан, сдерживаемая немногословным мрачным милиционером. Мы втроем прошли во двор, и моим глазам представилась кошмарная картина: глубокая яма, груда выкопанной земли и полуразложившийся женский труп поодаль, у забора. Около трупа кругами бегал районный судмедэксперт, что-то рассматривал и временами делал записи в блокнотике.

Я впервые был на эксгумации - в институте, на кафедре судебной медицины, нас преимущественно пичкали теорией, да иногда водили в городской морг судебной экспертизы вскрывать жертвы автоаварий и суицидов. Первое впечатление сейчас - ощущение нереальности происходящего. Для сонного Жердянска такая находка казалась невероятной, чудовищной. Это там далеко, в больших городах, убивают и закапывают. А здесь, в глухой провинции, где всяк друг друга знает или приходится родственником, процветает банальный мордобой или, на худой конец, поножовщина.

Подъехал милицейский «козлик». Из заднего отсека вывели ветерана Шамаева. В наручниках. Прокурор сузил глаза, шагнул навстречу.

- Что теперь скажешь, Петр Андреевич? - спросил он.

- Не я это сделал. Отказываюсь.

Моей помощи не требовалось. Старик был на удивление спокоен, невозмутим и всем своим видом показывал, что он здесь совершенно ни при чем. Обратно я пошел своим ходом, поскольку прокурор с начальником милиции, по всей видимости, собирались еще долго топтаться вокруг ямы. В райотделе я заскочил к Рыбалко, но старший лейтенант был занят - в кабинете сидел лесхозовский сторож и что-то увлеченно рассказывал. Видимо, давал показания. Я извинился - здесь не до меня. В медвытрезвителе капитан Метелкин и старшина Володя заправлялись чаем.

- Присаживайся, Николай Палыч, - пригласил Володя. - Выпей чашечку, а то сейчас патруль приедет. С клиентом. По заявлению супруги.

- Как впечатления? Ямка глубокая? - поинтересовался Метелкин. Оказывается, он прекрасно знал, куда меня повезли. Конспиратор!

- Как хоть ее обнаружили? - удивился я. - Всегда считал, что наши местные сыщики на такое не способны.

- Собачки помогли. Прямо-таки передача «В мире животных»! - хохотнул капитан. - У старика во дворе пес жил. И заметили соседи, что стал он по ночам постоянно выть. Жуткий такой вой. Пристрелил старик собаку. Завел другого кобелька. И тот стал по ночам концерты закатывать, спать никому не давал. И его Шамаев на тот свет отправил. А когда старика «взяли», соседи вспомнили про эти расстрелы и сообщили куда следует. С соседями Шамаев жил скверно, ссорился по пустякам, кляузничал частенько в исполком, в поссовет, и покрывать его они не собирались. Информация поступила, дело вел Толик Михайлов. Парень, к слову сказать, сообразительный. Припомнил он старую истину, что собака воеет по покойнику. И надумал покопаться во дворе. Так и нашли.

Патруль приехал пустым. Обедал я дома и на обратном пути, ожидая автобуса, столкнулся на остановке с Рыбалко.

- Замотался вконец, - пожаловался он. - Народу больше десятка опросил, ворох бумаги извел. Интересные фактики всплывают. Думаю, пора побеспокоить нашего общего

знакомого.

«Держись теперь Филимонов! - подумал я. - С такими бравыми ребятами, как старший лейтенант Рыбалко, лучше не связываться».

В медвытрезвитель без меня поступили два клиента - пьяные пассажиры с железнодорожного вокзала. В ожидании поезда, уже будучи «навеселе», они оприходовали еще бутылку водки и вместо поезда оказались в приемной медвытрезвителя. У обоих бесспорная средняя степень опьянения. Отпустить? Кто знает, что в дороге случится! Пьяный в поезде - легкая пожива для мошенников (я так и вспомнил отставного полковника). Надежнее переночевать у нас.

- Оформляйте, - сказал я капитану.

Метелкин переписал в протоколы вещи и содержимое кошельков. К вечеру старшина захандрил - температура 38,8, жар, боли в горле. Я осмотрел - фолликулярная ангина. Володю отпустили домой - отработаем смену и без него. С ангиной лучше не шутить - нарвешься на осложнение. Тем более, что вечер выдался спокойный и пьяных больше не было. Послonyaвшись без дела, Алканавтыч с сержантами засели в гараже - пить самогон под предлогом «ремонта». Недавний новичок, сержант Леша, уже попал под влияние водителя и как-то очень быстро перенимал его повадки.

Капитан Метелкин ненадолго отлучился, а вернувшись, предложил мне выпить водки - как я заметил, с сержантским составом он пока выпивал нечасто, заботился о своем авторитете. Я отказался - что-то не тянуло меня сегодня на выпивку. Кому-то может показаться странным, но пить в любое время и по любому поводу я не могу. Необходимы серьезные субъективные причины - праздник, к примеру, или определенный настрой души. А просто так напиться водки - пусть даже на дармовщину - не привык.

Капитан Метелкин хватанул полстакана водки и спрятал бутылку в сейф. В течение вечера он несколько раз к ней «прикладывался», в конце-концов допил до последнего грамма, но не опьянел - только немного «остекленели» глаза и покраснел нос. Предательский запах спиртного он уничтожил кусочком мускатного ореха, который для подобных случаев специально хранился в кармане кителя, рядом со служебным удостоверением. Я ушел спать рано - до полуночи, но всего через час меня разбудили - вызывали в дежурную часть.

Вызывали к Шамаеву. Днем, в присутствии народа и на допросах, старик держал себя в руках, а ночью, в безмолвии камеры, наедине с нахлынувшими думами, когда не надо «держат хвост пистолетом» перед следователем и прокурором, предполагаемый убийца расслабился, и организм старого охранника, закаленного годами дежурств на караульных вышках, поддерживаемый в преклонные годы длительными охотничьими переходами, стал барахлить - впервые в жизни появилось сильное головокружение, дикие головные боли.

Меня провели в ИВС, где в одной из камер помещался Шамаев. Картина невеселая: тесная комнатка 1,5 на 2,5 метра, двухъярусная лежанка, маленькое зарешеченное окно, прикрытое снаружи жестяным колпаком. Шершавые бетонные стены, грязно-серый потолок только усиливали мрачность и безысходность этой конуры и как бы беззвучно уверяли находившегося здесь обитателя: «Все, братец, отбегался!» В общем, прекрасная психологическая обработка.

Старик был мрачен и немногословен. У него повысилось артериальное давление - и вызывал он только из опасения возможного инсульта. Инъекций я делать не стал, дал соответствующую таблетку и через полчаса вновь измерил давление. Снизилось! Угостив Шамаева порцией снотворного, я удалился.

Утром, когда освобождали палаты, произошло недоразумение с одним из несостоявшихся пассажиров - якобы из кармана исчезло тридцать рублей, три десятки.

- Да не было у вас в кармане денег, - убеждал Метелкин. - Только в кошельке.

- Были, - настаивал клиент.

Что-то участились у нас такие вот странные пропажи. У меня впервые стало появляться подозрение, что дело здесь нечисто и не следует все списывать на рассеянность пьяных клиентов. Дыма без огня не бывает!

Мужика увели в дежурную часть. Он ругался и обещал, что ничего не простит, что обязательно будет жаловаться и всех упрячет за решетку. А я тем временем решил проверить, кто доставил этого скандалиста. И в протоколе, и в журнале для поступающих клиентов были указаны фамилии патрульных: Нужнин, Ванечкин, Воробьев. Это был «молодежный» патруль - гордость подполковника Рогожникова. Свои подозрения я пока оставил при себе - неизвестно, как к моим домыслам отнесется капитан Качалкин, - и решил на досуге припомнить прошлые пропажи денег и свериться по журналу.

Глава 15. ОБЫЧНАЯ ПРАКТИКА

Первый день зимы выдался пасмурным, вьюжным и очень холодным. Температура с утра упала до минус 20, и вдобавок дул сильнейший ветер. Фактически зима в Жердянке началась неделю назад: с морозами и множеством битых автомашин, владельцы которых (в основном - новички) еще не имели навыков езды в гололед и легко попадали в аварии.

В кабинете старшего лейтенанта Рыбалко собралась небольшая, но очень интеллигентная компания: мы с Рыбалко, капитан Качалкин и начальник ОБХСС капитан Недосекин. Стол накрыт скромно, но со вкусом: две бутылки дорогого «пятизвездочного» коньяка, большая коробка шоколадных конфет и два апельсина, аккуратно порезанных на тонкие ломтики. Пиршество устроено в связи с отъездом Рыбалко - завтра он уезжает на два месяца в командировку в одну из среднеазиатских республик. Там сейчас раскручивается так называемое «хлопковое» дело, и в помощь группе Гдяна и Иванова по всей стране отбирают молодых, толковых и, главное, ничем не запятанных сотрудников ОБХСС. В других обстоятельствах Рыбалко бы обрадовался, но дело в том, что сейчас эта поездка представляет собой хорошо посланную пилюлю.

Директор Агроснаба Филимонов оказался зубастым: после первой беседы с Рыбалко он понял, что дальнейшее бездействие или промедление грозит перспективой длительного отдыха на тюремных нарах. И Филимонов выкинул неожиданный финт: он не стал юлить и хоронить концы, а побежал к председателю райисполкома Крутликову: «Помогите! Оклеветали!»

Население Жердянска издавна подразделялось на две неравные части. Большая - рабочие, колхозники, интеллигенция - живущая и подчиняющаяся советским законам, и меньшая - районная номенклатура, законом для которой было мнение первого секретаря райкома партии и указания председателя райисполкома. Руководители, выполняющие указания товарища Крутликова, были практически неуязвимы для органов правопорядка, и наоборот - ослушники с грохотом изгонялись из партии, покидали свои кресла, а иногда даже шли под суд по какому-нибудь пустяковому поводу.

Видимо, директор Агроснаба был на хорошем счету в райисполкоме, или, возможно, предрик просто оскорбился самоуправством какого-то сопливого лейтенантика, без начальственного соизволения замахнувшегося на номенклатурного работника. Как бы там ни было, но в этот же день полковник Глыбин вызвал к себе капитана Недосекина, и... Филимонова оставили в покое. Самого же Рыбалко, дабы поостыл и поразмыслил, решено было спровадить в командировку. Два месяца в зимней пустыне вряд ли покажутся райским отдыхом.

- Удачной поездки! - выдал тост Качалкин, и все разом подняли стаканы и чашки, в которых плескалось по 50 грамм благородного напитка.

Рыбалко был спокоен. По крайней мере - внешне. Оно и понятно. Молодость, здоровье, крепкие нервы - и неприятности кажутся малосущественными, а препятствия - вполне преодолимыми. Если трезво подумать - впереди у старшего лейтенанта солидный запас времени, и Филимонов никуда не денется, наоборот - уверовав в свою безнаказанность, станет еще более наглым и жадным. Надо лишь поднабраться терпения, копить удачающие факты, выжидая благоприятного момента. Начальники не вечны, а дело всегда держится на плечах грамотных исполнителей.

Я ушел в начале второй бутылки - позвонил капитан Метелкин и сообщил, что привезли пьяного... Клиент сидел на кушетке. Взглянув на него, я недовольно поморщился - это был мой сосед по подъезду Вениамин, высокий плотный мужчина предпенсионного возраста. Большой трудяга и, одновременно, забубенный пьяница. В медвытрезвителе он ночевал часто, но на этот раз взяли его подловато - прямо от подъезда, где Вениамин тихо-мирно курил на лавочке.

Обычная практика некоторых патрульных - подвыпившую агрессивную молодежь или злопамятных уголовников предпочитают обходить стороной. Не замечают! А показатели работы выполняют на таких вот, как мой сосед, безобидных выпивохах. Оба патрульных, высокий костлявый Ванечкин и такой же высокий, но поплотнее, Нужнин, стояли рядышком, у стола, и выжидающе смотрели на меня.

Я предложил Вениамину несколько проб на координацию движений, потом оценил походку, речь. Очень жаль - на легкую степень опьянения он не тянет. Хотя, если отпустить, без проблем смог бы добраться до дома.

- Можно было его не брать, - сказал я патрульным. - Никого не трогал, сидел у своего

подъезда. Опыянение незначительное.

Патрульные оказались несговорчивыми.

- Он находился пьяным в общественном месте, - выпятил нижнюю губу белобрысый Нужнин. - Согласно инструкции, доставлен в медвытрезвитель.

Терпеть не могу этаких политически и юридически подкованных молодчиков. Инструкции знают на зубок, выправка молодежата, а совести ни грамма.

- Если отказываетесь - мы доставим его в больницу для определения степени опыянения, - предупредил Ванечкин.

«Придется взять, - подумал я. - В больнице ему обязательно выставят среднюю степень». Вениамин разделся, и старшина увел его в палату. Патрульные с довольными улыбочками вышли на улицу. А я вспомнил о былых пропажах денег, о своих подозрениях касательно нашего «молодежного» патруля и решил полистать журнал. На память я пока не жаловался и сразу припомнил скандал в октябре, когда клиент недосчитался утром почти 100 рублей. «Кто же его тогда доставил? Ага! Ванечкин и Нужнин», - нашел я. Припомнил я еще несколько мелких пропаж - по 10-20 рублей. Почти всегда в журнале фигурировали фамилии этих же патрульных. Подозрительное совпадение! Это могло означать только одно - комсомольцы-добровольцы шакалили.

Но информации было суждено храниться втуне. Идти по начальству я не собирался - не доносчик и не следователь. Да и не поверит подполковник Рогожников, меня же и обвинит в оговоре честных сотрудников. Пресловутая честь мундира! Старший лейтенант Рыбалко - с кем я мог без опасения посоветоваться - уезжает в далекие края, а капитан Качалкин чересчур осторожен. И его можно понять - на носу пенсия. Мне остается - быть безмолвным наблюдателем и следить, чтобы двуличные молодцы не подставили нас, работников медвытрезвителя.

Вечером «группа захвата» привезла веселую троицу. Судя по наколкам и специфическому жаргону - отпетые уголовники. Двоих я не взял - они вполне твердо держались на ногах, а третьего, более пьяного, решил оформить. Он не возмущался, только добродушно посмеивался, называл меня «доком», а капитана - «начальником». Спокойный, уверенный в себе мужчина. Но для вытрезвителя - балласт. Нигде не работает!

Подошло время выпускать Вениамина - он уже проспал более пяти часов, и пока еще ходит транспорт (в Жердянке автобусы работали до 22.00), надо отправлять его к семье. Хорошо, что в кармане у Вениамина заваялось немного мелочи на проезд.

Как обычно, я лег спать после полуночи, и как частенько случается, вскоре меня разбудили. Притащился майор Басалаев и позвал меня в дежурную часть. В «обезьяннике» дождался клиент - молодой парень лет двадцати. На лбу - ссадина, свежий «фингал» под правым глазом.

- Где заработал? - поинтересовался я.

- Подрался вечером. Не знаю, и с кем.

- Сознание терял?

- Ненадолго. Когда к асфальту затылком приложился, - уточнил тот. - В шапке был - смягчило удар. Сейчас башка болит - спасу нет.

Осмотрел я его основательно: координация движений нарушена, походка шаткая. На первый взгляд - все признаки опыянения, но... такие же симптомы бывают и при черепно-мозговой травме. С пьяницами надо быть внимательным, алкоголь - большой обманщик, нередко под маской опыянения может скрываться какое-нибудь серьезное заболевание. И вдобавок - у этого парня асимметрия зрачков. Небольшая, еле заметная, но сбрасывать ее со счетов не следует.

- Не возьму, - повернувшись к дежурному, отказался я. - И здесь оставлять не рекомендую. Везите в больницу.

Басалаев спорить не стал - это был умудренный жизнью служака, основным девизом которого было всячески избегать неприятностей. Парня увезли в приемный покой, где ему поставили диагноз внутримозговой гематомы и госпитализировали...

Глава 16. НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ: САМ ДЫХНИ!

У нас в райцентре - маленькая «перестройка». В «белом доме» сменился владыка. Дворцовый переворот произошел на прошлой неделе и был совершенно неожиданным для непосвященных. Старого первого секретаря райкома отправили на пенсию, что само по себе было новшеством: раньше их переводили в областной центр на непыльную денеж-

ную должность и, естественно, предоставляли шикарную городскую квартиру. И такое коловращение судьбы! Но никто не злорадствовал. Бывший глава райкома партии по праву считался человеком честным. За двенадцать лет нахождения у власти он нажил трехкомнатную квартиру в типовой пятиэтажке, дачный участок с легким щитовым домиком и автомашину - старенький списанный «козлик». Пример, достойный для подражания!

Новый владыка приехал из областного центра. Взгляды имел передовые и потому сразу же взялся за собственное обустройство: в ближайшем от райкома партии восьмиквартирном доме срочно выселили жильцов и освободившееся помещение стали переоборудовать под апартаменты нового первого секретаря. Ничего не поделаешь: новое время - новое мышление.

Но, откровенно говоря, до всей этой чехарды в верхах мне не было дела. Я всегда был очень далек от всего, что не связывалось с моей профессией. Политику не жаловал и выключал телевизор, когда на экране появлялось постное лицо Горбачева. В светлое будущее мне не верилось - не было бы хуже! И чего ради я должен восхищаться действительностью, если моей ставки врача хватало лишь на полуголодную жизнь, и потому сегодня, в воскресенье, мне приходится тащиться на смену в медвытрезвитель, чтобы обеспечить семье мало-мальски сытное существование!

Собравшиеся в приемной сотрудники с увлечением обсуждали последнее заседание районного суда, где ветерану Шамаеву «дали» восемь лет строгого режима. Удивительно, что старик и на суде упорно отрицал свою вину.

- Мало дали, - высказал свое мнение Алканавтыч, попивая крепкий чаек в надежде хоть как-то облегчить свое хроническое похмелье.

- А может, старик был невиновен? - сомневался старшина Володя, похрустывая соевым огурцом - он вчера тоже перебрал «горячительного».

- Судье виднее, - авторитетным тоном заявил Саша, с трудом справляясь с предательским дрожанием рук - сказывались вчерашние именины у тещи.

Сержант Леня молчал, скромно выдыхая в сторону чудовищный выхлоп перегара.

- Ладно, мужики, - сжалился капитан Метелкин - он уже настолько освоился на работе, что без стеснения пил водку вместе с подчиненными. - Жертвую вам зачанку.

Он вытащил из сейфа бутылку водки, и оживленные сотрудники восторженно загудели, засуетились, забегали в поисках стаканов. Свою порцию употребил даже Алканавтыч - ему, как водителю медвытрезвителя, причин опасаться ГАИ не было. «Группа захвата» наконец-то уехала, и мы с Метелкиным от скуки затеяли грандиозный шахматный турнир: три партии без ограничения времени и проигравший покупает бутылку водки, которая давно уже продавалась только по талонам.

Первую партию растянули на два часа. Играли неторопливо, тщательно обдумывая каждый ход и его возможные последствия. Клиентов пока не было - никто не отвлекал. Метелкин допустил два серьезных «зевка», в итоге я поставил ему мат и очень довольный ушел домой обедать. Следующую партию начали в четвертом часу, и почти сразу пришел майор Басалаев и позвал меня в дежурную часть. В «обезьяннике» я увидел плюгавого вшивого бродягу, одетого в драную фуфайку, брезентовые штаны и резиновые сапоги. И это зимой! Опьянение у него было легким, в медвытрезвитель клиент не подходил, и майор Басалаев остался при своих интересах.

Вторая партия опять стала складываться для меня удачно, но совершенно неожиданно Метелкин устроил мне вилку, и при выборе потери ферзя или коня я пожертвовал конем. Огорчение страшное! А тут еще «группа захвата» совсем некстати привезла добычу: пьяного мужчину предпенсионного возраста. Его вели под руки оба сержанта. Пришлось мне оторваться от шахмат и приступить к осмотру.

Ничего особенного: средний рост, признаков явной инвалидности не отмечается, движения неуверенные, шаткая походка. Клиент был спокойный и не буйствовал. Кстати, у него на это и сил не оставалось, даже раздеться не мог, помогал старшина.

Игру продолжили, но настроение у меня уже было другое, я «зевнул» и лишился ладьи. Метелкин ход за ходом постепенно овладевал ситуацией. Я начал нервничать, что опять-таки не способствовало качеству игры. Распахнулась дверь и в приемную вошли гаишники: лейтенант Корытов и сержант Паша. Паша вынул из матерчатой сумки трехлитровую банку с пивом и поставил ее на стол, рядом с шахматной доской.

- Угощайтесь!

Старшина Володя, полулежа дремавший на кушетке, мигом пробудился и, как фокусник, быстрым ловким движением вытащил из кармана стакан. Остальные достал из ящика стола Метелкин.

- Я не буду, - отказался Корытов. - За рулем.

- А мне еще три часа на морозе торчать, - ответил Паша. - Я выпью - для профилактики простуды.

Мы с капитаном для приличия выпили по стакану и от дальнейшего воздержались: шахматы требуют ясного рассудка. Остальное досталось Володе с Пашей... Наконец гаишники уехали. Мы вновь сосредоточились на игре. Эту партию я проиграл. Счет сравнялся. В перерыве заварили чай - вернулась «группа захвата» с дюжиной горячих пирожков с капустой и картошкой. Пирожки прихватил из дома сержант Саша, и они всем нам очень понравились. К концу чаепития подкатил патруль - привез семейного скандалиста, толстого пьяного дядю весом приблизительно около центнера, в огромных валенках на босую ногу, в старом спортивном костюме и овчинном полушубке. Клиент возмущался, брызгал слюной, но старшина мигом стащил с него одежду и затолкал в палату.

За окном смеркалось. На шахматной доске вновь расставлены фигуры. Решающая партия! На улице заворчал двигатель автомобиля - подъехал лейтенант Корытов. Один. Паша остался дежурить на посту ГАИ - при въезде в город. Ему не позавидуешь! Проигрывать мне не хотелось, капитану Метелкину тоже. Каждый ход сопровождался такими умственными усилиями игроков, что, казалось, дымятся извилины. Но, как я ни старался, инициативой опять стал овладевать капитан. Я потерял две пешки, а потом, в результате хитроумной комбинации, удачно проведенной капитаном, лишился ладьи. На улице опять загудел автомобиль, хлопнула дверца - из подъехавшего к райотделу «жигуленка» вылез какой-то важный мужчина в штатском облачении и торопливо зашагал к подъезду милиции.

- Кажется, новый первый секретарь пожаловал! - приглядевшись, воскликнул Метелкин.

Вскоре патрульный «козелок» что есть мочи рванул в неизвестном направлении. Мы сделали еще по одному ходу, что заняло полчаса. Вернулась патрульная машина. Перед нашими окнами прошла целая делегация - подполковник Рогожников, начальник ГАИ майор Подсолнухов и... сержант Паша собственной персоной.

- Интересненько-о, - протянул Метелкин и отодвинул шахматную доску. - Пойду разузнаю, что там стряслось.

Метелкин ушел в чем был - в одном кителе. Мы со старшиной остались присматривать за вытрезвителем, ни на минуту не покидая своего наблюдательного поста у окна. Через некоторое время из райотдела вышел первый секретарь райкома партии - спокойный и полный достоинства - сел в машину и укатил. Еще немного погодя на улице появился согбенно-печальный сержант Паша и медленно побрел прочь. Патрульная машина увезла Рогожникова и Подсолнухова - наверное, по домам.

Прибежал капитан Метелкин, переполняемый ворохом свежих новостей. За какой-то незначительный отрезок времени он успел стать свидетелем впечатляющего разбирательства, когда впервые на его глазах слова жалобщика (а в этой роли выступал первый секретарь райкома) без всяких доказательств воспринимались абсолютной истиной. Кроме того, Метелкин ухитрился незаметно от всех вытянуть из Паши некоторые подробности. Капитан был хорошим рассказчиком (ему бы книги писать!), и в его изложении история фиаско неудачливого сержанта ГАИ, напоминая анекдот, предстала пред нами выпукло, достоверно, во всех своих трагикомических подробностях, словно на экране телевизора...

Сержант Паша сидел в кирпичной будке ГАИ и мерз. Помещение не отапливалось, стены покрывал толстый слой наледи, а маленький электрообогреватель давал только иллюзию тепла. Паша вышел на дорогу, от скуки остановил первый попавшийся грузовик, с пристрастием осмотрел и машину, и водителя, а потом оштрафовал шофера за неисправный задний габаритный фонарь. На душе повеселело. В течение часа он остановил с дюжины машин и наказал всех водителей без исключения, придираясь к какой-нибудь мелочи. Была бы машина, а неисправность - хотя бы малюсенькая - всегда отыщется. Две квитанции не выписал - не успел, так как водители сразу же поспешили убраться подальше от поста ГАИ. Настроение еще больше улучшилось, сержант ушел в будку и, стакан за стаканом, выпил бутылку дешевого портвейна, привезенного с собой.

Стемнело. Началась небольшая метель. Фонарь на столбе с трудом освещал будку и небольшой отрезок дороги в обе стороны. До приезда лейтенанта Корытова оставалось больше часа. Вдалеке сверкнули фары - приближался автомобиль. «Хоть какое-то развлечение!» - подумал Паша и вылез из будки. Автомобиль приблизился к будке - старенькая

невзрачная «копейка». Паша повелительно взмахнул жезлом. Водитель, невысокий худощавый мужчина лет сорока, подошел к сержанту и протянул документы - техпаспорт и водительское удостоверение. Все в порядке. Но не понравился Паше этот водитель - слишком независимо, не по чину уверенно он держался, даже едва заметно улыбался. «Усмешник! - оскорбился сержант. - Сейчас я тебя огорчу!» Паша проверил наличие огнетушителя, аптечки, знака аварийной остановки. Все на месте. Сержант не унимался - включил карманный фонарик, чтобы внимательнее осмотреть машину.

- На задних колесах высота рисунка протектора на 1 мм меньше допустимого, грязноват номер автомобиля, - перечислял грехи сержант. - И внешний вид машины срамоват - помыть бы надо.

- Непременно. И даже с мылом, - иронически заметил водитель. - И полотенцем вытру.

- Юморист! - рассердился Паша. - Выпил, наверное, горячительного. Подуй-ка в трубочку.

Водитель, не возражая, молча выполнил требование сержанта - цвет трубки не изменился.

- А теперь подуйте сами - от вас разит, как из винной бочки.

- А за неуважение к представителю власти ответите! - даже обрадовался возникшему поводу сержант. Он положил водительское удостоверение в карман и вернул мужчине только техпаспорт и талон предупреждений.

- Завтра приедете в ГАИ. Поговорим.

- Поговорим, - согласился водитель, который оставался на удивление спокойным. - Обязательно.

«Жигуленок» уехал. До прибытия Корытова оставалось около сорока минут. Паша сидел в будке, курил «Приму» и с наслаждением представлял, как вернется на место, в ГАИ, и разопьет с Корытовым поллитра водки, коей они с лейтенантом обычно завершали каждое дежурство. В приятных мечтаниях Паша задремал - электрообогреватель немного поднял температуру воздуха, со стен закапала вода...

От дремоты сержанта пробудил шум подъехавшего автомобиля. «Отработал!» - радостно подумал Паша, вытащил из розетки шнур обогревателя и открыл входную дверь. Но это был не долгожданный лейтенант Корытов, а патрульный «козлик». Из него вышли те, кого сержант менее всего хотел встретить в данный момент - подполковник Рогожников и майор Подсолнухов. Рогожников посмотрел на Пашу так, словно перед ним было некое мерзкое насекомое, а майор Подсолнухов произнес единственное слово:

- Дыхни.

Паша подчинился, и майор даже поморщился.

- Пьяный.

- Принял немного - для внутреннего обогрева. Вон какой мороз!

- Вы знаете, кого сейчас в трубку дуть заставили? - угрожающе ласково и вежливо спросил подполковник Рогожников.

Паша отрицательно покачал головой.

- Первого секретаря райкома партии. Да еще сам пьяный!

- Садись, - вздохнул майор. - Поедем.

- Начальство надо знать в лицо, - закончил свой рассказ Метелкин. - Или хотя бы по фамилии.

- А если выпил - не выступать и не высовываться, - поддержал его старшина.

Играть расхотелось. Я автоматически передвигал фигуры, размышляя о неожиданных поворотах судьбы, «зевал» и терял разнообразные фигуры. В конце концов Метелкин поставил мне мат, и это означало, что к следующей смене за мной долг - бутылка водки.

Окончание следует

Александр РУЛЕВ-ХАЧАТРЯН

ИМПЕРАТРИЦА

БЫЛЬ

Кто мог предположить, что Катюху из Мануровки зовут точно так же, как и Екатерину-императрицу, которая померла. И в голову не приходило, а скорее всего потому, что Катюха мельтешит рядом и совсем живая. Даже более чем хотели бы тихие односельчане. Она - телятница, в отличие от Екатерины Великой, но крику в ней и куражу от этого ничуть не меньше - тоже если завопит, то на всю Россию. А по части влюбляемости в разных субъектов с обложек старых журналов, пожалуй, переплюнет любую историческую личность женской принадлежности.

Последним стал граф Орлов.

Так-то он, фактически, Гришан из нашего Пыхтеева, дед его Владимир Степанович Орлов по прозвищу «Каша», потомственный рыбак. А прозвали из-за ухи, он ее называл «кашей». И рыбой, между прочим, всю войну обе деревни кормил, не считая начальства и пленных немцев. Гришан у Орловых седьмой, считай, поскребыш, вот ему и дали волю, избаловался за спинами шести братьев. Нахальным вырос донельзя.

К тому времени, когда он вернулся из строгого режима, где учился окончательной жизни за любопытство к сберегательной кассе по совокупности с грабежом, он был уже двадцатидвухлетним белокурым красавцем с потемневшими навек зрачками. Но глубоко в сердце остался беспечно-веселым парнем, умеющим из двух негодных колхозных собрать третий новый совхозный трактор на резиновом ходу. И просить не надо.

По возвращении его из мест семья смеялась и плакала три дня с участием соседей. После чего батяня хвостал его на удворине забытыми цыганом Степкой вожжами. Шестеро братьев полчасика валили Гришу, умучились, пока сломали да привязали к плахе - гренадер навтыжку. Отец жилистый, но мелковатый, до сих пор подозревает: а не от Митрия ли зареченского Епифанова отросток выдурил, весь родовой строй нарушает. О такой вероятности намекала и частушка, имевшая ограниченное хождение меж двух берегов:

Он пройдет, а девки скажут:

«Это чей такой парне-ок?»

«Из зареченской деревни

Епифанова сыно-ок!»

И кудри тоже в подозрении, все Орловы испокон с пролысью. Короче, драли вупод. Григорий молчал, оберегая позазаборные уши, но скырчал и зрачками грозил братьникам на потом ответными мерами.

Наконец устали все. Только маманя, Алевтина Михайловна, сморкалась в черный платок. Старшие разошлись по своим избам, а младший поронец, как и заведено, остался жить с отцом-матерью. Опять принялись за работы. Жизнь вошла в межень.

И вдруг все кувырком: наверху постановили разорить совхоз и вернуть акциями. В головах вместо мыслей на будущее у народа завелись тараканы. Поганкам на стороне повыскакивали пирамиды, партии, движения, они стали устраивать тараканьи бега по любому поводу, не дожидаясь праздников, даже в будние дни стращали лозунгами да посулами. Худо и невесело, а куда от них спрячешься?

И как ни страдали от центрального реформаторства, но пообвыкли помаленьку к смене месяцев и правительств, и даже стали по весне влюбляться. Кто в кого мог или захотел, несмотря на новую обстановку быта.

Катюха бодро вторилась в Григория Орлова с первой поклевки. Будто в омут на Шексне. «Мой, - поклялась, - а не то убью!» Он узнал, конечно, от матери, промолчал, но про себя отметил: «Интересно, какая мелочь типает?» Так и вышло, как нынче водится - без дальнего пригляда и затяжек. На третий, кажись, день, утром, вроде бы случайно, дал ей «смазку», то есть провел пятерней по всему лицу, твердо и нежно. Катюха, соблюдая приличия, ответила всей душой и от полного сердца: «Ну не дурак ли ты, Гриша...» На ночь, попервости, слиняли на сено в коровник у ручья. Чтобы родителей не возбуждать излишними новостями.

Словом да делом, новая, решили все, пара и семья. Хотя о свадьбе или там про загс ни слова никем не было сказано. Жизнь куда проще устраивает судьбы и лучше, чем в паспортах записано.

На Пасху купили цветной телевизор и стали жить втроем, огородившись в пустующей теткой избе на краю Мануровки. Завалятся на ночь и мечтают о мотоцикле с коляской, через реку, коль повезет, на пароме станут чаще ездить в город, - кино, вокзал, магазины. Муки, сахару, макарон, гречи тоже надо. Теперь по деревням родные азербайджанцы только водку возят, соки да шоколадные батоны. Все остальное можно видеть в телевизоре за доллары по никому не ясным ценам. И так далее.

Рассказанное только намек на общие обстоятельства места и времени, чтобы не с кондачка залетать в основное мокрое приключение, в какое втопались по воле рока Орлов Григорий да Катюха. Слушайте дальше.

Независимо от них и совсем на стороне в северной столице некоторые люди, оказывается, уже больше года шуршали, готовясь к приезду из-за моря наследного принца с мамой, чей муж претендовал, если население позовет, на бывшую корону Российской империи. Корона имеется, наследник обнаружился, престола нет. Музейное дело, если приглядеться. Но согласно статьям в газетах, новым веяниям и декларациям нашлось определенное количество временно безработных людей, имеющих звучные фамилии дореволюционного профиля. В каком-то спорткомитете ДОСААФ обнаружился прыгучий мастак с бумажкой, где выше пятака стояло указание считать его высокоблагородием по линии папы. Прилагалась расписка за карточный долг, а в ней прямо сказано, что князь Кильдибаш-Сабантуев проиграл и обязан вернуть не позднее среды отставному поручику Кошкину Седьмому сорок девять рублей без копеек. Завертелось. По телефонной книге обнаружили многих участников дворянского преферанса, напирая, в основном, на Воронцовых, Гагариных, Сабуровых.

Уговорили их стать монархистами. Обещали в награду поместья с деревнями, если заведут бороды либо усы и докажут свою преданность молодому наследнику, чей папа, великий, разумеется, князь, уже дал всемиловиднейшее согласие принять сидячий пост, если поставят тронное кресло и попросят вслух. Но будущий царь далеко, где-то в Италии, а может, и в Бельгии, у него там прачечная и маслобойка, ему недосуг, вот он и повелел заниматься придворными интригами спортивного князя, чтобы, значит, самому от химчистки не отрываться. Понятное и вполне обычное дело у них в эмиграции - там ведь как заведено? Не успел моргнуть - чужое белье сперли православные греки. А ты плати, хоть и великий князь московского разлива. Цыгане тоже воруют, был слух. Не до державы со скипетром, надо полагать.

Так и получилось, что за год с небольшим в нашей могучей стране одних великосветских балов состоялось три штуки, не считая парадов с голубыми лентами и дворянских собраний с приглашением архимандрита Гаврасия, Пугачихи с мужем и президента РэФэ, который хотя и граф с ноября прошлого года, но не явился, потому что не пустила графиня: «Ты шампанское не пьешь, - сказала, - так что нечего белую сорочку пачкать...»

А в прошлом году к майским научный департамент по гербам и штемпелям забил тревогу, мол, господа, как же мы деревню проглядели? там же могут оказаться голубые утекшие крови, только они про это не знают. Пора, милостивые государи, к поданным. Восстановим единство генофонда, а не то наши благородия окончательно перемешаются с иными сословиями, как-то: с подлым крестьянством, с грубым мещанством и хотя с почтенным, но все-таки купечеством. Непростойно, ваше сиятельство. Пора в Думе тревогу объявить. А полоумной Думе только этого и надо. Забурлила пресса.

Долго ли, коротко ли, а всем здрасти и привет - плывет по нашей реке из рыбной Астрахани высокий теплоход с членами семейства, наследником и его мамой из рода грузинских царей. Вдова. Муж, видать, не выдержал ожиданий и помер к Ильину дню. Или же просто так, безо всякой задней мысли, взял да усоп. Оставшихся везут первосте-

пенные бароны и прочие сенаторы в сопровождении будущих бояр советского посла.

В Самаре, пишут, кормили до отвала хлебом и солью, сделали фейерверк. Царедворцы в ответ целовали сирот и крестным ходом, почитай, шарашились вокруг фундамента будущего морга, куда был заложен самодержавный кирпич на местном растворе со ЖБИ-ка номер семь.

До Пыхтеева с Мануровкой дошли окончательно утомленными от ликований и бесед о традициях и терпеливости русского народа. Встали без гудков насупротив Соборной горки, бросили якорь на целые сутки - так сообщило местное радио после температуры воздуха. На ночь заперли казну и переспали без огней. А наутро...

Такого в Пыхтееве с Мануровкой никто не видел отродясь. К нашим сходим у рыбоприемного склада с пеной причаливает временный императорский катер с вымпелом на корме и штандартом на носу. И сходит на доски сам светлейший князь Потемкин, по имени, потом узнали, Николай Павлович. С ним двое ученых то ли из Эрмитажа, то ли из центральной библиотеки имени Ленина. Тоже чистокровные, что сразу видно по тонким пальцам и висючим, как у жеребой кобылы, челюстям. На князе мундир, на мундире аксельбант, на аксельбанте золотой погон. Сапоги. Штаны с лампасом, но другого цвета, чем верхний китель.

Мальчишки с бабами расступились, а они точно, как геологи по компасу, шествуют к теткиной избе, где Катюха с Григорием завтракают молодой картошкой с тушонкой из суверенной Молдавии и стопарем по причине яблочного Спаса. У калитки депутация тормозит шпорами. Потемкин набирает воздуху, орет: «Граф!»

- Тут я! - сразу через окошко отвечает Григорий.

Аналитики по родословным спискам чуть без чувств не делают от внезапной радости. Они потрясены до основ и глубин мировоззрения: отозвался сразу! Вот что значит, господа, историческая память! Знай наших!

Пока придворные летописцы утирали благородные слезы умиления, Григорий Орлов уже во дворе восклицает: «Коляныч!» - и глубоко обнимается со светлейшим Потемкиным. Братушки встретились, нашлись друганы, вместе отматывали в лаге. Такая встреча, мать-старушка, да люди-то какие. Нашего Гришана все на зоне уважали, его кликуха - «Граф». Услышав позывные, он вмиг отозвался на родной барачный голос.

- Ты только тихо, - показывает князь на академиков, - я теперь при царях роль веду.

- Понял, - кивает граф Орлов и знакомит всех с Катюхой.

Ученые обратно в поросячий визг: «Екатерина!» Она им ладошку сует с предупреждением, что руки огурцами пахнут, но те прикладываются по очереди, шаркая подметками, по-великосветски сложив углом спины и кивая затылками. И просят милостиво простить, мол, удаляемся немедленно сообщить всему двору радостнейшее известие. Приняли по стопарику и засверкали штиблетами на катер.

Коляныч с Гришаном, ясное дело, перешли на родной русский язык. Вспомнили на члага с опером, кто из корешей в какой крытой остался, где теперь лучше кормят. Катюха подливает да суетится.

- Я ведь все помню, - крестится Коляныч, - ты меня в Рыбинской спас, я тебе две пачки чаю должен.

- Фильтруй базар, мы же дома.

- И слушай сюда, Гришан, пошли на лайбу, там этих фрейлин - малина. Одна, ну тоже из баронесс, маникюршей по ногам в Твери работала, хотя уверяет, будто парикмахерша из банкирского салона.

- А я? - прицеливается из-за печи Катюха.

- И тебя возьмем, тоже в баронессы запишем.

- Я царицей хочу!

Посмеялись еще. Пора отчаливать. Коляныч на серьезе тянет:

- Гришан, кому лишняя ксива мешает? Карман не тянет, а ты у нас граф настоящий - на толстой бумаге золотыми буквами, а? Его сиятельство Орлов!

- Коляныч, ты же слышал - я завязал.

Тогда встречается Катюха и напирает: «Хочу!» Ей на пароход не терпится поглядеть. Куда денешься? Оделись в нарядное и попехали по-за коровниками, чтобы в деревнях над Потемкиным не смеялись. Им же неизвестно, кто он в самом деле. С заточкой за голенищем ходит.

Ой, долго рассказывать, как их на царском теплоходе в домашней церкви обвенчали, светлейший Потемкин корону держал над Гришаном, кольца обручальные подарил, ба-

тюшка согласие истребовал: «Раба божия - рабу!»

Катюха на бумаге получилась графиня Орлова и кавалерственная дама.

Святые угодники, чего по пьянке и лихости нравов не содеется в Российской империи на плаву.

Очухались ночью. А теплоход потряхивает, оказывается, он по фарватеру за Каргачем в Рыбинское завернул. Все лободырники перепутали и назад в Астрахань подались.

«Гриша, прыгай!» - вопит Катюха. Оба-два бултых за борт и в темноте отстали сразу. Куда плыть, если на берегу ничего не светит. Но господь спас молодых, и торнулись в коряги возле брошенной землянки, где дед Орлова «Каша» жил во время войны. Развиделось когда, смотрят: и кладбище немецкое рядом. За тридцать верст увезли от Мануровки.

Какого лиха они там натерпелись, говорить не приходится. Отец с братьями четверо суток бороздили все воды, пока чудом не заметили двоих по светящимся глазам. Как ни говори, а счастье бродит по свету. Теперь Мануровка с Пыхтеевым на любой святой праздник в подробностях вспоминают всем известные приключения.

Россия, в окружности, такая волшебная страна, где любые чудеса происходят почти каждодневно. То ли климат особый, то ли народ не сердитый...

Сами же видите, какой из всего получился вывод и результат: у нас Катюха теперь на миру Екатерина Великая, но Вторая. Потому как Екатерина Ивановна Глухова, главный зоотехник, идет первой. Тут не поспоришь.

МЯКСИКАНЕЦ

Быль

Да пусть хоть вся АОН приедет в наш райцентр, даже и они, несмотря на разные цвета флагов и кожи, единогласно отбросив дипломатические уклонь, сразу подымут руки за то, что самый в Мяксе интеллигентный человек - Путин. Альфред Ричардович.

Насчет имени с отчеством не подозревайте, натуральный славянин и сверх того - великоросс из древних корней и зачатков, подтверждаемых полным набором особых качеств и внешних примет, столь свойственных его отцу, деду и далее назад во тьму веков. Средних для России.

Просто наша Мякса такое дивное и очарованное место; здесь, считай, с кануна русско-японской войны туземные родители награждают сыновей чудными литературными именами, как-то: Рудольф, Чарлз, Эдмон, Эдуард. Девочек же согласно кричат не Дуньками, а Розами, Иннесами, Жозефинами. Одна, так вообще Палома. Голубка, значит. Да видели ее, небось; Палома в библиотеке из угла кулаком напоминает про забытые книги. Ее уважают и возвращают даже непрочитанное.

Правда, с одним экзотическим именем произошло раздвоение. Народный костоправ с кузнецом решили, будто Риголетто - среднего рода, вот по их наущению нарекли сына мельника именем Риголетт, а поповну в миру - Риголетта.

Истоки явления с именами разношал и раскопал Корнелий Цезаревич, местный краевед-ученый Мошкин. Оказывается, в последней четверти прошлого века тутюшня дворянка, прямая родня поэту Батюшкову, оставила после себя неистопленный воз книг, сплошь английские да французские романы, хотя и на русском языке. Ясно, собрания сочинений растащили по душам и принялись читать по-печатному в зимнюю очередь. Грамоте многие были гораздо благодаря просвещенному соседству, куда ходили полоть грядки и раскидывать навоз. Конечно, «к стыду» и «надо признаться», сокрушался краевед насчет нескольких Макаров, которые читать не умели и классику пустили в расход на самокрутки. Благо, табак свой. В Мяксе, не мешает многим знать, такой вымахивает дурацвет - чихай не прочишься, а дым до седьмого неба.

Так с той поры и повелось: если, случаем, повстречаешь человека в областном ковбойском поезде, а зовут, после знакомства, скажем, Робингуд, можешь смело наливать - парень из Мяксы, только на сторону глядит. Скорее всего, за такие фантазии с именами все так и зовут их - «мяксиканцы». В отличие, например, от староверов из недалекого Жидихова. У них в ходу еще с Аввакума всего три имени: Иван, Петр, Павел. А - «жиды»,

ну куда денешься. Какие ж они, на милость, жида, ежели лонись на позднем сенокосе, мне кум говорил, только Павлов потело семнадцать. И хотя ни один из Павлов даже в глаза, а не то что сбоку, не видел живого еврея, но все равно их не любят и в Пасху сердятся за то, что нашего Христа распяли.

Ну и переименовали бы село, верно? Вон люди из Средних Дураков еще в сорок восьмом, сразу после реформы денег, опустили письмо в ящик на имя усатого. Вышло решение: впредь именовать так - «Поселок сельского типа имени память 40-летия Парижской Коммуны». Улица Ленина, дом один. Там сельсовет у них. А рядышком изба председателя Плюшкина Егора Данилыча. Не смейтесь, пожалуйста, у них что ни двор - то Манилов, что ни дом - то Ноздрев, Чичиковых три многодетных семьи. А секретарь сельсовета тоже Плюшкин, он божатка самому Егору Данилычу. Председателю. Колхоза «Депутат».

Все тот же бдительный зашора-краевед Корнелий Мошкин писал в «Ударной борозде», как местный мелконький чиновник царापал письма Гоголю, а писатель и вставил фамилии в книгу первого тома. Чем и прославился на всю Италию. Он жил там, сообщал почитателям Корнелий. Может, и правда. Я Николая Васильевича просто так люблю. Вне Италии и без Мошкина.

Вот Средние Дураки остались в памяти народной. И жители - тоже. Но если вдуматься, мир так сляпан, что, несмотря на всякие переименования, никакому вождю с дураками не совладать. Пускай живут. Места всем хватит. Мы-то с вами чем лучше? А ничем. Такие же дураломы.

Вернемся же, наконец, извинившись за криули в повествовании, к нашему главному герою. Знали бы вы, сколько доказательств его превосходства над прочей интеллигенцией Мяксы уже накопилось - ого и три горшка с походом. Кто, как не Альфред, еще будучи молодым секретарем первички, громко откликнулся на могучий призыв бороться за мир во всем, понимаешь, мире. В пылу борьбы с поджигателями Пугин сочинил, а в клубах из-под знамен кричали пионеры:

Ми-ру-мир-вой-на-вой-не!

Это-ин-те-рес-но-мне!

Наверху тогда им занялись глубже и выяснилось - заочник. Так его потом назначили главным инженером «Центральной районной лесопилки на электрической тяге имени «Зори коммунизма». Название дали в тридцать пятом, чтобы могли отличить от заручьевской пилорамы, стучавшей от враждебного английского пара. После всех перевели на энергию, но пилу переименовать забыли. У Правительства с Президиумом, видать, руки не дошли до мяксинских опилок с горбылями.

Лучше пойдем да побыстрей от тех времен туда, где вроде безопасней рассуждать про интеллигентность почти на воле.

Только один Пугин отрастил на мизинце левой руки длинный кривой ноготь, которым и ковыряется в ухе, когда задумывается в перерыве собрания, на активах или в бюро райкома. Он - член бюро. Да и выступать умеет не похуже инструктора Обкома или других доцентов по распространению. Взять, к примеру, Эдмонда Щучкина, он директор пуговичного цеха, а после каждого слова обязательно вставит «понимаешь ты». То же бывший политрук МэТэеСа товарищ Клюквин, так этот логопед, вообще, горохом сыплет с трибуны: «Пышты, поништы». Разве так можно речь держать? В семьдесят, помнят, восьмом: «Во время, пышты, посевной, поништы, всеф как один! Если, пышты, имеешь тетку, веди, поништы, родную. Мы ее, пышты, на мешкаф будем использовать!»

А Пугин - не-ет. Он говорит: «Паци». Ну, опять же «понимаете ли?» Образец: «Здесь, паци, не в туда поворот, а вы, паци?» Не тычет, на «вы» с народом, хоть сторожем будь перед ним. Такой деятель.

Сегодня - был. Да понятно и без многоточий, везде и все, про что говорим сейчас - уже ушло. Но состоялось. И никуда от такого феномена не спрятаться никому... И жило, и из памяти не сплыло. Так что нечего по церквам со свечками стоять да отрещиваться.

Опять же к Пугину... Или взять нашего бессменного первого секретаря райкома со времен ВКП(б) Зигфрида Адольфовича Шапкина. Он каждый раз по окончании первой стопки после политической конференции по четвергам раз в квартал не забывал произнести с подлинным восхищением: «Кто-кто, а товарищ Пугин сегодня не подвел. Правильно ставил вопросы и вел в нужном направлении. Чего уж там, первый интеллигент, вот что удивительно. На что Егор Данилыч из «Депутата» интеллигентный председатель, но его ставлю на второе место после Пугина, вот что удивительно. Молодец, Пугин. И в

области знают, вот что удивительно».

Всенародное признание пыльными хвостами дымил по дорогам и проселкам, говорили - «вплоть до». Такой выдающейся личности, понятно, в своем масштабе не просто жить. И раз в полугодие надо подтверждать совсем первое место по району в среднем. Хотя никто и не просит.

И Путин окончательно застолбил его на знаменитом заседании бюро райкома КПСС, где стоял вопрос: «О недостойном советского туриста, члена партии и гражданина поведения при поездке в город Хельсинки. Финдляндия».

Заседали без отсутствующих и опоздавших, дело намечалось глубоко интересное. Кроме избранных во главе с первым секретарем райкома товарищем Зигфридом Адольфовичем Шапкиным, присутствовали два туриста, два рядовых члена партии, два гражданина и одна женщина. Конечно, обвиняемых у стеночки сидело не так много, а всего двое, но в те времена каждый советский человек был еще и гражданином, а в некоторых случаях вдвоем и коммунистом. Часть общества, разумеется, имела звание «товарищ женщина» или же «товарищ девушка», смотря по обстоятельствам. Теперь разобрались: рассматривался проступок Рудольфа Робингудовича Сизяева и Дездемоны Леопольдовны Сучковой. Она же и девушка с подозрением на женщину. Оба - путевочные туристы, неблагополучно вернувшиеся из города Хельсинки, побратима то ли Волгограда, то ли Выборга, они рассказывали, но мало кто запомнил и многие перепутали, полагая такой высокий загиб неуместным. Если б ездили туда, кто Мяксе побратим, тогда куда ни шло. Хотя, с другой стороны, натвори они такое в побратимском зарубежном райцентре, им бы не сдобровать, то есть пригнули бы их окончательно с выкладкой билета на стол и другими лишениями.

Итак, в повестке дня подробности. Прианбула такая: ездили на поезде через Москву в Финдляндию с группой, там вели себя нехорошо, в отличие от остальных, кто не уронил высокого звания и достоинства ни советской женщины, ни, понимаете ли, члена, каковыми фактически являются мастер катального цеха артели «Промсоюз» товарищ Сизяев РэРэ и старшая укладчица шерсти того же цеха вышепоименованной артели Сучкова Дэлэ.

А случилось так: после экскурсии и свободного часа отечественная группа в полном составе засела по месту жительства обсудить впечатления и подсчитать деньги. Совсем уж ночь; после песни «В профсоюзе бабка! В профсоюзе Любка! В профсоюзе ты моя, сизя голубка!» поползли, как те крабы да раки, нашаривать номера совместного проживания. И надо же, взбрело дураку Сизяеву искупаться. Лето. Ну и что? Не наше же, а капиталистическое. Возвращайся в Мяксу и ныряй. Хоть утопни, никто особо плакать не станет. А там перед номерами на площади большущий фонтан. И не шипит, как у нас возле райисполкома, а полный воды и разноцветных струй, резво бьющих в небо.

Сизяев поперся мимо дежурной в одних трусах и наколках, считай, без ничего. Луна во дворе. Плавает, орет, наслаждается жизнью с помощью разных слов нелитературного произношения. А Сучкова, нет бы храпеть, возьми да и откликнись через окошко. Завидно стало. Тот ей: «Давай, вали, вода теплая!» Она ему: «Не задолю!» И попехала через пустынную площадь по вымытому булыжнику. Три часа утра на башне пробило. На Сучковой лиф коровьего размера и «семейные» с бронебойными шлангами вместо резинок. Но цвет одинаково сиреневый с верхней сбруей. И, понятное дело, кроме гармоничного сочетания колеров, ширина и раздуваемость на воде какие и положены каждой второй мяксиканке.

Полощутся. Пытаются друг дружку утопить. В третий раз она пихнула башку Сизяева поглубже, он и открой глаза со страху. Морда у самого дна, и там видит: весь пол внизу монетками усыпан. Вынырнул, отпышкался, сообщил об открытии клада. Сразу оба моzoлями к луне, давай собирать. Денежки Сучковой в трусы. Надежней места не сыскать, никто не увидит и не сопрет.

Подходит скорым шагом полицейский. Выманивает пальцем, берет притихших и посиневших богачей за жопы, ведет куда положено. Покусились, долбаки, на доход муниципали... горисполкома Хельсинки. Выскребают чужие деньги разных стран и континентов.

Рыжий детина, за неимением ночной полицейши, углубленно и в удовольствие шарит в трусах, залез по локоть, отколупывает прилепившиеся и запавшие монетки. Тогда Сучкова Дэлэ без напоминаний, блюдя девичью честь и женскую гордость, приподымает ихнего мента и с размаху режет промеж белесых буркал.

На бюро выясняли: как вмазала? Как Лехе из Телепшина? Или как шабашнику Рамазу? Оказалось, что вlepила с той же силой, с какой получил от нее леща тракторист Жора, сын продавщицы из Полуева. Жора, как теперь узнали, таким же способом совсем залез и почти добился своего, но вовремя был остановлен.

Меряли шагами от стола в ту сторону, где предположительно располагалась страна Суоми, для протокола - сколько летел финский полицай? Оказалось: его поначалу подняло тычком, потом парил петушком, а после ехал по полу, пока не уперся затылком в стенку. Всего шесть метров, если по шагам Сучковой, а Путин своими насчитал восемь с половиной до того места, где утром нашла его столичная пресса в содружестве с врачами.

Все. Кончилась Финдландия. Вернулся СССР. Драсти. Протокол. Рапорт. Объяснительные. Стыд. Бюро. Проект решения: «С занесением в учетную карточку» - как партийным. А как граждан не выпускать туристами в течении шести лет. Как советскую женщину обсудить в коллективе при помощи ближайших сотрудниц-укладчиц той же артели, где валенки выпускают со знаком качества на пятках.

Три часа и сорок пять минут, в целом, слушали Сучкову с Сизяевым, требуя побольше подробностей. Пожалели в душе, осудили вслух и проголосовали единодушно. Точка.

Ан нет и нет! Берет очередное слово Путин и вносит неслыханное предложение: изменить формулировку в констатирующей части, где указано два раза по три года никому не выпускать из Мьяксы.

Орел, чего там. Кто слыхивал, чтобы заранее напечатанную, известную от машинистки всему райцентру и членам бумагу изменяли в таком разделе, где ничего исправлять нельзя.

Но Путин встал и внес, открывжая длинным ногтем: «В той части, где сказано «не выпускать за рубеж в качестве туристов» заменить слова и добавить. Зачитываю конкретно: «Не выпускать за рубеж в качестве советских туристов в те иностранные города, где на площадях возле гостиниц имеются фонтаны». Мама!

Дискуссия развернулась без обвиняемых. Скажите, кому известно - где есть фонтаны, а где их нет? Пускай в Обкоме разбираются. Словом, в конце концов, прошло большинством предложение Путина. Он сказал решительно: «В городе Ханое, столице социалистического Вьетнама, борющегося с Кликкой и американскими пособниками, нет на площади фонтана. Я сам видел». А такую деталь - построена ли на той же площади гостиница - забыли в пылу полемики. Потом из Обкома, где утверждали все выговора, райкому указали на важное упущение, но сочли его бытовым и политически незначительным.

Уже после бюро, когда обмывали заседание вместе с итогами, секретарь Зигфрид Адольфович, восхищенно закусывая огурцом, воскликнул: «Ну, Путин. Как был так и есть ты у нас первый интеллигент!»

И налил ему вторую собственной рукой, вот что удивительно!

Алексей НИКОЛАЕВ

ПИР

Книга первая
В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

ПЕСНЬ О САМОЗВАНЦЕ

Октавы 1-11
РАССТРИГА

*О кравчий! — по обычаю Востока
Не взяться почему бы нам за труд,
Уже шаги раздались у порога.
И в комнатах, как в поле, ветры вьют.
Чалмой свиваясь, чертит круг дорога.
Стуча в висках, шумит волна минут.
Лопатой глину дней крошит могильщик.
Вот бремя, вот фужер души, цедильщик.*

*Я знаю, есть напиток в погребках,
Сбивающий под сердцем адский пламень.
Зудят вопросов язвы на устах.
Плывет в пятно оценка за экзамен.
Посыплет крышку вежд тяжелый прах.
Жизнь змейкой ускользнет под вечный камень.
Мой углый челн разгрузки ждет в порту.
Прошло по плану плаванье в мечту.*

1

«Нам жаль, что душу ты свою сквернишь,
По божию подобью сотворенную,
И гибель ей готовишь. Иль не мнишь
Спасти свою душонку обреченную
И бесу за венец ее сулишь?
Забыл, Борис, ты истину исконную,
Кривые в бытии избрав пути.
Напомню — сказано: не укради.

2

Тебе бы удовольствоваться тем,
Что бог дал. Божьей воле ты в противность,
Холоп наш, страх утративший совсем,
Времен скрепил мздоимством непрерывность.
Украл у нас престол с именем всем,
Казну и человеческую живность,
Взяв в помощь сатану и всяких лодырей,
По смерти брата нашего Феодора.

3

Тебе препоной к скипетру отцовскому
Мы были, а в летах не в совершенных.
Ты нашептал Михайле Битяговскому
И прочим нас сгубить. В мечтах надменных
Подкрался к трону нашему московскому
И видел нас уже меж убиенных.
Ты думал, что и доктор наш подкуплен,
Но порадел спасти нас не за рубль он.

4

Сказал ты брату нашему, что сами
Зарезались в припадке мы падучей.
Наш братец слал за мертвыми за нами,
А из очей лилося, как из тучи.
Солгал ты патриаршими устами,
Что труп самоубийцы будет лучше
Не класть промеж помазанников божиих.
Воруя, метил сам на оно ложе их.

5

Тогда засобирался брат наш в Углич,
Но ты сказал ему, что там поветрие.
А чтоб вернуть с пути, велел обуглить
Москву, нагнав пожаром страху в недра ей.
У многих огонь пожрал дома и рухлядь,
И расточал дары ты им лжещедрые.
Так пользовался тем ты, что наш брат
Служить был большей частью богу рад.

6

Сестра твоя, супруга брата нашего,
Доставила тебе, постригшись, царство.
Остуды наибольшей не испрашивай,
Опомнись и верни нам государство.
А мы с тебя, для бога, как отдашь его,
Ни вин искать не будем, ни боярства». —
Так в грамоте царя увещевал
Тот, кто себя Димитрием зывал.

7

Призвавши дьяка, некого Смирного,
Царь спросил: «А где монах Отрепьев?»
Смирного сын стоял, как сын Немого,
Ни мертвым, ни живым до пяток не быв.
«Считать его», — страшней не слышал слова
Чиновник встарь (задолго до совдепов).
Казны на дьяка множество начли,
Назначили правож и засеки.

8

«Я в Чудове служил у патриарха
За похвалу московским чудотворцам.
Бывал и в думе. Се лишь тень от яркой
Моей звезды. Мой не пленился взор сим.
Иного от судьбы я жду подарка,
Ведомый тайно к славе горним кормчим», —
На улице хвалился наш герой,
За коего отдал живот Смирной.

9

«Есть монастырь, прослышал я, в Чернигове.
Пойдем, брат Варлаам, туда спасатися». —
«Неважное то место — от толикого.
Привыкнешь, брат Григорий, там ты вряд еще». —
«Ты, брат, свидетель подвига великого.
Омоем дух печерского из кладезя.
Вот деньги. В них ведь, брат, весь твой вопрос, поди?
А там — в Ерусалим ко гробу господа».

10

До Новгорода Северского счастливо
Добрались богомольцы. Вдруг засим они
В Литву лесами прянули опасливо,
В проводники какого-то взяв Пимена.
Был слух — нашел записочку участливый

Архимандрит, их принявший, а именно:
«Щедрот не позабуду, на Москве сев.
Димитрий». Старец счел гостей за бесов.

11

Неделях же по трех, прожитых в бже
В монастырях Печерском и Никольском,
Монахов наших видели в Остроге.
Троих иль четверых (числом, бишь, скользким).
И говорят, что занялся, в итоге,
Латинским языком герой и польским.
А позже в Сечь подался, скинув рясю.
Таков пролог у нашего рассказа.

Октавы 12-31 МАРИНА

*Исчисленная мерами стиха,
Жизнь — гимн в отстое звуков непотребных,
Излившийся из лирного меха.
Жизнь — пир, где всяк — хозяин и нахлебник.
Жизнь — холст, чья полнота — цена штриха.
Жизнь — поцелуй причастья на молебнах.
Жизнь — сборы в вечность под времен прибой.
Жизнь — встреча и прощание с душой.*

*Придя к твоим треножникам однажды,
К тебе я, Феб, взываю. Напои
Из рога своего меня, я жажду
И выбит посему из колеи,
В которой обретаться должен каждый.
Возмись же, мусaget, за руль ладьи.
Ни в голове, ни в заднем месте — сусло.
Доправь до Гишпокрены бот и русло.*

12

«Я принужден несчастьями своими
Совсем не тем быть, кто я по рождению.
Таить мне нужно титул свой и имя,
Но вам открою их без промедления.
Узнаете, высокими какими
Хожу путями в низком облачении.
Ланиты — шелк, а речь — ручей, взор — зорька.
Поведаю вам тайну от восторга.

13

В ребяческих летах, по смерти батюшки,
Явившейся началом наших бедствий,
С Москвы изжил злодей нас в Углич с матушкой.
Святые осквернил права. Наследства
Чужого худородный наш Пилат искал.
Вседневно вымышлял Бориска средства,
Свести какими нас со света белого,
Чем достигалась дерзостная цель его.

14

Бездетен был наш царствовавший брат,
Женатый на Ирине Годуновой.
Когда не причинил вреда нам яд,
Послал убийц Борис. Познав те ковы,
Велела мать однажды бить в набат.
Радетель велий здравия царева,
Народ казнил борискиных клеветов.

Аз спасся. Тронных час грядет обетов.

15

Под именем чужим у добродеев
Сторожко жил до отроческих лет я.
Потом в лицо узнал своих злодеев.
Воочью зрел у них свое наследье.
Ушел, обиду страшную взлеяв.
Сын Иоаннов истинный же ведь я.
Пришлось едва из люлек сведать зло мне.
Себя тем чередом и не упомяну».

16

Записку обнаружив на окошке
И с текстом ознакомившись ее,
Знать, полька озадачилась немножко.
А прочитав разок-другой еще,
Могла себя почувствовать и мошкой,
Летящей на свечу. Что делать? Все,
Что обольщает, чушь хотя бы полная,
Однажды попадает в цели молнией.

17

Желая позабавить, утром панна
Дала письмо сестре, а та — супругу.
Князь Константин прочел и, как ни странно,
Расспрашивал серьезно дней подругу.
А князь Адам с улыбкой первозданной
Ходить вперед-назад стал и по кругу.
Не знали, что и думать, Вишневецкие.
Что ж, знали лишь историки советские.

18

По сказке, князь Адам призвал слугу,
К нему в оршак недавно поступившего,
Державшегося малость не в строку,
Хотя на принца вряд ли походившего.
Но ни за что ручаться не могу,
Помимо лавра, голову увившего.
А какова была она, на взгляд, —
Не знаю. Неказистой, говорят.

19

Рост мал, лик кругл, взор тускл, влас рыжеватый.
Одною московит осанкой вышел.
«Ты, — хлопца князь спросил, косясь на брата, —
Тот, чье в Москве пьют здравье, как я слышал?»
Главу повесил, стоя средь палаты,
И очи самозванец на пол выжал.
Заплакать с ним Адам уже хотел.
Рыдал тот и рыдал, как Тариэл.

20

Пускай не достают дрянной портрет,
Красавицей слыла Марина Мнишек.
Ей восемнадцать, что ли, было лет.
Водить нас за нос время, как мальчишек.
Чем нравилась она — ее секрет,
Не могший в женихах не дать излишек.
Рад за себя был, хоть не знал отец
Про дочке уготованный венец.

21

Пройдоха этот, сводник знаменитый
(Не без пройдох и сводников в стране)
На белом теле Речи Посполитой
Чернел пиявкой, липнувшей к казне

(Во все века мошенникам открытой).
 Умел быть на коне и в стороне
 И жил на королевские доходы
 В Самборе сендомирский воевода.

22

Обдумал новость Мнишек. Взял в расчет
 Неимоверный куш престольных браков.
 Но как он в авантюру вовлечет
 Корону и влиятельных поляков?
 Казалось, невозможное — но вот
 Сын Грозного названный едет в Краков
 И Сигизмунда на аудиенции
 О сходстве звезд их потчует сентенцией.

23

«Понравился ли принц Его Величеству?» —
 С участием свахи нунций папский справился.
 Россия — в династическом девичестве.
 Понравился герой иль не понравился,
 Вопрос решался в пользу католичества,
 К которому приверженностью славился
 Властитель польский. Грезить начал он
 Об унии под колокол времен.

24

Ответ таков просителю смиренному,
 Но полному решимости полоть
 Коренья, ядовитые изменами:
 «Князь Дмитрий, да поможет вам господь.
 Все рассмотрев, вам верим несомненно мы
 И недругов желаем побороть.
 Свободно ездить к панству дозволяем
 И содержанье вам определяем».

25

Час бьет, стяг вьет, вождь дерзостен и молод,
 С ним шляхты, столь же вздорной, сколь геройской,
 До тысяч двух каких-нибудь и сволочь,
 Но в имени вся сила, а не в войске.
 Хоть враг еще не смят и не измолот,
 У Мнишка звездный юноша по-свойски
 (Без сватовства, имеется в виду)
 Просил руки Марины, на беду.

26

Не отказал, но на условиях пан.
 Похоже, что и дочь была согласна.
 Как там у мэтра, бишь? Ночь. Сад. Фонтан.
 И старый соглядатай — месяц ясный.
 Луну поют Прованс и Хорасан
 Интимным божеством единогласно.
 Ступая в след классической традиции,
 Где к месту, соблюдаем ее кондиции.

27

«Стоп, Дмитрий. Голова от грез кружится». —
 «Придется выбирать тогда слова.
 Они, как стрелы, могут в сердце впитаться,
 Когда кругами ходит голова.
 Немедленно пришлось бы мне жениться,
 Но не дает мне времени Москва,
 На скорое прибытие в надежде.
 Венчаться я на царство должен прежде». —

28

«Какое самомненье! Я возьму

Назад свои признания, пожалуй.
 С чего вы это взяли, не пойму,
 Что я за вами так и побежала?» —
 «По мне хоть поскорбишь, коль сгину в тьму?» —
 «Подумаю, как все начать сначала». —
 «Не развела и всякая бы слякоть!» —
 «Хотите слышать — слышьте: буду плакать». —

29

«Себе любую цену назови.
 За поцелуй немедля — после царство». —
 «Сначала царство». — «Бога не гневи!» —
 «Тогда вперед задаток». — «Верх коварства!» —
 «За поцелуй в залог моей любви
 Жалеете вы ломтик государства?
 Какая мелочность!» — «Сев на престол,
 Насыплю самоцветов в твой подол.

30

На плечи я порфиру сам накинута,
 Сам возложу на голову венец.
 Дай только Годунова опрокину.
 Коли солгу, то смерд был мой отец.
 Скорее, из груди я сердце выну,
 И привезет тебе его гонец
 Как возмещение и напоминанье,
 Что только смерть все спишет обещанья». —

31

«Не надо клятв прощальных. Я шучу.
 С отцом же разбирайтесь, Дмитрий, сами.
 Спокойна я за то, чего хочу,
 Раз обещает принц и рыцарь даме.
 С него я только слово получу,
 К моей руке с пустыми чтоб руками
 Не возвращался он после всего». —
 Примерно так шло дело. Каково?

Октавы 32-50 ВЕНЕЦ

*В костре души кончаются поленья.
 Ум интерес теряет, краски — мир.
 На плечи мерно сыплются мгновенья.
 Оплыли канделябры, тихнет пир.
 Заздравные смолкают песнопенья.
 Отравлен жизнью жизни эликсир.
 Целебно тронь, рапсод, под сердцем струны,
 Как чародей — таинственные руны.*

*Вдоль серпантина — траурные вехи.
 Заманивает в пропасть высота.
 В проекциях Вальгаллы — шум потехи.
 Красиво в память падает звезда.
 Кафтан богов ест моль веков. В прорехи
 Зияет назидательно тщета.
 Пока герой вставляет ногу в стремя,
 Наполни чашу, чашник. Лей сквозь время.*

32

На площадях читались манифесты.
 Иль грамоты подметные, иначе.
 Начальники заерзали на месте.

Великая была им незадача.
Вязать народ их почал честь по чести.
Чернигов за Моравском выбрал сдачу.
А Новгород вот Северский — осаду,
К большой героя нашего досаде.

33

С упреком, правотой своей усиленным:
«Как о героях, реющих над прахом,
Я думал о поляках, — говорил он им. —
Теперь же вижу вас, объятых страхом».
Те отвечали: «Ты того сулил ли нам,
Московский чертов князь, собрав под стягом,
Чтоб мы на приступ брали города?»
А он: «Не обижайтесь впредь тогда».

34

На чашах — воровство и воровство.
Пошла раскачка. Жребий брошен. Твердо
Последыш доказать решил родство.
Рек велегласно, выстроив когорты:
«Господь, зри недра сердца моего,
Как зрел его обиды до сих пор ты.
Коль я солгал, отринь мои молитвы.
А ежели я прав, дай помощь в битве».

35

А ты, мать божья, нам покровом буди.
Поратуюм уже, мои сподвижники.
Отваги не солить вам в бочки-груды,
Красуется пускай в глазах всевышнего.
Бог любит храбрых — пусть полюбят люди,
Когда войдем в Москву, согнав с ней хищника».
Так говорил питомец рока к войску,
Разжечь имея в оном дух геройский.

36

Он в этом преуспел. Поляки смело
Набросились на правое крыло.
Врубались в центр. Однако дальше дело
Не вышло. Рать борисову спасло,
Что вор, задорный больше, чем умелый,
Промешкал. А ударь сейчас в чело,
И полного разгрома мог добиться.
Так после рассуждали очевидцы.

37

Поляки вдруг собрались в коло,
Где заодно высказывался всякий.
Их разогрела мысль, пока цело
И зеленело, быть в Москве без драки.
Но встали брани, снегу намело.
И по домам разъехались поляки.
А возлагал надежды претендент
На незабвенный польский контингент.

38

Он будто получил плохой оракул.
Он в первое отчаяние впал.
От роты к роте шел, сулился, плакал.
Все даром. А один поляк сказал:
«Дай бог, чтоб посадили тебя на кол».
Герой уже не снес и закричал,
Обидчика ударя: «Пес! Езжайте!
Я вас забыл, собаки, так и знайте».

39

Спешил на сейм и Мнишек, запах шкур
Паленых остро чуя. Аппетиты
Меняются в процессе авантюр.
Назад качнулся маятник событий,
И гетман предпочел попятный тур,
Чем зависать над пламенем на нити.
Он мнил, по увереньям из Москвы,
Войска перемертнуты, но — увы.

40

Мстиславский в свалке ранен был. К войскам
Отправлен Шуйский. Князь великолепно
Служил царям, чертям и небесам.
Приказано священству петь молебны,
Чтоб не дал в поруганье бог свой храм
И чтобы сгинул Гришка непотребный
С товарищи, что радные паны,
Пришедшие с литовской стороны.

41

Не мешкал верноподданный Василий,
Наказы помня. Просто не откинешь их.
Карательной навстречу вывел силе
Герой казачье лихо при Добрыничах.
Наскок. Залп. Тыл бродяги обратили.
Метался вспять в лавине опрокинутых
Козаков атаман, разбитый в пух.
Да хорошо, хоть сам утек из рук.

42

Пришел Григорий в полное отчаянье.
Сбирался в Польшу. Но его советники,
Которые связали с ним все чаянья,
Грозилась трону сдать трононаследника.
«Ты едешь, — говорили сторяча они, —
А мы же, значит, псы и переветники?»
И дальше в том же духе. Что ответить?
Одно лишь, что готов со всеми бедствовать.

43

Борисова была короткой радость.
Прознав, что самозванец в здравьи добром,
Что в жителях Смоленска вскрылась шатость
(А розыска не чинит кнут по ребрам:
Гораздо воевода виноват есть),
Войскам как недостаточно хоробрим
Послал упрек — и оскорбил Борис сих.
В них «сделал мненье». Как и в летописцах.

44

Взять Рыльск полкам мешал какой-то слух.
Осада трансформировалась в толки.
Уж Кромы красный взял, чтоб сдать, петух,
А Салтыков отвел рать — да и только.
У осажденных крепнул ратный дух,
Горилкою запасшихся надолго.
В землянках всю весну они гудели
И в то же время Дмитрию радели.

45

Сразились бы, в числе не крайность кабы,
И в чистом поле храбрые казаки.
А храбрые не менее их бабы
Врагам со стен показывали... знаки.
Насколько эффективен, знал бы я бы,

Подобный закидон среди атаки,
От вас бы не скрывал, но я не ведаю.
Для панорамы сообщаю это я.

46

Держа удар господня кулака,
Герой засел в Путивле и оттоле
С царем вел переписку свысока.
Осваивался он в державной роли.
Ушла под землю времени река.
Безвременье воссело на престоле.
Но что Борис? Читает донесения,
Каков Романов старший в заключении.

47

«Сей старец Филарет живет, случилось,
А не по монастырскому по чину, —
Доносят. — Не стоит уже на крылосе
И старцев отгоняет, как скотину,
Неведомо чему смеясь, без милости.
Толкует про мирскую все рутину,
Про ловчих птиц да псов, про слуг и снедь.
Грозится нам, каков он будет впредь».

48

Присматривал династию всевышний.
А что Борис? Царю б возглавить рать
Да выехать уже на фронт недвижимый.
Но вместо же того — честная мать! —
Скончался Годунов скоропостижно.
И ввали (потому что как не врать?),
Что отравился деспот, не иначе.
Поял-де русский Ирод смерть собачью.

49

Всевышний на кусты боярских станов
Дуб Рюриков свалил в державных кущах.
Борисов сын на троне — не Иванов.
К присяге привели в Москве живущих.
Отозван Шуйский. Едет в рать Басманов.
В глуши провинций, кровью в теле сущих,
Одной рукой приводят ко кресту,
Другой дерут в сомнениях браду.

50

Достигнув Кром, где войско было занято,
Довел Басманов грамоты цареvy.
За всех кричали, присягать не станут-де,
Рязанские дворяне Ляпуновы,
И что, опричь Дмитрия Иваныча,
Не знают государя никакого.
Вперед качнулся маятник. Гонцы
Летят в Москву, летят во все концы.

Октавы 51-63 ШУЙСКИЙ

*В саду души — налив эдемских яблок.
Пирует разохотившийся червь.
Ключ жизни бьет, с небес спадая в каплях.
Нить жизни вьется в кукольную вервь.
Замысловато рдеет кровь на саблях.
Спектакль глубок. Щекочет божий нерв.
Белеет парус в море темных истин.
Накрытые волной обрящут пристань.*

*Добавим, кравчий, тайны в реализм,
 Чтоб бытие восполнить на ущербе.
 На дне душевном суть вещей (трюизм),
 Которую ищущая, виночерпий,
 Теряя временами оптимизм.
 С весла Харона Леты штоф теперь пью.
 Щепоть нирваны, кравчий, брось в вино,
 И с ног пускай собьет меня оно.*

51

Торжественной и пышной вереницей
 Литаврщики, пищальники, стрельцы.
 Заложенные по шесть колесницы.
 С крестами преподобные отцы.
 Позолотив молитвенные лица,
 Катилось красно солнышко в дворцы,
 Встречаемое с праздничной любовью:
 «Отец наш! Бьем челом! Дай бог здоровья!»

52

«Се аз, тобой оставленный в сиротстве,
 Димитрий, отпрыск твой. Есмь цел и здравствую.
 Упас меня всевышний для господства.
 Молитвами твоими я державствую.
 Престольного по праву благородства,
 Наследую удел твой, не лукавствуя», —
 Названный сын изрек на гроб отцовский.
 Вокруг была Айодхья по-московски.

53

По манию психических скрижалей,
 К столпу земли кусочки монолита
 На привязи мистической бежали
 И лезли бестолково под копыта.
 Всепокорно скулили и рыдали,
 Как за свои, за царские обиды.
 «Возьми свое именье, наш живот!» —
 Нисколько не кривил душой народ.

54

Как меньший в тварях брат, как пес, как лошадь,
 Пред господином прядал во блаженстве.
 А из Кремля на Красную на площадь
 Бояре выплывают и священство.
 Приемышу в слезах мозги полощут.
 Разыгрывают подлое смиренство.
 Измена до ушей достигла царских
 На третий день по въездах государских.

55

Попав в анналы, некий лекарь Костя
 И человек торговый Конев с ним
 Попались в воровстве, а довелось-де
 От Шуйского ума набраться им.
 «Борис избылся завистью и злостью, —
 Примерно с назиданием таким
 Басманов доносил. — Димитрий — средство,
 А цель же — Иоанново наследство.

56

Христа, двух государей и народ
 Василий продал дьяволу, Иуда.
 Теперь за твой венец он торг ведет.
 Торопится, бездетен ты покуда.

Себя не пощадить готов за род,
 Чья мыслей вышина известна всюду.
 Тебя не станет — завтра Шуйский царь.
 Всей знати это ясно, государь».

57

Царь отвечал: «Срамно бояться подданных.
 Я клялся рук не обогреть их кровью,
 Хоть это и велось из рода в род у них.
 Я буду не грозой рядить — любовью».
 Басманов: «В душах, бесу в лавку отданных,
 Посеешь только дерзость сею новью».
 Царь: «Выборных московских приговору
 Вручаю жребий Шуйского — собору».

58

По слову государеву, вот судьи
 Собрались. Иереи, члены думы,
 Чины и депутаты простолюдыя.
 И было крику короб с возом шума.
 «Не отрицаюсь, вижу в те орудье
 Латын и Сигизмунда, коготь Рума, —
 Василий храбро рек царю для прочих,
 Речам таким дать веру не охочих. —

59

Бо выпестован ты в Литве поганой,
 России, дому божьему, на пагубу.
 Для православных папство хуже хана.
 Речешь, в Христа и ляхи верят якобы.
 Приходишь в храм с литвою окаянной.
 Воруешь ты в Израиле. Уж я, кабы
 Не видел гроба в Угличе с царевичем,
 Признался б хоть бы в том. Виниться не во чем».

60

Царь отвечал на то, дав знак собранью,
 Без знака бушевавшему, утихнуть:
 «Не ты ли, князь, для федыкина закланья,
 По злобе, кою совесть не постигнет,
 Вещал, что спасены мы божьей дланью?
 Теперь же ты измыслил прюю воздвигнуть,
 Чтоб сесть на царствах наших самому.
 Коль ищешь не себе их, то кому?»

61

Обороняя трон, собор возляял.
 Насилу государь его унял.
 Заплакал Шуйский, рек: «Добра вам чаял
 И вот что, люди, я от вас пожал.
 Се крест за православный ваш Израиль.
 Один его несущи». Царь возражал:
 «Не крест несешь, но смуту. Прикоснуться
 Зачем поторопился к нашей руке?»

62

Зачем же не восстал на нас ты сразу?
 Почто же отступил от Годуновых?
 Так богу ты прямишь и так по разу
 Ты изменяешь в царствованьях новых.
 Не правду вносишь в души, но проказу.
 Запутался ты в собственных же ковах.
 Пускай собор, размыслив, примет в толк,
 Овца ли ты заблудшая иль волк».

63

Господню к правой мзде блюдя приязнь,

Собор решил проблему в плане плахи.
 Прошло два дня. Русь. Утро. Площадь. Казнь.
 Народ в благочестивом замер страхе.
 Так укреплялась в нем богобоязнь.
 Зачитан приговор. Топор на взмахе.
 Заминка. Весть, что гнев сменен на милость.
 Скатиться голове там не случилось.

Октавы 64-74
СВАДЬБА

*Обычай, кравчий, добрый есть: раскладывать
 На строж витрине — рифмы соболя.
 Сыпь конфетти метафор — взор порадовать —
 Из фебова бездонного куля.
 Во благо это все должно срабатывать.
 Мы забрели в волшебные поля,
 Где звук благоухал когда-то. Висли,
 Рябин пылая ярче, гроздь мысли.*

*Повыдуло сакральность из курилен.
 Круги мотает в цирке и на скачках
 Скакун Беллерофонта. Обескрылен.
 На Гиппокрене — стирка. Ходит в прачках
 Рой геликонских дев. Лавр Феба спилен.
 У алтаря — ристанье на карачках.
 Из Дельф — прискорбный вид на гору мусора.
 По небу солнце катится без кучера.*

64

«Вот каково узорочье дорог,
 Какими ходит в землях провидение.
 Тебя в несчастьях зрел и зрю, зятек,
 Во славе всей престольного сидения.
 Когда кого из смертных любит бог,
 Тот от людей достоин поклонения», —
 Добравшись наконец-то, тещь сказал.
 А зять же, слыша, аки бобр, рыдал.

65

Гостей драгих он потчевал на злате.
 Отведывая, делал им подачи.
 Неделю для начала пировати
 Имели для себя они задачей.
 Царю желали — и с какой же стати
 Не пожелать — здоровья и удачи.
 Имела пышный въезд, меж тем, в столицу
 И будущая русская царица.

66

На белых на двенадцати конях
 Под серебряным орлом везли девицу.
 Все в черных лисьих шапках и в парчах,
 В распутицу весеннюю возницы
 На загодя исправленных путях
 Без опасений гнали колесницу.
 Напереди скакал эскорт вельможный,
 Страшась не углядеть ухаб возможный.

67

От городской заставы вдоль пути
 По сторонам людей служилых разных,
 Как пишут, с тысяч сто. Да все, гляди,

В кафтанах от казны суконных красных
И с перевязью белой на груди.
Дитя земли, эффектов раб потрясных,
Собственнолично царь расставил цепи.
И был шатер раскинут велелепый.

68

В скоплениях своих по чину строясь,
В шатре — бояре чинно и князья.
Торжественно, в брадах отнюдь не роясь,
Кость белая и соль земли тут вся.
Дворянке вольной кланяется в пояс.
Мстиславский молвит, речь произнося:
«Пожалуй на Москву, Марина Юрьевна.
Сияй, поляна солнцева, лазурью в ней».

69

Неимоверный шум и грохот. Любо.
Из пушек били, били в барабаны.
В колокола звонили, дули в трубы.
Кортеж въезжал в Москву. Встречая панну,
Московский Кремль показывает зубы.
Не обошлось там и без урагана,
По сведеньям, возводят в миф которые
Дидактику и логику истории.

70

Неделя прочь. Палату Грановитую
Вторым снабдили тронном — для царицы.
Неслыханная новость и событие.
А то-то Петр даст повод подивиться.
Алмазами и жемчугом покрытая,
В российском платье бархатном, садится
Марина на престоле наконец.
На голове у ней сиял венец.

71

Не знать, ее терзали ли предчувствия,
Как при отъезде из дому, и страхи.
Сказал на царство Шуйский ей напутствие.
Нагой Михайла шапку Мономаха
Поднес поцеловать. И все присутствие,
С царицей царь, вельможество и ляхи,
Пошли во храм по сукнам и по бархатам
Перевенчать царицу и монарха там.

72

Царь рек во храме: «Корню Иоаннову
Господь дает продление сегодня,
Как давеча Димитрия дал заново,
А древле — скипетр Рюрика природный
И святой жезл Андрея Первозванного.
Да будет так, как господу угодно».
Умолк словоохотливый монарх,
И принялся за дело патриарх.

73

Крестом он осеняет цесареву,
Встающую с серебряного трона,
Застрявшего потом у Смуты в зеве.
Сурово русский Спас поверх амвона
Глядит на люд, по карте пришлый слева.
За бармами возложена корона.
На царство женка — дело беспримерное —
Помазывалась. И не благоверная.

74

Бояре, приложась к руке ее,
Идут на выход. Бракосочетание.
Марину Мнишек Шуйский тот же все
Поддерживал за ручку по венчании.
Артиллеристы взялись за свое.
Колокола. Литавры. Восклищания.
И брачных пиршеств, стало быть, неделя.
Отвел супругов Шуйский до постели.

Октавы 75-83 ЗАГОВОР

*Бумажный вертолет моих эссе
Сгорает, салютуя над вертепом.
Рассыпал искры в млечной полосе.
Все — мел и досок смоемся Эребом.
Двустийше тащит из хамсе в хамсе
Мышь вечности во времени под небом:
«На пир позвали ослика: родной
Мешок отнес и сбежал за водой».*

*Меся песок, стопы прядут узор,
На миг одушевляя лик пустыни.
За гриву дюн цепляется шатер,
Приют утехе давший и кручине.
На горизонте смерча ищет взор,
Созвездий — в небесах, на длани — линий.
Простерта тишь в судеб глухую даль,
Но дребезжит какой-то в ней Грааль.*

75

Василий давний кум был новгородцам
И, в стянутых промыслив их полках,
Умел внушить доверье полководцам
(Да и на Крым ударить лень и страх).
За Шуйского, похоже, был господь сам.
Герой наш вел себя, как вертопрах.
«Мой государь, беда. Свидетельств ворох.
Не продают уже полякам порох», —

76

Басманов бил тревогу. «Вздоры, вздоры, —
Царь отвечал. — Без знака господина
Здесь шелохнется что-нибудь не скоро.
Одна всему в России — царь — причина.
Смутная знать в глазах народа — воры.
Меня он — Иоаннова чтит сына».
Гуляет Кремль. Пирры, балы, концерты.
Не в меру много жизни перед смертью.

77

В ночи вошел в престольную отряд
И перекрыл двенадцать все ворот.
В условный час ударили в набат.
И слышит пробудившийся народ:
«Поляки нам царя убить хотят!»
С толпой клеветов, около двухсот,
Василий въехал в Кремль, в устах с проклятьем,
В одной руке с мечом, в другой с распятым.

78

Бесстрашный самозванец крикнул, пишут,
Из окон-де: «Я вам не Годунов!»
Басманов, на крыльцо отважно вышел,
Увещевал Христом бунтовщиков.
Не пожелали те ни слова слышать.
На месте верный пал слуга царев.
Толпа, стрельба, набат. Смутно и грозно.
Теперь герой поверил: все серьезно.

79

Поторопился в женины покои
И говорил супруге он: «Измена!
Сама промысли как-нибудь собою.
Не минет час, как вызволю из плена».
Увы ль, увы, он (вместе со звездой)
Сорвался с высоты многосаженной,
Спускаясь по мосткам, в честь коронации
И свадьбы сбитым для иллюминации.

80

Зашибся так, что встать уже не мог.
Стоявшие вблизи на карауле,
К нему стрельцы бежали со всех ног.
За верность положил им царь в посуле
Добро и жен изменников. Не впрок.
Стрельцы полезли было уж под пули,
Да услышали, дескать: «Вот пойдём,
Детей и ближних ваших перебьем!»

81

Стрельцы вступили вдруг в переговоры:
«Свидетельства царицы Марфы ждем.
И это Дмитрий сын ее коль скоро,
То мы за государя все помрем,
А вы же злонамеренные воры.
А коль не так, всевышний волен в нем».
Голицын крикнул: «Полно вздор пороть,
Без вас обрек Отрепьева господь!»

82

Свершив расправу, труп влекли. У кровли
Последней Иоанновой супруги
Вопили: «Сведай, Марфа, сын здоров ли!»
С царем всяк день делила та досуги.
Признав, ему сердце решила ловлю.
И вот, Борису прежде той услуги
Не сделав, на вопрос она такой:
«Не твой ли сын?» — ответила: «Не мой».

83

Весь сказ. Тоска и скорбь с лица земли
Струятся в эпилог двумя ручьями.
Сребрятся гребни их в золотой дали,
Разметывая брызги жемчугами.
Цена их велика есть. Возвели
Ценой печали град под небесами
Насельники последних этих, кравчий
Где Ганимед, с нектаром кровь смешавший.

Валерий АРХИПОВ

ВЫДУМКИ МАГА

Добрый сказочник - грех, ты моя роковая усталость.
И перчаток не снять, и с собою теперь не в ладу.
Я пришел не для всех, мне нужна только самая малость:
Лишь бы ты услышала, какой я срываю успех.

Превратись хоть на миг в доброту, в чистоту, в недотрогу,
Сотни истин простых под рубашкой холщовой храня.
Смех горчит на губах и выводит меня на дорогу,
Словно злая любовь - беззаботная флейта твоя.

Добрый сказочник - грех, но печален твой образ ужасный.
То ли сладок роман, то ли горек на свадьбу пирог.
Я хочу целовать эти руки, что бьются так страстно
По роскошным камзолам, пропитанным пылью дорог.

Опаленная злом, ты еще ничего не забыла.
Но солдата хромого без памяти ты полюбила.
Как вступленье в катарсис безумная флейта твоя.

Последняя осень. Последний убогий трамвай.
Последний Иуда считает последние сроки.
Любимая, что ж ты? Вставай, дорогая, вставай!
Сегодняшним днем мы с тобою не так одиноки.

Как чудны леса, что мелькают в полуночной мгле!
Там стонет нечистый и манит меня на кладбище.
Но ты не пугайся, поверь, что на той стороне
Последний подсолнух под ветром отчаянным свищет.

А в горле и боль, и кусочки несеейной ржи.
Как рана, душа разболелась от звонких объятий.
Пойдем и простим через смрадную патоку лжи
Всех тех, кто пройдет через нас, а пройдя - не заплатит.

Голос тайный, голос чудный, голос ветренный и злой,
Голос пепельно-пурпурный говорил: «Пойдем домой!»
Только дома вовсе нету - ни забора, ни огня.
Песни буйные пропеты про отпетого меня,

Про бои мои и войны, про разлуки и кресты...
Жизнь - неласковая бойня в ореоле красоты,
Где у каждого пригорка ждет костлявая тебя.
Хлеб, махорка, самогонка не спасут от злого дня.

Не удержат рокового. Только если в тишине
В золотой рубашке ворон проворкует обо мне.
Проворкует все, что было и что не было. Продаст.
Чтоб звезда меня убила по прозвищу Пегас.

А когда ты пришла на рассвете, то ли боль, то ли хмель хватая,
Он подумал, что это ветер обнимал тебя, дорогая.

А когда ты пришла под вечер, он стелил тебе поцелуи
И шептал, как посол на вече: «Я тебя все равно ревную».

А когда ты пришла ребенком на порог в вышитой сорочке,
В голове его звонко-звонко полетели тире и точки.

А когда он пришел усталый и сказал, что путь его пройден,
Ты дала ему роль вассала и сказала: «Какой ты гордый!»

А когда он пришел, как быдло, ты хлестала его по роже.
Мне казалось, что это было между Алой и Белой Розой.

А когда вы скрестили шпаги, зарядили ядрами пушки,
Со стены на листке бумаги хохотал, как ребенок, Пушкин.

Мой вечер

Скорый мой вечер: любимая, пальцы, словарь.
Вечный паук, от лиловых обоев ослепший.
Треск полыни за окном, и как будто бы встарь
Было все то, что сейчас ощущаю я, грешный.

Дивный мой вечер... Ах, как бы его не сронить.
Теплые тапочки, шарф, пианино и книга.
Тонкая, словно какая-то странная, нить.
Вечер мой - жизнь моя - из дуновенья и мига.

Панский пирог

Позолоченным клювом кивала старуха-луна,
Неизбежная сводница всяческих наших свиданий.
Может быть, ты измеришь когда-то и мне расстоянье
От избушек лесных до холщовых болот, где война.

Обрастает рассветом моя нестерпимая боль,
Где коричневый грач настучал мне секретные сводки,
Что к тебе направлялся одетый, как нищий, король,
Из любви к тебе шел, да упился и умер от водки.

Отрешенно, как дева, вкусившая панский пирог,
Ты сидела вся в неге среди евнухов злых и сиделок.
Я с тобою там был, как вертлявый охотник на белок,
А потом попросил, чтоб недолгий мне выдали срок.

Ах, как вкусен он был, этот в сумерках панский пирог!
Там стихи о любви без объятий и всяческих кружев,
Без холеных волхвов и без всяких намеков на мужа:
Тот, кто мужем хотел быть, покинул наш майский чертог.

Потому-то и пью все подряд пополам с мертвечиной,
То ли в счастье впав, то ль в маразм, никого не виня,
А какой-то пацан закричал вдруг: «Огня мне, огня!» -
В ту последнюю ночь перед боем успев стать мужчиной.

Вот и лодка за нами к холодному берегу пришла.
Забирайся на борт, где кувшинок печальных останки.
Мы с тобою вдвоем проплывем через все полустанки,
Через все наши родины и не найдем ни кола.

Фриволен бег твоих изящных рук по клавишам разбитого рояля.
И звуки здесь - то плач монет, то стук единственной, которую не ждали.

Она ворвется, требуя вина, в прихожей зло срывая жаркий свитер,
Как маленькая гордая страна, где каждый третий выглядит убитым.

И я ее одну остановлю, слегка рукой ее волос касаясь.
Нежданно вдруг я ей скажу «люблю», скажу и где-то в темноте покажусь.

Будет февраль

Если захочешь, то будет февраль непременно.
Выберем место среди непрочитанных книг.
Кончимся мы, и опять застрекочет по нервам
Скрипичкой суетной строгий сутулый старик.

Кончимся мы, потеряем нечаянно разум,
Будем искать среди вьюги, среди чистоты.
Юный художник уйдет умирать от проказы,
Вечной печальнице в дар оставляя холсты.

Кончимся мы. Февралю умирать неохота.
Время дуэлей я должен допеть до конца.
Девочка-ложь, ты моя роковая забота.
Слушай, красotka со шрамом косым в пол-лица,

Ах, как любил я чужие да злые забавы,
Как ненавидел с вином и закуской столы,
Как я хотел переменчивой суетной славы,
Как я боялся суда оголтелой молвы...

Только нетронутый горестно-чувственный вечер,
Женщина в алом (а может быть, в черном - как знать?)...
Волосы гимном кружились и бились о плечи,
Белой опушкой встревоженно стыла кровать.

Как ей сегодня, наверно, со мной одиноко!
Праздник рожденья - пируйте, друзья, а потом
Поздние слезы придут высоко-высоко,
Странная жалость свернется под креслом клубком.

Кончимся мы. Собирайте в баулы потери.
Злость одолела. Давайте в перчатку свинца.
Что ты стоишь, не закрыв, удивленная, двери?
Время дуэлей. Я должен допеть до конца.

Андрей НАУГОЛЬНЫЙ

ПЛЕННИК РЕКИ

(Подражая Мацуо Басе)

Недовольным собой

Аще забуду Тебя, Иерусалиме
136 псалом

Между страданием и ничем я выбираю страдание
Фолкнер, «Дикие пальмы»

Древний отче, древний мастер, будь мне опорой ныне и присно и во веки веков...
Джойс, «Портрет художника в юности»

Сиж у воды.
Пруд. Осеннее блюдо.
Бедное счастье.

Как жизнь притихла,
В небе клин журавлиный,
Слезинка дрожит!

Дверь отворил я...
Шесть сорок у порога.
Не жду я вестей.

Где бедный старик,
Что тревожит ночами
Бедный мой разум?

Возгласы птички...
Осеннее солнце горит.
Гляжу - паучок.

Золото листьев.
Печалюсь блаженствуя,
Осень-то вся!?

Хорош монастырь.
Тянет к нему. Не могу
Я ничего изменить...

Жизнь уходит.
Радость в душе? Никогда.
Детская правда.

Странника шляпу
Напялю. Славный старик.
Что ж, не отстану...
Сорочки скрипы...
Будто бы в утешенье
Жизнь подарила!

Осени осы
Гудят между рамами,
Что им - на воле!?

Пьянь я. И только.
И точка. Перо мое -
Мне во спасенье!

Ищу я Бога.
Страсти увечат меня,
Крестные муки...

Блажен этот мир.
И блажен буди бражник,
Выпить решивший!

Сияет лазурь.
Спит замерзшее солнце.
Осень поймала.

Все потерял я
На свете. Вновь отыскать
Мне не по силам.

Строчки кривые...
Осень галчонком глядит.
Не отпускает.

Жил - мастер Басе,
Жив - превращений Ангел,
Еще - поживем.
Мир-то прост,
Но ему непонятно,
Как люди - просты!

Собака воеет!
К покойнику, говорят...
Каждому свое.

Звездная лавка.
Мне ночь распахнула дверь...
Но... дорог товар.

Не заграждай рта
Вола молотящего!
Неба и хлеба...

Призван к свободе.
А к музыке? Призван ли?
Гавкает голод.

Пару картошек.
К ним - одинокий сухарь.
Ем на рассвете...

Ветер гуляет.
А воры свирепствуют,
Липкая нечисть.

Каждому дай и...
Возрадуйся. Отдал и -
Нет. Гол, как сокол.

Люди петляют,
Как зайцы. Когда беда,
Забыв о душе.
Кровь, плевки и гной.
После побоев - Лицо.
Вот - облик Бога.

Вены листочков...
Сколько раз я хотел бы?
Смеюсь, как дитя!

Котенок болен.
Жметя ко мне, дурачок!
Что-то случится...

Устал от людей.
Смотрят, однако, с усмешкой...
Как - без друзей ты?

Лучше... совсем один.
Слава ненадобна. И
Меня - не страшит.

Сжался, судьба! Мне
Нынче - не нужно даров...
Все пошло прахом.

Пыль под ногами.
Дождик прибил ее. Я
Выдохся все же...

Скрипки оркестра
Мне не слышны. Голос их
Слишком печален.

Снова поднялся,
Все отступились. Я - враг?
Дожил, должно быть...
Все норовят
В сани запрячь. Не по мне
Сделана упряжь...

Значит, разлука
И путь в одиночество,
Братья и сестры?

ПЛЕННИК ОГНЯ

*«И рука Господня была с ним»
Евангелие от Луки*

Осени древо.
Тело листьев зубчатых...
Вот - моя крепость.

Осени сонник.
Христа Спасителя Храм,
Чудеснее сна!

Купол блаженства.
Кресты - что подсолнухи
Воскрешения.

Тепло на душе.
Взыскания погибших
Чаю дождаться...

Высь, будто бы весть.
Божье явила осень
Клеймо красоты.

Корпус завода.
Главный, надеюсь, корпус...
Пейзаж для меня.

Силуэт Храма
В окне. Молчанье ягнят.
Крадется слава.

Плавно я сбрендил.
Оптика Левенгука...
Плюс бес портвешка.

Зимний мотив, а
Вечерок-то осенний!
Шучу над собой.

Стыд узнаванья.
Сосед закрыл свою дверь.
Не оглянувшись.

Домашний очаг.
Разрушен. Ангел огня?
Пью свою водку.

Что ж, род победил...
Женщину душит стандарт.
Одна мандала.

А, старуха?
 Чрево ее урчит, и
 Нехорошо мне...

Кромешна любовь,
 Если она - не страсть. Но,
 Если страсть - тюрьма.

Библейская плоть.
 И похоть, похабщина,
 Женственен лишь язык.
 Я греюсь возле...
 Как Петр, греюсь и плачу!
 Пещеристый мрак.

Яростны ведьмы...
 Тянут на дно. Вне рода.
 Всегда я один.

Как? Как Гельдерлин.
 Чайковский. Вместе с вином.
 Робинзонада...

Выходит огонь?
 Сент-Экс обожал огонь.
 Верю на слово.

Его цитадель.
 Суфии. Их страсть - во мне.
 Тащусь по песку.

Лоуренс, спишь ты,
 Чудак? Мы их разбудим.
 Арабов зови!?

Трудны письма.
 Вечность, что хочешь - пожрет.
 Смерть не устрасит.

Сыну - огонь мой.
 Из хроники вычтет - отец.
 Нету другого.

Людей не люблю.
 Люблю человека я...
 Странной любовью.

Время уходит.
 Цепляюсь я за живое...
 Лепесток арфы.

Сажу у огня.
 Осени Феб надо мной.
 Золото песен.

Осени древо.
 Пламя листьев зубчатых...
 Святая хоругвь.

Светит в тумане
 Христа Спасителя Храм...
 Русская нежность.

Экая благодать!
 Кресты - что подсолнухи...
 Таю, как воск, я.

Тепло на душе.
 Взыскание погибших,
 Вечный огонь мой...

Высь, будто бы весть.
 Дух веет, где хочет.
 Скрижаль красоты.

Из поэмы «Куликово поле, знамя креста»

Чарли Чаплин, пылкий и печальный, образ твой витает надо мной...
 Я - поэт. Полковник звездных армий, опаленный зрячею судьбой!

Жизнь в черновик, а папку в стол... Я сгину в этом карауле!
 Пригорок, крест, похабный вздор щекочет слух в народном гуле.
 Толпа татарвы. Солнце жжет, над городом от зноя дымка...
 А караул который год все странствует за невидимкой!

Как будто казнь, но дальше след уходит в вечность, там - спасенье?
 И вновь: пригорок, зной, рассвет, голгофа. Тайна воскресенья.
 Ну, коли так... То лучше в строй, в строй павших у Непрядвы нежной...
 Убит монгольской стрелой. Брависсимо. Живу надеждой.

Тяжелый лес. Веселый люд мечтает, как и в старь, о сече,
 А ироды гонцов к нам шлют и воинов из Красивой Мечи!
 Что ж, меч... Он выкован судьбой, а битва, вижу, будет долгой!
 Мамай хитер, но он - слепой. Купи-продай. Сальери торга.

Ему враг - гений, друг - осел! Здесь Мельпомена деспотизма.
 А я, вдобавок, фантазер, фантазия - моя Отчизна!
 Тогда в излучину тех рек, где Братья, дружеская лира!
 Дырявят стрелы мой доспех, смерть на пиру - прекрасней пира.

Генриху Асафову

В этой осени столько грусти! Просто валится все из рук...
 Грозно воеет за темным устьем океанский прибой разлук.
 Перемены сродни изменам... Защитит от тоски глухой
 Портвешок, что журчит по венам, возвращая душе покой.

Что ж, вечер... Вечен, фиолетов, озябший кучер тусклых дней...
 Губителен он для поэта осенней ветхостью своей.
 Поры нерадостной приметы, хоть я не раз себе твердил...
 Что вечность? Ворох мокрых веток, в чертог дождя чуток чернил...

Владимиру Кокоулину, добрейшей души человеку

Бывает страшно... Ночи жуткий вид пронзает душу и терзает разум...
 Как эта осень раны берedit! Глушу вино... И сочиняю фразы,
 Задумавшись о том, что впереди... Когда ж оно придет, преображенье
 Моей судьбы? Проиграно сраженье. Я погребен на избранном пути...
 Не сожалею. Жизнь - самосожженье. Досталась дудка. Мучайся, дуди!

Я давно заглотил приманку. И себя же приговорю...
 Муза ветреною цыганкой исковеркала жизнь мою!
 Не жалею. Судьбе виднее, все влачусь и влачусь за нею...

Немного слов и очень много водки на взвизге угасающего дня...
 Жив!? Ощущенье, будто бы из лодки, где место всем, выпрыгиваю я!

Туда, где мрак, безмолвие и холод, туда, где под ногами нет земли,
 Кричат вослед! И лапают за ворот... Удержишь разве!? Да и стоит ли?

Ненужное барахтанье - утеха тем, кто дает советы без конца!
 Я выпрыгнул из лодки, я - помеха. И облегченно вздрогнули сердца...

Август. Грусть. И в гнусной смуте проживаю эти дни...
 Жизни ветер вертит-крутит, за порог не выходи!
 Как сберечь в себе Поэта среди пронырливых пролаз!?
 Где Твои соборы света, мой Нерукотворный Спас?

Макарову Ю.Г.

Жизни, суетной и глениной, жадный жерех похвальбы...
 Что ж, разгром!? А я? Я - пленный одуроченной судьбы.

Мудрости казенный глянец... «Разговорчики в строю!»
 Я, великий горлодранец, говорю и говорю...

Прописался. Хаос - хауз. Речь с поправкой на беду.
 Как бы там... А в свой Эммаус, все же, братцы, добреду!

Сдохну, брат, от удушья, утону ли в вине...
Глупо. Слезы кликушки тщетно лить обо мне!

Если, друже, не злы вы, вот он - я! Без меня
Вам запомнятся срывы, душу мне леденя...

Эх, дымок сигареты, утоли мою грусть!?
Мне б остаться Поэтом, чуть надломленным пусть...

Сыпь, сыпь, снежок, арктический халиф
Элегии... Приблуда иль причуда
Души моей? Поэзия повсюду
Шатается, шалава, и шалит!

Сыпь, сыпь, снежок... Меня он воскресит,
Жить бы умом, да сердцу не прикажешь...
Что ж, нынче так, зачем унылый вид?
Хвала гульбе и кружке пива даже!

Снег уврачает. Путь необозрим.
Легко не быть в безмолвии равнин...

Колодец

Сергею Ладухину

Да, да... Колодец, где так просто, из детства выпытав слезу,
Вдруг отыскать среди наростов, на дне - красивую звезду...
Свою! Вновь к небу обратиться, и там, среди тучек-недотрог,
Колодец. Звездная столица. А в самой сердцевине... Бог!

Ангел детства

Посвящается Андрею Соболеву

*Детство мое сторбилось рядом со мной
Джеймс Джойс*

Был Дом. Дивный, древний... А стол окружала семья,
Житье деревенское раем тогда мне казалось!
Какой же я был несмышлениш, наивно-сопливый... Но - я!
А жизнь, будто сад, полыхала, о, чудо! Цветущая заросль!

Изысканный праздник, где в сумерках... Да, над столом
Нам лампа сияла, как рыцарь в доспехах помпезных...
Как будто бы Ангел сверкнул своим чудным крылом,
И круг очертил... Мы сидим. Фотография. Бездна...

Как будто бы Ангел, как жизнь-то затем обожгла,
Я выпал из круга, пропиты объятья сирени...
И мгла навалилась, осенняя, грузная мгла
Измен и предательств, а также - почти преступлений!

Потом, через кручу неистово-яростных лет
Случайной волной до меня донесло, докатилось,
Что лампа - трофей, кулаков оприходовал дед,
А их - за Можай! Выходило, что нужно сдаваться на милость

Злодейке-судьбе, мне займы ты досталась, взамен...
Как, впрочем, и жизнь... Я достоин таких перемен.
А что там еще? Я не знаю. А что там еще впереди?
Эй, огненный Ангел, я - твой. В свою бездну веди!

Русское кладбище. Нищая глина. Осень, глухая пора...
Мама встречает любимого сына, а ни кола, ни двора!
Дождик отрывистый, как телеграмма... Где ж они, те времена?
Где же ты, мамочка? Милая мама? Мама!? Ну, мама... Стена.

Поэзия без жертвоприношений -
Обед без соли. И костер без дров!
Коль ты Поэт, то брей, дружище, шею...
Палач заждался, к встрече он готов.

Прощальный взгляд

*Сергею Козлову, Учителю практической жизни,
Язычнику и Поэту Божьей милостью!*

Осень пьяная была... Эх, мотало листья!
Постигал я суть добра, захолустный мистик.
Осень пьяная была, а повадки рысьи...
Сколько натворил я зла, придавило мыслью!

Снега - небесные ростки, им тесно в складках переулка,
Они, торжественно и гулко, парят, как с яблонь лепестки!
Вздохни в наплыве ледяном о тайной сути их полета...
Снега летят, и оттого-то так сладко говорить стихом.

Сталинский сокол

(«Семейные тайны»)

Ты паришь на броне линкора. Белый китель, как будто снег
Восхождения... В дымке горы, те, которые не для всех.
Оттого и согнулись спины так покорно, свой суд верши!
В дымке кручи. И без кручины не достичь роковых вершин.

Гений-курс. Пробудился север. Фото светится, как погон...
Ты очистишь зерно от плевел, богом посланный чертогон!
Так возникло в семье преданье, дед был верен своей судьбе,
Верил свято, что как-то, тайно ночевал ты в его избе.

Был побег. И припрятал прадед беглеца, что весь мир потряс...
Вот - на фото он! При параде. Сталь в разрезе мужицких глаз.
Дед поверил, создал икону. Правда выше каких-то бед...
Потому и ушел из дому в революцию в двадцать лет!

Годы дрогнули. Как там было? Нынче, верно, не разберешь...
Вологодских кровей кобыла потоптала родную рожь,
Чтоб страданий сухие корки грызть, взбираясь на крутояр,
Чтоб потомкам Святой Георгий, одолевши тьму, просиял!

Я у мертвых прошу прощенья, сколько отдано миру!
Тайна деда сродни крещенью. Глаз от снимка не отвожу.

Видно, было нельзя попроще?! Грозен облик имперской мощи.
Ты паришь. Не сказать - нельзя! Утешения жажду я...

Стансы

Судьба - судья. Я голову склоняю,
Чтоб только скрыть привычный, впрочем, страх...
Я стал презреннее любого негодяя,
А думал... Сирано де Бержерак!

Себя растратил, сохраняя душу,
Так мне казалось!? Господи, прости...
За суету, за то, что нынче трушу,
За злую мысль: должно ведь повезти!?

Гордыня - зло. А сколько этой мути
Чудит во мне, вонючей, как хорек!?
Жаль, поздно понял, что в сердечной смуте
Души своей, увы, не уберег.

Черт гордости прельщает адом. Не умер только потому,
Что ангел сострадания рядом, а свет преодолагает тьму.

Январь-то нынче с наворотами! Весна вылезит из прорех.
И мое детство желторотое хрустит сосулькой во дворе.
А я брожу вокруг да около... Не приглашен я в тот театр.
Засыпан солью зимний окорок, победно дворники галдят.

Полет - побег. Я жажду возвращенья.
Как блудный сын, стопгал я башмаки,
Нажил мозоли, выстрадать прощенье
Надеясь у родительской руки!

Душит смутное время. Коросту на ранах сорву,
Пусть терзают меня, может, так и смириться заставят?
Мутный тамбур надежды и гибель в некошленном рву
Мне пророчит в отместку бессонницей взрытая память!

Слишком верил в свободу и мнением своим дорожил...
Что судьбе медяки, то для нищего чудо-приварок.
Потому и споткнулся, наитий смешных старожил,
Что для скряги судьбы одного щебетания мало.

Сколько раз отступал и срывался, палил, наводил переправы
И коней запаленных бросал, что сказать, на скаку!
Раны, рвите меня! Глушат память забвения травы.
Не хочу я забвенья, забвенья подобно греху,

За которым - предел. Слово взыщет, ох, взыщет за порчу,
Оттого и не сплю... В каждом празднике звон похорон!
Я коросты сорву, пусть приплюснет, скукожит и скорчит!
Век зубами скрипеть на конвой вороватых ворон!

Время душу мытарит. Без воздуха. Пьяные хари...
Сам такой же, мечтатель! Когда обрету свой приют?
Эх, была бы душа из нежнейшей по качеству стали,
Пусть глумятся тогда, предают и вдогонку плюют!

Нынче выпил... Пошли забавы, как легко перешел на свист!
Вдруг окликнули из оравы горьких пьяниц: «Привет, артист!»
Что ж, признали... Мое отмщенье, сотворен таким, аз воздам!
Чудодейственное крещенье, чтобы мучиться перестал...

Как тоскливо на белом свете, оттого и не мил мне свет!
Полюбил ледяной я ветер, горный ветер своих побед!
Все стерплю, помолившись Богу, край безрадостный, край родной...
Чтоб потом отыскать дорогу, путь единственный, путь домой!

Лапки сальные бабьих сплетен, мне не вырваться, хоть кричи...
В неприятности, будто в бредень, без особых на то причин!
Все свершилось, само, незримо... Дверь захлопнулась, где ключи?
Я с упрямством своим ослиным загибаюсь в глухой ночи!

Обложили, как небо тучи, уповаю все же на случай,
Ангел выведет из руин... Свет померк, засосет болото,
Если вдруг не поможет кто-то, кто - один, как и я, один!

Снежит. Тихое кладбище. Так красиво, хоть пиши
Бога, что неспешно ищет души, спящие в глуши
Жизни, злой и нелюбимой... О, зажги свой дивный свет
В мерзлой музыке рябины, ей пока названья нет!

Жив огонь! Снегирь. Откуда? Ты откуда к нам, браток?
Будто огненное чудо, воли спиртовой глоток!
Вновь душа запламенела... Подтверждаю жизнью всей,
Жив, покуда жива вера в Бога русских снегирей!

Гомер в шинели пехотинца. А жизнь, как поезд, рвется прочь
С угрюмым видом проходимца, которому милее ночь,
Чем эти огоньки в тумане, родных становищ дым родной...
Пока ты не убит, не ранен, воюй, живи одной войной!
Пускай в халате, на диване, пускай с собой, с самим собой!

Эх, бессилье... Жизнь - усилие, не сойти вовек с креста.
Господи, даруй мне крылья, крылья воинства Христа!
Чтоб, сорвавшись с кровли храма, запахнув тудупчик свой,
Разглядел я панораму бесконечных зимних войн!

И в природе, и в народе, были б крылья... Свет велик.
Что мне лажа о свободе? Я к свободе не привык...
Потому - ценю усилие, не сойду вовек с креста...
Господи, даруй мне крылья... И смирение Христа!

Для тоски нашелся повод, жизнь прошла, а был ли молод?
Мальчиком, конечно, был, но потом про то забыл...

Часы стоят, но время не в обиде. Начну сначала мучаться, как встарь...
Забыть стараясь о плачевном виде, в котором пребывает календарь.
Года идут, что ж, видно, подражанию пришел конец, как долго жил я в долг?!
Торчу перед последнею скрижалью, как у флажков окоченевший волк.

Года учения закончив самовольно, страдания я постигаю суть,
Довольный самой незавидной ролью... А вдруг когда-то, вдруг когда-нибудь
Получится все, что не получалось, а если нет, еще в запасе жалость
К себе и ближним. Может, я не прав, но как, скажите, усмирить свой нрав?

Что жизнь моя? Этап или упрек? Жизнь - это жизнь. И я в ней одинок.
Страшусь не только жизненного краха порой ночной... Страшусь ночного страха!

Действительно, стал что-то понимать... Напрасно разве так меня тревожит
Распахнутого неба благодать, денек апрельский, эх, денек погожий!
Как будто ненароком, жизнь моя сама собой вдруг вырвалась на волю!
И, оробев, стою в весеннем поле в восторге от земного бытия!

Утренник. В морозной дымке вешних дней Иерихон.
Март-охотник на займке, не нуждается ни в ком!

Промышляет спозаранку, холодком притопнув - цыц! -
На вчерашнюю гулянку одураченных синиц.

Им-то что? Сойдутся снова. Мне же надо, чтоб сошлось
На пригреве - мысль и слово, выстуженное насквозь!

Из праха этой жизни брэнной возникла на земле печаль,
Но в сердце - маячок Вселенной, близка заоблачная даль!
Лишь бы уныния не зная, надолго не застрять в тени,
Бывают даже в кущах рая ужасно пасмурные дни...

Художник тоскует о воле, обрыдла житейская грязь,
Изверившись в поисках доли, счастливее той, что сейчас.

Взроптав о красивой дороге, согрейся небесным огнем!?
Забудет, наверно, о Боге, забывшем, наверно, о Нем!

А дальше - по тексту. Без позы, смиряя свой нрав шебутной...
Поэзии Ангел над прозой хохочет! Так было со мной.

Утешительный штамп

Художник разговаривает с Богом. И речь его ему выходит боком...
Она пугает мирных поселян. Работа, дом, жена, детишек куча,
А он, как лезвие, что в рукаве на случай. Вчера велик, а нынче - пьян...
И оттого он им совсем не нужен, как проклятыми брезгует народ...
Вас ужин ждет, а он, валяясь в луже, спокойно изучает небосвод.

Без боязни нельзя. Было страшно и мне поначалу,
Песня дверь открывает в надзвездные - смейтесь! - миры.
Выручает отчаянье. И недоступность причала,
И наивность, естественно, но до поры, до поры...

Автопортрет

*«Вопросом «пить?» несколько раз его возвращали к жизни,
он мычал что-то, шевелил пальцами»
Нина Берберова, «Чайковский»*

Как тлеет плоть. Вино в прохладной Канне
Я пил, как вечность. (Что ж, смущал умы!)
Запомните таким... Хмель музыки в стакане,
А за крылом - глаза неугасимой тьмы.

Витийствую... О, свет небесных сфер! Не замечая, дождь бренчит, играя,
По крыше, здесь, а не в предгорьях рая!? Живая жизнь без примеси плевел

Софистики... Что ж, дождик мелковат? Но есть река, где выются рыболовы,
Как мошара. Есть царственное слово, свет августа, а ночью - звездопад...

Есть целый мир, прекрасный и здоровый, простой, как три копейки, говорят...
Все много проще, стало быть, счастливей? Чтобы очнуться, приложусь к крапиве.

Веселый Иов

*Я стал братом шакалам и другом страусам
Библия, Иов*

Счастье? Обещало много... Вот что съело жизнь мою.
Поумнел. Теперь я Бога о погибели молю!

Эх, тоска в моей пустыне... Темнота. Возьмусь за тьму!
Скорби я свои отныне прячу в нищую суму.

Жизнь собачья рвет на части, сам залезу в конуру...
Понял. Поумнел от счастья и от счастья не умру!

Яма-айка! Шум времени. Прошлое лезет в окно.
Отцы разливают портвейн, отшвырнув доминошные кости.
Как все это странно? Как все это было давно?!
Опять воскресенье. Торопимся, стало быть, в гости.

К кому-то, куда-то... У мамы расстроенный вид.
Отец уж набрался. Ему никуда неохота.

А кто этот мальчик? Зачем он все время ревит?
Эх, грустно быть богом, судьбу предсказал, как по нотам...

В августе

А дождик сыплет снова, стучит в окно.
Начнем, чтобы светилося слово, промытое дождем.

Голод

Моим друзьям-поэтам

Мучительная жизни спешка гнетет. Но обойтись нельзя!
Мне б хлебушка, к нему - пельмешка, а лучше - целого гуся...
Узнал постылую свободу, а до нее - постыдный страх...
Где - хлебушек! Лакаю воду. Иль это слезы? Жизнь - бардак.

Котенок

Весь день валяется в траве, она ему как будто роца,
Которая дана навек, а он и рад, невзрачный, тощий...
Жук деловит. Поймал жука, лежит и лапой теревит,
А с одуванчика - пурга плывет над рощицей, как лебедь.

Брел по улице, думал: мама. Мама, мама, где ты сейчас?
Тьма прохожих, огней, реклама не сводила с голгофы глаз...
Будто сиднем навечно в колбе, из которой - надежды пар...
Сердце Ангела - бездна скорби. Шел по улице и рыдал.

Отгоревал, а будто отгорел, как куст рябины. Горько тянет гарью...
Эх, надо жить. Иначе беспредел. Давно ли жизнь казалась пасторалью?

Бреду. Тоска. Как нынче ветрено! С дерев срывается листва,
А мне домой идти не велено, я не иду туда едва...
Мне этой осенью завещано: дичь стихотворства, ад ходьбы,
На сердце обветшалом - трещина, предчувствие иной судьбы.

Крылья гибнут от земных забот. Что с того? Дожил до урожая...
Век дрожать у замкнутых ворот, будто пес. Как это унижает.
Нивы голы, кружит стылый снег, кружат птицы черные, как тучи.
Крылья гибнут. Это не для всех, это лишь для самых невезучих.

Рассеялся сраженья дым. Как странно все же. Невредим!
Я выжил, что ж, уже немало!? Бегу стремглав от идеала...
Тому, кто уцелел с трудом, грех одиночества знаком.

Выпасть бы из общего теченья дней и дел, мне лучше одному.
Не могу... К чему нравоученья, все равно вот-вот пойду ко дну.

Женщина смотрит в лицо охотника, зверя, добывшего зверя...
В баре гнию, и почти со вторника, будто крылья, порхают двери.

В дежурке
(Пост на нефтебазе)

Колодец компьютера - осень в нем, задник двора,
Где возле цистерн слесаря шурудят обалдело...
Но - настужь окно, за которым - пора, брат, пора!
Душа сомневается в нужности брэнного тела.

За рамки. За скобки. Иначе-то жить не резон!
В закатное солнце влекут мое сердце возницы
Небес - журавли... Я с мертвецким разделаюсь сном.
Чудесная осень в России, чудесит в России Стравинский.

Осенний вальс

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»
Есенин

Смешно мне - Восток или Запад!? Средь музыки ясного дня
Бездомья божественный запах совсем не тревожит меня.
Я к осени этой прикован. Причудливы узы родства,
Горю над единственным Словом, горит надо мною листва!

Она отшумела, но шелест в крови продолжает свой бред...
В провалы, просветы и щели небес пробивается свет.
Жалею, что эту шарманку завел, а мечтал о кресте?
Мне птичья важней перебранка в уже отшумевшей листве.
Вот так и живу. Наизнанку. Прекрасный изъян в естестве.

Моей маме

Книга - прекрасная могила человеческого сердца
Исаак Бабель
Я - поэт. Я пишу эту книгу
Наугольный

Всегда со мной книги. Всегда, так мама хотела когда-то...
Я ей улыбнусь виновато, какая вокруг темнота!
Есть книги. Тебя только нет. Однажды, в такую же осень
Обмолвилась как-то: поэт. И все. Разрешенья не спросим.
И верно. Поэт как поэт. И дело тут даже не в спросе...

А в том, что не взглянешь светло на тьму моих стихотворений.
Протру старой фотки стекло, заплачу, осев на колени.
Мне горестно здесь без тебя. Пускай ничего я не значу,
Ты мне говорила: судьба твоя - это книги. А значит...
О, Ангел мой бедный, труба влечет, предвкушая удачу!

И вновь затрепещут крыла в пучине воздушного тока!
Есть книги. Ты мне их дала для жизни - до смертного вздоха!

Для грусти повод - право пустяков.
Глянь в преискурант!? Там только - смех сквозь слезы.
Судьбу люблю. Потрафить ей готов,
Плетясь за шлейфом, пусть она - стервоза.

Так ранее - Катулл. А кто еще?
 Судьбе печаль, однако, не дается.
 Мир в иное, но над полями солнце
 Бурьян укрыло пламенным плащом...

Александр Прорехину

Зябко в России. Особенно ежели вечер.
 Тьма в ноябре. Не видать на полшага ни зги!
 Будто в степи, рвет на части порывистый ветер,
 Ветер тоски, самой русской, поганой тоски...

Не поддаваться!? Но гибель страшит и тревожит.
 И не заснуть. И не высунуть носа вовне...
 Жить бы попроще и быть веселей да моложе,
 Вольным на воле, чтоб с ветром гулять по стране!

Белая копоть, ах, белая копоть, вот и настигла меня в ноябре...
 Некого стало ни лапаты, ни лопаты... Зимние звезды пылают во мгле.

Не улягутся, видно, волны злого шторма в душе моей.
 Воздух нужен. Наверно, горный, только что говорить теперь...
 Это музыка виновата. Разбудила. И вот - не сплю.
 Поезд «Крейцеровой сонаты» переехал судьбу мою.

Все рушится в давящие лет. Душа жива и не проходит,
 Живет, все зная о свободе, как в слободе. Живей, поэт,
 Взойди под благостные своды ее небесной высоты...
 Что ропщешь ты? Еще свободы? Достоин ли свободы ты?

Вокруг да около все бродишь, хваля и проклиная жизнь...
 Молчи, молясь! И о свободе надзвездная расскажет высь!
 Мне б память сохранить в народе об этой жизни... Слышишь, жизнь!

Смешная жизнь. Живой наполовину упрямо околесицу нес
 О том, что видел в сумрачном лесу, покуда вдруг не вышел на равнину.
 Где прямо в небо вписаны холмы, а ветерок милуется с холмами...
 Что эта жизнь? Что происходит с нами? И отчего в ней так несчастны мы?

Молитва

Божья Матерь, слезы лью, сжался, помоги...
 Из объятий выведи ледяной пурги.
 Жизнь дала вдруг трещину, жизнь не задалась,
 Может, так завещано... Затянуло в грязь!

Божья Матерь, мыкаться долго ли в беде?
 Сохранить бы верность мне лишь моей звезде!
 Выстудило душу мне, душу б уберечь...
 Сохранить бы душу мне и родную речь!

Сергей КОЗЛОВ**Окна**

Огромный дом, где каждое окно
В огромном мире светится наивно.
Что сказано в них? Что отражено?
Они - как фосфор канувших безвинно.

Огромный дом расцвечен краской снов -
Жестоких, добрых, нищих и богатых.
И ночь полна светящихся подков,
Печальной пустотой объятых.

Огромный дом раскрашенных миров
С больною страстью старческой надежды.
Святых и грешных, плутовских пиров,
Где истины насильственно раздеты.

Огромный дом, где призрак нищеты
Скупает за гроши измученные души,
Где разговоры жертвенно просты,
Где сумеречный вздох слезами душит.

В огромном мире тонет теплый свет,
Бессонный грим наивных окон,
И прячет ночь несуществующий ответ
О смысле жизни в полуночный кокон.

Закат

День уставший купается в оранжевом море заката,
Расплескав по земле хрустальные капли росы.
Волнуя, с небес вечерняя льется соната,
Рассыпая по лицам румянец волшебной красы.

И выются слова: «Я любим!» «Я любима!» Страстный голос тревожит
Страдальческие сердца.
Только белых коней кто-то в поле стреножит
И плетеный венок из цветов разорвет у крыльца.

Упало солнце в горизонт рубиновой звездой,
И бирюзовый лес ослеп оранжевой игрой.
Легла усталость на луга распутницей седой,
И воздух нежность разливал ревнивою порой.

Полз очарованный собой приземистый туман
И щедро рассыпал росу по высям и низам.
Пел оживленно соловей, испив росы дурман,
Воспетым символом любви невидимый глазам.

Все насыщалось краской снов, светящихся с небес.
И филином смеялся страх, гоня слепых коней.
Зари прощальный фейерверк упал в невольный лес,
Где поднимала ночь с колен дневную рать теней.

Гарь

Утро сбросило невинности шаль с сладостного отрочества.
Безумством золотилась даль - безумством одиночества.

И жизнь похмельной чепухой перед глазами замаячила,
Всегда к раскаянью глухой - думой сердце озадачила.

В мерном тиканье часов, словно предупреждение,
Обозначилось годов серебристое смирение.

И замурованный в покой ощутил свободы тление
И горечь старости с клюкой, вечности унижение.

Утро сбросило невинности шаль с сладостного отрочества.
Задышала гарью даль - гарью одиночества.

Мечтой одиноких глаз чернооких искал любовь.
В синих озерах, не знавших позора, студил кровь.

Безумной надеждой крикливым невеждой жил в мире снов,
Где плакало чудо над брошенной грудой из дел и слов.

Березка

Успокой, березка, успокой! Тихим шелестом меня полони.
С ветром-блудником за упокой лист зеленый не оброни.
Спрячу душу в твоей листве, будь ей матушкой и сохрани.
На казнь ворчливой молве свое тело отдаю, не брани.

Видишь: белой бумаги лист черной мысли избит строкой,
Белый вечер холодно мглист, в черном трауре светлый покой.
Мое тело не будет страдать, обвитое в нервную дрожь.
Если днем ни зги не видать, злою плетью коня не тревожь.

Я вознес свое тело на казнь. Не шуми листвою, не шуми.
Тело битое укроет ткань в липких пятнах людской чумы.
Успокой, березка, успокой. Тихим шелестом меня полони
И листвою душевный покой укрой и сохрани.

Листья-осколки битого леса осенью
Зиму пророчат яркой игрою цветов.
Высь полосую будто бы старческой проседью,
Тлеют костры шлейфами едких дымов.

Даль утонула в ранних задиристых сумерках.
Первый морозец пощечиной лег на щеке.
Летняя сказка с зимней в серебряных кружевах
Переплелись хрупкой вязью на хрупком стекле.

Клен

Последний гром прощальной канонадой
Сыграл аккорд дождливого сонета,
И шелестящим бабьим листопадом
В осень улетел осколок лета.

Слезой осенней думы омывая
Под спущенною кромкой небосклона,
Летит сонет, печально осыпая,
Как ноты, листья плачущего клена.

И льется память хрипотком шпанящим,
Щеголяя юбками-кешаши.
И мир струится воздухом пьянящим,
Влюбленных озорными голосами.

Песнь о покое шелестел проходим,
Гордась резной раскидистою кроной,
Но временем избитый, днем погожим
Уже не слышит шалости любовной.

Звучит аккорд дождливого сонета
В его ветвях, иссохшихся и ломких.
Покой тебе, покой и вечность лета,
Хранитель тайн моих, желаний робких.

Пленник

Из суетливых городов сбежать, исчезнуть
И в яркой радуге садов в букетах радостных воскреснуть.
В лесах дремучих заблудиться, сорвать цветок вороний глаз.
И тайной мудрой насладиться не высказанных лесом фраз.

Игрушкой быть в руках испуга и, содрогаясь, подсмотреть,
Как плоть обманчиво упруга, когда подходит срок стареть.
А продираясь сквозь валежник и сквозь упрямый бурелом,
Осознать, - изменный пленник, - что силу даст один лишь дом.

Но выбираясь из разлома природы, полусонной волей
Таинственной из преисподней стегать сознание розгой грома.
И отдыхая на поляне в кругу душистой земляники,
Я любопытство робкой лани не отпугну желаньем диким.

Но вот усталость вяжет смело бессилья путами, сон щедро
Мое бесчувственное тело вдруг награждает кроной кедра.
Расту веками - равный небу, но под звездою - обреченный.
Однажды срубит на потребу людской мечте топор покорный .

Очнусь от мрачного виденья и вновь увижу лани робость.
Сон возбудит порок сомненья и человеческую гордость.
Я потеряю нить решений проблем в стране лесных сказаний
И вновь вернусь в мир наслаждений и непослушных предсказаний.

Весна

Весна. Слепое юности свиданье, красы девичьей обузданье,
Зимы беснующий уход и смерти властвующий ход.

Весна. Ввысь рвущиеся звуки, к земле стремящиеся руки,
Трав покоряющая сила, в цветах забытая могила.

Весна. Час долгожданный пробужденья, мир медоносного цветенья,
Снега и льда покорность и света хлынувшая вольность.

Весна. Прилетом полнятся просторы, и солнце топит льда заторы,
И открываются запоры на краской дышащих дверях.

На морозных обложках зимы весна расписалась ручьями,
И кляксами взбухли холмы, и в реки стекли польньями.

Какой-то кудесник-хитрец расплескал по дорогам чернила,
Где, робко ступая, мудрец чавкал студнем снежного ила.

Солнечный зайчик с небес прыгал и бегал по лужам
С ватагою шумных повес, где горестно быть неуклюжим.

Отогретье добрым теплом, смеялись апрельские шутки.
На крыльце, как за дружным столом, зашептались хмельные минутки.

Цвет мать-и-мачехи, летним отваром напоив ивы и тополя,
Отогрел мир оранжевым жаром. Разомлев, пробуждалась земля.

Сумерки

Ночь приближается, и тени все наглее.
Шум дня стихает. Маленький сверчок
Стрекочет песнь свою на голубой аллее,
Где голубые тени щупают песок.

Ночь приближается, и хитрая усталость,
Днем вкрадчиво вливаясь в твою плоть,
Становится хозяйкой. Лишь осталось
Ей подчиниться, здерживая злость.

Ночь приближается, стремительно движенье,
И вот уж небо ворожит уставший взгляд
Стихий звезд, разливших поклоненье
Горящим звездам, падающим в ад.

Утомленные ночью

Опоила ночь звездными чарами устремленные к тайнам умы.
Пугали несчетными карами законные ветра шумы.
Утомленные ночью - крикнули. Зорька утренняя отозвалась.
Голоса ропотно хмыкнули, больная душа поддалась.

«Купи, мужик, надежду робкую за стакан сердобольных вин!»
Весна пришла морозной тропкою мелколесьем поросших равнин.

Сугробы испуганно горбились, ручьями весне клялись.
А мы колдунам сподобились и в экстазе хмельном тряслись.

Тень

Жарко плакала ночь, заливая стыдливые окна.
Свет из дома прощался с каждой каплей дождя.
Легшая тень на дорогу бесчувственно мокла,
В бессмысленной верности вызывающе не уходя.

Я смотрел изумленно на ее сумасшедшее действие,
Целомудренным чувством ненавидя, жалея, любя,
Но умом признавал свое роковое злодейство
Над верностью тени: я умру - и она, не скорбя.

Мысли чаще в глухих лабиринтах строгой памяти ищут совет,
Но находят на мраморных плитах грубо выбитый в гранях ответ.

Скрылась в прошлом бодливая шалость и дразнилок колючая масть.
Нас морщинит беззубая вялость. Ждет к ответу незримая власть.

Мудрость времени списана детством с фолиантов щадящей мольбы.
Ночью лунной спасаемся бегством от навязчивой тени судьбы.

Убежать от себя невозможно. И решением третейских судей
Наше сердце не будет довольно даже в выборе вольных путей.

И однажды вернувшись к страницам поседевших годов от невзгод,
Мы грустим! Как и раненым птицам, нам не взмыть в молодой небосвод.

Взглядом скольльзящим на лица прохожих читаю презренья
К таким, как они, но удачей сильней.
Лишь глаза отражают во времени грубом смиренья
Перед пространством, горящим безумием дней.

Возвращаясь в квартиры, где мягким обит гобеленом
С рисунком мечты забывший ремонт метр стены,
Они прячут себя, возрожденные красочным пленом,
В розовый мир, не утративший радость весны.

Человек

Упрятан космосом секрет внезапных перевоплощений,
А разум ищет в них ответ последовательных откровений.
И смотрит в черное окно телескопическое око,
Где человеку не дано открыть рождение истока.

И грешных мыслей переплет играет роковым тисненем,
Где текст мечтательно плетет интригу вековым сомненьем.
Так, не узнав небесных тайн, он тайну создает земную.
Бессонной ночью обуян, я жизнь к бессмертию ревную.

Нельзя понять таинственные звезды.
 Страшит и ворожит мерцающий их блеск.
 Нельзя признаться, что мостки надежны,
 Когда под ними ржет могучий плеск.

За ворожкой маячит тень обмана,
 Сухой рисунок деревянных слов.
 В шершавых лапах жизни истукана
 Голубоглазая ломается любовь.

Нельзя прозрачным воздухом напиться.
 Расплавленный желаньем млеет ум.
 Но велико стремление исцелиться,
 В глазах прочтя волнение дум.

От скошенной травы хмелеет воздух.
 Под взглядом голубым теплее сердцу.
 В сад золотой приоткрываю дверцу
 И окунаюсь в миражей пастельный отдых.

Розы и морозы

В моем мире ранние морозы.
 В вашем мире ранние дожди.
 Мои морозы погубили розы,
 Что не успели в ливень расцвести.

Невозможно

О прощении поздно просить, но прошу об одном - позови!
 Когда невозможно простить томительной лжи любви.

Когда невозможно отнять у сердца хрустальную боль,
 Бессонною ночью объять смысл фразы терновой: «Уволь!»

Когда лоск обкусанных губ вдруг меркнуть внезапно решит,
 Где день в торопливости груб и взглядом весенним грешит.

Где радость степенной вдовой в сердечном безумьи ревнива
 И старость с седою главой над жизнью ленивой строптива.

Пусть будет - время судья - счастливо жизнь проживешь!
 Позови! Терпелив буду я к тому, что уже не вернешь.

Пусть боль, что тебе я принес, другой не позволит дарить,
 Но как бы хотелось у слез твоих жар прощенья испить.

О прощении поздно просить, но прошу об одном - позови!
 Когда от унылого - «Мстить!» - вернешься доверьем к любви.

Гони меня! Гони же прочь! Я - лишь случайное знакомство!
 И набожной печали в ночь несущее лукавое притворство.

Мечтой возвышенной в пути я упиваюсь пьяной славой.
О женщина, меня прости, если увлек мужской забавой.

И эту ложь перед тобой - увы! - уже ничем не скрою.
И дверь к прощению открою, как предпоследнюю мольбой.

Пусть фотографии сожгут мои, кто их хранит у сердца.
Пусть мне друзья опять солгут разящим словом иноверца.

Гони меня, гони же прочь! Я? Лишь случайное знакомство.
И набожной печали в ночь несую лукавое притворство.

Танцуют голуби на крыше за кругом круг,
В такт танцу яростно воркуя, забыв испуг.
Недалеко, в чердачной нише, кот сжат в прыжок,
Когтистой радостью ликуя: «Воркуй, дружок!»

Мороз пощипывает щеки, кусает нос,
А я иду в тулупе стареньком.
Простор гудит, и смотрит с неба звездный пес
На то, как я пинаю кость валенком.

Самовар

Медной упитанностью самовар форсит.
Кипяченой сытостью на столе ворчит.
Душу одинокую жаром приютит.
Чашку белогородную чаем обольстит.
Сяду, очарованный полнотой добра,
Наслажусь, взволнованный, щедростью тепла.

Больная истина

Мираж. Жирной слюной на стекле, болью голодной в желудке пустом.
Денежным студнем на нищем столе. Стаей ворон в битве потешной с котом.
Сытые волки, пасущие стадо овец. Глупые овцы, жующие мирно траву.
Спит под забором чей-то суровый отец, вверивши хмелю, оратору счастья, главу.
Мудрые мысли гложут крысы в шкафу. Бомбы рекламы тощий дырявят карман.
Где-то мечтают денег скопить на софу. Где-то хоронят, гроб превращая в обман.
Счастье стекает бешенства пеной со рта. Ночь-проститутка спящего грабит «вола».
Добрые дяди в плоскости белой листа тайной вечерей щиплют седого орла.
Рваные мысли множатся множеством слов. Рваные взгляды прячутся в рваный испуг.
Вянет надежда розой в плену сорняков. Взгляд сатаны чертит безволия круг.

Заплутал в очередях дух отечества. На газетных простынях в страхе мечется.
Сны кошмарные гнетут тело древнее, черным сполохом секут за глумление.
От насаженных царьков тело чешется. У засаленных древков время тешится.
Черна наволочь умов расползлась. Стоном рухнувших углов вознеслась.

Нам не понять чужих теней, свои осточертели,
И хрупкость дрогнувших дверей духовной цитадели.

В железной верности замку вдруг стали осторожны,
И обнаженный меч не вдруг зайдет порою в ножны.

Мы растерялись от долгов в разливах суеверий.
Боимся цифр, грозящих нам чредою потрясений.

И ждем тревожного звонка, глядя в дверные щели,
А мыслями на небесах грешим в святой купели.

И молимся в своем грехе распятому пророку.
Мы все - зачатые в любви - покорны только року.

Поэта силуэт

Вырванный шорох эхом шуршащим, белым испугом мажет лицо.
Голос множится звуком шипящим, рисуя магическое кольцо.

Нервной паузой горбится время в злом аромате чужих сигарет.
Из-за кулис жадно целится в темя взглядом мужчина замученных лет.

Годы, утратив свое обаянье, в гранях морщин отразили бессилье.
В строчках наивных искал покаянье, не отрицая при этом насилье.

Поэт, одиноко стоящий на сцене, зябко смотрящий в чешуйчатый зал,
Стихи дочитал о порочной измене и грустный ушел в закулисный завал.

И проходя мимо старца слепого, вдруг осознал весь земной непокой,
Где корчились губы в крике немого, счастье стыдилось любви вековой.

Алексею Швецову

Намела зима, намела на дороги снег игольчатый.
Увела меня, увела путь-дорога в путь раскольничий,
Где на голубые снега лег печалью крест узорчатый,
Где Мороз и баба Пурга бродят, словно злой окольниковый.

Позовет меня, позовет приглушенный звук затворника,
Гранью изумрудных лесов указуя мир угодливый,
Где двенадцать верных друзей спорят у костра-раздорника.
И бреду я, как ротозей, по сугробам, непокорливый.

Алик ГОРЕЛИ

Страда прошла, поля остыли,
И по стеклу стучит слезой
В порывах ветра дождь унылый,
И тянет сыростью гнилой.

Изба протоплена, крестьяне
Сидят в беседе круговой.
Ночь напролет пропев, миряне
Уснут за чаркою хмельной.

В краю полей, озер, берез и сосен,
Когда прохладой золотится день,
Открою я со скрипом двери в осень,
И о порог моя споткнется тень.

Боготворю я это время года,
В осколках лета отогретую печаль,
Дождливую бездонность небосвода
И листопада кружевную шаль.

По развалинам дворянского имения
Люблю бродить бесцельно, полный дум.
Люблю я виды на окраине селенья
И вековых деревьев шум.
Люблю зарю, что пламенем полощет
Над дальними холмами небеса,
И ею окровавленные рощи,
И сумраком размытые леса,
И старый дом, исполненный преданий,
Люблю я рек мерцающую гладь,
И вечер у костра воспоминаний,
И все прощающую эту благодать.

Разорванный подол осенней ночи
Небесные пределы обнажил,
Из-под зонта смотрю я прямо в очи
Безмолвию таинственных светил.

И чахнет сквер, объятый увяданием,
В размытом свете сонных фонарей.
Встревожены порывистым дыханием
Ветвистые сплетения теней.

Дождливый город. Никому не нужный,
В ночь по пустынным улицам бродя,
Я этот мир, раздробленный на лужи,
Топчу, как неразумное дитя.

И время тающее - бред.
Мгновений прожитых небрежность.
Из прошлой жизни силуэт -
Как сон чарующий и нежность.

Весь день бродил по берегам
Знакомых с детства мне излучин,
Где я стихи бросал к ногам,
Чьей красотой был измучен.

Где одиночества покой
Предчувствий полон был печальных,
Где сердца предвкушений тайных
Развеян пепел над рекой.

Прогнав навеянное прочь,
В круговоротах потрясений
Я приезжаю в город в ночь,
Как гость незванный в дождь осенний...

Выйду из дому я рано,
Тишина и благодать кругом.
Разорванное полотно тумана.
Предутренним земля объята сном.

Месяц тает в небе одиноко,
Тянет легкой свежестью с полей,
Сад застыл в молчании глубоком,
И о чем-то о своем забытый богом
Травам шепчет тоненький ручей.

Неизбежность, дальняя дорога.
Вспомню про наказ и обернусь...
Заскулил пес старый у порога.
Знать, наверно, больше не вернусь...

Прекрасное видение, явись!
Последнее ко мне благоволенья
Ты прояви, очей моих коснись,
Украшь мои предсмертные мгновенья.

Былого в сердце стерся след,
Умерщвлены в нем чайня бывые,
И сожаленья трепетного нет
В мои минуты роковые.

Сей мир без ропота покину я в ночи,
Прошедшее не стоит умиления.
Когда усну, задуй огонь свечи,
Мое перо сломай без сожаленья!

Стихия

Опять стою перед тобою.
Как мил мне твой суровый вид,
Веками точишь ты волною
Прибрежных скал немой гранит.

В твоей пучине взор мой тонет,
Безумство волн рождает страх.
В твоих объятиях небо стонет,
Рыдают ветры в парусах.

Крылатый парус мой надежды
Изорван тут в чужой дали,
Мои мечты разбились прежде,
Чем я построил плот любви.

Ищу покой в твоей стихии -
Мятежный раб с иной судьбой,
И гребни волн твоих седые
Сомкнутся над моей главой.

Я обрету в твоей пучине
Спокойство векового сна.
Что не нашел я на чужбине,
Найдет на дне морском душа.

Я буду жить в порывах ветра,
Грустить с закатом над волной.
С прикосновением рассвета
Воспрянет дух мятежный мой!

В часы пленительного счастья,
Измученный все эти годы,
Я разобью скалу несчастий,
Приобрета покой свободы!

Дмитрий ТРАНКВИЛИЦКИЙ**Заявление начальнику ГИБДД Московской области**

Как-то трактором известным прорывался я в Тверь,
Вез родне колбасу с апельсинами.
Э, было это давно, год не вспомню теперь,
Помню, Тверь называлась Калинином.

Новый год на носу - суета, ералаш.
«Пробки», «чайники», трасса, как сало...
Солнце резало глаз, из «шарманки» - «Атас!»
В общем, как-то веселого мало.

41-й «Москвич» мой - тяжелый вопрос.
Печки не было - иней в салоне.
Вместо газа - подсос, и протектор колес
Дотирался, скользя при обгоне.

Помню, ехал я резко, слегка с бодуна.
Пепси-колой боролся с изжогою.
Прогоревший глушак и родная страна
Пели мне, душу звуками трогая.

Очень много постов по дороге туда,
Между ними засады гаишные.
Партизанское счастье их: завсегда
Забирать у нас деньги нелишние.

В Спас-Заулке (последний московский причал)
Из сугроба в прыжке гимнастическом
(Будто палку его кто-то с силою рвал)
Гайер выпрыгнул шпилем готическим.

Словно брейкер, трактующий танец лихой,
Он ногами сучил в жажде трения.
Оттого, что слетела калоша его,
Стал он красным и злым от волнения.

Я его подождал. Подравнялись войска.
Он из облака пара представился,
Дерматиновой крагой махнув у виска
(Жест его мне тогда не понравился).

Я уже говорил про тяжелый вопрос.
41-й мой - банка убитая.
Он его обошел, как бывалый матрос,
Альбатросом качаясь упитанным.

Я тусуюсь за ним. Дескать, «рад и готов».
«Все могу пояснить, если хотите...»
Старшина-генерал был предельно суров
И плечом выражал многоточие.

Начал он, как и все, издалёка весьма:
«Техосмотр? Аптечка?» - и прочее.

То, что я тороплюсь, Новый год, мол, зима -
Ни на йоту его не морочило.

Находясь начеку, он в багажник проник -
До печенок знакомая песня.
Но, взглянув на добро, онемел и поник,
Как несчастный тапир с Красной Пресни.

В ту далекую пору любой абрикос,
Что уж там говорить про зефиры,
Смертным был недоступен, как ракам утес,
Даже хуже - вершины Памира.

Я просил отпустить. Я его умолял.
Но вина мне была обоснована.
Как итог: штраф-стоянка, права - изымал...
В общем, жизнь, не начавшись, поломана.

Словно Родя Раскольников стал постовой,
Топором устрашало решение.
А отсутствие денег - аспект типовой,
Оттягавший мое преступление.

Понял я, наконец, мне не выйти сухим,
И ему предложил сокровенное,
Чтоб потом весь остаток земного пути
Ночью мне это снилось, наверное.

На товарный зачет согласилась ГАИ.
Повозившись с авоськами счастья,
Отпустил меня дядька, припасы мои
Разделив на две равные части.

В Тверь на праздник, конечно же, я опоздал.
Разгружали машину меж тостами.
А когда все достали, вдруг кто-то сказал:
«Ой, смотрите! В багажнике! Господи!»

Я сначала не понял - устал, видно, я.
Что-то белое. С рыжими пятнами...
Это крага! А в краге, мамуля моя!
Масса денег! Комочками мятыми.

Каюсь, я не вернулся, присвоив лавэ.
Я потом их спустил на Гаити...
А гаишная крага теперь в BMW.
Никому не отдам! Не просите!

Словарь терминов

- «Тракт известный» - трасса E-95
 «Чайник» - представитель самой распространенной категории водителей
 «Шарманка» - радиоприемник «Былина» (единственная дополнительная опция
 автомобиля «Москвич 2141»)
 «Атас!» - песня группы «Любэ»
 «41-й «Москвич» - агрегат отечественного производства. Раритет
 «Пепси-кола» - Coca Cola с другой этикеткой
 «Гайер» - сотрудник Госавтоинспекции
 «Брейкер» - уличный танцор. Особенно хороши латино и негры (заимст.)
 «Крага» - большая плотная перчатка

«Тапир» - см. Советский энциклопедический словарь 1988г., стр.1309 (не путать с тапером (см. там же))

«Красная Пресня» - район Москвы, ставший в 1905 году ареной кровопролитной борьбы угнетенных слоев пролетариата с войсками царского режима. В настоящее время - местоположение городского зоопарка

«Авоська» - сетка с ручками для транспортировки мелкой розницы (устар.)

«Лавэ» - деньги (цыган.)

«BMW» - марка автомобиля иностранного производства

Весна

Зима с весной еще торгуются, но все известно наперед.
И дворник на соседней улице с довольным видом колет лед,
Еще свежи воспоминания о холодах, но дело в том,
Что можно назначать свидания на перекрестке под зонтом.

Бегут ручьи, и брызги веером из-под автобусных колес,
И воробьи как оголтелые, и у метро полно мимоз.
А солнце в лужах отражается, и если встанешь у окна -
Глаза прикрой, и закачается у ног зеленая волна.

На корабле вдвоем на мостике, весь мир у ног, как в двадцать лет,
На голове прическа с хвостиком, и крики чаек, как ответ.
И, растворяясь в расстояниях, в потоках ветреной мечты,
Все утопает в состояниях весенней этой маеты.

Февраль и март еще торгуются, но близок час, отмерен срок.
Из кактуса на подоконнике полез на свет чудной росток...
И радуется неизменное, что год от года, просто так,
Я незнакомым взглядам девушек все улыбаюсь, как дурак.

Виктору

Ты так звал перемены, вот кто-то шагнул на порог.
Проклинающий небо рискует остаться ни с чем.
Только слякоть дорог впереди, только слякоть дорог...
Путь в холодную даль от обжитых и брошенных стен.

Рвется в пропасть табун, слепо веря в звезду над собой.
Проклинающий память рискует не вспомнить строки.
И выносит на берег тела молчаливой рекой.
Нам не вспомнить никак этой старой, забытой реки.

Нам не вспомнить никак этих тем и не высказать тем,
Кто ведет к горизонту, уверенный в том, что дойдет...
Только жизнь не всегда состоит из одних теорем.
Ни к чему доказательства, если известен исход.

В звезды брошенный камень вернется в холодную пыль,
Траекторией счастья блеснув - ни ответ, ни совет...
Все на круги своя в этой жизни... Пески да ковыль.
Только чуточку жаль уходящего в серый рассвет.

Вор

Я привык, что кругом воруют, часто в жизни встречаясь с этим.
И не то что просто балуют - этим самым живут на свете.
Но не знаю, что происходит. Дети как-то быстро взрослеют:
Только ползали по полу вроде - а уж курят и матеруют.

Лишь недавно просек я фишку: кто-то нагло время ворует.
У меня его было лишку, а сейчас - ветер в дырах дует.
И никак не поймать мне вора: не упомяну прошедший день я.
Все кончается слишком скоро, пропадает на раз время.

Как на видео, при перемотке, даты щелкают все быстрее.
Вроде только что выпил водки - глядь, а небо уже светлеет.
Вроде только что жил в воскресенье - а уже на дворе суббота...
За спиной моей, с детства, тенью... Знаю: это ее работа.

В тишине молчаливых камней

Делаю шаг - впереди пустота... Дышит молчаньем и ждет.
Но я знаю, что если за ней высота, то за мною никто не придет.

А цепочка следов натянулась струной, застывает ее пелена.
Только чувствую: там, у меня за спиной, меня хочет забрать тишина.

Между этим Молчаньем и той Тишиной - я. На ощупь. По краю. По льду.
Все иду и не знаю дороги другой. Но зачем? И туда ли иду?

Упаду, пропаду - век мгновения пуст. Растворюсь в миллионах теней,
Как теряется слово, слетевшее с уст в тишину молчаливых камней.

Время и память

Время не любит долгую память; история тоже имеет тени,
Которые след не всегда оставят в сознании веков и людских поколений.

Теряются годы, как ветер в пустыне, стирая границы у четких понятий,
Размытые временем точат святыни, грядущему часу готова распрятье.

И высохнут слезы, которых не лили, растянутся шрамы в столетях в улыбку,
И тот, кто сегодня лежит в могиле, уже не узнает чужую ошибку.

Запутаться просто в слепой круговерти, труднее себя удержать от падения.
Рождаясь, становишься пленником смерти на скользких дорогах усталого времени.

Текст в переработке